

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

ТОМ 24 • № 1 • 2018 ГОД

Подписной индекс 78535
ISSN 2542-0445

Subscription Index 78535
ISSN 2542-0445

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

**VESTNIK
OF SAMARA
UNIVERSITY**

HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

- *История*
- *Педагогика*
- *Литературоведение*
- *Языкознание*
- *Рецензии*

- *History*
- *Pedagogics*
- *Studies of Literature*
- *Linguistics*
- *Reviews*

Том 24 • № 1 • 2018 ГОД

VOL. 24 • № 1 • 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год

MAGAZINE FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Samara National Research University» (Samara University)

eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with new title

Journal is published since 1995. It is published 4 times a year

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3345406, 3379954
E-mail: dubmane@mail.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77–67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название –

Вестник Самарского государственного университета,
ISSN 1810-5378

Цена свободная

Подписано в печать 30.04.2018.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 20.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Отпечатано в типографии Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Авторские статьи не обязательно отражают
мнение издателя.

© Самарский университет, 2018

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street,
Samara, 443011, Russian Federation.
Tel.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Literary editing, proofreading

Т.А. Мурзинова

Computer makeup, dummy

Л.Н. Законова

Information in English

М.С. Стрельников

The Certificate on registration of means of mass-media
PI № FS 77–67842 from 28.11.2016 is given by the Federal
Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media.

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title –

Vestnik of Samara State University,
ISSN 1810-5378

Free price

Passed for printing 30.04.2018.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 20.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Centre of Periodical Publications of Samara University
312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.

Printed on the printing house of Samara University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Author's articles do not necessarily reflect
the views of the publisher.

© Samara University, 2018

Редакционная коллегия

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Алматы, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической теории (Москва, Институт российской истории РАН, Российская Федерация)

Брюс У. Меннинг, доктор истории, профессор (Лоренс, Университет Канзаса, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация)

Андрей Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Теннеси, Университет Мемфиса, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самара, Самарский социально-гуманитарный университет, Российская Федерация)

М.Д. Горячев, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Анна Мантарова, д-р социол. наук (София, Институт изучения обществ и знания, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Игорь Ключанов, PhD, профессор коммуникации (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Бенджамин Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Талса, Колледж искусств и науки Генри Кенделла, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Андреас Эббингхаус, д-р филол. наук, профессор (Вюрцбург, Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Германия)

Галина Синекопова, PhD, профессор (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации (Тула, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Тупикова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоград, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация)

Editorial board

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Almaty, Eurasian National University, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Bruce W. Menning, PhD in History, professor (Lawrence, University of Kansas, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Ekaterinburg, Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Andrei Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (Tennessee, University of Memphis, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation)

M.D. Goryachev, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Anna Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Sofia, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, Samara, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

Igor Klyukanov, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

Bendzhamin Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Tulsa, Henry Kendall College of Arts and Sciences, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Andreas Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, professor (Würzburg, Julius-Maximilians University of Würzburg, Germany)

Galina Sinekopova, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor, professor of the Department of Translation and Intercultural Communication (Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd, Volgograd State University, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Танкостроение и «вредители»: попытки создать в СССР серийное танковое производство в конце 1920-х гг.	7
Смирнов Ю.Н. Чуваша в процессах заселения и аграрного освоения Самарского Заволжья с конца XVII столетия до начала 1760-х гг.	12
Пурыгин А.Е. «Проповедь Толстого»: образ Л.Н. Толстого в художественной среде современников (к проблеме исторической памяти)	18
Барина Е.П. Губернаторы и дворянство в начале XX века: сотрудничество и конфликты	23
Кабытова Н.Н. Пути преодоления общенационального кризиса 1917 года в Поволжье	32
Кондрашин В.В. О достижениях и проблемах современной отечественной историографии крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны	39
Дюков А.Р. «Дело Повилайтиса» и кризис советско-литовских отношений в мае-июне 1940 г.	46

ПЕДАГОГИКА

Белов Д.О. Профессиографический анализ деятельности специалистов хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте	54
Козырева М.П. Аутентичные УМК для формирования коммуникативной компетенции студентов-филологов	59
Печерская Э.П., Тарасова Т.М. Профессиональные стандарты и вопросы построения успешной карьеры: точки сопряжения	64
Беришвили О.Н. Модель адаптивной системы профессиональной подготовки агроинженеров	70
Иванушкина Н.В. Учебно-познавательная деятельность студентов вуза в интернет-среде	75
Петрова Я.И. Социально-экономические аспекты ликвидации неграмотности среди женщин в СССР в 1920–1930-е гг.	81

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алмакаева И.А. Антропологическая концепция позднего Ф.М. Достоевского и роман «Братья Карамазовы» в оценке Н.О. Лосского (к вопросу о конечной цели бытия)	88
Нечаева Е.А. «Аутопойесис» и познание: к проблеме конструирования «новой целостности»	93
Зейферт Е.И. Эффект лиминальности и стих: накопление энергии в сверхдлинной, обычной и сверхкороткой строке (на материале поэзии В. Лехциера и В. Мангольда)	99
Баяна Хатидже Актуализированная история в произведении Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»	104

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Kütt L. <i>BMW Fahren und ARD schauen</i> . Emanzipationserscheinungen bei Initialkurzwörtern	109
Уделькина А.И. Категория адресованности в полемическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ)	119
Безбородникова Е.В. Особенности представления спортивных событий в дискурсе: на материале английских художественных текстов	125
Борисова Е.Б., Кобзева Е.В. Средства интродукции образа ключевого персонажа в сказке Роальда Даля «Матильда»	131
Резникова Е.В. Приставки с семантикой круга в русском языке	137
Марьева М.В. Применение активных и интерактивных методов обучения при изучении научного стиля русского языка студентами технических специальностей и направлений подготовки	142
Мешанова Н.Г. Метафорический образ игры на музыкальном инструменте сквозь призму структурной типологии концептов	149

РЕЦЕНЗИИ

Журчева О.В. Подлинная история «бедного, бедного» Павла. Рецензия на книгу: Петров А.В., Цуркан В.В., Рудакова С.В., Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Власкин А.П. Драма Д.С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография. Магнитогорск, 2017. 182 с.	154
Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Рецензия на сборник статей: Десятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.). 13–17 мая 2016 г. / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. 812 с.	157

CONTENTS

HISTORY

Kondrashin V.V., Kornilov G.E., Melnikov N.N., Mozokhin O.B. Tank construction and «saboteurs»: attempts to create in the USSR Soviet tank production in the late 1920-ies	7
Smirnov Yu.N. Chuvash in the settlement and agricultural development of the Samara TransVolga region from the end of the XVII century until the beginning of 1760-ies	12
Purygin A.E. «Preaching by Tolstoy»: image of L.N. Tolstoy in art environment of his time (on the problem of historical memory)	18
Barinova E.P. Governors and nobility at the beginning of the XX century: cooperation and conflicts	23
Kabytova N.N. Ways of overcoming national crisis of 1917 in the Volga Region	32
Kondrashin V.V. On achievements and problems of modern domestic historiography of peasant reliance movement in Russia in the years of the Civil War	39
Dyukov A.R. «Povilaitis' case» and the crisis of the Soviet-Lithuanian relations in May-June, 1940	46

PEDAGOGY

Belov D.O. Job analysis of the activity of specialists of electricity supply on railway transport	54
Kozyreva M.P. Peculiarities of foreign ELT courses usage in the process of filological students communicative competence development	59
Pecherskaya E.P., Tarasova T.M. Professional standards and issues of construction of a successful career: points of contraction	64
Berishvili O.N. Model of adaptive system of vocational training for agro-engineers	70
Ivanushkina N.V. Training and cognitive activity of students of higher education on the Internet medium	75
Petrova Ya.I. Socio-economical aspects of women's illiteracy campaign in the USSR in the 1920–1930	81

LITERATURE STUDIES

Almakaeva I.A. Anthropological concept of late F.M. Dostoevsky and the novel «The Brothers Karamazov» in the estimation of N.O. Lossky (on the issue of the ultimate goal of being)	88
Nechaeva E.A. «Autopoiesis» and cognition: on the problem of construction of the «new integrity»	93
Zeifert E.I. Liminality effect and the verse: energy accumulation in super long, usual and super short line (based on poetry material of V. Lekhtsier and V. Mangold)	99
Bayana Hatice Actualized history in the work of B.K. Zaytzev «Venerable Sergius of Radonezh»	104

LINGUISTICS

Kütt L. <i>BMW drive</i> and <i>ARD watch</i> . Emancipation appearance in initial shortwords	109
Udelkina A.I. Category of addressing in the polemical discourse (on the basis of the German language media)	119
Bezborodnikova E.V. Specific features of sport events representation in discourse: based on the material of English fictional texts	125
Borisova E.B., Kobzeva E.V. Key character image introduction means in R. Dahl's children's literary tale «Matilda»	131
Reznikova E.V. Prefixes with the meaning «circle» in the Russian language	137
Marieva M.V. The use of active and interactive teaching methods in the study of scientific style of the Russian language by students of technical specialties and training areas	142
Meshchanova N.G. Metaphorical image of play a musical instrument in the light of structural typology of concepts	149

REVIEWS

Zhurcheva O.V. True story of «poor, poor» Pavel. Review on the book: Petrov A.V., Tsurkan V.V., Rudakova S.V., Abramzon T.E., Zaitseva T.B., Vlaskin A.P. Play by D.S. Merezhkovsky «Pavel I»: contexts, intertexts, metatexts: multi-authored monograph. Magnitogorsk, 2017, 182 p.	154
Dubman E.L., Kabytov P.S. Review on the collection of articles: Tenth All-Russian Local History Readings (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016 / V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, 812 p.	157

ИСТОРИЯ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-7-11
УДК 94(470.5) «1922/1930»

Дата поступления статьи: 21/1/2018
Дата принятия статьи: 25/11/2018

В.В. Кондрашин, Г.Е. Корнилов, Н.Н. Мельников, О.Б. Мозохин

ТАНКостроение и «вредители»: попытки создать в СССР серийное танковое производство в конце 1920-х гг.

© *Кондрашин Виктор Викторович* – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории, Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

E-mail: vikont37@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

© *Мозохин Олег Борисович* – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр экономической истории, Институт российской истории РАН, 117036, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

E-mail: mozohin@bk.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7515-080X>

© *Корнилов Геннадий Егорович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН, 620219, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: genakorn@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-6916-4439>

© *Мельников Никита Николаевич* – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, 620219, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: meln2011kit@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1406-2993>

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ процесса становления отечественной танковой промышленности на фоне борьбы с «вредительством» в конце 1920-х гг. Советская промышленность пыталась организовать выпуск танков на военных заводах Ленинграда, Сталинграда, Мотовилихи и Харькова. Но все попытки наладить собственное танковое производство оказались несостоятельными, что в конечном итоге привело к необходимости закупки бронетанковых образцов в западных странах. С конца 1929 г. СССР начал активно закупать образцы иностранной бронетанковой техники для организации собственного серийного производства. Поиск причин срыва программы перевооружения Красной Армии привел к появлению уголовного дела, где главным фигурантом оказалась «группа бывших генералов и полковников царской армии» во главе с В.С. Михайловым, помощником начальника Главного военно-промышленного управления ВСНХ СССР. Всего по делу проходило более 90 человек, большинство из которых имело инженерную специальность. В 1929 г. В.С. Михайлов и еще четыре человека были приговорены к высшей мере наказания, остальные – к различным срокам заключения.

На фоне развития уголовного дела и последующих событий в статье прослеживается карьерная судьба двух руководителей военной промышленности Советского Союза. До завершения следствия военно-промышленное управление возглавлял А.Ф. Толоконцев, но потом он потерял это пост, хотя и не был осужден. Активным участником уголовного процесса над «инженерами-вредителями» со стороны следствия был представитель Рабоче-крестьянской инспекции И.П. Павлуновский. Именно он впоследствии взял в свои руки руководство всем советским военпромом.

Ключевые слова: военная промышленность, заводы, танкостроение, танки, вредители.

Цитирование. Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Танкостроение и «вредители»: попытки создать в СССР серийное танковое производство в конце 1920-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 7–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-7-11>.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 16-01-00308а «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации».

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-7-11
UDC 94(470.5)«1922/1930»

Submitted: 21/I/2018
Accepted: 25/II/2018

V.V. Kondrashin, G.E. Kornilov, N.N. Melnikov, O.B. Mozokhin

TANK CONSTRUCTION AND «SABOTEURS»: ATTEMPTS TO CREATE IN THE USSR SOVIET TANK PRODUCTION IN THE LATE 1920S

© *Kondrashin Viktor Viktorovich* – Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ul'yanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.

E-mail: vikont37@yandex.ru. **ORCID:** <https://0000-0001-7552-9265>

© *Mozokhin Oleg Borisovich* – Doctor of Historical Sciences, professor, leading research fellow, Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ul'yanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.

E-mail: mozohin@bk.ru. **ORCID:** <https://0000-0002-7515-080X>

© *Kornilov Gennadii Egorovich* – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the sector of Economic History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 16, Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620219, Russian Federation.

E-mail: genakorn@mail.ru. **ORCID:** <https://0000-0002-6916-4439>

© *Melnikov Nikita Nikolaevich* – Candidate of Historical Sciences, associate professor, senior researcher of sector of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 16, Sofia Kovalevskaya Street, Ekaterinburg, 620219, Russian Federation.

E-mail: meln2011kit@gmail.com. **ORCID:** <https://0000-0003-1406-2993>

ABSTRACT

In the article the analysis of the process of formation of a domestic tank industry and the fight against «sabotage» in the late 1920s-ies is carried out. Soviet industry was trying to establish the production of tanks in military factories in Leningrad, Stalingrad, Motovilikha and Kharkov. But all attempts to establish their own tank production were not wealthy. It forced to buy foreign equipment. In late 1929, the USSR began to buy foreign tanks to create its own serial production. The government was looking for reasons for the failure of the Red Army rearmament program. There is a criminal case where the main defendants were «a group of former generals and colonels of the tsarist army» headed by assistant chief of the main military-industrial management USSR Mikhailov. In total, the case was more than 90 people, most of them were engineers. In 1929, Mikhailov and four people were sentenced to death, the rest received a prison sentence.

The article shows that the development of criminal case and subsequent events changed the career of two leaders of the military industry of the Secular Union. Tolokontsev headed the military-industrial management until the completion of the investigation. Then he lost his job, but he wasn't convicted. Pavlovski was a representative of the worker-peasant inspection, and an active participant in the criminal trial of engineers from the investigation. He subsequently took over the leadership of the entire Soviet military industry.

Key words: military industry, plants, tank production, tanks, saboteur.

Citation. Kondrashin V.V., Kornilov G.E., Melnikov N.N., Mozokhin O.B. Tankostroenie i «vrediteli»: popytki sozdat' v SSSR seriinoe tankovoe proizvodstvo v kontse 1920-kh gg. [Tank construction and «pests»: attempts to create in the USSR Soviet tank production in the late 1920-ies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 7–11. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-7-11>.

Acknowledgements. The article is prepared within the scope of the grant of the Russian Foundation for the Humanities № 16-01-00308a «Campaign to combat sabotage in the military industry according to the documents of the Archive of the President of the Russian Federation».

Все советские годы тема военной промышленности и история «борьбы с вредительством» в значительной мере были закрыты для исследователей. Помимо идеологического диктата советской власти, научный поиск упирался в закрытость архивных данных для свободного доступа, поэтому история танкостроения в целом и роль «вредительства» в его развитии в частности остались неизучены историками на должном уровне. Ситуация начала меняться в 1990-е гг., когда архивы стали доступны для широкого круга исследователей. В последние годы широкое распространение получило издание исторических исследований и сборников документов по различной тематике, в том числе и по истории военной про-

мышленности [Советское танкостроение в 1920-х гг.; Пихоя; Советское военно-промышленное производство; Сталин и Каганович; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР]. Доступность архивных материалов, с одной стороны, и появление сборников документов – с другой, позволяют вывести исследования по истории танковой промышленности на качественно иной уровень.

До начала 1930-х гг. у отечественной промышленности фактически не было собственной производственной базы, пригодной для серийного выпуска бронетанковой техники. Отсутствовала и собственная конструкторская база, способная организовать разработку новых моделей бронированных машин. Именно в этих

условиях начинаются попытки советского руководства организовать собственное массовое производство танков. Однако причины, мешавшие организовать этот процесс ранее, устранены не были. Довольно быстро заводы, получившие задание организовать или увеличить выпуск танков и комплектующих к ним, оказались неспособны выполнить установленный план. Вместо признания проблемы и принятия соответствующих решений власть начинает искать «вредителей», которые объявляются истинными виновниками срыва программы увеличения выпуска оборонной продукции.

В первой половине 1927 г. были закончены работы по изготовлению опытной машины Т-18 (МС-1) и было принято решение о начале серийного производства танков и танковых моторов на ленинградском заводе «Большевик» (бывшем Обуховском сталелитейном заводе) [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 161–163, 358]. Фактически это был несколько модернизированный вариант французского танка «Рено» FC-17 времен Первой мировой войны [Верещак, с. 232]. К тому времени на заводе «Большевик» уже существовало производство авиационных моторов и тракторов, что в значительной степени оправдывало выбор площадки для танкостроения. В октябре–ноябре 1927 г. была принята серия решений о строительстве на заводе нового цеха для выпуска танков, тракторов и авиамоторов ввиду того, что в существующие заводские мощности новое производство не вписывалось. Строительство затянулось до конца 1929 г., поэтому временно изготовление и сборка моторов и танков по большей части производились в старых цехах на оборудовании, износ которого достигал 50 и более процентов. В итоге предприятие в 1927/28 хозяйственном году (х. г.)¹ изготовило 23 танка, а в следующем хозяйственном году завод «Большевик» должен был выпустить еще 85 Т-18. В целом программа 1928/29 х. г. была выполнена, но с запозданием на несколько месяцев [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 358–359].

По планам на военное производство к выпуску этого танка должен был подключиться Сталинградский тракторный завод (СТЗ), но не ранее 1932 г. Поэтому в апреле 1928 г. было принято решение развернуть временное изготовление Т-18 и двигателей к нему на пермском Мотовилихинском машиностроительном заводе (бывший пушечный завод), который обладал свободными производственными площадями. Но Мотовилихинский завод ввиду «малочисленности технического персонала по танкостроению» не смог справиться с возложенным на него заданием [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 161–163, 358–361]. Точка в истории танкового производства на этом заводе была поставлена только в мае 1931 г. на совещании в Реввоенсовете СССР: «Больше танковых заказов на Мотовилиху не давать» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 545–546]. Кроме того, в 1928 г. началась подготовка выпуска нового танка Т-12 (впрочем, тоже имевшего в своей основе все тот же «Рено» FC-17) на Харьковском паровозостроительном заводе им. «Коминтерна» при условии начала его производства в 1929 г. По планам на 1929/30 х. г. необходимо было изготовить 30 таких танков [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 161–163, 358–361].

Важным сдерживающим фактором было отсутствие базы для выпуска мощных двигателей, достаточных

для установки в танк. Начальник Управления моторизации и механизации (УММ) Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) И.А. Халепский в ноябре 1929 г. указывал на тот факт, что планируемая материально-техническая база тракторостроения полностью не соответствует задачам «танко-тракторного вооружения армии», поскольку «мощности моторов и скорости движения тракторов ни в какой мере не отвечают тактическим требованиям моторизированных частей». В качестве основной меры, позволявшей преодолеть эту проблему в будущем, начальник УММ предлагал, ссылаясь на опыт США, создание специальных моторных заводов, помимо существующих тракторных. По его мнению, это позволяет успешно повысить мощность моторов. Именно такой подход он наблюдал во время своих командировок в Соединенные Штаты [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 380–382]. Кроме моторного производства в стране фактически отсутствовал выпуск шарикоподшипников и электрооборудования для сборки танков. Производственная база этих комплектующих только начинала подготовку, и пока данные материалы советская промышленность была вынуждена импортировать [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 358–361].

Уже к концу 1929 г. вся принятая программа советского танкостроения оказалась несостоятельной. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. констатировало, что в СССР «кроме танка Т 18, типов и конструкций танков среднего, большого и танкетки не имеется... Пятилетняя программа тракторостроения и моторостроения не увязаны с танкостроением и удовлетворением потребностей армии в мощных тракторах. Не проработано обеспечение танкостроения броней и моторами, нет достаточных конструкторских сил, обеспечивающих выполнение плана танкостроения...». Поэтому было принято решение отправить «за границу авторитетную комиссию из представителей ВСНХ и НКВоенмора [Наркомата по военным и морским делам]» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 388–389]. Именно это постановление послужило началом новой широкой программы по развитию советского танкостроения на основе заимствования иностранного опыта. В 1930–1931 гг. по инерции еще продолжались производство и проектирование прежних моделей танков: серийных Т-12, Т-18, Т-20, Т-24 и других машин [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 508–510]. Но дальше мелкосерийного производства и изготовления опытных образцов дело так и не пошло.

В 1920-х гг. перед советским руководством регулярно вставал вопрос о причинах постоянного невыполнения промышленностью планов по производству военных заказов в целом и танковых в частности. По следственному делу «О контрреволюционной организации в военной промышленности» 15 мая 1928 г. было арестовано множество специалистов, начавших свою карьеру еще в царской России. Предполагаемым главой организации был помощник начальника Главного военно-промышленного управления (ГВПУ) ВСНХ СССР В.С. Михайлов (до революции – генерал-майор). Он попал в поле зрения ОГПУ еще в 1926 г., когда первый заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода высказал свои первые подозрения на его счет. По мнению Г.Г. Ягоды и начальника Экономического управления ОГПУ Г.Е. Прокофьева, озвученному в 1928 г.,

«группа бывших генералов и полковников царской армии в составе Михайлова, Дыммана, Высочанского и Кургуева» основала контрреволюционную организацию в 1922 г., деятельность которой «была направлена к срыву обороноспособности страны путем вредительства в военной промышленности и подготовке таким путем успеха будущей интервенции». В результате саботажной работы организации было «заторможено на несколько лет или сорвано совершенно производство» значительной части продукции военных заводов [Советское военно-промышленное производство, с. 605–607; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 284–292].

Именно деятельностью вредительской контрреволюционной организации новый начальник ГВПУ М.Е. Урываев и заведующий военно-морской инспекцией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) И.П. Павлуновский объясняли провал развертывания производства танков на Мотовилихинском заводе². Необходимо отметить, что персона И.П. Павлуновского на этом этапе стала одной из центральных в процессе поиска «вредителей». Он лично неоднократно допрашивал предполагаемого главу «вредительской» организации В.С. Михайлова³.

С И.П. Павлуновским был не согласен А.Ф. Толоконцев, который с 1926 по 1929 г. возглавлял ГВПУ. То есть в эти годы он был непосредственным руководителем основных фигурантов дела, в том числе В.С. Михайлова. В начале февраля 1929 г. А.Ф. Толоконцев еще оставался главой ГВПУ. В своем обращении к Сталину он ставил под сомнение как факт вредительства, так и существование самой контрреволюционной организации. А.Ф. Толоконцев прямо указывал на то, что бывший царский генерал и арестованные вместе с ним специалисты в системе ГВПУ не имели реальной власти, а все важнейшие решения Александр Федорович принимал сам как глава военно-промышленного управления⁴.

Уже к середине весны 1929 г. А.Ф. Толоконцев сменил пост руководителя ГВПУ на начальника Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности ВСНХ. Должность тоже важная, но уже не дающая такого влияния. Параллельно бывший глава военпрома стал менять свою позицию в отношении дела военных инженеров. Он больше не сомневался в факте существования «вредительской» организации и роли В.С. Михайлова в ней, но продолжал утверждать, что «ни РКИ (в лице т. Павлуновского), ни другие органы (ОГПУ), обнаружившие вредительскую организацию, не указали фактов неправильного направления средств» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 319–320]. Другими словами, бывший начальник ГВПУ не считал ущерб, нанесенный «контрреволюционерами», существенным.

Однако сталинское руководство вынесло из этой ситуации свои решения. Уже в середине июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о военной промышленности. Вся тяжесть вины за провалы в военно-промышленном строительстве СССР была возложена, с одной стороны, на членов мнимой «вредительской» организации, которая состояла из до-революционных специалистов и длительное время разрушала советскую военную промышленность. А с другой стороны, Политбюро считало виноватым руководящий состав военной промышленности и отдельных заводов (конкретные фамилии названы не были, но по тексту очень хорошо видно, что эти претензии

направлены и к А.Ф. Толоконцеву), которые были виновны «в недостаточной бдительности к многолетнему и явному вредительству и упущениям в военной промышленности» и должны были понести наказания.

Для исправления ситуации создавалась специальная комиссия во главе с тем же И.П. Павлуновским, которая должна была «в кратчайший срок произвести чистку всего личного состава военной промышленности до заводов включительно». Такая чистка неизбежно увеличивала и без того серьезный кадровый дефицит в военпроме, поэтому Политбюро решило реализовать два параллельных мероприятия. Во-первых, Оргбюро ЦК ВКП(б) обязывалось «в месячный срок мобилизовать для военной промышленности не менее 100 чел., преимущественно членов партии, опытных производственников и молодых инженеров». Во-вторых, Высшему совету народного хозяйства следовало «рядом срочных и конкретных мероприятий немедленно разрешить вопрос об усилении технических кадров военной промышленности (путем переподготовки, устройства краткосрочных курсов и т. д.) и одновременно разработать план систематической подготовки для нее технического персонала» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 331–337]. Однако успешно решить проблему кадрового голода так и не удалось.

В октябре 1929 г. дело о «вредителях» в военпроме было закончено. Всего по нему прошел 91 человек. По мнению ОГПУ, «организация ставила перед собой задачи – путем вредительства и шпионажа ослабление обороноспособности страны и содействие иностранным интервентам». В подавляющем большинстве это были выходцы из дворянского сословия и с инженерной специальностью. Решение по этому делу выносило Политбюро ЦК ВКП(б). Пятеро из обвиняемых (все бывшие генералы) во главе с В.С. Михайловым были приговорены к высшей мере – расстрелу. Все остальные приговаривались «на разные сроки заключения в концентрационные лагеря» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 377].

Так с конца 1920-х гг. борьба с «вредительством» стала одним из факторов развития отечественного военпрома на этапе первых пятилеток. Соблазн обвинить в неудачах военного строительства конкретных «стрелочников» был столь велик, что очень быстро «вредители» стали обнаруживаться повсеместно. В результативной части обвинительного дела о вредителях в военной промышленности было сказано: «Ввиду того, что в процессе следствия установлен, помимо привлеченных к ответственности и арестованных, еще ряд лиц, входящих в к[онтр]-р[еволюционную] организацию в военной промышленности, находящихся на свободе, материалы следственного производства в части таковых направлены к доследованию»⁵.

Дело инженеров-«вредителей» сильно повлияло не только на развитие советского военного производства. В результате активной деятельности И.П. Павлуновский резко изменил свою карьерную судьбу. Фактически именно он вместо А.Ф. Толоконцева стал управлять военпромом. С июля 1931 года И.П. Павлуновский находился в должности заместителя председателя ВСНХ (то есть заместителя Г.К. Орджоникидзе) по военной промышленности. В 1932 г. ВСНХ и его управленческие структуры были расформированы. Управление военпромом было сосредоточено в системе Главного военно-мобилизационного управ-

ления (ГВМУ) в рамках вновь созданного Наркомата тяжелой промышленности СССР под руководством Г.К. Орджоникидзе. Возглавил ГВМУ и стал фактически правой рукой наркома тяжпрома именно И.П. Павлуновский. А в 1934 г. он стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Тогда как судьба А.Ф. Толоконцева стала медленно, но стремиться в противоположном направлении. В 1933 г. он из управления машиностроения и металлообработки перешел на должность начальника Главточмаша Наркомата тяжпрома, а в 1934 г. был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Однако итог обоим оказался одинаковым: в 1937 г. они были арестованы и впоследствии расстреляны [Сталин и Каганович, с. 747, 756].

25 февраля 1930 г. Политбюро приняло Постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности», где ущерб от мнимого «вредительства» был признан очень серьезным: «Вредительство не только подрывало базу снабжения Красной армии, но и наносило непосредственный ущерб совершенствованию военной техники, тормозило перевооружение РККА и ухудшало качество военных запасов. Необходимы героические усилия, для того чтобы наверстать упущенное» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 426–431]. Своим постановлением Политбюро констатировало, что все меры, принятые для преодоления последствий деятельности «шпионской организации», оказались нестойкими. Это означало в том числе, что к началу 1930-х гг. возможности промышленности и отечественных конструкторов не позволяли надеяться на скорейшую разработку и серийное производство современных образцов бронетехники. Выход был найден в закупке боевых машин за границей.

На заседании Политбюро от 20 января 1930 г. было решено направить в западные страны комиссию «в составе т. Осинского, Халепского и Будняка», которая должна была «произвести закупку за границей на сумму до 500 тыс. руб. отдельных экземпляров быстходных тракторов, тягачей и моторов разных систем и ознакомиться с организацией их производства» [Становление оборонно-промышленного комплекса СССР, с. 418–419]. В итоге за рубеж в течение 1930–1931 гг. было совершено несколько поездок, в том числе под руководством И.А. Халепского в Соединенные Штаты (где он уже неоднократно бывал по вопросам автомобиле- и тракторостроения), начальника инженерно-конструкторского бюро по танкам С.А. Гинзбурга в Великобританию и другие [Свирин, с. 127, 135]. Результатом этих путешествий стал процесс разработки и принятия на вооружение новых моделей советских танков. В течение 1931–1933 гг. советская промышленность начала освоение серийного производства нескольких видов броневых машин, частично или полностью основанных на импортных образцах.

Примечания

¹ Хозяйственный год – это период времени, применительно к которому ведется отчетность и осуществляется планирование деятельности предприятий, объединений и всего народного хозяйства. По длительности равен 12 месяцам, но может начинаться в разные сроки. В Советской России и СССР с сентября 1921 г. до сентября 1930 г. хозяйственный год не совпадал с календарным и, как правило, исчислялся с

1 октября по 30 сентября. Постановлением ЦИК СССР от 20 сентября 1930 г. исчисление хозяйственного года было установлено с 1 января по 31 декабря и тем самым полностью совпало с календарным годом (Большая советская энциклопедия. Т. 28. М., 1978. С. 329).

² Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 339. Л. 121–124 об.

³ Там же. Л. 30–35.

⁴ Там же. Л. 39–43.

⁵ Там же. Л. 185.

Библиографический список

Верещак М.И. Роль иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности (1925–1935) // Экономическая история: ежегодник. 2014. Т. 2013. С. 226–250.

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Советское танкостроение в 1930-х гг.: проблемы становления серийного производства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (41). С. 40–51.

Пихоя Р.Г. Новые публикации о становлении советского военно-промышленного комплекса // Российская история. 2016. № 5. С. 196–204.

Советское военно-промышленное производство. 1918–1926: сб. док. М.: Новый хронограф, 2005. 770 с.

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Часть 1 (1927–1932): сборник документов. М.: Новый хронограф, 2008. 912 с.

Свирин М.Н. Броня крепка. История советского танка. 1919–1937. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. 384 с.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 798 с.

References

Vereshchak M.I. *Rol' inostrannoi tekhnicheskoi pomoshchi v sozdanii i razvitiu sovetskoi bronetankovoi promyshlennosti (1925–1935)* [The role of foreign technical assistance in the creation and development of Soviet armored industry (1925–1935)]. *Ekonomicheskaja istorija: ezhegodnik* [Economic History: Yearbook], 2014, Vol. 2013, pp. 226–250 [in Russian].

Kondrashin V.V., Kornilov G.E., Melnikov N.N., Mozokhin O.B. *Sovetskoe tankostroenie v 1930-kh gg.: problemy stanovleniia seriinogo proizvodstva* [Soviet tank building in the 1930-ies: problems of formation of serial production]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities], 2017, no. 1 (41), pp. 40–51 [in Russian]. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-1-5

Pikhoya R.G. *Novye publikatsii o stanovlenii sovetskogo voenno-promyshlennogo kompleksa* [New publications on the establishment of Soviet military-industrial complex]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], 2016, no. 5, pp. 196–204 [in Russian].

Sovetskoe voenno-promyshlennoe proizvodstvo. 1918–1926: Sbornik dokumentov [Soviet military-industrial production. 1918–1926: Collection of documents]. М.: Novyi khronograf, 2005, 770 p. [in Russian].

Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1927–1937). Chast' 1 (1927–1932): Sbornik dokumentov [Formation of military-industrial complex of the USSR (1927–1937). Part 1 (1927–1932): Collection of documents]. М.: Novyi khronograf, 2008, 912 p. [in Russian].

Svirin M.N. *Bronia kreпка. Istoriia sovetskogo tanka. 1919–1937* [The armor is strong. The history of Soviet tank. 1919–1937]. М.: Iauza, EKSMO, 2005, 384 p. [in Russian].

Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg. [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. М.: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN), 2001, 798 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-12-17
УДК 947.06

Дата поступления статьи: 18/XII/2017
Дата принятия статьи: 15/I/2018

Ю.Н. Смирнов

ЧУВАШИ В ПРОЦЕССАХ ЗАСЕЛЕНИЯ И АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ С КОНЦА XVII СТОЛЕТИЯ ДО НАЧАЛА 1760-Х ГГ.

© *Смирнов Юрий Николаевич* – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: smirnov195503@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): B-1752-2017. Scopus ID: 7202651974

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена участию чувашей в освоении новоприсоединенных земель на Юго-Востоке Европейской России в конце XVII – XVIII веках. Вычислена доля чувашских переселенцев среди всех прибывших на эти земли в отдельные периоды времени. Она была особенно заметна и оставалась самой большой среди всех этносов на самом начальном этапе заселения Заволжья. Определены районы их выхода. Самыми заметными по количеству переселенцев из них стали уезды по правому берегу Средней Волги и в Закамье. Подавляющее большинство чувашских крестьян-переселенцев принадлежало к категории государственных крестьян и было важной составной частью потока вольной народной колонизации российских окраин. Среди переселенцев из государственных крестьян преобладали те, кто пришли на новые земли добровольно. В числе крепостных, переселенных сюда своими владельцами, чувашей не было. Участие чувашей в заселении Самарского края в конце XVII – XVIII вв. имело важнейшее значение для достаточно скорого и успешного его освоения на начальном этапе. Их участие во многом определило этнический и сословный состав жителей, размещение и инфраструктуру поселений, создало предпосылки для развития переселенческого движения в последующее время. Благодаря земледельческому оседлому заселению чувашами и представителями других народов России в ходе освоения лесостепного и степного Заволжья оно уже в XIX в. превратилось в один из ведущих аграрных регионов страны, активно включенных во внутренний и внешний рынок.

Ключевые слова: Поволжье и Приуралье в XVIII в., региональная история, демография, миграции, колонизация.

Цитирование. Смирнов Ю.Н. Чуваша в процессах заселения и аграрного освоения Самарского Заволжья с конца XVII столетия до начала 1760-х гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 12–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-12-17>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Yu.N. Smirnov

**CHUVASH IN THE SETTLEMENT AND AGRICULTURAL DEVELOPMENT
OF THE SAMARA TRANSVOLGA REGION FROM THE END OF THE XVII CENTURY
UNTIL THE BEGINNING OF 1760-IES**

© *Smirnov Yuri Nikolaevich* – Doctor of Historical Sciences, professor, dean of the Faculty of History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: smirnov195503@yandex.ru. Researcher ID (Web of Science): B-1752-2017. Scopus ID: 7202651974

ABSTRACT

The article is devoted to the participation of the Chuvash in the development of newly incorporated lands in the southeast of European Russia at the end of the 17th – 18th centuries. The share of the Chuvash settlers among all arrivals to these lands in separate periods of time is calculated. It was particularly noticeable and remained the largest among all ethnic groups at the very beginning of the Transvolga settlement. Areas of their exit are determined. The counties on the right bank of the Middle Volga region and in the Trans-Kama region which were the administrative parts of the Simbirsk, Samara, and Kazan districts became the most notable in terms of the number of settlers from them. The overwhelming majority of the Chuvash peasant migrants belonged to the category of state peasants. They were an important component of a stream of free colonization of the Russian outlying areas. Among the migrants from the state peasants, those who came to the new lands voluntarily prevailed. Among the serfs, resettled here by their owners, there were not Chuvashes. The participation of the Chuvash in the settlement of the Samara Region at the end of the XVII–XVIII centuries, as shown in the article, was of great importance for the fairly rapid and successful development of it at the initial stage. Their participation in many ways determined the ethnic and class composition of the inhabitants, the location and the infrastructure of settlements, created the prerequisites for the development of the resettlement movement in the subsequent time. Thanks to the agricultural settled settlement by the Chuvash people and the representatives of other peoples of Russia, during the development of the Forest-steppe and Steppe Transvolga region, in the 19th century it has become one of the leading agrarian regions of the country, actively included in the domestic and foreign markets.

Key words: Volga and Urals regions in the 18th century, local history, historical demography, migrations, colonization.

Citation. Smirnov Yu.N. Chuvashi v protsessakh zaseleniia i agrarnogo osvoeniia Samarskogo Zavolzh'ia s kontsa XVII stoletii do nachala 1760-kh gg. [Chuvash people in the settlement and agricultural development of the Samara TransVolga region from the end of the XVII century until the beginning of 1760-ies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 12–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-12-17>.

Чувашские крестьяне вместе с представителями других народов России сыграли важную роль в освоении лесостепного и степного Заволжья, которое к середине XIX в. превратилось благодаря земледельческому оседлому заселению в один из ведущих аграрных регионов страны, активно включенных во внутренний и внешний рынок. Не случайно, что образованная в 1851 г. на его территории обширная Самарская губерния получила статус «внутренней губернии империи» [«Обретение Родины...», 2013, с. 56]. Она стала быстро развиваться в хозяйственном, социальном и культурном отношении.

Настоящая статья посвящена участию чувашей в начальном этапе активного крестьянского движения в этот регион. Она дополняет историогра-

фию изучения данной темы. Отдельные результаты такого изучения уже включались в обобщающие труды по истории Самарского края [История Самарского Поволжья, с. 89–113] и Поволжья [Поволжье – «внутренняя окраина» России, 2007, с. 118–137], докладывались на конференциях различного уровня [Артамонова, 2012 а], излагались в диссертациях [Ягафова, 1996] и научных статьях. Некоторые работы в последние годы были написаны по источникам, связанным напрямую с чувашскими переселенцами XVIII столетия: наказам депутатам Уложенной комиссии [Артамонова, 2016], ревизским сказкам и устным преданиям [Артамонова, 2012 б].

Народное движение на заволжские земли проходило в различных формах, в числе которых приня-

то выделять потоки военно-государственной, вольной и помещичьей колонизации. Военно-государственная колонизация прежде всего была связана со строительством новых пограничных укреплений и набором казаков для их охраны. В процессе формирования казачества в крепостях, устроенных по Самаре и Яику, чувашаи принимали участие, хотя и незначительное. Об этом говорят данные из переписи казаков – в основном бывших крестьян, «сошедших» на новые укрепленные линии. Ее провели в 1740 г. [Зобов, с. 49]. В числе крепостных, переселенных сюда своими владельцами, чувашей не было.

Основная часть чувашских переселенцев прибыла в ходе вольной крестьянской колонизации Заволжья. Первоначальный их поток направлялся к югу от старой границы, устроенной еще в XVII в. и проходившей по старой Закамской линии и форпостам на р. Черемшан. В ходе освидетельствования, проведенного полковником Пальчиковым в 1737 г., между старой границей и новой Закамской линией, возведенной в начале 1730-х гг., было обнаружено всего 51 крестьянское селение, а в них 1607 дворов¹.

Более половины из них (27) появилось за 35–60 лет до этой переписи, т. е. в последней четверти XVII и самые первые годы XVIII вв. Затем в течение почти трех десятков лет здесь не появилось ни одного уцелевшего селения. Новый этап заселения был связан с возведением новой Закамской черты и продолжался в течение 7 лет, предшествовавших переписи. Число поселений, возникших тогда, составило 14. Еще 10 селений образовались, видимо, тогда же, но в нарушение установленного порядка, а потому их жители были, как сообщил Пальчиков, сведены в прежние места жительства как беглые или незаконно вышедшие. Впрочем, сообщение Пальчикова о своде этих поселков не стоит принимать буквально. В более поздних источниках практически все они, как правило, упоминаются существующими под теми же названиями, с теми же владельцами, с прежней национальной и сословной принадлежностью жителей. Судя по всему, на деле «свод» не был осуществлен.

Соотношение жителей, принадлежащих к разным национальностям, при отсутствии в описи точного указания о числе проживающих в этих селениях приблизительно можно установить по количеству населенных пунктов и дворов, в которых проживали люди той или иной национальности. Переходя к цифровым подсчетам, следует предупредить, что ряд селений были смешанными по национальному составу. Так, в их числе было две деревни, Биляр-Озеро и Чалпан, где совместно проживали чувашаи и татары. Три деревни (Седелкина, Ателякова, Кармалы) были с мордовско-чувашским населением. Как считают исследователи, тесные контакты с мордвой были свойственны этно-территориальным группам чувашей в Закамье, Заволжье и Приуралье [Ягафова, 2009, с. 96].

Среди крестьян, начинавших осваивать Заволжье, как раз преобладали чувашаи. Они проживали почти в половине всех селений (25) и более чем в трети дворов (578), описанных Пальчиковым. По числу основанных селений (14) и заселенных дворов (417) мордва им уступала, но превосходила русских, поставивших 386 дворов в 9 селениях, и татар – 285 дворов в 7 селениях. Не указаны в описи национальный состав жителей 1 селения и хозяев 11 дворов.

Соотношение крестьян-переселенцев из разных этносов в селениях, отличавшихся давностью существования, не было одинаковым. В старых селениях, которые уже существовали 35 лет и более, доля чувашей была заметней. Они жили в 17 таких селениях, где занимали 493 двора. Их было в старых поселках явно больше, чем русских (4 селения, 286 дворов), мордвы (6 селений, 298 дворов) и татар (5 селений, 162 двора).

В недавно возникших (7 лет назад и менее) и «выведенных» селениях картина была иной. Там мордовское (9 селений, 119 дворов) и русское (5 селений, 100 дворов) население, каждое в отдельности, имело больше дворов, чем чувашаи (85 дворов в 8 селениях).

По сословному составу преобладали переселенцы из государственных крестьян. К этой категории относились почти все чувашские крестьяне региона. Лишь в деревне Сускан чувашские крестьяне были дворянами, которые, прежде чем попасть в это ведомство, когда-то вышли из владений московского Новодевичьего монастыря. Среди государственных крестьян преобладали ясашные. Они были потомками плательщиков «ясака». Так в Поволжье назывался поземельный налог, который Петр I заменил подушной податью. Однако в деревнях Сеитовой и Чалпане крестьяне были потомками служилых чувашей и татар, обязанных в старину нести военную службу, а не платить ясак. Однако в начале XVIII столетия их обложили подушной податью и иными повинностями наряду с ясашными крестьянами.

В 1744 г. была образована Оренбургская губерния. Основная часть Заволжья вошла в ее Ставропольский уезд. Итоги движения населения сюда подвела перепись, проведенная в 1747 г. в рамках 2-й ревизии². В ходе переписи не только фиксировался существующий состав населения, но и отмечались места выхода переселенцев. Таким образом, можно увидеть динамику передвижения населения во вновь обживаемый край. Исходной точкой отсчета является 1-я ревизия 1719–1721 гг. Все переселившиеся в край после нее отмечены особо.

Единственным городским поселением уезда был Ставрополь (ныне – Тольятти), строительство которого началось в 1738 г. [Якунин, с. 24]. По сказкам 1747 г., податное население здесь уже насчитывало 305 душ м. п. К сословию купцов относилось 124 души м. п., к «цехам» – 173 души м. п. и к дворовым людям – 8 душ м. п. Кроме русских, которых было подавляющее большинство, в «при-

писные к купечеству цехи» Ставрополя были записаны новокрещенные татары (5 душ м. п.), мордва (7 душ м. п.) и чувашы (8 выходцев из Курмышского и Чебоксарского уездов). Небольшой город (с военнотружущими – немногим более 1000 чел. обоего пола) имел с 1745 г. высокий административный статус провинциального и уездного центра Оренбургской губернии [Артамонова, 2012 в, с. 82].

В целом национальный состав сельского населения уезда был следующим (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав крестьян-старожилов и переселенцев в Ставропольском уезде по данным 2-й ревизии

Национальность крестьян	Всех, чел.	Всех, %	Жили прежде и их дети		Переселились	
			чел.	%	чел.	%
Чуваши	3421	34,23	1765	51,6	1656	48,4
Русские	2652	26,53	450	17,0	2203	83,1
Мордва	2548	25,49	934	36,7	1614	63,3
Татары	1359	13,60	291	21,4	1068	78,6
Прочие (черемисы, башкиры, калмыки, персы, поляки, латыши)	15	0,15	0		15	100
ВСЕГО	9995	100	3440	34,4	6555	65,6

Подсчитано по: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

Переселенцы, как можно увидеть, составляли две трети сельского населения уезда, то есть подавляющее большинство. Их численное преобладание над старожилами было бы еще большим, если в Ставропольский уезд входили бы лишь новоприсоединенные земли в Заволжье. В действительности к нему были причислены также селения по рекам Большой и Малый Черемшан, в том числе возникшие на рубеже XVII–XVIII вв. Их следует отнести к историческому Закамью, что заселялось оседлыми жителями раньше Заволжья. В результате свыше половины населения уезда (5128 душ м. п., или 51 %) обитало в старинных селениях, переписанных еще в ходе первой ревизии. Несмотря на то что немалое число переселенцев предпочло осесть именно в старых селениях (1688 душ м. п., то есть почти треть), все-таки подавляющее большинство новоприсланных устремилось в новые поселки (4867 душ м. п., что составило более двух третей переселенцев).

Также около двух третей переселенцев (4349 душ м. п.), судя по ревизским сказкам, переселились в селения Ставропольского уезда добровольно. Этой возможностью пользовались прежде всего ясашные и служилые государственные крестьяне, которые не были прикреплены к конкретному землеладельцу.

По отдельным национальным группам и местам выхода численность переселенцев (душ мужского пола) в Ставропольский уезд выглядит следующим образом (табл. 2).

Основные потоки переселенцев шли в Ставропольский уезд из ближайших регионов, волжского

Правобережья и Закамья, административно входивших в состав Симбирского, Самарского, Казанского уездов. Оттуда пришли 70 % всех переселенцев и около 60 % переселенцев-чувашей. Из удаленных уездов Средневолжья (Арзамасский, Алатырский, Курмышский, Карсунский, Козьмодемьянский, Пензенский, Свияжский, Саранский, Цивильский, Царевококшайский, Чебоксарский, Ядринский), которые, собственно, не граничат с Заволжьем, туда прибыло 22 % всех переселенцев и 40 % переселенцев-чувашей.

В итоге все уезды по Средней Волге, как ближние, так и удаленные, дали 92 % всех переселенцев в Ставропольский уезд и 99 % перебравшихся туда переселенцев-чувашей. Все остальные территории России заметно уступают Средней Волге по общему количеству переселенцев в этот уезд и не дали заметного числа чувашских переселенцев.

Все 1656 душ м. п. переселенцев из чувашей по уездам выхода распределялись так: Казанский – 574, Симбирский – 407, Курмышский – 357, Свияжский – 111, Ядринский – 111, Цивильский – 35, Чебоксарский – 35, Арзамасский – 6, Уфимский – 3, Алатырский – 1, Керенский – 1, Пензенский – 1, Козьмодемьянский – 1, Царевококшайский – 1, крепость Азов – 2, «из плена возвращены» – 3, не указано прежнее место жительства – 7 душ м. п. Таким образом, самые значительные группы чувашских переселенцев прибыли в Заволжье из очень больших по территории и населению Казанского и Симбирского уездов.

Заметим, что в этих подсчетах не нашло подтверждения высказанное в литературе мнение, что среди чувашских переселенцев в Самарский край до середины XVIII в. преобладали выходцы из Курмышского, Ядринского и Чебоксарского уездов [Ягафова, 2011, с. 53]. Однако заметим, что при этом все крестьяне, прибывшие из трех вышеназванных, а также из Цивильского, Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов в Ставропольский, были исключительно чувашами. Заметное число чувашей-переселенцев дали также Свияжский и Арзамасский уезды.

К сожалению, сказки и обобщенные сведения Ставропольского уезда, составлявшиеся в ходе 3-й ревизии податного населения, которая была проведена в 1762–1763 гг., не столь информативны в отношении переселенцев, как представленные при 2-й ревизии. В силу этого картина продолжающегося заселения уезда после 1747 г. выглядит не столь подробно, как за предыдущий отрезок времени.

По 3-й ревизии, самой многочисленной податной сословной категорией уезда, где, по уточненным данным 1767 г., податное население составило 18407 душ м. п., оставались новокрещенные и некрещенные из народов Поволжья. Их численность достигла соответственно 8648 и 1638 душ м. п., а доля среди населения в сумме была почти 56 %. Вместе с ясашными русскими крестьянами (почти тысяча душ м. п.), общая доля ясашных среди податных сословий в уезде составила более 60 % [Перепись населения..., с. 234–238].

Таблица 2

Районы выхода в Ставропольский уезд переселенцев разных национальностей по данным 2-й ревизии

Национальность и регион выхода	Русские	Мордва	Чуваши	Татары	Прочие
Закамье и ближнее волжское Правобережье	1557	1174	981	866	3
Отдаленные уезды Средневолжья	256	356	659	198	2
Нижегородский край и нижняя Ока	135	59	–	–	–
Центр, Север и Юг России	176	1	3	3	–
Приуралье	4	3	3	1	4

Подсчитано по: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

Таблица 3

Доля чувашей среди ясажных крестьян Ставропольского уезда по 2-й и 3-й ревизиям

Год подачи ревизских сказок, в душах мужского пола и %	Национальность ясажных крестьян					Всех
	Мордва	Русские	Татары	Чуваши	Проч.	
1747 г.	2056	512	800	3221	9	6598
% от всех	31,16	7,76	12,12	48,82	0,14	100
1762–1763 гг.	4205	970	913	4876	–	10964
% от всех	38,4	8,8	8,3	44,5	–	100
рост населения, в %	105	89	14%	51	–	66

Подсчитано по: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351, 3353.

Мы могли сделать сравнимые подсчеты непосредственно по сказкам 2-й и 3-й ревизии³ ясажных крестьян разных вероисповеданий и национальностей. Они представлены в таблице 3.

В ходе 3-й ревизии указали места выхода 280 душ м. п. ясажных крестьян-переселенцев из чувашей. В их числе оказалось 90 выходцев из Казанского уезда, 156 – Симбирского, 14 – Свияжского, 11 – Цивильского, 7 – Пензенского. Здесь отмечались места выхода лишь тех переселенцев, кто подал просьбы о разрешении на переход во время проведения самой переписи, поэтому общее число переселенцев является далеко не полным.

В результате как переселений, так и естественного прироста число ясажных крестьян всех национальностей в среднем выросло за 1747–1763 гг. на две трети. Особенно быстро увеличивалось число мордовских и русских крестьян, относящихся к этой сословной категории, более чем в два раза – первых и почти в два раза – вторых. Однако по-прежнему самой большой национальной группой среди ясажных, являвшихся, в свою очередь, наиболее многочисленной категорией крестьян уезда, оставались чуваша. Правда, их доля среди ясажных крестьян несколько снизилась по сравнению с предыдущей ревизией (с 49 до 44,5%).

Участие чувашей в заселении Самарского края в конце XVII – XVIII вв., как показало исследование, имело важнейшее значение для достаточно скорого и успешного его начального освоения. Оно во многом определило этнический и сословный состав жителей, размещение и инфраструктуру поселений, создало предпосылки для дальнейшего переселенческого движения, которое продолжалось в последующее время.

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170 об.–176 об.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351; Д. 3353.

Библиографический список

Артамонова Л.М. Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012 б. № 27. С. 471–475.

Артамонова Л.М. Крестьянские наказания в Уложенную комиссию Екатерины II как источник по заселению и аграрному освоению Заволжья и Приуралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 157–164.

Артамонова Л.М. Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 а. № 1. С. 222–230.

Артамонова Л.М. Ставрополь – Тольятти: эволюция от пограничной крепости на Волге до крупного современного города // Романовские чтения: Кострома и судьбы российской государственности: материалы конференции. Кострома, 2012 в. С. 80–83.

Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н., Артамонова Л.М., Савельев П.И. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. 287 с.

Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке //

Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1992. С. 48–52.

«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Часть 1. Очерки истории. Самара, 2013. 360 с.

Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. 390 с.

Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2007. 328 с.

Ягафова Е.А. Самарские чувашы // Центр и периферия. 2011. № 2. С. 52–63.

Ягафова Е.А. Чуваше Самарского Заволжья: история расселения и этническая культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 21 с.

Ягафова Е.А. Чувашско-мордовское взаимодействие в Урало-Поволжье в XVIII–XX вв. // Центр и периферия. 2009. № 4. С. 96–101.

Якунин В.Н. Город Святого креста (церковная история города Ставрополя — Тольятти). Тольятти, 2007. 287 с.

References

Artamonova L.M. *Ispol'zovanie massovykh istochnikov i ustnykh predanii pri rekonstruktsii osvoeniia lesostepnogo Zavolzh'ia v 1750–1760-e gg.* [Using mass sources and oral traditions for the reconstruction of colonization of forest-steppe Transvolga region in the 1750–60-ies]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*, 2012 6, no. 27, pp. 471–475 [in Russian].

Artamonova L.M. *Krest'ianskie nakazy v Ulozhennuiu komissiiu Ekateriny II kak istochnik po zaseleniiu i agrarnomu osvoeniuiu Zavolzh'ia i Priural'ia v XVIII v.* [Peasant orders in the Catherine the Great's Commission as sources for researching the settlement and agricultural development of Transvolga and Cisural area in the 18th century]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe], 2016, no. 1, pp. 157–164 [in Russian].

Artamonova L.M. *Regional'nye osobennosti zemlevladieniia i zemlepol'zovaniia gosudarstvennykh krest'ian Povolzh'ia v ikh nakazakh deputatam Ulozhennoi komissii Ekateriny II* [Regional characteristics of landholding and land use by the state peasants in the Volga Region in the light of peasant deputies orders for the Legislative Commission of Catherine the Great]. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe], 2012 a, no. 1, pp. 222–230 [in Russian].

Artamonova L.M. *Stavropol' — Tol'iatti: evoliutsiia ot pogrannichnoi kreposti na Volge do krupnogo sovremennogo*

goroda [Stavropol-Togliatti: evolution from the frontier fortress on the Volga to a large modern city]. In: *Romanovskie chteniia: Kostroma i sud'by rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy konferentsii* [Romanov readings: Kostroma and the fate of Russian statehood. Conference proceedings]. Kostroma, 2012 v, pp. 80–83 [in Russian].

Dubman E.L., Smirnov Yu.N., Artamonova L.M., Savelyev P.I. *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI — pervaiia polovina XIX veka* [The history of the Samara Volga Region from ancient times to our days. 16th — the first half of the 19th century]. М., 2000, 287 p. [in Russian].

Zobov Yu.S. *Uchastie krest'ian Srednego Povolzh'ia v zaselenii Orenburgskogo kraia v XVIII veke* [Participation of the peasants of the Middle Volga Region in the settlement of the Orenburg Region in the 18th century]. In: *Sel'skoe khoziaistvo i krest'ianstvo Srednego Povolzh'ia v periody feodalizma i kapitalizma* [Agriculture and the peasantry of the Middle Volga Region in periods of feudalism and capitalism]. Cheboksary, 1992, pp. 48–52 [in Russian].

«Obretnenie Rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI — nachalo XX v.)*. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leont'evoi. *Chast' 1. Ocherki istorii* [«Acquisition of the Motherland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the 16th — early 20th century). P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva (Eds.). Part 1. Essays on history]. Samara, 2013, 360 p. [in Russian].

Perepisi naseleniia Rossii. Vyp. III [Censuses of the population of Russia. Issue 3]. М., 1972, 390 p. [in Russian].

Povolzh'e — «vnutrenniaia okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI — nachalo XX vv.). Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana [The Volga Region is the «inner edge» of Russia: state and society in the development of new territories (late 16th — early 20th centuries). P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.)]. Samara, 2007, 328 p. [in Russian].

Yagafova E.A. *Samarskie chuvashi* [Samara Chuvash people]. *Tsentr i periferiia* [Centre and Periphery], 2011, no. 2, pp. 52–63 [in Russian].

Yagafova E.A. *Chuvashi Samarskogo Zavolzh'ia: istoriia rasseleniia i etnicheskaiia kul'tura*. Avtoref. dis. ... kand.ist. nauk [Chuvash people of the Samara Transvolga Region: a history of settlement and ethnic culture. Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. М., 1996, 21 p. [in Russian].

Yagafova E.A. *Chuvashsko-mordovskoe vzaimodeistvie v Uralo-Povolzh'e v XVIII-XX vv.* [Chuvash and Mordovian interaction in the Ural and Volga Region in the XVIII–XX centuries]. *Tsentr i periferiia* [Centre and Periphery], 2009, no. 4, pp. 96–101 [in Russian].

Yakunin V.N. *Gorod Sviatogo kresta (tserkovnaia istoriia goroda Stavropolia — Tol'iatti)* [City of the Holy Cross (church history of the city of Stavropol — Togliatti)]. Togliatti, 2007, 287 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-18-22
УДК 94(47)084.294(47)

Дата поступления статьи: 21/I/2018
Дата принятия статьи: 14/II/2018

А.Е. Пурыгин

«ПРОПОВЕДЬ ТОЛСТОГО»: ОБРАЗ Л.Н. ТОЛСТОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОКОВ (К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

© Пурыгин Андрей Евгеньевич – аспирант, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: apurygin@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8555-7160>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается образ Льва Толстого, сложившийся в исторической памяти русского народа. Анализу подвергается не сама личность великого русского писателя, а память о нем, живущая в сознании людей искусства и нашедшая отражение в произведениях живописи, связанных с личностью Л.Н. Толстого и с его произведениями. Анализируется полисемантизм различных интерпретаций, достраивание образа со стороны автора и зрителя. Показывается, как образы Толстого и его произведений отражали коллективную идентичность общества, изменяющуюся в различные исторические эпохи, и влияли на нее. Три художника эпохи русского реализма второй половины XIX века создают портреты великого писателя, ставшие фактически его иконографией: И.Е. Репин, Н.Н. Ге и И.Н. Крамской. Л.Н. Толстой предстает на портретах не только в качестве выдающегося современника художников, но и как квинтэссенция эстетической системы реализма: «прекрасное – есть жизнь». Следовательно, образ Л.Н. Толстого закладывается в культурную память еще и в качестве составной части дискурса человека эпохи реализма. Художники, создававшие образ Л.Н. Толстого, оказывались, таким образом, творцами культурного героя, визуального символа отечественной культуры. Но все три образа писателя, запечатленные в работах художников, оказываются «в плену» «демонов» их создателей: понимания роли и предназначения искусства и влияния на них самих учения Л.Н. Толстого. В результате народный герой наделяется субъективными чертами художественной рефлексии авторов. И с этими субъективными чертами он отправляется в дальнейшее «путешествие» по культурной памяти, синтезируя стереотипное и индивидуальное, тем самым отдаляя символ от реальности.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, историческая память, искусствоведение, живопись, И.Е. Репин, Н.Н. Ге, И.Н. Крамской, человек эпохи реализма, семиотика поведения, эстетика, этика, мораль.

Цитирование. Пурыгин А.Е. «Проповедь Толстого»: образ Л.Н. Толстого в художественной среде современников (к проблеме исторической памяти) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 18–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-18-22>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

A.E. Purygin

**«PREACHING BY TOLSTOY»: IMAGE OF L.N. TOLSTOY IN ART ENVIRONMENT
OF HIS TIME (ON THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY)**

© Purygin Andrei Evgenievich – postgraduate student, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: apurygin@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8555-7160>

ABSTRACT

The article deals with the image of Leo Tolstoy which was created in historical memory of Russian people. Not only the personality of the great Russian writer, but the memory about him which lives in the minds of art people and has been reflected in art, sculpture, connected with Leo Tolstoy and his creative work, polysemantics of different interpretations and completion of the image on behalf of readers and viewers is the subject of an analysis. The image of Tolstoy and his creative work is considered and the ways they reflect collective identity of society which changes in different historic epoch and its influence on it. Three artists of the era of Russian realism of the second half of the XIX century create portraits of the great writer, which became, in fact, his iconography: I.E. Repin, N.N. Ge and I.N. Kramskoy. Personality of L.N. Tolstoy appears in portraits not only as an outstanding contemporary of artists, but also as a quintessence of the aesthetic system of realism: «beautiful is life itself». Therefore, the image of L.N. Tolstoy is laid in the cultural memory also as part of the discourse of man of the age of realism. Artists who created the image of L.N. Tolstoy, thus, turned out to be the creators of the cultural hero, the visual symbol of national culture. But all three discussed artists appeared to be «captured» by their own «demons»: the understanding of the role and purpose of art and the influence on them of the doctrine by L.N. Tolstoy. As a result, the national hero is endowed with subjective traits of artistic reflection of the authors. And with these subjective features, he goes on a further «journey» through cultural memory, synthesizing the stereotypical and individual, thereby distancing the symbol from reality.

Key words: L.N. Tolstoy, historic memory, art history, art, I.E. Repin, N.N. Ge, I.N. Kramskoy, man of the era of realism, semiotics of behaviour, aesthetics, ethics, morality.

Citation. Purygin A.E. «Propoved' Tolstogo»: obraz L.N. Tolstogo v khudozhestvennoi srede sovremennikov (k probleme istoricheskoi pamiati) [«Preaching by Tolstoy»: image of L.N. Tolstoy in art environment of his time (on the problem of historical memory)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 18–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-18-22>.

Увлеченный проповедью Толстого, (Ге) вдруг снова обратился к Евангелию. Только тогда он окончательно бросил бесцельное восстановление внешней старины и проникся глубоким пониманием общечеловеческого смысла трагедии о Христе. При этом он зажегся таким восторгом от нее, что почти дошел до пророчества... однако только почти, так как, по существу, он остался тем же слабым и сбитым с толку человеком, не способным справиться с нашедшим на него откровением.

А. Бенуа

Образ Л.Н. Толстого в представлениях русского общества начал формироваться при его жизни, усиленный общими текстами поведения и образом мысленной образованной части русского общества. «Человек эпохи реализма» создавал образ своего выдающегося современника, исходя из новой эстетической программы: «прекрасное – есть жизнь». Учение Толстого и его личность в первую очередь были связаны с практикой, с воплощением идеи в жизнь. Были жизнен-

ны. Как и само искусство реализма, которое объявляло устами работы Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»: «прекрасное есть жизнь» [Чернышевский, с. 5–92]. Идеи Л.Н. Толстого и сам его образ находили отклик в душах людей эпохи «лирических хозяйств», тех, «кому есть дело до «ежедневных терний»» [Фет, с. 7]. Образ Толстого, каким он запечатлелся у современников, стал транслироваться потомкам как форма культурной памяти. В этой связи представляет особый интерес анализ формирования интерпретативных стратегий многогранной личности Л.Н. Толстого в художественной среде его современников.

И.Е. Репин в своих «Письмах об искусстве» 1893 г. затрагивает такую острую для своего времени проблему, как назидательность искусства эпохи реализма, в которой дидактизм становится приоритетным текстом поведения: «...нам “не ко двору” чистый эллинизм в искусстве и теперь, в разгаре идей Толстого. Лев Николаевич даже допускает искусство, как выражение благих желаний; но зачем это так сложно? К чему эти специальные мастерские, эти огромные

холсты? Ведь идея может быть выражена, с одинаковым результатом, на небольшом лоскутке бумаги, одним черным цветом. А недавно я слышал, что Лев Николаевич, начав писать в художественной форме какую-то свою доктрину, скоро бросил это писание и перешел к философской, научной форме изложения... Поучать – так поучать – откровенно, просто, кратко и ясно. К чему фабулы?.. – Искренний искажитель веры, правды жаждет простого, ясного слова учителя» [Репин, 2010 а, с. 454]. В другой своей статье, посвященной творчеству Н.Н. Ге, И.Е. Репин продолжает поднимать эту «большую» для русской культуры проблему назидательности искусства. Если в Париже слово «литератор» в значении «клички пишущего сенсационные картины на гражданские мотивы» считается оскорбительным, то «у нас напротив. “Какой интересный рассказ!” – восклицал, бывало, перед картиной Крамской. Это подхватили художники и считали высшей похвалой картине» [Репин, 2010 б, с. 455]. И.Е. Репин возмущенно пишет: «Да, у нас над всем господствует мораль. Все подчинила себе эта старая добродетельная дева» [Репин б, 2010, с. 455]. Л.Н. Толстой под пером Репина идет под определением: «... тот, чье имя я не дерзая произнести – оно всегда на устах у всех» [Репин, 2010 б, с. 455]. Это свидетельствует о свойственной XIX столетию прижизненной «сакрализации поэта», как об этом пишет А. Панченко, рассуждая о мирской святости [Панченко, 2005 б, с. 431–434]. А.М. Панченко только смотрит на эту проблему с другой стороны, подчеркивая тяжесть ноши мирского праведника: «Нигде так не мучают поэтов при жизни и так не чтут после смерти, как в России. Мы прибегаем к ним с сегодняшними заботами, уповая на помощь Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого... При всем уважении к Руссо, Шекспиру, Гете французы, англичане, немцы не станут отягощать их насущными вопросами» [Панченко, 2005 б, с. 431]. Так вот, возвращаясь к мысли И.Е. Репина, сформулированной им в статье о претензиях к искусству, поражает смелость художника, возразившего против господствующей в художественной элите России эпохи реализма моды на нравственность, дидактизм, учительство, проповедь: «Этот гениальный писатель уже с юности обрекается на служение нравственности, а в зрелом возрасте примеривает вериги покаяния. К старости он дошел до самого преданного рабства морали и, как правоверный, вооружается на знание и красоту» [Репин, 2010 а, с. 455–456]. Одно дело – в эпоху Серебряного века появляется знаменитая работа А. Бенуа «История русской живописи в XIX веке», в которой автор восстает против искусства с «заготовленной идейкой». И совершенно другое – вызов И.Е. Репина современникам. Он вынужден был оговариваться: «Боже меня сохрани, чтобы я имел что-нибудь против великой идеи добра!» [Репин, 2010 а, с. 456]. На данную статью И.Е. Репина отреагировал в 1897 г. знаменитый критик В.В. Стасов в статье «Провосветитель по части художеств». Он писал, что статья «полна таких безобразий по части искусства, в ней царствует такое легкомыслие и поверхностность, что, мне казалось, нельзя на нее отвечать» [Стасов, 2010, с. 457]. И отмечал, что ранее И.Е. Репин был вполне приличным художником, следовавшим за своим учителем И. Крамским. Но с 1890-х гг. что-то с ним произошло, какой-то непонятный поворот, и он отказался от идеи искусства: «Взявши себе задачей именно последнее, то есть защиту бессодержательности, И.Е. Репин пробует уверить читателя, что новая русская школа только и занята, что “пользой” своих сюжетов, “поучением”, “моралью”» [Стасов, 2010, с. 463]. Далее статья

полна гнева по поводу обвинений Репина, высказанных в отношении «литературности» и тяжести русского искусства реализма, Стасов восклицает: «Да разве древние Венеры были без содержания для древних греков, разве мадонны были без содержания для итальянцев-католиков XVI века?» [Стасов, 2010, с. 462]. Таким образом, дискуссия Репина и Стасова, связанная в целом с содержательными основами эстетики реализма, служит фоном для оценок образа одного из выдающихся литературных представителей этой эпохи, Л.Н. Толстого.

Влияние личности писателя послужило переломным моментом в биографии художника Н.Н. Ге. После успеха в 1860-е гг. «Тайной вечери», как пишет А. Бенуа, Ге, «увлеченный проповедью Толстого», снова обратился к Евангелию «и проникся глубоким пониманием общечеловеческого смысла трагедии о Христе. При этом он зажегся таким восторгом от нее, что почти дошел до пророчества... однако только почти, так как, по существу, он остался тем же слабым и сбитым с толку человеком, не способным справиться с нашедшим на него откровением. С чисто русской прямолинейностью, с прямолинейностью варвара (а Ге был, несмотря на весь свой живой и впечатлительный ум, наивен, как ребенок, как варвар) он, художник, отказался от красоты и сделался лишней жертвой недоразумения, которое охватило почти целиком всю духовную жизнь русского общества и ближайшим виновником которого следует считать Л. Толстого. Ге в качестве не всегда последовательного адепта толстовского учения презрел в искусстве самое существенное – форму, забыв, что форма неотделима от содержания, что и в форме находятся элементы вечности и тайны. Забыть же он мог это потому, что отождествлял, подобно своему учителю, форму с материей – отождествление, отчасти понятное в человеке, всецело преданном борьбе с материей-плотью во имя высшего, нравственного начала» [Бенуа, с. 179–180]. И затем последовал ряд картин Н.Н. Ге, которые фактически сломали его жизнь окончательно: «Что есть истина», «Суд Синедриона», «Распятие». В картине «Суд Синедриона. “Повинен смерти”» Бенуа видит это жуткое влияние идей Толстого на художника: «В сущности, Ге изобразил просто жалкого и большого юродивого, с пассивным упорством сопротивляющегося натиску обступившей его толпы. Однако если отдать себе отчет в том, что видишь перед собой в таком жалком виде своего Бога, то исполняешься ужасом и уже невольно добавляешь воображением то, чего, пожалуй, и нет в неясных и темных комках краски» [Бенуа, с. 182]. Одним из свидетельств окончательного разрушения личности художника под влиянием идей толстовства А. Бенуа видит картину «Распятие»: «Распятый, видно, висит давно. В терзаниях агонии он съехал вниз, опустился и повис в уродливо-надломленной позе; руки вытянулись до последней степени; запутавшиеся в терновом колючем венце волосы намочили от крови; голова закинулась назад, потухающий глаз ищет в ранодушно-спокойном небе избавителя. А между тем вокруг не мрачно и не похоронно. Солнце, ослепительное и сухое, восточное солнце накаливает землю и воздух и тем придает еще лишние, стихийно-бессмысленные муки кончающемуся Сыну Человеческому» [Бенуа, с. 182–183]. Сравнивая евангельские темы в творчестве Иванова и Ге, А. Бенуа замечает, нанося одновременно удар по «проповеди Толстого»: «Ге... с чисто, так сказать, “протестантской” сухостью и ограниченностью мысли презрел все это «суеверие» и, подобно Толстому, отказался от него. В нем вырабо-

талась очень узкая и земная идея Христа, который представлялся ему, скорее, каким-то упрямым проповедником человеческой нравственности, погибающим от рук дурных людей и подающим людям пример, как страдать и умирать, нежели пророком и Богом. Эти идеи, разумеется, не были лишены драматичности, но с верой они ничего не имели общего. Они не скрывали никаких высших и сверхчувственных горизонтов, а оставались целиком на земле. «Царство Божие внутри вас» — вот все, что Толстой, а вслед за ним и Ге удержали из Евангелия. О каком-либо реальном существовании высшего царства, царства небесного, о каких-либо сверхчеловеческих законах и судьбах они оба, воспитанные в эпоху самого прямолинейного и торжествующего позитивизма, забыли» [Бенуа, с. 184].

Л.Н. Толстой стал национальной гордостью русского народа уже в 1870-е гг., написав «Севастопольские рассказы», «Войну и мир». Как писал А. Панченко, «память нации каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик. Памяти нации чужд протеизм. Она как бы «валяет» своих героев... в некоторых случаях «изваяние» исторического деятеля прямо отливается в... пластическую форму» [Панченко, 2005 а]. В памяти России Л.Н. Толстой вошел в том числе и благодаря трем прижизненным портретам, написанным великими художниками эпохи реализма: И. Крамским, И. Репиным, Н. Ге. И. Крамской был одним из основоположников передвижничества, социальной живописи, дидактизма живописи реализма. Н. Ге являлся последователем толстовского учения. И. Репин встал против содержательности, идейности искусства и склонился к так называемому «чистому искусству». «Создавая символ, история довольствуется немногими крупными мазками», — писал А. Панченко в отношении картины Сурикова «Боярыня Морозова» и ее реальной героини. «Частная жизнь для национальной памяти безразлична. Быт брэнного человека, его земные страсти — все это мелочи, их уносит река забвения. В такой избирательности есть свой резон, потому что история запоминает прежде всего героев, но есть и опасность, потому что подлинный облик человека невольно искажается» [Панченко, 2005 а, с. 65].

Три прижизненных портрета Толстого, ставшего уже национальным символом, — это своего рода упаковка человека в иконографическую форму. Е.А. Вишленкова, подчеркивая во введении к своей монографии «Визуальное народоведение империи» важность визуальной культуры для исторических исследований, замечает, что «практиками рассматривания и изображения они программируют в современниках ракурс видения, а значит, и восприятия реальности» [Вишленкова, с. 17]. Следовательно, так называемая «прижизненная иконография» великого современника — это спроектированное на дальнейшие годы и века восприятие человека.

В 1873 г. портрет Л.Н. Толстого создает И. Крамской. К этому времени художник уже возглавил так называемый «бунт 14-ти» 1863 г. против академического консерватизма, Артель художников, созданную в 1865 г. и Товарищество передвижных художественных выставок, пришедшее на смену Артели. Предтечей создания портрета Л.Н. Толстого была картина «Христос в пустыне» 1872 г., в которой Крамской лишил Христа не только всех атрибутов божественности, но и величия. Крамским была изображена драма человека, предоставленного самому себе. В 1873 г. под влиянием произведений А.И. Тургенева Крамской

приступает к написанию картины «Осмотр старого дома». В поисках подходящего дома он поселился в Тульской губернии. Узнав, что рядом находится имение Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Крамской решил написать портрет писателя. Это было первое живописное изображение Толстого. Вероятно, в связи с этим знакомством у Л.Н. Толстого появилась мысль ввести в «Анну Каренину» художника Михайлова. С.А. Толстая писала: «В осень 1873 года недалеко от Ясной Поляны нанимали дом два художника: К.А. Коровин и И.Н. Крамской. П.М. Третьяков, которому принадлежала в Москве галерея картин, поручил Крамскому писать с Льва Николаевича портрет для Третьяковской галереи» [Толстая]. Когда Крамской приехал в Ясную Поляну, то очень понравился Л.Н. Толстому. Толстой попросил сделать для него за деньги копию портрета. Но Крамской ответил, что копии ему делать трудно, он лучше напишет два портрета. С.А. Толстая вспоминала: «Помню, взойду в маленькую гостиную, посмотрю на этих двух художников, один пишет портрет Толстого, другой пишет свой роман «Анну Каренину». Лица серьезные, сосредоточенные, оба художники настоящие, большой величины... Раз я их застала за разговором об искусстве. Они горячо спорили, но, к сожалению, я не запомнила их разговора. Портреты были написаны быстро, недели в две, три — оба. Испортил он их отчасти тем, что написал за глаза. Лев Николаевич тогда уехал на охоту и позировать не согласился. Как будто охота была важнее портрета, который будет существовать сотни лет» [Толстая]. Первое впечатление от портрета С.А. Толстая определила: «Смотреть страшно даже» [Толстая].

Сам Крамской был бесконечно увлечен Толстым: «Граф Толстой, которого я писал, — сообщил он Репину, — интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней и, признаюсь, был все время в возбужденном состоянии. На гения смахивает» [Крамской, с. 238]. На портрете Крамского Толстой изображен, как простой деревенский мужик: скуластое лицо, широкий нос, окладистая борода. Но при всей кажущейся простоте его внешности, по словам И. Репина, Толстой Крамского — «очень своеобразный барин» [Репин, 1953, с. 368]. Критик В.В. Стасов отмечал в портрете все достижения настоящего реализма, каким он понимался в русском искусстве: «Кто рассеянно и безучастно взглянет на эту картину, подумает, это какой-то слесарь, мастеровой в блузе, с мозолистыми руками — вот и все. Но посмотрите пристальнее — и перед вами откроется глубокая, сложная, талантливая, полная энергии и сил натура» [Стасов, 1952, с. 307]. Таким образом, Л.Н. Толстой кисти И. Крамского — человек эпохи реализма, причем «критического реализма».

Несмотря на то что И.Е. Репин оценивался тем же критиком В.В. Стасовым как «богатырь русской живописи» и глава реалистического искусства России 1870–1880-х гг., это был человек переходной эпохи, от реализма к модернизму. Но портрет Л.Н. Толстого 1887 г., написанный в Ясной Поляне, как и портрет И. Крамского, несет в себе черты реалистического искусства. Толстой предстает как мыслитель [Знаменитые русские художники, 2000, с. 216]. В отличие от портрета кисти И. Крамского, Толстой на портрете И. Репина — сомневающийся, размышляющий об истине, вступивший на путь проповедничества. И сам художник уже ощущает веяния новой эстетической системы модернизма, сомневается в реализме.

Между портретами И. Крамского и И. Репина стоит особняком портрет Л.Н. Толстого кисти Н. Ге, человека, художника, испытавшего на себе не только влияние самой личности Л. Толстого, но и его учения. С одной стороны, наряду с И. Крамским Ге был одним из учредителей Товарищества передвижных выставок и до конца дней оставался верен заветам реализма. Но прямая социальная направленность не была свойственна произведениям Н. Ге. С Л.Н. Толстым художник познакомился в 1882 г. И с этого момента стал страстным последователем нравственно-философского учения писателя. И откликнулся на это учение циклом полотен о чисто человеческих страданиях Христа. Портрет своего учителя, Л.Н. Толстого, он создает в 1884 г. В отличие от Крамского и Репина, писавших Л. Толстого в Ясной Поляне, портрет кисти Н. Ге написан в Хамовниках, в городской усадьбе графа. Этот портрет был прохладно воспринят современниками. Н. Ге упрекали в неудачном ракурсе, выбранном для изображения писателя. Но сам Н. Ге был доволен. Портрет был написан тогда, когда Л.Н. Толстой работал над трактатом «В чем моя вера?». Н. Ге поймал образ Толстого как мыслителя, посягнувшего на святая святых в сакральной русской идентичности и написавшего в 1884 г.: «Я прожил на свете 55 лет, и, за исключением 14 или 15 детских, 35 лет я прожил нигилистом в настоящем значении этого слова, то есть не социалистом и революционером, как обыкновенно понимают это слово, а нигилистом в смысле отсутствия всякой веры. Пять лет тому назад я поверил в учение Христа — и жизнь моя вдруг переменялась» [Толстой, с. 304]. Иными словами, если Крамской поймал образ Толстого в период написания «Анны Карениной», Репин — в момент подготовки «Крейцеровой сонаты», то Н. Ге был полностью охвачен мощью размышлений писателя о вере.

Таким образом, три художника эпохи русского реализма создали три прижизненных образа великого писателя. Эволюция потребления этих визуальных образов национального героя обществом, контекстуализация их — задача дальнейших исследований. Для современников писателя восприятие личности Л.Н. Толстого через его портреты представляло собой комбинацию когнитивных процедур, которые явились первым «кирпичиком» в длительной процедуре ваения своего героя, который в конечном итоге становится некой аксиомой культуры, не нуждающейся в доказательствах и закреплённой в виде четкой формулы. И в этой конечной формуле черты народности, приобретенные в эпоху реализма, сыграли определяющую роль.

Библиографический список

- Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995.
- Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.
- Знаменитые русские художники. Биографический словарь. СПб., 2000.
- Крамской И.Н. Письма. Статьи. Т. 2. М.: Искусство, 1965.
- Панченко А.М. Боярыня Морозова — символ и личность // Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб., 2005 а.
- Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб., 2005 б.
- Репин И.Е. Далекое близкое / Чуковский К.И. М.: Искусство, 1953.
- Репин И.Е. Ге Н.Н. и наши претензии к искусству // История русской живописи. М., 2010 а.
- Репин И.Е. Письма об искусстве // История русской живописи. М., 2010 б.
- Стасов В.В. Избр. соч. Т. 1. М., 1952.
- Стасов В.В. Просветитель по части художества (1897) // История русской живописи. М., 2010.
- Толстая С.А. Моя жизнь. URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstaya.htm> (дата обращения: 12.01.2018).
- Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. М., 1928.
- Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1949.
- Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001.

References

- Benua A.N. *Istoriia russkoi zhivopisi v XIX veke* [The history of Russian painting in the XIX century]. M., 1995 [in Russian].
- Viashlenkova E.A. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu»* [Visual ethnology of the empire, Or «To see the Russian is not given to everyone»]. M., 2011 [in Russian].
- Znamenitnye russkie khudozhniki. Biograficheskii slovar'* [Famous Russian artists. Biographical Dictionary]. Spb., 2000 [in Russian].
- Kramskoy I.N. *Pis'ma. Stat'i, t. 2* [Letters. Articles, vol. 2]. M.: Iskusstvo, 1965.
- Panchenko A.M. *Boiarynia Morozova — simbol i lichnost'* [Boyar's wife Morozova — symbol and personality]. In: Panchenko A.M. *Ia emigriroval v Drevniuiu Rus'* [I emigrated to Ancient Rus]. SPb., 2005 [in Russian].
- Panchenko A.M. *Russkii poet, ili mirskaia sviatost' kak religiozno — kul'turnaia problema* [Russian poet, or worldly holiness as a religious and cultural problem]. In: Panchenko A.M. *Ia emigriroval v Drevniuiu Rus'* [I emigrated to Ancient Rus]. SPb., 2005 [in Russian].
- Repin I.E. *Dalekoe blizkoe* [Far close]. M.: Iskusstvo, 1953 [in Russian].
- Repin I.E. *Ge N.N. i nashi pretenzii k iskusstvu* [Ge N.N. and our claims to art]. In: *Istoriia russkoi zhivopisi* [History of Russian Painting]. M., 2010 [in Russian].
- Repin I.E. *Pis'ma ob iskusstve* [Letters on art]. In: *Istoriia russkoi zhivopisi* [History of Russian Painting]. M., 2010 [in Russian].
- Stasov V.V. *Izbr. soch., t. 1* [Selected works, vol. 1]. M., 1952 [in Russian].
- Stasov V.V. *Prosvetitel' po chasti khudozhestva (1897)* [Enlightener in the field of art (1897)]. In: *Istoriia russkoi zhivopisi* [History of Russian Painting]. M., 2010 [in Russian].
- Tolstaya S.A. *Moia zhizn'* [My life]. Available at: <http://www.a-z.ru/women/texts/tolstaya.htm> (accessed: 12.01.2018) [in Russian].
- Tolstoy L.N. *V chem moia vera?* [What is my faith?]. In: Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenii. V 90 t. T. 23* [Complete set of works: in 90 Vols. Vol. 23]. M., 1928 [in Russian].
- Chernyshevsky N.G. *Esteticheskie otnosheniia iskusstva k deistvitel'nosti* [Aesthetic relationship of art to reality]. In: Chernyshevsky N.G. *Polnoe sobranie sochinenii: V 15 t.* [Complete set of works. In 15 Vols.]. M.: Goslitizdat, 1949, Vol. 2 [in Russian].
- Fet A. *Zhizn' Stepanovki ili Liricheskoe khoziaistvo* [Stepanovka's Life or Lyrical Economy]. M., 2001 [in Russian].

Е.П. Баринаева

ГУБЕРНАТОРЫ И ДВОРЯНСТВО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФЛИКТЫ

© Баринаева Екатерина Петровна – кафедра институциональной экономики и экономической истории, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: rfnz25@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>. Researcher ID: J-1269-2017

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются противоречия между партикуляризмом дворянства на местах и централизаторскими стремлениями коронной администрации. Выявляются способы взаимодействия губернатора с представителями дворянской корпорации, выясняются причины конфронтации и негативных оценок личности губернаторов. Отмечается, что, несмотря на продворянскую ориентацию и деятельность, губернатор зачастую оценивался дворянством негативно, как представитель бюрократии, чиновник, чуждый интересам губернии и корпорации. Показано, что наличие разобщенности между властью и обществом на местном уровне, дистанцирование губернатора от местных проблем и конфликты с представителями дворянской корпорации способствовали нарастанию отчужденности и обостряли политическую ситуацию в губерниях. В связи с этим дворянство выступило противником правительственного проекта губернской реформы.

Для характеристики взаимоотношений власти и общества используется структурно- функциональный анализ. В статье отмечается, что события первой российской революции стали серьезной проверкой на прочность губернаторского корпуса, показали недостаточный уровень компетентности, организаторских способностей и авторитета губернаторов для решения политических конфликтов. Оппозиционный характер I и II государственных дум частично был связан с тем, что местные власти не сумели реализовать правительственные интересы во время избирательных кампаний. Одновременно выявляется мотивация действий представителей дворянской корпорации, полагающих, что они имеют приоритет в оценке особенностей жизни российской провинции. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить общее и особенное в оценках представителей губернаторского корпуса. Корпус исторических источников представлен воспоминаниями губернаторов, анализ которых позволил объяснить управленческие решения автора в сложных исторических условиях. В статье ставятся и решаются научно значимые задачи, в которых рассматривается специфика взаимоотношений между представителями коронной власти – губернаторами – и органов дворянского сословного самоуправления – предводителями дворянства – в начале XX века.

Ключевые слова: губернатор, дворянское собрание, предводитель дворянства, бюрократия, государственная служба, воспоминания, первая российская революция.

Цитирование. Баринаева Е.П. Губернаторы и дворянство в начале XX века: сотрудничество и конфликты // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 23–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-23-31>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-23-31
UDC 94(47)

Submitted: 11/XII/2017
Accepted: 20/I/2018

E.P. Barinova

GOVERNORS AND NOBILITY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: COOPERATION AND CONFLICTS

© *Barinova Ekaterina Petrovna* – Department of Institutional Economics and Economic History, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.
E-mail: rfnz25@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>. Researcher ID: J-1269-2017

ABSTRACT

In the article contradictions between particularism of nobility on places and centralization aspirations of crown administration are considered. Ways of interaction of the governor with representatives of noble corporation come to light, the reasons of confrontation and negative estimates of identity of governors become clear. It is noted that despite pro-noble orientation and activity, the governor was often negatively estimated by the nobility as the representative of bureaucracy, the official alien to the interests of the province and corporation. It is shown that existence of dissociation between the power and society at the local level, distancing of the governor from local problems and conflicts with representatives of noble corporation promoted increase of estrangement and aggravated political situation in provinces. In this regard the nobility has acted as the opponent of the government project of provincial reform. For the characteristic of relationship of the power and society the structural functional analysis is used. In the article it is noted that events of the first Russian revolution became serious check on durability of the governor's case, have shown the insufficient level of competence, organizing abilities and the authority of governors for the decision of political conflicts. The oppositional nature of I and II State Dumas has partially been connected with the fact that local authorities haven't managed to realize government interests during the electoral companies. At the same time the motivation of actions of representatives of noble corporation believing that they have a priority in assessment of features of life of the Russian province comes to light. The comparative method has allowed to reveal general and special in estimates of representatives of the governor's case. The case of historical sources is presented by memoirs of governors which analysis has allowed to explain administrative decisions of the author in difficult historical conditions. In the article scientific and significant tasks in which the specifics of relationship between representatives of the crown power – governors and bodies of noble class self-government – leaders of the nobility at the beginning of the XX century are considered are set and solved.

Key words: governor, nobility assembly, leader of the nobility, bureaucracy, public service, memoirs, first Russian revolution.

Citation. Barinova E.P. Gubernatory i dvorianstvo v nachale XX veka: sotrudnichestvo i konflikty [Governors and nobility at the beginning of the XX century: cooperation and conflicts]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 23–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-23-31>.

Эффективность властно-политического регулирования, проблемные аспекты взаимоотношений государственных структур власти и органов местного самоуправления всегда вызвали историографический интерес. Современная историография проблемы представлена исследованиями, посвященными изучению исторического опыта реформ местного управления [Могилевский], характеристике различных аспектов формирования, деятельности и социокультурных характеристик губернаторского корпуса различных регионов [Лысенко; Минаков; Туманова], отдельных персоналий губернаторов [Алексушин; Баязин; Марасанова, Федюк; Шатохин], взаимоотношениям государственных структур и органов местного самоуправления [Куликов; Любичанковский]. Итоги историографиче-

ского изучения губернаторского корпуса России начала XX века подведены орловским исследователем А.С. Минаковым [Минаков, 2009]. Анализируя кадровую политику в отношении губернаторского корпуса в начале XX века, он справедливо отмечает, что критерии отбора на губернаторский пост носили многофакторный характер и зависели от задач, стоящих перед центральной властью. Зачастую в кризисных и чрезвычайных условиях кадровые перемены в губернаторском корпусе способствовали их преодолению [Минаков, 2011]. Американский историк Р. Роббинс полагает, что статус губернатора имел крайне противоречивый характер. Он должен был воплощать власть монарха на губернском уровне, осуществлять административный надзор и в то же время функции главного

губернского агента МВД [Роббинс, с. 202]. В статье О.А. Суховой рассмотрены адаптационные возможности политического института губернаторства, дан подробный анализ деятельности губернаторов Поволжья и Урала в экстремальных условиях первой российской революции, показана их роль в борьбе с революционным движением [Сухова]. Несмотря на разнообразие исторических работ, посвященных институту губернаторства, целый ряд сюжетов в истории взаимоотношений представителей коронной власти и общества нуждается в дополнительном изучении. В частности, интересен вопрос о взаимоотношениях губернаторов и губернских предводителей дворянства, об участии губернаторов в жизни дворянской корпорации и оценке дворянством их деятельности как представителей власти. Данная проблема частично затрагивалась исследователями при характеристике деятельности того или иного губернатора [Антонова; Бикташева; Дунаева, 2010; Дунаева, 2012; Канищев; Марасанова] или анализе деятельности дворянских корпоративных организаций [Баринова; Кабытов, Баринова, Селиверстов; Шатохин, Шатохина], но комплексного освещения не получила.

В качестве источников по данной проблеме может выступать как делопроизводственная документация, в частности всеподданнейшие отчеты губернаторов, служебная переписка губернатора с губернским предводителем дворянства, так и источники личного происхождения — воспоминания и мемуары губернаторов [Джунковский; Кошко; Муратов; Осоргин; Урусов], позволяющие объяснить поступки и управленческие решения автора в сложных исторических условиях. Отметим, что воспоминания обладают разной степенью информативности о деятельности губернатора, характере его взаимоотношений с дворянством губернии, не лишены субъективности и политических пристрастий автора в оценках событий. В воспоминаниях московского губернатора в 1905–1912 гг., генерал-майора царской свиты, товарища (заместителя) министра внутренних дел Российской империи и командира отдельного корпуса жандармов в 1913–1915 гг. В.Ф. Джунковского отражены важнейшие события политической, общественной и культурной жизни России 1905–1915 гг. [Джунковский]. Автор стремится быть документально точным, сдержанным, беспристрастным в освещении событий, не претендуя на их анализ. Воспоминания Н.П. Муратова более эмоциональны, он стремился показать взгляд современников на ту или иную историческую личность [Муратов]. В мемуарах М.М. Осоргина дается краткая зарисовка первого впечатления вновь прибывшего губернатора на тульское высшее чиновничество начала XX века. Он сравнивает результаты взаимоотношения власти и общества двух губерний — Тульской и Гродненской. Воспоминания М.М. Осоргина интересны еще и тем обстоятельством, что автор на протяжении своей карьеры был земским начальником (1890), калужским уездным предводителем дворянства (1890–

1898), вице-губернатором (1898–1903), гродненским (1903–1905) и тульским губернатором (май–декабрь 1905). Сравнивая дворянскую и административную службу, он отмечал: «Разнообразия было хотя меньше, чем в губернаторской работе, но зато не было дерготни последней, а также не было того напряжения и ожидания всяких беспорядков и осложнений, коими изобиловали те губернии, где впоследствии пришлось мне быть администратором. Самостоятельность же предводителя была особым плюсом: ни от кого не зависишь и распределяешь свои занятия, как сам того пожелаешь» [Осоргин, с. 463].

Время создания воспоминаний также наложило отпечаток на их информационную насыщенность. Если «Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.)» И.Ф. Кошко изданы в 1916 году, фактически сразу после окончания его карьеры [Кошко], то воспоминания Н.П. Муратова, М.М. Осоргина и В.Ф. Джунковского были написаны после Октябрьской революции и не лишены внутренней цензуры со стороны автора, поскольку писались в условиях большевистского режима.

Губернский предводитель дворянства избирался губернским дворянским собранием и утверждался императором. По должности он являлся председателем земского собрания, входил в состав разных административных присутствий. По сути, он занимал первое место после губернатора, имел право обращаться не только к губернатору, но и к министру внутренних дел. Предводители наряду с губернаторами зорко следили за политической атмосферой в губерниях и уездах. В качестве председателей земских собраний они «считали своим главным делом не допускать враждебных и просто неприятных правительству речей» и обсуждать вопросы, выходящие за рамки местных нужд. Наделение в 1860–1880-х гг. уездных предводителей дворянства рядом административных функций по координации местного коронного управления уездами, введение в 1890 г. должностей земских начальников, а также введение земства как института местного управления позволило максимально привлечь в сферу управления местным хозяйством поместное дворянство. Мотивация деятельности предводителя дворянства и губернатора была различна, если предводители отстаивали узкокорпоративные интересы местного дворянства, то губернаторы стояли на страже интересов всего государства. Н.П. Муратов отмечал, что отношение дворянства к губернатору определялось принципом «Мы — свои, а он — чужой» [Муратов, с. 128]. Губернатор для дворянства губернии являлся временным, случайным человеком, связанным с ним только на определенный момент. Сословные интересы и корпоративные связи для дворянства были преобладающими.

Губернаторы, будучи представителями высшей власти, «хозяевами» вверенных территорий, отвечали за реализацию правительственной политики всеми коронными учреждениями, осуществляли

надзор и попечительство за органами местного самоуправления. Роль, которую играл губернатор во властной системе, определялась не только его официальным статусом, но и во многом самой личностью человека, занимавшего этот пост. Губернаторы не имели права вмешиваться в деятельность дворянских собраний, однако пренебрежение к дворянству было чревато для губернаторов серьезными осложнениями.

Базовой ценностью дворянского сознания была аксиома, что дворянство является «верным слугой верховной власти». Поэтому, состоя на государственной службе, дворяне не считали возможным «подрывать государственный строй», так как сами были его составляющими элементами. С.Д. Урусов отмечал, что он «ревниво охранял самостоятельность своей служебной деятельности» [Урусов, с. 22]. Ему вторит И.Ф. Кошко: «Если ты не одобряешь действия правительства, — говорил он всегда, — так выходи в отставку и делай и думай, что тебе угодно. А состоя на службе, получая жалование и перекидываясь на сторону врагов, человек совершает гнусную измену, которая претит всякому сколько-нибудь порядочному человеку» [Кошко, с. 76].

Взаимоотношения губернатора и губернского предводителя дворянства наиболее концентрированно отражают противоречия между поместным дворянством и бюрократией. Оценка личности и деятельности губернатора у представителей дворянского сословия складывалась не только под влиянием обстановки в стране, но и зависела от того, находился ли сам дворянин на государственной службе. В вину губернаторам и вице-губернаторам часто ставили незнание местной жизни, «петербургские фанаберии и военные понятия», автократичность и невнимательность [Осоргин, с. 466]. Дворянство было единодушно в том, что преобразования, проводимые правительством, не улучшают, а лишь ухудшают его положение. При этом тот факт, что представители дворянства занимали все ключевые посты и определяли основные направления общественной жизни, ими просто не учитывался. Критика коронной администрации, однако, была подкреплена не конкретными действиями, а декларациями о том, что «дворянство — лучшее сословие», рассуждениями об «исторической роли передового сословия». В среде либерально настроенного дворянства еще до 1905 года не только витали оппозиционные настроения, но и формировались очаги открытого неприятия того или иного губернатора. Особенно ярко это проявилось в ходе работы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 гг.

В воспоминаниях губернаторов представлены яркие характеристики уездных и губернских предводителей дворянства. Оценивая того или иного предводителя дворянства, они чаще всего уделяли внимание его деловым качествам и деятельности на своем посту. М.М. Осоргин, характеризуя черенского уездного предводителя дворянства Офросимова, отмечал его принадлежность к «самому

правому крылу тульского дворянства» и «полную бездеятельность» на посту главы уезда [Осоргин, с. 707]. В.Ф. Джунковский нарисовал два противоположных портрета уездных предводителей: А.Д. Самарина как «образец для достойного подражания» [Джунковский, с. 44] и графа П.С. Шереметева, принадлежавшего «к разряду тех предводителей дворянства, которые не могли отдавать достаточно времени для добросовестного исполнения служебных обязанностей». Он отмечал, что граф П.С. Шереметев часто отсутствовал в уезде, в связи с чем «дела уездного съезда и всех присутствий, председателем коих он состоял, были запущены» [Джунковский, с. 63]. В воспоминаниях Н.П. Муратова приводится подробная личностная характеристика дворянских лидеров губернии: так, пятая глава целиком посвящена губернскому предводителю дворянства Н.Н. Чолокаеву. Впоследствии на страницах воспоминаний он неоднократно возвращается к характеристике взаимоотношений с ним: «мы тихо не любили друг друга и молча без шума боролись, оставаясь внешне в самых приличных отношениях» [Муратов, с. 55]. Надо отметить, что Н.П. Муратов в отличие от своих современников полагал, что консерватор Н.Н. Чолокаев «склонен симпатизировать левым течениям» [Муратов, с. 56]. Во многом такая подробная характеристика была связана с той парадоксальной ситуацией, в которой Н.П. Муратов оказался в отношении к дворянской общественности губернии. Консервативные убеждения приводили Н.П. Муратова к столкновениям с либеральными кругами дворянского сообщества. Особый резонанс имел «казус Бенкендорфа», когда «начальник губернии», используя свое формальное право, не утвердил избрание либерала К.Л. Бенкендорфа моршанским уездным предводителем [Канищев; Туманова].

Очень часто конфликтные ситуации между губернаторами и уездными предводителями дворянства возникали в силу разного понимания ими круга своих обязанностей. Так, тульский губернатор М.М. Осоргин обратился к новосильскому уездному предводителю дворянства Шатилову с конфиденциальным письмом, в котором высказывал тревогу в связи с положением дел в уезде и подготовкой выборов в I Государственную думу. «Я очень был озабочен, потому что требовалась твердая разумная рука предводителя, чтобы направить все подготовительные работы <...> излагал ему все мои опасения и кончал просьбой к нему вступить на это время в должность или же, если болезнь его безусловно этому препятствует, подыскать себе достойного заместителя», — вспоминал он. В ответ М.М. Осоргин получил «неприличное по содержанию» письмо, в котором предводитель дворянства писал: «...благодарю за советы, но в них не нуждаюсь» [Осоргин, с. 708]. Законодательство не давало никаких способов губернатору противодействовать абсентеизму предводителя. Схожий по форме (письмо, написанное «в совершенно неуместном тоне») и содержанию ответ получил в 1909 г. и москов-

ский губернатор В.Ф. Джунковский от П.С. Шереметева, когда напомнил ему о необходимости выполнения своих обязанностей и участии в воинском присутствии при наборе новобранцев. Для разрешения конфликта В.Ф. Джунковский вынужден был обратиться с просьбой к губернскому предводителю дворянства А.Д. Самарину «взять на себя труд в товарищеском кругу предводителей дворянства обсудить этот печальный инцидент и помочь мне достойным образом покончить его, не прибегая к постановке дела на официальную почву, что было бы для меня крайне нежелательным из чувства уважения к дворянству» [Джунковский, с. 63].

Серьезной проверкой на прочность губернаторского корпуса стала первая российская революция. Кризисная ситуация в регионах, ставших эпицентрами революционного движения в империи, требовала новых компетенций и управленческих решений. В отчетах Николаю II за 1905 г. губернаторы указывали на рост революционных настроений среди земской интеллигенции. Они отмечали, что «масса видных земских деятелей» ушла в революционное движение, что привело к обострению борьбы между радикальной и умеренной частью интеллигенции. Губернаторы обвиняли «в преступной пропаганде» всех земских деятелей, считали земские учреждения «рассадником не только либеральных, но и революционных веяний» [Осоргин, с. 710]. Так, губернатор К.А. Балясный обвинял орловского губернского предводителя дворянства М.А. Стаховича в заискивании перед третьим элементом. Московский губернатор В.Ф. Джунковский, подробно описывая события 1906 года и свой конфликт с председателем Московской губернской земской управы Ф.А. Головиным, с горечью отмечал «революционное настроение» земских деятелей, под влиянием которого «работа в земстве почти остановилась, ее заменила политика» [Джунковский, с. 43–45].

К осени 1905 г. помещики стали квалифицировать крестьянское движение уже как «пугачевщину». Там, где дворянской собственности угрожала опасность, заканчивалось словесное фрондерство либералов. Независимо от политических убеждений помещики неоднократно просили премьер-министра, министра внутренних дел и губернаторов оказать им помощь. Тульский губернатор М.М. Осоргин отмечал, что под влиянием аграрных беспорядков на его хуторе, «почувствовав первый натиск либеральных веяний, осуществленных на деле», Богородицкий уездный предводитель граф В.А. Бобринский «затрепетал за свое материальное благополучие и перешел в лагерь крайне правых», «успел перекреститься из ярого либерала в такого же ярого консерватора» [Осоргин, с. 710]. Подобные метаморфозы политических взглядов были характерны для подавляющей массы помещного дворянства. Как только над экономическими и политическими правами и привилегиями нависла реальная угроза, они перешли от либеральной болтовни к проверенным методам защиты своей собственности [Баринаева, с. 220–226].

Нарастание революционных событий, политическая активизация общества и Манифест 17 октября 1905 г. застали как помещное дворянство, так и губернаторов практически не подготовленными к столь быстрым и разрушительным переменам. Возрастала отчужденность между властью и провинциальным обществом, что крайне болезненно воспринималось представителями местной администрации. Они искренне считали, что, защищая общественный порядок, действуют в интересах большинства населения. «Рискуешь жизнью, треплешь до изнеможения нервы для поддержания спокойствия, чтобы люди могли жить по-человечески, и что же повсюду встречаешь? Не только нет тебе никакой поддержки, а на каждом шагу до тебя доходит одно осуждение; идешь по городу и ловишь взгляды, полные ненависти, точно ты какой-нибудь изверг, пьющий человеческую кровь, как любят выражаться распропагандированные мужики», — отмечал И.Ф. Кошко [Кошко, с. 83]. Идеалы государственной службы и управления пришли в столкновение с революционной действительностью. «Из Министерства я никаких указаний не получал, — с горечью отмечал М.М. Осоргин, — ни Булыгин, тогдашний министр внутренних дел, ни Трепов, его помощник, а в сущности диктатор по внутренней политике, не почли нужным предупредить нас, губернаторов, о предстоящей общей забастовке» [Осоргин, с. 717]. Губернаторы остались один на один с непростой обстановкой, пытались сохранить порядок, не чувствовали поддержки ни со стороны центральной власти, ни со стороны местного общества. М.М. Осоргин вспоминал, что принятие Манифеста 17 октября 1905 года произвело ошеломляющее впечатление: «...левые торжествовали от того, что правительство пошло на уступки, а правые были как-то печальны и сконфужены» [Осоргин, с. 722–723].

Самарский губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов ярко и эмоционально описывал тревожные дни революционных потрясений октября 1905 г. в Самаре: «Жизнь в городе теряла свой нормальный уклад... На меня объявление манифеста произвело сильнейшее, далеко не утешительное впечатление. Прежде всего, несомненно, выявилось поражение правительства, его бессилие и торжество улицы...» [Наумов, 1954–1955, Т. 2, с. 16–21, 24–29]. Мемуарист также говорит об активной позиции вице-губернатора В.Г. Кондоиди, который призвал дворянство высказать свою готовность к борьбе с «внутренними и внешними врагами» [Кабытов, Баринаева, Селиверстов, с. 57]. Давая негативную оценку действий самарского губернатора Д.И. Засядко, который, с его точки зрения, не предпринимал никаких решительных мер для подавления революционного движения, он отмечал: «Власть бездействовала, улица нагнела, всюду происходили грабежи, убийства, “снятия” служащих, слухи самые фантастические, в городе царствовал террор, слышалась повсеместная стрельба...» [Наумов, 1954–1955, Т. 2, с. 16]. В ноябре 1905 г.

на приемах у министра внутренних дел П.Н. Дурново и председателя Совета министров графа С.Ю. Витте он просил принять меры к увольнению нерешительного, «негодного» губернатора.

Непосредственное участие в борьбе с революционным движением в регионах стало испытанием на прочность для губернаторов. Никогда еще начальник губернии не был так подавлен и растерян, не знал, на какую политическую силу ему опереться. «Положение было совершенно новое, — отмечал М.М. Осоргин, — я, представитель власти, губернатор, сносился с какими-то вожаками революционных партий, признавая этим самым организацию и силу власти этих вожаков» [Осоргин, с. 726]. На долю М.М. Осоргина выпал весьма проблемный и беспокойный период — преодоление беспорядков 21 октября 1905 года в Туле, повлекших человеческие жертвы. Вице-губернатор А.Н. Хвостов играл двойственную роль, с одной стороны, «заигрывая» с лидерами революционного движения, с другой — призывая губернатора для сохранения порядка опереться на правые элементы. М.М. Осоргин тяжело переживал необходимость применения жестоких мер, считал, что «был виновен в непредусмотрительности», что стало в итоге причиной его просьбы об отставке.

Ситуация неопределенности порождала пессимистические настроения в среде местной администрации. В мемуарах И.Ф. Кошко описывается эмоциональное состояние его непосредственного начальника — самарского губернатора И.Л. Блока, считавшегося одним из образцовых провинциальных администраторов этого периода: «Вечная опасность, постоянная взвинченность нервов, ни на чем не основанное недоброжелательство со стороны населения — все это его ужасно угнетало. Я никогда, кажется, не видел на этом лице улыбки» [Кошко, с. 76]. В.Ф. Джунковский определяет Московское вооруженное восстание как «выходящие из ряда вон беспорядки» [Джунковский, с. 28–35] и высоко оценивает действия Ф.В. Дубасова по их ликвидации [Дунаева, 2010].

В условиях роста террористической активности одним из принципов сменяемости губернаторов становится их гибель от рук революционеров. Так, в 1905 г. было убито 20 губернаторов. В 1906 г. погибли тверской, самарский, симбирский, пензенский губернаторы, варшавский генерал-губернатор, петербургский градоначальник [Шатохин]. Практика назначения на службу начинает зависеть не столько от протекции, сколько от деловых качеств кандидата в губернаторы, его готовности «взять бразды правления в свои руки и не допустить погромов и беспорядков после террористического акта и гибели начальника губернии» [Сухова, с. 135]. Назначение на пост вице-губернатора в охваченную аграрным движением Самарскую губернию И.Ф. Кошко встретил с большой долей смятения: «...Судьба меня бросает в самое жерло беспорядков. Тут была опасность для жизни и опасность для служебной карьеры» [Кошко, с. 37]. 21 июля

1906 г. взрывом бомбы был убит самарский губернатор И.Л. Блок. Узнав об этой трагедии, губернский предводитель дворянства А.Н. Наумов стал беспокоиться за свою и членов своей семьи безопасность. Сразу же после убийства И.Л. Блока он получил телеграмму без подписи «Завтракали у губернатора, пообедаем у Вас», поэтому решил не ездить в Самару на похороны губернатора. После убийства И.Л. Блока губернию временно возглавил вице-губернатор И.Ф. Кошко. Судя по всему, у него сложились неприязненные отношения с А.Н. Наумовым: «По жене он был очень богат... Она в это лето жила с детьми где-то во Франции, кажется, в Аркашоне, куда ездил постоянно и сам предводитель, лишь изредка показываясь в Самаре» [Кошко, с. 76]. А.Н. Наумов также отрицательно характеризует И.Ф. Кошко как «человека податливого, бездарного и взбаломшного, принимавшего слишком слабые и осторожные меры борьбы с террористическими организациями» [Наумов, 1954–1954, Т. 2, с. 95].

Размах аграрного движения требовал принятия от губернаторов решительных мер. На требования помещиков «обеспечить их защиту» правительство отвечало предоставлением губернаторам особых полномочий «по охране государственного порядка в губернии и общественного спокойствия». Для «благоговящего успокоения умов» губернаторы предлагали уездным и губернским предводителям дворянства объявлять и разъяснять крестьянам смысл царских манифестов. «Когда ко мне стали поступать все чаще и чаще сведения об ожидаемых погромах помещичьих усадеб, — вспоминал М.М. Осоргин, — я написал в Министерство, что с имеющимися у меня силами я совершенно не в состоянии сохранить порядок в губернии; при этом я очень резко выразился, что мое положение тульского губернатора совершенно невозможное: правительство допускает собрание Крестьянского союза в Москве; представитель Тульской губернии на этом съезде, крестьянин Богородицкого уезда, фамилии не помню, говорит на заседаниях зажигательные речи, требуя “иллюминации” помещичьих усадеб, то есть попросту их поджога. Ни московский генерал-губернатор, ни центральное правительство никак не реагируют на эти призывы к погромам. Среди населения складывается убеждение, что правительство не только потворствует, но и сочувствует этому течению» [Осоргин, с. 747].

Правительству требовались губернаторы, готовые играть «на правовом поле», но не допускать «разгула демократии» и способные самостоятельно выполнять задачу по окончательному подавлению революции в регионах. Тамбовский губернатор Н.П. Муратов, пензенский И.Ф. Кошко, московский В.Ф. Джунковский едва ли не идеально соответствовали этому типу. В начале 1906 г. проходили выборы в I Государственную думу. Губернатор как высший в губернии чиновник МВД обязан был добиваться соблюдения законности в ходе избирательных кампаний в Государственную думу, ис-

пользуя жесткий административный контроль. Накануне выборов в Государственную думу коронная администрация на местах испытывала те же иллюзии, что и правительство, рассчитывавшее получить послушный «мужицкий» парламент. Авторы воспоминаний признают, что в оппозиционном характере I и II государственных дум отчасти виноваты местные власти, которые не сумели реализовать правительственные интересы во время избирательных кампаний. И.Ф. Кошко объяснял просчеты местной администрации следующим образом: «Конечно, главную роль тут играла, мне кажется, наша общая неподготовленность к представительному строю. Мы, разумеется, теоретически хорошо понимали эту идею, но практически совершенно не представляли себе, как надо осуществить ее, чтобы наименее уклониться от идеального представления и преодолеть затруднения, которые неизбежно возникнут при проведении нового порядка в жизнь» [Кошко, с. 20]. Вспыхнувшее с необычайной силой аграрное движение было поставлено помещиками и губернаторами в прямую связь с думскими речами по аграрному вопросу. Курский губернатор В.М. Борзенко в отчете за 1906 г. так охарактеризовал настроения в губернии: «...огромную роль в деле развращения населения, особенно сельского, сыграла Государственная дума первого созыва, то есть произносившиеся депутатами крайних партий речи давали в сознании народа авторитетную санкцию чего-то вполне допустимого и дозволенного. Земства губернии обнаружили резкий поворот к отрезвлению. Развивавшаяся гроза пробудила дремавшие силы дворянства» [Баринаева, с. 185].

Враждебное отношение к губернаторам, бюрократии, чиновникам, то есть к реальным агентам власти, присутствовало в сознании консервативно настроенного дворянства. Выступая на V съезде объединенного дворянства (1909 г.), Н.Е. Марков обратил внимание на то обстоятельство, что по проекту губернской реформы «начальником губернии значится представитель правительства», а не представитель верховной власти. Делая реверанс в сторону П.А. Столыпина, он отмечал, что «мы не можем ради доверия к одной, случайно находящейся во главе правительства личности» допустить возникновения ситуации, «когда начальники губерний, все эти представители правительства», получают телеграмму министра внутренних дел, извещающую, что «отныне монарха нет, а есть республика», и тут же «переменяют направление» [Объединенное дворянство. Кн. 1, с. 234].

Проект губернской реформы и, в частности, будущий статус губернатора в 1908–1909 гг. обсуждались в Совете по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. К.И. Могилевский отмечает, что, хотя обсуждаемый проект и был наследием Плеве, статус губернатора уже определялся в нем по-иному. Губернатор рассматривался как местный орган исполнительной власти, Совета

министров, а не прежний «начальник губернии». Однако движения проект не получил, поскольку члены Совета считали, что обсуждение «губернаторской должности» невозможно в отрыве от остальных реформ системы местного управления [Могилевский]. На VI съезде объединенного дворянства депутаты съезда подчеркивали, что проект правительства может «умалить власть Самодержца-государя» [Объединенное дворянство. Кн. 1, с. 342]. Опасаясь умаления власти царя, дворяне протестовали против тенденции нового законопроекта, «по которому губернаторов... хотя бы обратиться в чиновников Министерства внутренних дел» [Объединенное дворянство. Кн. 1, с. 419–421].

Разносторонние функции губернаторской власти осуществлялись путем вовлечения в деятельность органов власти, представителей различных сословий и местного самоуправления. Конфликтные ситуации, возникающие в отношениях губернаторов с дворянством, во многом зависели от антибюрократических настроений, существовавших в среде дворянства, разницы в политических взглядах и личностных характеристик губернатора. Особенно ярко это проявилось в ходе первой российской революции и обсуждении актуальных вопросов социально-экономического и политического развития России на дворянских собраниях и съездах уполномоченных объединенных дворянских обществ. К традиционному сотрудничеству и фрондерству как формам взаимодействия общественно-политической и бюрократической элит в период первой российской революции добавилась партийно-политическая борьба, которая смягчалась сословной солидарностью. Несмотря на доминирование в дворянской среде консервативно-охранительных настроений, в ряде случаев дворянские корпоративные связи играли доминирующую роль и губернатор лишался поддержки со стороны сословия и не мог эффективно управлять регионом.

Библиографический список

- Алексушин Г.В. Самарские губернаторы: историко-краеведческие очерки. Самара: Самарский Дом печати, 1996. 320 с.
- Антонова И.А. Тульское чиновничество в мемуарах губернатора М.М. Осоргина // Власть и общество в провинции: сб. материалов науч. конф., посв. 240-летию Тульской губернии [Электронный ресурс]. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 18–24. URL: http://tsput.ru/tio/project/vlast_i_obs_2107.pdf.
- Балязин В.М. Московские градоначальники. М.: Терра, 1997. 432 с.
- Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
- Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века. Бремя власти. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 320 с.
- Джунковский В.Ф. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 688 с.

Дунаева А.Ю. В.Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность (Конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 20 с.

Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М.: Объединенная редакция МВД России, 2012. 320 с.

Кабытов П.С., Баринаева Е.П., Селиверстов С.С. Жизнь и судьба Александра Наумова. Самара: Самарский инст. (фил.) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2013. 160 с.

Канищев В.В. Деятельность тамбовского губернатора Н.П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит: 1906–1912 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 23 с.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917) Рязань: б. и., 2004. 472 с.

Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород–Самара–Пенза. Пг.: Содружество, 1916. 259 с.

Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М.: МПГУ, 2001. 358 с.

Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России на материалах Урала, 1892–1914. Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.

Марасанова В.М., Федюк Г.П. Ярославские губернаторы. 1777–1917. Историко-биографические очерки. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 420 с.

Марасанова В.М. Князь С.Д. Урусов о государственном управлении в российской империи начала XX века // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Вып. 8 / под ред. Ю.Ю. Иерусалимского, В.П. Федюка, В.М. Марасановой. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 74–84.

Минаков А.С. Губернаторский корпус пореформенной России в современной историографии // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 160–168.

Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.) / отв. ред. В.В. Шелухаев. Орел: Орлик, 2011. 488 с.

Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М.: РОССПЭН, 2008. 328 с.

Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: б. и., 2007. 436 с.

Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1954–1955. Т. 1, 2.

Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920. М.: Российский фонд культуры; Студия ТРИТЭ; Российский архив, 2009. 850 с.

Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. / сост. А.П. Корелин Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 1, 2. М.: РОССПЭН, 2001.

Роббинс Р. Наместник и слуга // Отечественная история. 1993. № 1. С. 202–213.

Сухова О.А. Губернаторы Поволжья и Урала в начале XX века // Исторический вестник. 2013. Т. 3. № 150. С. 122–153.

Туманова А.С. Консерватор во власти: губернатор Н.П. Муратов. // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103–113.

Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009.

Шатохин И.Т. Губернаторы в Первой русской революции // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 4. С. 103–104.

Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. Т. 32. № 21. С. 106–110.

References

Aleksushin G.V. *Samarskie gubernatory: istoriko-kraevedcheskie ocherki* [Samara governors: historical and ethnographic studies]. Samara: Samarskii Dom pechati, 1996, 320 p. [in Russian].

Antonova I.A. *Tul'skoe chinovnichestvo v memuarakh gubernatora M.M. Osorgina* [Tula officials in the memoirs of the governor M.M. Osorgin]. In: *Vlast' i obshchestvo v provintsii: Sb. materialov nauch. konf., posv. 240-letiiu Tul'skoi gubernii [Elektronnyi resurs]* [Power and society in the province: Collection of materials of research conference, devoted to the 240 anniversary of the Tula province [Electronic resource]]. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2017, pp.18-24. Available at: http://tspu.ru/rio/project/vlast_i_obs_2107.pdf [in Russian].

Balyazin V.M. *Moskovskie gradonachal'niki* [Moscow mayors]. M.: Terra, 1997, 432 p. [in Russian].

Barinova E.P. *Rossiiskoe dvorianstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik* [Russian nobility in the early twentieth century: economic status and socio-cultural appearance]. M.: ROSSPEN, 2008, 351 p. [in Russian].

Biktasheva A.N. *Kazanskoe gubernatorstvo pervoi poloviny XIX veka. Bremia vlasti* [Kazan governorship of the first half of the XIX century. The Burden of Power]. M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2014, 320 p. [in Russian].

Dzhunkovskiy V.F. *Vospominaniia* [Memoirs]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovskiykh, 1997, Vol. 1, 736 p.; Vol. 2, 688 p. [in Russian].

Dunaeva A.Yu. V.F. *Dzhunkovskii: politicheskie vzglyady i gosudarstvennaia deiatel'nost' (Konets XIX – nachalo XX v.) Avtoref. dis. ... k. i. n.* [V.F. Dzhunkovskiy: political views and state activities (Late XIX – early XX century). Author's abstract of Candidate's of Historical thesis]. M., 2010, 20 p. [in Russian].

Dunaeva A.Yu. *Reformy politzii v Rossii nachala XX veka i Vladimir Fedorovich Dzhunkovskii* [Police reforms in Russia at the beginning of the XX century and Vladimir Fedorovich Dzhunkovskiy]. M.: Ob'edinennaia redaktsiia MVD Rossii, 2012, 320 p. [in Russian].

Kabytov P.S., Barinova E.P., Seliverstov S.S. *Zhizn' i sud'ba Aleksandra Naumova* [Life and fate of Alexander Naumov]. Samara: Samarskii inst. (fil.) REU im. G.V. Plekhanova, 2013, 160 p. [in Russian].

- Kanishchev V.V. *Deiatel'nost' tambovskogo gubernatora N.P. Muratova v kontekste bor'by konservativnoi i liberal'noi regional'nykh politicheskikh elit: 1906–1912 gg.* Avtoref. dis. ... k. i. n. [Activity of Tambov Governor N.P. Muratov in the context of the struggle of conservative and liberal regional political elites: 1906–1912. Author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. Tambov, 2005, 23 p. [in Russian].
- Kulikov S.V. *Biurokraticheskaia elita Rossiiskoi imperii nakanune padeniia starogo poriadka (1914–1917)* [Bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914–1917)]. Ryazan: b.i., 2004, 472 p. [in Russian].
- Koshko I.F. *Vospominaniia gubernatora (1905–1914). Novgorod–Samara–Penza* [Memoirs of the governor (1905–1914). Novgorod-Samara-Penza]. Pg.: Sodruzhestvo, 1916, 259 p. [in Russian].
- Lysenko L.M. *Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevoliutsionnoi Rossii* [Governors and governors-general in the system of power of pre-revolutionary Russia]. M.: MPGU, 2001, 358 p. [in Russian].
- Lyubichankovsky S.V. *Gubernskaia administratsiia i problema krizisa vlasti v pozdneimperskoi Rossii na materialakh Urala, 1892–1914* [Provincial administration and the problem of power crisis in late imperial Russia on the materials of the Urals, 1892–1914]. Samara; Orenburg: IPK GOU OGU, 2007, 750 p. [in Russian].
- Marasanova V.M., Fedyuk G.P. *Iaroslavskie gubernatory. 1777–1917. Istoriko-biograficheskie ocherki* [Yaroslavl governors. 1777–1917. Historical and biographical essays]. Yaroslavl: IarGU, 1998, 420 p. [in Russian].
- Marasanova V.M. *Kniaz' S.D. Urusov o gosudarstvennom upravlenii v rossiiskoi imperii nachala XX veka* [Prince S.D. Urusov about public administration in the Russian Empire of the early twentieth century]. *Vek nyneshnii, vek minuvshii... Istoricheskii al'manakh. Vyp. 8. Pod red. Iu.Iu. Ierusalimskogo, V.P.Fediuka, V.M. Marasanovoi* [The century of now, the century of the past ... Historical almanac. Issue 8. Yu.Yu. Ierusalimsky, V.P. Fedyuk, V.M. Marasanova (Eds.)]. Yaroslavl: IarGU, 2009, pp. 74–84 [in Russian].
- Minakov A.S. *Gubernatorskii korpus poreformennoi Rossii v sovremennoi istoriografii* [The governor's corps of post-reform Russia in contemporary historiography]. *Voprosy istorii*, 2009, no. 7, pp. 160–168 [in Russian].
- Minakov A.S. *Gubernatorskii korpus i tsentral'naia vlast': problema vzaimootnoshenii (po materialam gubernii Chernozemnogo tsentra vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.)*. *Otv. red. B.V. Shelokhaev* [Governor's corps and central government: the problem of relationships (based on the materials of the provinces of the Black Earth center of the second half of the XIX – early XX centuries). B.V. Shelokhaev (Ed.)]. Orel: Orlik, 2011, 488 p. [in Russian].
- Mogilevsky K.I. *Stolypinskiie reformy i mestnaia elita: Sovet po delam mestnogo khoziaistva (1908–1910)* [Stolypin's reforms and the local elite: Council for Local Economic Affairs (1908–1910)]. M.: ROSSPEN, 2008, 328 p. [in Russian].
- Muratov N.P. *Zapiski tambovskogo gubernatora* [Notes by the Tambov Governor]. Tambov: b.i., 2007, 436 p. [in Russian].
- Naumov A.N. *Iz utselevshikh vospominanii. 1868–1917* [From the surviving memories. 1868–1917]. New York, 1954–1955. Vol. 1, 2 [in Russian].
- Osorgin M.M. *Vospominaniia, ili Chto ia slyshal, chto ia videl i chto ia delal v techenie moei zhizni. 1861–1920* [Memories, or What I heard, what I saw and what I did during my life. 1861–1920]. M.: Rossiiskii fond kul'tury; Studiiia TRITE; Rossiiskii arkhiv, 2009, 850 p. [in Russian].
- Ob»edinennoe dvorianstvo. S»ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvorianskikh obshchestv. 1906–1916 gg. V. 3 tt. Sost. Korelin A.P. T.2. 1909–1912 gg. kn.1, 2.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906–1916. In 3 Vols. Compiler Korelin A.P. Vol. 2. 1909–1912. Book 1, 2]. M.: ROSSPEN, 2001 [in Russian].
- Robbins R. *Namestnik i sluga* [Vicar and Servant]. *Otechestvennaia istoriia*, 1993, no. 1, pp. 202–213 [in Russian].
- Suhova O.A. *Gubernatory Povolzh'ia i Urala v nachale XX veka* [Governors of the Volga and the Urals in the early twentieth century]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Herald], 2013, Vol. 3, no. 150, pp. 122–153 [in Russian].
- Tumanova A.S. *Konservator vo vlasti: gubernator N.P. Muratov* [Conservative in power: governor N.P. Muratov]. *Otechestvennaia istoriia*, 2003, no. 3, pp. 103–113 [in Russian].
- Urusov S.D. *Zapiski. Tri goda gosudarstvennoi sluzhby* [Notes. Three years of civil service]. M., 2009 [in Russian].
- Shatokhin I.T. *Gubernatory v Pervoi russkoi revoliutsii* [Governors in the First Russian Revolution]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 2006, no. 4, pp. 103–104 [in Russian].
- Shatokhin I.T., Shatokhina S.B. *Rossiiskoe dvorianstvo i gosudarstvennaia sluzhba v XIX – nachale XX vv.* [Russian nobility and public service in the XIX – early XX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologiya* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Politology], 2014, Vol. 32, no. 21, pp. 106–110 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-32-38
УДК 94 (470)

Дата поступления статьи: 11/1/2018
Дата принятия статьи: 20/11/2018

Н.Н. Кабытова

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА 1917 ГОДА В ПОВОЛЖЬЕ

© Кабытова Надежда Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, почетный работник высшего образования Российской Федерации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9411-8429>. Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-1671-2017>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются пути преодоления общенационального кризиса 1917 года, показаны способы взаимоотношений между властью и обществом в российской провинции. Общественно-политические объединения в ходе Великой российской революции боролись за власть преимущественно в беспартийной стране. В связи с этим показывается механизм воздействия политических сил на «революционные потоки». Одновременно пересматриваются методы установления советской власти на местах, которые использовали большевики; выясняются причины конфронтации, а затем и кризиса в демократическом лагере накануне Октября 1917 года, изучается тактика в борьбе за власть различных политических партий и объединений.

Революционный взрыв сопровождается локализацией организационных мероприятий в общем направлении движения. Значит, его целесообразно рассматривать путем сравнительно-сопоставительного анализа между центром и провинцией, с одной стороны, а с другой – между отдельными губерниями в определенном регионе. Поволжье являлось своеобразным примером российской провинциальной ментальности, где все коллизии между народом и властью нашли свое выражение. В статье показаны специфические черты проявления системного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу, и доказывается предопределенность советского выбора. Для характеристики институциональных коллизий используется функционально-структурный анализ. Одновременно выявляется мотивация действий компактных социальных групп, политических партий, общественных организаций. Сравнительно-сопоставительный метод позволяет выявить общее и особенное в развитии революции. Корпус исторических источников представлен документами фондов губернских комиссаров Временного правительства, городских структур общественного управления и некоторыми материалами периодической печати. В статье ставятся и решаются научно значимые задачи, в которых рассматриваются способы и методы влияния общественно-политических сил на формы государственного строительства в условиях революции.

Ключевые слова: комиссары Временного правительства, общественные комитеты, советы, городские думы, большевики, меньшевики, эсеры, кадеты.

Цитирование. Кабытова Н.Н. Пути преодоления общенационального кризиса 1917 года в Поволжье // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 32–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-32-38>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

N.N. Kabytova

WAYS OF OVERCOMING NATIONAL CRISIS OF 1917 IN THE VOLGA REGION

© *Kabytova Nadezhda Nikolaevna* – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru. **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-9411-8429>. **Researcher ID:** <http://www.researcherid.com/rid/O-1671-2017>

ABSTRACT

In the article ways of overcoming national crisis of 1917 are considered, ways of relationship between the power and society in the Russian province are shown. Public political associations during the Great Russian revolution fought for the power mainly in the bepartiny country. In this regard the mechanism of impact of political forces on «revolutionary streams» is considered. Methods of establishment of Soviet local authorities which were used by Bolsheviks are at the same time reconsidered. In this regard become clear the confrontation reason, and then and crisis in the democratic camp on the eve of October, 1917, questions of tactics in race for power of various political parties and associations are considered. Revolutionary explosion is followed by localization of organizational actions in the general direction of the movement. In this regard, it is expedient to consider him by the comparative and comparative analysis between the center and the province on the one hand, and with another – between certain provinces in a certain region. The Volga region was a peculiar example of Russian provincial mentality where all collisions between the people and the power have found the expression. Peculiar features of manifestation of system crisis caused by attempts of modernization of Russia on the western sample are shown in the article and predefiniteness of the Soviet choice is proved. For the characteristic of institutional collisions functional and structural analysis is used. At the same time the motivation of actions of compact social groups, political parties, public organizations comes to light. The comparative and comparative method allows to reveal the general and special in the development of revolution. The case of historical sources is presented by documents of funds of provincial commissioners of Provisional government, city structures of public management and some materials of periodicals. In the article scientific and significant tasks in which ways and methods of influence of social and political forces on forms of state construction in the conditions of revolution are considered are set and solved.

Key words: commissioners of Provisional government, public committees, councils, City Councils, Bolsheviks, Mensheviks, Social Revolutionaries, cadets.

Citation. Kabytova N.N. Puti preodoleniia obshchenatsional'nogo krizisa 1917 goda v Povolzh'e [Ways of overcoming national crisis of 1917 in the Volga Region]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 32–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-32-38>.

В историографии Великой российской революции постоянно дебатуются вопросы ее происхождения, анализируются способы и методы преодоления общенационального кризиса, причины победы большевистского радикализма. В советской исторической литературе достаточно хорошо изучены действия «революционных потоков», организующая роль большевистской партии, место советов рабочих и солдатских депутатов в 1917 году [Кабытова]. Подавляющее большинство авторов унифицировали события, описывая их по заранее предложенной схеме единообразия революционного процесса. На современном этапе изучения исторического пути России в начале XX столетия все больше внимания уделяется региональным особенностям, своеобразию взаимовлияния центра и провинции на путях выхода из революционного кри-

зиса [Мещеряков; Рейли; Стариков; Тропов; Щелков]. Вопросы политической культуры, характерные для революционного процесса, стали предметом специального рассмотрения [Колоницкий; Липатова].

В связи с этим необходимо детально рассмотреть тактику различных политических сил в борьбе за власть в условиях функционирования гражданского общества. Внеинституционные аспекты общественной жизни были определяющими в ходе функционирования нового государства. Поскольку все властные и общественные структуры объявлялись временными, процедурные аспекты, то есть развитие социальной революции, определяли их жизнеспособность.

Региональная модификация революционных событий 1917 года в России была обусловлена как

спецификой ее геополитического пространства, так и особенностями социально-экономического развития, национальными и этноконфессиональными особенностями, конфигурацией общественно-политических сил. Взаимоотношения между властью и обществом в центре и провинции складывались по-разному. Административная власть Временного правительства формировалась на основе принципа унитаризма по вертикали путем назначения и последующего утверждения в центре ответственных лиц. Разнообразные комитеты и советы, напротив, созывали съезды для консолидации сил, сформированных на основе представительства в общественных организациях. Разбалансировка экономики, политические кризисы, социальные протесты привели к новому обострению борьбы за власть различных общественных сил. Большевики выступали за передачу власти советам, так как шансов получить значимое влияние в общедемократических структурах у них не было. Социализация большевистской тактики в борьбе за власть осуществлялась с учетом требований «революционных потоков». При этом способы и методы привлечения союзников и дезавуирования противников различались в зависимости от расстановки общественно-политических сил на местах. Пути преодоления общенационального кризиса в Поволжье наглядно демонстрируют гибкость тактики большевиков, умение манипулировать общественным мнением и использовать традиционные ценности народа для достижения власти. Документы делопроизводства городских дум и управ, губернских комиссаров Временного правительства, отложившиеся в местных архивах, и некоторые материалы периодической печати («Самарские губернские ведомости»; «Саратовский вестник») позволяют выявить своеобразие путей преодоления общенационального кризиса в провинции.

Установление советской власти в Казани, являвшейся исторически сложившимся административным и военным центром Поволжья и Приуралья, происходило синхронно с аналогичными событиями в столице. В то же время многонациональный характер населения города, являвшегося к тому же центром поволжских татар, придавал октябрьским событиям исключительную остроту и своеобразие. Противостояние политических сил в Казани осенью 1917 года приобрело характер вооруженного столкновения, а также в связи с разобщенностью не только социальных, но и национальных интересов средних городских слоев, создать действительную оппозицию большевистскому радикализму здесь не удалось. Демократические выборы в Казанскую городскую думу обеспечили в ней такой разброс партий и объединений, который не позволял консолидировать общественное мнение против захватившего власть Совета. Несмотря на то что кадеты получили 30 мест из 110-ти в избранной 8 октября Думе, объединиться против Совета они могли разве что с группами торгово-промышленной буржуазии, служащих, со-

юзом домовладельцев, но от них прошло по одному гласному. Остальные восемь фракций в Думе составили представители социалистических и национальных партий. Большевики, левые эсеры и Мусульманский социалистический комитет вместе получили в ней после выборов 44 места, и все они приняли участие в формировании советской власти. Оставшиеся 30 % гласных Думы были представителями умеренных социалистов, мусульманских и еврейских национальных групп (НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102. Л. 146–148). Среди национальных партий большинство составили опять же умеренные социалисты, которые осуждали большевиков за захват власти, но не блокировались с кадетами, обвиняя их в защите интересов буржуазии. Национальный фактор, не имевший влияния на формирование власти на местах весной, осенью 1917 года приобрел важное значение. Однако воспользовались им в полной мере интернационалисты, применявшие национальное движение против демократической власти.

В Саратове, так же как в Казани, была предпринята попытка оказания вооруженного сопротивления стремлению большевиков передать власть Совету. Саратовская городская дума, избранная еще в июле 1917 года, координировала усилия противников передачи власти советам и сформировала «Комитет спасения революции», в который вошли меньшевики, эсеры и кадеты (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4709. Л. 4). Вообще большинство саратовских умеренных социалистов составляло не колеблющийся центр, а скорее правое крыло в расстановке партийно-политических сил в городе. Саратовский общественный исполнительный комитет, объединявший в начале революции все демократические силы, потерял свое значение после выборов в Думу, которая также не желала уступать Совету функции местного управления. В то же время возможностей для оказания действенного вооруженного отпора притязаниям большевиков на власть у нее было еще меньше, чем в Казани. Во время корниловского мятежа в Саратове начала формироваться Красная гвардия, сентябрьские перевыборы Совета рабочих и солдатских депутатов дали преимущество большевикам. В исполкоме Совета большевики также получили незначительное, но большинство, а эсеры, входившие в его солдатскую секцию, в основном придерживались левых взглядов [Стариков, с. 186].

Умеренные социалисты, составлявшие большинство саратовских меньшевиков и эсеров, после большевизации Совета рабочих и солдатских депутатов сделали городскую Думу центром своей агитационно-пропагандистской работы. Сентябрьские и октябрьские заседания Думы проходили здесь в присутствии представителей административных, земских и общественных учреждений, военных и судебных ведомств, прессы и многочисленной публики [Рейли, с. 272]. Обсуждались проблемы организации нового политического строя в России, резкой критике были подвергнуты призывы больше-

виков к передаче власти советам. Сами ораторы, призывавшие «создать правительство, которое употребило бы власть для борьбы с анархией как справа, так и слева», никаких конкретных мер по выходу из кризиса предложить не смогли. Эсеры верили в то, что классовая борьба обретет «мирную форму в виде народного законодательства», в России будет создано «истинное крестьянское государство», первый же закон которого «уничтожит частную собственность на землю». Меньшевики жаловались на то, что с буржуазией идти вместе в революции «становится не только трудно, но и невозможно» (Саратовский вестник. 1917. 8 сентября).

Известия об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде побудили противоборствующие силы в Саратове к открытому столкновению. Саратовские гласные провозгласили Думу «единственным органом власти в городе и губернии» и призывали всех, «кому дороги идеалы революции и свободы ... защищать законную власть» (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700. Л. 10). На воззвание откликнулись слушатели школы прапорщиков, чиновники и госслужащие, владельцы магазинов, часть учащейся молодежи. Эти силы, конечно, были несравнимы с массами распропагандированных большевиками рабочих и особенно солдат, погромные действия которых членам Совета едва удавалось сдерживать. 25 ноября 1917 года Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о роспуске городской Думы, о чем в тот же день было доведено до сведения гласных (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4833. Л. 588). Решительные меры к городскому самоуправлению были применены под давлением рабочих и солдатских депутатов Совета, которые не могли простить гласным вооруженного сопротивления в октябрьские дни. Большевики, не имевшие поддержки со стороны других социалистов, вынуждены были соглашаться на любые требования радикальных социальных сил, даже если они разжигали гражданскую войну. После закрытия Думы гласные несколько раз собирались на частные совещания, обращались за поддержкой к населению города, организовывали демонстрации и забастовки служащих городских предприятий (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4833. Л. 589). Конечно, эти акции не могли ликвидировать советскую власть в городе, но их можно было избежать, сохранив за Думой организационно-хозяйственные функции.

Общие непримиримые противоречия между буржуазными элементами, с одной стороны, рабочими и солдатами гарнизонов — с другой, проявились осенью 1917 года в губернских городах Поволжья в разных формах. Ведущей линией конфликта была партийно-политическая борьба за власть, которая оказала непосредственное влияние на противоборство законных и самостийных органов самоуправления, стремящихся к регулированию государственных отношений. В Самаре, где повторные муниципальные выборы дали практически равное представительство большевикам и умеренным эсерам в городской Думе, будущий институцион-

ный конфликт проявился уже на стадии формирования исполнительных органов городского самоуправления.

Самарский губернский Комитет народной власти пытался контактировать с Думой, а Совет рабочих и солдатских депутатов всячески поощрял любые конфискационные действия органов рабочего самоуправления. Умеренные социалисты с тревогой писали: «Большевистские тенденции своеобразно понимаемого “расширения и углубления революции” проникли в самую толпу демократических слоев населения. Менее сознательная часть рабочего класса, значительная часть армии отравлена ядом большевизма» (Самарские губернские ведомости. 1917. 5 октября).

Вопрос о переходе власти к советам в Самаре стал предметом острых дискуссий уже в начале октября 1917 года. Губернский комиссар С.А. Волков 4 октября на совещании уездных комиссаров констатировал полную беспомощность местной администрации: «Условия работы органов управления тяжелы. Отсутствие той силы, на которую могли бы опереться органы государственного управления, усугубляют положение, так как одного морального воздействия недостаточно, а реальной силы нет» (ЦГАСО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 10. Л. 34). Борясь за власть, большевики особое внимание уделили вооруженной организации пролетариата — Красной гвардии.

26 октября, опираясь на поддержку меньшевиков-интернационалистов и эсеров-максималистов, они внесли предложение о немедленном переходе всей полноты власти к Советам и признании Временного правительства низложенным. Одновременно в городской управе состоялось совещание (без большевистской фракции), обсуждавшее вопрос о мерах по охране города. Кадеты требовали, чтобы городские объекты охранялись силами, подчиненными «Новой думе», и предлагали войти в Демократическое совещание. По этому вопросу начались прения. Были предложения оставить охранные функции у советов, в которых Дума должна иметь пропорциональное представительство. Максималист Ф.Я. Рабинович заявил, что власть должна быть сосредоточена в более сильных руках, чем думские; недоверие к штабу охраны и Красной гвардии необоснованно. Дума была серьезно обеспокоена событиями. После прений решили войти в Демократическое совещание, а городской управе и председателю Думы поручено выяснить вопрос об охране города в Совете (ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 661).

Губернский Совет крестьянских депутатов 28 октября 1917 г. опубликовал воззвание, в котором выступил против создания Ревкома и передачи ему всей полноты власти. Меньшевики предложили вместо Ревкома создать в городе Комитет общественной безопасности из представителей городской Думы, земства и общественных организаций. Самарская городская дума на экстренном заседании обсуждала вопрос об утверждении этого ко-

митета и после ухода большевиков и максималистов утвердила его состав. Ему было поручено войти в соглашение с Комитетом народной власти по вопросу об организации губернского Комитета общественной безопасности. Решено было подчинить милицию городской Думе и выпустить воззвания, призывающие к неповиновению Ревкому. Однако совещание начальников милиции постановило подчиняться только Комитету народной власти, а Ревком распорядился конфисковать выпущенное воззвание (ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 65).

В основе противостояния Думы и Ревкома в Самаре были скорее партийно-политические противоречия и обиды, нежели институционный конфликт. На первых порах чрезвычайный орган советской власти стремился все функции хозяйственного управления в городе оставить Думе, сосредоточив в своих руках политическое руководство общественными отношениями. Однако Дума активно сопротивлялась действиям Ревкома — сначала игнорировала его существование, а когда это стало невозможным, саботировала его решения и постановления. Тем не менее создать действенную оппозицию советской власти Самарская дума не смогла, так как ее поддержало городское население.

Если в Казани, Самаре и Саратове советская власть была установлена почти одновременно с Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде, то в Симбирске и Пензе эти события произошли гораздо позднее. Это объясняется малочисленностью пролетарских слоев в районах типичных «дворянских гнезд» и, следовательно, незначительным влиянием большевиков в местных советах рабочих и солдатских депутатов. В этих губернских центрах только в октябрьские дни 1917 года большевики оформились в самостоятельные организации, которые раньше входили в объединенные с меньшевиками комитеты РСДРП. Такая ситуация в расстановке партийно-политических сил в названных губерниях не снимала остроты социального конфликта, но он развивался не по линии противоборства советов с думами и земствами, а на основе противостояния местной власти и общества. Умеренные социалисты, имевшие прочные позиции во всех губернских органах власти и самоуправления, составляли также большинство в советах рабочих и солдатских депутатов Пензы и Симбирска. Однако обострение общенационального кризиса осенью 1917 года способствовало выдвиганию радикальных элементов на передовые позиции в борьбе за власть даже в тех случаях, когда они не имели влияния в избранных большевиками для этого структурах.

С начала революционных выступлений в Петрограде в Симбирск не поступало сообщений от Временного правительства, и органы местного самоуправления высказались за создание в губернии переходного представительного органа власти. Городская дума Симбирска предложила «приступить к обсуждению задач и форм конструкции власти», которая, по мнению гласных, «должна быть силь-

ной и определенной» (ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1431. Л. 4). Земцы, в свою очередь, считали, что новая власть должна опираться на «все общественные учреждения, на советы крестьянских и солдатских депутатов на местные организации...» (ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 900. Л. 32). Эти дебаты были предприняты в ответ на одобрение рабочей секцией Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов предложенной большевиками резолюции с поддержкой советской власти. Собравшиеся поклялись «умереть или победить с этим новым революционным правительством» (ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1431. Л. 5), но сил для установления советской власти в городе у них не было. В исполкомы не только крестьянского, но и солдатского советов входили исключительно эсеры умеренного направления, выступавшие за широкую коалицию всех демократических организаций во властных структурах.

Только в декабре 1917 года завершились выборы Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов и был создан Ревком для установления советской власти. В ответ на это Симбирская городская дума довела «до сведения населения, что все организации и агенты, идущие за “народными комиссарами”... являются соучастниками разрушителей государства и революции» (ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 226). Она предложила «игнорировать в деловой работе... Симбирский Совет рабочих и солдатских депутатов, ВРК... и разоблачать их вредную деятельность, оказывая, в случае необходимости, сопротивление до забастовки включительно». Ссылками на примеры самоуправления большевиков думцы надеялись, что население не поддержит «насильников, захвативших власть» (ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 286), в чем просчитались. «Насилие» советов и ревкомов осуществлялось по отношению к органам власти и самоуправления, дискредитированным в ходе революции, и вызывало лишь поддержку большинства рабочих и солдат, явившихся социальной опорой установления советской власти в крупных городах региона. Кроме того, в аграрном Поволжском регионе окончательный исход борьбы за власть во многом зависел от поддержки крестьянских организаций. Там, где советы крестьянских депутатов объединились с органами городского и земского самоуправления в неприятии советской власти, большевики решились лишь разьяснять их «контрреволюционную сущность», но не прекращать деятельность демократически избранных дум и земств.

События в Пензе, где советская власть была провозглашена в конце декабря 1917 года, подтверждают определяющий характер влияния на передел власти расстановки партийно-политических сил в советах. Пензенская городская дума 27 октября 1917 г. выразила доверие «Комитету спасения Родины и революции», объявив провозглашение советской власти в Петрограде случайностью» (ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 738. Л. 185). На следующий день этот Комитет создал в городе «Временный рево-

люционный штаб» (ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 27. Л. 202). В него до начала декабря входили представители всех общественно-политических объединений города, включая не только Совет крестьянских депутатов, но и Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Решение Пензенского комитета РСДРП (б) об установлении советской власти, принятое 17 декабря 1917 г., было доведено до сведения Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 20 декабря (ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 460). 21 декабря исполком Совета объявил о взятии власти в свои руки, роспуске «Революционного штаба» и постановил занять вооруженной силой учреждения, банки и казначейство, посыл в них комиссаров (ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 461). Комиссары использовали отряды солдат для установления советской власти, не имея на то полномочий Совета, т. к. решение принимали только члены его исполкома. Таким образом и в Пензе большевики захватили власть от имени Совета, но не для Совета, используя органы представительства рабочих, солдат и крестьян.

В то время как большевики действовали со всей решимостью, нисколько не озабочиваясь «законностью» своих поступков, демократические гласные пытались увещеваниями предотвратить неизбежное при смене власти разрушение управления всеми областями жизнеобеспечения населения. 21 декабря 1917 г. на заседании Пензенской городской думы было объявлено «о захвате большевиками местных Государственного, Городского и Коммерческого банков». В обращении к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Дума просила «не совершать таких действий, от которых всем будет плохо» (ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 462). Наметившийся было диалог был прерван явившимся в Городской общественной банк уполномоченным Совета Н.Я. Оловянниковым, который «показал мандат о назначении его комиссаром банка» (ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 462). Для подкрепления своих полномочий он «привел солдатский караул, в присутствии которого составил протокол о передаче банка» (ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 463). Дума, выразив «протест против действий насильников» решила объединиться с «Губернским земским собранием и Губернским совещанием» (ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 463), но организовать сопротивление Совету они не смогли, т. к. не имели влияния в рабочих и солдатских организациях.

Анализируя способы установления советской власти в губернских центрах Поволжья, необходимо выделить основные черты этого процесса и обратить внимание на разнообразие тактических приемов, примененных большевиками для достижения цели. Они в полной мере учитывали своеобразие общественно-политической ситуации, сложившейся в той или иной местности. Бесплодные споры о «нелегитимности» советской власти, реанимировавшие доводы отставленных от власти осенью 1917 года демократов, ничего не дают для

выяснения сути произошедших перемен общественного строя. Бессмысленно дебатировать вопрос о законности власти, образовавшейся в ходе революции. В Поволжье провозглашение власти Советов осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил в них и возможности привлечения на свою сторону радикальных при нейтрализации умеренных социалистов не большевистского направления. Все другие демократические силы они объявляли «контрреволюционными» и обвиняли их во всеобщей разрухе. К осени 1917 года у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база для взятия власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Получить большинство в советах рабочих и солдатских депутатов им удалось лишь в трех из пяти центров исследуемого региона. В Казани и Саратове, действуя от имени советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

Новым претендентам на власть оказали сопротивление городские думы. Они не желали делиться с советами функциями управления на местах, надеясь получить эти прерогативы от Учредительного собрания. Саратовская дума, избранная в июле 1917 года, где умеренные социалисты составляли большинство, пыталась организовать вооруженное сопротивление силам Совета рабочих и солдатских депутатов, за что была распущена в числе первых в стране. В Самарской думе, избранной повторно в начале октября 1917 года, эсеры и большевики имели большинство, разделенное примерно поровну. Это обстоятельство делало ее бессильной в борьбе с Советом рабочих и солдатских депутатов, после того как большевики отказались работать в Думе.

В Казани дифференциация политических сил значительно усиливалась влиянием национального фактора, который со всей очевидностью проявился на выборах в Думу. Она не могла организовать сопротивление Совету рабочих и солдатских депутатов, объединившемуся с левозэровским Советом крестьянских депутатов. Национальные партии и организации социалистической ориентации в Казани численно и организационно значительно превосходили буржуазно-националистические силы. К тому же социальные противоречия были ведущей линией конфликта, что позволило большевикам создать интернациональный блок для захвата власти даже в условиях развитого движения по национальному самоопределению. В Симбирске и Пензе к осени 1917 года силы, способные отстаивать советскую власть, не сложились. Однако всероссийская и региональная конъюнктура позволила большевикам сформировать здесь лояльные им спустя полтора-два месяца составы советов, которые хотя бы не отказывались от провозглашения советской власти. Главной при-

чиной победы советской власти были социальные ожидания рабочих, солдат и крестьян, которые большевики умело поддерживали своими обещаниями и первыми декретированными от имени советов действиями. При этом необходимо отметить их лучшую организованность в достижении поставленных целей и гибкую тактику применительно к конкретным условиям общественно-политической ситуации, сложившейся на местах.

Поволжский регион стал одним из ярких образцов проявления системного кризиса, где революционные действия большинства социума к осени 1917 года вычленили синкретическую модель общественного устройства. Из всех политических сил, функционировавших в русской революции, только большевики оказались готовы интегрировать разрушительную энергию социального большинства, раздробленного на локальные группы, для захвата власти. Соперничая с эсерами за политическое влияние, они провоцировали бурю народного гнева против тех властных институтов, которые не смогли отстоять его социальные идеалы.

Библиографический список

- Кабытова Н.Н. Итоги и перспективы изучения революции 1917 года в российской провинции // Вестник Самарского государственного университета. 2000. № 3 (17). С. 38–46.
- Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 350 с.
- Липатова Н.В. Власть в печатном эквиваленте: образ советского лидера на страницах прессы. Ульяновск: УлГУ, 2014. 232 с.
- Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1914 – август 1918 гг. Тамбов, 2012. 424 с.
- Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов: Слово, 1995. 405 с.
- Стариков С.В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг. (На материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004. 560 с.
- Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль–октябрь 1917 г.). СПб.: Европейский Дом, 2011. 250 с.
- Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара: ПГСГА, 2014. 184 с.

References

- Kabytova N.N. *Itogi i perspektivy izucheniia revoliutsii 1917 goda v rossiiskoi provintsii* [Results and prospects for studying the Revolution of 1917 in the Russian province]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyi vypusk* [Vestnik of Samara State University. Humanitarian Series], 2000, no. 3 (17), pp. 38–46 [in Russian].
- Kolonitsky B.I. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury Rossiiskoi revoliutsii 1917 goda* [Symbols of power and struggle for power: on the study of political culture of Russian revolution of 1917]. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001, 350 p. [in Russian].
- Lipatova N.V. *Vlast' v pechatnom ekvivalente: obraz sovetskogo lidera na stranitsakh pressy* [Power in the printed equivalent: the image of the Soviet leader in the press]. Ulyanovsk: UIGU, 2014, 232 p. [in Russian].
- Meshcheryakov Yu.V. *Tambovskaia guberniia v nachal'nyi period sovetskoi vlasti. Oktiabr' 1914 – avgust 1918 gg.* [Tambov province in the initial period of Soviet power. October 1914–August 1918]. Tambov, 2012, 424 p. [in Russian].
- Raleigh D.J. *Politicheskie sud'by rossiiskoi gubernii: 1917 god v Saratove* [Political destinies of the Russian province: 1917 in Saratov]. Saratov: Slovo, 1995, 405 p. [in Russian].
- Starikov S.V. *Levy'e sotsialisty v Velikoi Rossiiskoi revoliutsii. Mart 1917 – iiul' 1918 gg. (Na materialakh Povolzh'ia)* [Left Socialists in the Great Russian Revolution. March 1917–July 1918 (On the materials of the Volga Region)]. Yoshkar–Ola, 2004, 560 p. [in Russian].
- Tropov I.A. *Revoliutsiia i provintsii: Mestnaia vlast' v Rossii (fevral'-oktiabr' 1917 g.)* [Revolution and Province: Local Authorities in Russia (February–October 1917)]. SPb.: Evropeiskii Dom, 2011, 250 p. [in Russian].
- Shchelkov A.B. *Vlast' v Samarskoi gubernii v 1917 godu* [Power in the Samara province in 1917]. Samara: PGSGA, 2014, 184 p. [in Russian].

В.В. Кондрашин

О ДОСТИЖЕНИЯХ И ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории, Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
E-mail: vikont37@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются достижения и проблемы в области изучения отечественными исследователями истории крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны. Акцентируется внимание на наиболее значимых ее аспектах.

Рассматриваются результаты научных проектов по истории крестьянского движения в России в годы Гражданской войны, осуществленных под руководством А.В. Посадского. Указывается, что в изданиях проекта дан комплексный и сравнительно-исторический анализ всех наиболее известных фактов крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны против политики советской власти.

Автор статьи анализирует труды еще одного крупного проекта по рассматриваемой проблеме: «Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект». Этот проект реализован при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований под руководством В.А. Юрченкова и В.В. Кондрашина.

Особое внимание уделяется отражению в публикациях российских историков таких терминов и понятий крестьянского движения в годы Гражданской войны, как «Великая крестьянская война», «крестьянский фронт», «крестьянская революция». Автор критически относится к использованию при анализе повстанческого движения крестьян в данный период таких определений, как «партизанское движение», «партизанская борьба» и т. д., и предлагает свою классификацию форм крестьянских выступлений.

Рассматриваются также современные публикации российских исследователей о лидерах крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны, влиянии на повстанцев партии эсеров, белого движения, а также природно-демографического и этнического факторов.

Ключевые слова: крестьянство, Гражданская война, крестьянское повстанческое движение, отечественная историография, терминология, просопография.

Цитирование. Кондрашин В.В. О достижениях и проблемах современной отечественной историографии крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 39–45
DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-39-45>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-39-45
UDC 94(47)

Submitted: 11/XI/2017
Accepted: 29/XII/2017

V.V. Kondrashin

ON ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS OF MODERN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY OF PEASANT RELIANCE MOVEMENT IN RUSSIA IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR

© Kondrashin Viktor Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, professor, chief scientific officer, head of the Center for Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.

E-mail: vikont37@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

ABSTRACT

The article analyzes the achievements and problems in the field of studying by Russian researchers of the history of peasant rebel movement in Russia during the Civil War.

The focus is research projects on the history of peasant movement in Russia during the Civil War of the Saratov historian A.V. Posadsky, who managed to combine historians from different regions to write three collective monographs on the subject.

The article describes the works of the project of the Russian Foundation for Basic Research «The Russian Peasantry in the Age of Revolutions and Civil War: Regional-National Aspect». They are prepared for publication by a team of regional historians under the leadership of V.A. Yurchenkova and V.V. Kondrashin. The author of the article concludes about the scientific significance of this project and the need for further study of the problem at the regional level.

Particular attention is paid in the article to the reflection in the publications of Russian historians of the terminology of peasant rebel movement during the Civil War. What was it: «The Great Peasant War», «peasant front», «peasant revolution»? Is it possible to use such definitions as «guerrilla movement», «partisan struggle» etc. during the analysis of the insurgent movement of peasants during this period?

The article analyzes the publications of contemporary Russian historians about the leaders of peasant rebel movement in Russia during the Civil War, points out the need for further study by researchers of such aspects of the problem as the influence on peasant uprisings of the party of Socialist-Revolutionaries and white regimes.

The author highlights the work of Russian researchers on the importance of natural and demographic factor in peasant performances in the Russian regions during the Civil War against the policy of Soviet government.

Key words: peasantry, Civil War, peasant rebel movement, domestic historiography, terminology, prosopography.

Citation. Kondrashin V.V. O dostizheniiakh i problemakh sovremennoi otechestvennoi istoriografii krest'ianskogo povstancheskogo dvizheniia v Rossii v gody Grazhdanskoi voiny [On achievements and problems of modern domestic historiography of peasant reliance movement in Russia in the years of the Civil War]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 39–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-39-45>.

Настоящим прорывом в современных исследованиях истории крестьянского движения в России в годы Гражданской войны стали научные проекты саратовского историка А.В. Посадского, сумевшего объединить для написания коллективных монографий на данную тему историков различных регионов страны. В результате опубликованы коллективные монографии, где впервые в историографии дан комплексный и сравнительно-исторический анализ всех наиболее известных фактов крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны. Кроме того, в них сделан акцент на персоналии (просопографию) лидеров и участников крестьянского движения [«Атаманщина» и «партизанщина»...; Крестьянский фронт 1918–1922 гг.].

Также заслуживают внимания издания проекта РФФИ «Российское крестьянство в эпоху револю-

ций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект», подготовленные к печати коллективом региональных историков под руководством В.А. Юрченкова и В.В. Кондрашина. В них представлена панорама крестьянского и казачьего повстанческого движения в России в 1917–1922 гг. на основе анализа разнообразных и достоверных источников [Крестьянство и казачество России...; Осипова].

Заметным явлением в историографии проблемы стала международная научная конференция 20 мая 2017 г. в Тамбове, посвященная крестьянскому восстанию в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова. Фактически на ней подведены итоги изучения крестьянского повстанчества в годы Гражданской войны и определены дальнейшие перспективы в исследовании проблемы с использованием

новых методик и источников [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии...].

В современной историографии аграрная политика большевиков в годы Гражданской войны изучается в общем контексте истории крестьянского повстанческого движения как его важнейший аспект при характеристике причин повстанчества, а также в контексте более крупной проблемы «крестьянство и власть». Чисто «экономических работ», оторванных от данных контекстов, очень мало. В связи с этим до настоящего времени не потеряла своей актуальности и научной значимости монография В.В. Кабанова о крестьянском хозяйстве в условиях «военного коммунизма» [Кабанов]. В ней убедительно показано негативное влияние этой политики на сельское хозяйство страны. Она разорвала крестьянские хозяйства, делала неизбежным конфликт крестьянства с советской властью.

То, что аграрная политика большевиков являлась главной причиной крестьянского повстанчества, следует из работ О.А. Суховой, В.А. Юрченкова, Н.В. Липатовой и др. Хотя они не посвящены непосредственно теме крестьянского повстанческого движения, но содержащийся в них анализ издержек новой системы управления в деревне и практики создания и функционирования Советов и коммун, а также особенностей региональной аграрной политики красноречиво объясняет причины крестьянского протеста [Крестьянство и казачество России..., с. 365–393, 398–425].

Высокой оценки, на наш взгляд, заслуживают публикации С.А. Нефедова, где затрагивается тема уровня жизни крестьян в годы Гражданской войны. Автор указывает на его резкое снижение в результате политики продразверстки большевиков, приведшей в конечном итоге к голоду 1921–1922 гг. [Нефедов, с. 149–155].

В то же время, полагаем, при всех издержках политики «военного коммунизма» советской власти она не имела своей целью «государственный геноцид», как считают некоторые исследователи [Крестьянство и казачество России..., с. 433].

В целом чисто экономический аспект проблемы крестьянского движения в годы Гражданской войны заслуживает более пристального внимания исследователей, особенно на региональном и микроуровнях: уездном, волостном, семейном [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 42].

Новым и позитивным моментом в развитии историографии проблемы на современном этапе стал интерес исследователей к персоналиям — конкретным участникам и вождям крестьянского повстанчества («атаманам», «вожакам» и т. д.). Особенно, по нашему мнению, заслуживают внимания вышеупомянутые публикации на данную тему историков и краеведов, выполненные в рамках проектов А.В. Посадского («Атаманщина» и партизанщина в Гражданской войне» и «Крестьянский фронт 1918–1922 гг.»), а также целевого конкурса РФФИ под руководством В.А. Юрченкова и В.В. Кондрашина («Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект»). В них представлены биографические очерки руководителей крестьянского повстанчества в различных регионах страны в 1918–1922 гг. [«Атаманщина» и «партизанщина»...; Крестьянский фронт 1918–1922 гг.; Крестьянство и казачество России...; Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны].

Так, А.В. Посадский, характеризуя лидеров крестьянского движения, обращает внимание на факт наличия в каждом крупном повстанческом формировании фигуры «идеолога», как правило, полунинтеллигента с эсеровским стажем [Крестьянство и казачество России..., с. 781]. По его мнению, при изучении данного аспекта «повстанщины» необходимо учитывать и криминальный тип ряда крестьянских вожаков как один из вариантов «военного вожачества» «с нефункциональной жестокостью» [Крестьянство и казачество России..., с. 781]. Он же акцентировал внимание исследователей на «феномене фронтовика» — участников Первой мировой войны, которые нередко возглавляли антибольшевистские восстания (напр., Ижевско-Воткинское восстание в августе–ноябре 1918 г. в Удмуртии) [Крестьянство и казачество России..., с. 782–787].

П.П. Щербинин поставил вопрос о восприятии крестьянами своих вожаков на примере отношения тамбовских крестьян к А.С. Антонову и его сподвижникам [Крестьянство и казачество России..., с. 787–795]. Он заключает, что народный фольклор в целом дает «положительную трактовку участников крестьянского движения», фиксирует даже факт «восхищения» вожаком и участниками восстания [Крестьянство и казачество России..., с. 791]. В то же время П.П. Щербинин, на наш взгляд, прав, когда утверждает, что Антонова «нельзя признать классическим народным вожаком, который руководствовался только благородными чувствами защитника крестьян». Он был «политическим деятелем», который вместе с другими лидерами антоновщины так и не смог преодолеть «свои политические амбиции и корыстный интерес», что «в конце концов поняли рядовые участники движения и поддерживавшие их крестьяне» [Крестьянство и казачество России..., с. 794].

Этот вывод конкретизирован автором анализом отношения крестьян к уголовникам и дезертирам с «эсеровским душком», активно участвовавшим в антоновщине. Для крестьян они «были чужими». Бандитов в деревне не любили издавна, считая их тунеядцами. Отсюда негативное восприятие подобных людей из окружения Антонова. К дезертирам же крестьяне относились снисходительнее, так как уход в леса был «вполне традиционной формой крестьянского протеста». Однако на заключительном этапе антоновщины большинство крестьян уже не воспринимало их как «своих» и относилось к ним с достаточной долей подозрения, отождествляя их с «лихим людом» [Крестьянство и казачество России..., с. 795]. Отсюда и закономерный итог восстания.

Анализ П.П. Щербинина фактически подтвердил Д.П. Иванов. Он представил исторические портреты антоновского окружения (И.Е. Ишина, Г.Н. Плужникова, П.И. Сторожева и др.) и пришел к выводу, что в окружении Антонова на всем протяжении Тамбовского восстания было достаточное количество одаренных людей, обладавших харизмой и способных увлечь за собой крестьянские массы. Однако в отличие от своих противников — большевиков — лидеры крестьянского восстания «не смогли преодолеть свои политические амбиции и корыстный интерес». Стремление к достижению личных целей, а не к выступлению единой силой в конечном итоге и привело к поражению восстания, констатирует исследователь [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 465–477].

Значительный вклад в изучение просопографии вожаков антоновщины вносит группа тамбовских исследований во главе с В.В. Канищевым. В настоящее время тамбовские историки в рамках проекта по применению междисциплинарных подходов к изучению позднего аграрного общества России приступили к созданию электронной базы данных не только о вожаках и участниках Антоновского восстания, но и других крестьянских протестных выступлений в регионе периода с 1860–1920 гг. Уже введены в ЭВМ несколько тысяч записей и проведены первые эксперименты по их обработке [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 21]. В результате подтвержден факт перехода части советских служащих и революционных партийцев на сторону повстанцев в 1918–1922 гг. и превращения их в активистов восстания [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 28].

В современной литературе на тему крестьянских вожаков имеются очень интересные и насыщенные достоверным материалом публикации. К их числу, например, относится очерк К.И. Соколова о Фроле Белякове – лидере крестьянского повстанческого движения в Тверской губернии в годы Гражданской войны [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 588–602]. В 1918 г. Фрол Беляков возглавил крестьянское восстание в селе Молодой Туд Ржевского уезда Тверской губернии. Затем в начале 1920-х гг. он вернулся в родные края, «чтобы мстить коммунистам» [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 588].

На современном этапе исследования проблемы в центре внимания историков остаются вопросы методологии и источниковедения. Так, нуждается в дальнейшем осмыслении терминология проблемы. Например, как наиболее точно определить суть крестьянского движения в России в годы Гражданской войны. Что это было: «Великая крестьянская война», «крестьянский фронт», «крестьянская революция»? Корректно ли использование при анализе повстанческого движения крестьян определений «партизанское движение», «партизанская борьба» и т. д.? Каковы критерии классификации форм крестьянских выступлений? Что такое «восстание», «выступление», «мятеж», «атаманщина», «партизанщина» и т. д.?

Поставленные вопросы нашли отражение в публикации ведущих специалистов по рассматриваемой проблеме. В частности, термин «крестьянский фронт», введенный в научный оборот Т.В. Осиповой, поддерживает А.В. Посадский [Крестьянский фронт 1918–1922 гг. ..., Нефедов]. Ему принадлежит наиболее полное объяснение данного термина: «Крестьянский фронт в годы Гражданской войны – это не только повстанческое «не белое и не красное» движение и всякого рода бунты и волнения без определенной политической окраски. Это – в целом поведение крестьянина в Гражданской войне. И отношение к противоборствующим армиям, к мобилизации, к центральной и местной власти, стереотипы поведения на войне, в критических условиях, при перспективе покинуть родные края, готовность или нежелание отдавать ресурсы борющимся сторонам [Крестьянский фронт 1918–1922 гг. ..., с. 15].

Д.А. Сафонов называет крестьянские выступления против политики большевиков в 1920–1921 гг. «Великой крестьянской войной» [Сафонов]. В.В. Канищев квалифицирует их как «третью силу», «третий путь» в Гражданской войне, который «торили народные вожаки» [Крестьянский фронт 1918–1922 гг. ..., с. 21].

С приведенными оценками категорически не согласен А.А. Куреньшев. Он против сравнения антоновщины с «крестьянской войной» «наподобие «пугачевщины» и «восстания Степана Разина». Также он считает неправомерным рассуждения историков о «крестьянском фронте» против советской власти как едином, «простиравшимся от Сибири до Украины». В этом случае в его состав следовало бы включить «даже ближе и дальше Подмосковье, Владимирскую, Ярославскую и Рязанскую губернии», иронизирует историк. По его мнению, такой «терминологической игрой» авторы стремились «усилить, увеличить роль и значение событий 1921–1922 гг. в Тамбовской губернии» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 47–50].

А.А. Куреньшев считает, что «единого крестьянского фронта» не могло быть по причине разных политических ориентаций повстанцев, поскольку Антонов стремился к союзу с белыми, а Махно – с анархистами. Поэтому, по его мнению, корректнее говорить о «едином фронте» крестьянского повстанческого движения с антибольшевистским фронтом в Гражданской войне [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 47–50].

С такой же категоричностью А.А. Куреньшев выступает против использования при анализе крестьянского движения концепции «крестьянской революции» В.П. Данилова, считая, что достижение крестьянами в 1917 г. их основной цели – ликвидации помещичьего землевладения – не остановило их конфликт с властью по поводу «вечного для мелкого производителя вопроса» о ценах на свою продукцию [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 48–49].

На наш взгляд, А.А. Куреньшев прав в части критики сторонников терминологии «крестьянский фронт», «Великая крестьянская война», которая действительно носит эмоциональный характер и связана со стремлением исследователей показать значительные масштабы крестьянского движения в годы Гражданской войны. Что же касается критики А.А. Куреньшевым концепции «крестьянская революция», то здесь, на наш взгляд, налицо его недопонимание сути этой концепции. А она состоит в том, что после победы «общинной революции» в 1917 г. крестьяне всю Гражданскую войну отстаивали право на полученную землю в ходе этой «общинной революции» своим противостоянием с большевистской властью, ее политикой «военного коммунизма». И они отстаивали его, заставив большевиков ввести нэп и законодательно закрепить право на землю в Земельном кодексе РСФСР 1922 г.

Тамбовский историк Д.И. Иванов подверг критике использование исследователями при анализе крестьянских выступлений в годы Гражданской войны терминов «партизанская война», «партизанская борьба». Также он внес ясность в понятие «атаманщина», определив ее как один из этапов крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Само восстание историк назвал повстанчеством по аналогии с крестьянским повстанчеством в XX веке в Латинской Америке [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 36–40].

На наш взгляд, можно согласиться с его аргументацией неправомерности использования термина «партизанская война». Д.И. Иванов указывает: «Партизанская война – это одна из форм борьбы против

иноземных захватчиков, составная часть войны, которая ведется на территории, контролируемой неприятелем, и способами, отличными от действий регулярных войск. Тамбовское восстание по форме напоминало партизанскую войну. Однако главным противником тамбовских крестьян все же выступало свое правительство. Боевые действия происходили на территории, подконтрольной советской власти, а в конфликте не были замешаны иностранные вооруженные силы. Поэтому мы не можем отнести события в Тамбовской губернии в 1918–1920 гг. к традиционной партизанской войне, поскольку они противоречат ее основным признакам» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 36–37].

Рассмотрев различные интерпретации антоновщины, Д.И. Иванов сделал следующие выводы. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг., по сути, являлось повстанчеством, «каждый этап которого принимал разнообразные формы, которые соответствовали конкретной исторической обстановке отдельных отрезков периода второй половины 1920 – первой половины 1921 г.». Зарождение движения и оформление его идеологического ядра пришлось на расцвет бандитизма и начала «зеленого движения». Террористический этап, в ходе которого окончательно оформился костяк будущей Партизанской армии Тамбовского края, по времени совпал с подъемом движения «зеленых». Начало третьего этапа – непосредственно самой антоновщины, периода «атаманщины» – совпало с ростом массовых крестьянских выступлений и спадом дезертирского движения [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 39].

По нашему мнению, позиция Д.И. Иванова заслуживает поддержки. И крестьянское движение в России в годы Гражданской войны следует называть крестьянским повстанческим движением, имевшим разные формы и региональные особенности.

В данном контексте перед исследователями остается не решенной до конца задачей учет и классификация крестьянских выступлений (крестьянского движения) в рассматриваемый период. На это указал в своих публикациях А.В. Посадский. В них, как уже отмечалось, он отдает предпочтение анализу событий крестьянского повстанчества в годы Гражданской войны в терминологии «крестьянский фронт» «атаманщина», «партизанская борьба» и т. п. [Крестьянство и казачество России..., с. 717–726].

По нашему мнению, при характеристике конкретных форм крестьянского повстанчества в изучаемый период необходимо точно определять их конкретно-историческое содержание, основанное на достоверных знаниях. Исходя из этого принципа, автором настоящей статьи предложена своя классификация крестьянских выступлений (крестьянского повстанческого движения) в годы Гражданской войны. Она основана на результатах изучения проблемы на материалах Поволжья и Украины.

Под повстанческим движением мы понимаем операции вооруженных отрядов, групп восставших крестьян, действующих в одном или нескольких уездах, одной или нескольких губерниях, выдвигающих политические лозунги и осуществляющих их на практике, а также и другие мероприятия в интересах подавляющего большинства населения подконтрольной им зоны.

Формами крестьянского повстанчества в 1918–1922 гг. в Поволжье были: «восстание», «волнение», «выступление», «мятеж».

Высшей формой повстанчества является «восстание», под которым нами понимается форма выступления с высоким уровнем сознательности участников. В ходе восстания восставшие самостоятельно планируют свои действия, сами выбирают стиль своего поведения. Восстание начинается по инициативе широких слоев населения, по их собственному почину; для восставших вооруженная борьба – заранее намеченный пункт деятельности. Кроме того, к названным характеристикам следует добавить и такие, как: массовость движения, охват им территории не менее нескольких уездов; относительная продолжительность движения (как правило, не менее месяца); использование против восставших значительных сил «карателей».

Волнение – это более низкий уровень активного протеста крестьянства: как правило, его участниками являются крестьяне одного или нескольких селений, в ходе волнения может применяться или не применяться насилие по отношению к представителям власти, оно может быть ликвидировано без использования вооруженной силы, по продолжительности может быть незначительным (всего нескольких дней).

Выступление – это понятие, характеризующее единичный факт крестьянской активности, более низкой, чем волнение и восстание. Как правило, в нем участвует группа крестьян одного селения или селение в целом, оно ликвидируется без применения вооруженной силы, является кратковременным по сроку, не имеет тяжелых последствий для участников.

В то же время не всегда существует четкая грань между восстанием и волнением, волнением и выступлением. В ряде случаев эти понятия совпадают и вполне могут использоваться для характеристики факта крестьянской активности.

Под термином «мятеж» автор статьи подразумевает антиправительственное выступление воинского формирования, поддержанное крестьянским населением [Кондрашин, с. 76–77].

Вопросы понятийного аппарата крестьянского движения в России в годы Гражданской войны по-прежнему остаются актуальными и дискуссионными для современных исследователей.

Но в любом случае при выборе того или иного понятия для характеристики крестьянского движения необходима опора на достоверные источники. Проблема источников – одна из ключевых для исследователей данной темы. К настоящему времени в рамках монографических и коллективных работ, документальных серий в научный оборот введен огромный массив источников. В большинстве своем это документы и материалы советских гражданских и военных органов, задействованных в борьбе с крестьянским повстанчеством. Среди них и документы самих повстанцев (воззвания, программы, уставы и т. д.), ставшие трофеями после подавления крестьянских выступлений.

Поиск новых документов по рассматриваемой проблеме и их анализ с помощью нетрадиционных методов и технологий – важнейшее направление в работе исследователей. И они успешно идут по этому пути. Например, В.Л. Дьячков указывает на значение и важность крестьянских свидетельств при изучении проблемы [Крестьянское восстание в Тамбовской губер-

нии..., с. 27–32]. А.Н. Грищенко акцентирует внимание на письмах крестьян родственникам, мобилизованным в Красную армию, где содержатся ценные сведения на тему причин крестьянского повстанчества [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 55–60]. Г.Г. Болтнев считает важным поиск семейных документов, чтобы освещать повстанчество «через призму судьбы семьи» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 13–16]. В.П. Середа указывает на русскоязычную зарубежную прессу начала 1920-х гг. как на источник о крестьянском восстании на Тамбовщине» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 101–104]. Г.К. Гольцева напоминает о важности правильного «археографического прочтения мемуаров старых большевиков» [Крестьянский фронт 1918–1922 гг. ..., с. 48–69]. В.В. Канищев предлагает шире использовать материалы местных газет и газет воинских частей, участвовавших в подавлении атоновщины [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 43].

В то же время А.Г. Тепляков справедливо указывает, что при характеристике «теневых сторон» повстанчества (партизанщины) необходимо учитывать факт наличия «многочисленных фальсифицированных источников и необъективных исследований», появившихся «под идеологическим прессингом», особенно когда речь идет о мемуарах и документах большевиков. Он считает, что исследователями недооценен такой вид источника, как документы антибольшевистских властей и сообщения белой прессы. В них воспроизведены «наиболее жуткие и вместе с тем информативные эпизоды» расправ повстанцев над священнослужителями, пленными и т. д., которые не всегда отражены в советских документах [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 31–39].

Очень важную проблему, требующую использования новых источников и нетрадиционных методов их изучения, поднимает тамбовский историк В.В. Канищев [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 20–30]. Как уже отмечалось, он и его коллеги установили зависимость степени партизано-повстанческой активности «от кормящего ландшафта», «от типов характеров, рождающихся в том или ином варианте земледельческого состояния» [«Атаманщина» и «партизанщина»..., с. 488]. Данная проблематика разрабатывается тамбовскими исследователями в рамках «социальной истории» (на материалах Тамбовской губернии) [Иванов, Канищев]. Ее изучение перспективно с точки зрения ответа на дискуссионный вопрос о причинах разной степени повстанческой активности крестьян в годы Гражданской войны в различных регионах страны. Почему «глобальные» природно-демографические кризисы традиционного общества не по всей Европейской России приводили к массовой крестьянской агрессии против власти? Почему крестьянское восстание в 1920–1921 гг. происходило не на всей территории Тамбовской губернии [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 40–44].

В.В. Канищев обоснованно предлагает при изучении крестьянского движения в России в годы Гражданской войны учитывать «этнический и субэтнический типы конфронтационного поведения», «градус» готовности крестьян к участию в силовом противостоянии. Он верно заключает: «Будь то пассионарность биологического или информационного происхождения, она позволяет себя обнаружить в локальных самоорганизациях крестьян из бывших казаков (иногородние на Кубани из запорожцев, прихопер-

ские села, понимавшие себя как казаки, несмотря на крестьянскую сословную принадлежность, и т. д.), староверов, крестьян-однодворцев и т. п.» [Крестьянский фронт 1918–1922 гг. ..., с. 16–17]. Подобный взгляд на проблему требует междисциплинарного подхода и новых источников.

Они необходимы и при решении проблемы численности участников крестьянских выступлений в годы Гражданской войны в конкретных регионах. В частности, по мнению В.В. Канищева, для получения более точных данных в современных условиях «можно и нужно использовать геоинформационные технологии» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 42].

Как показывает анализ современной историографии проблемы, по-прежнему актуальным остается и ряд вопросов, связанных с характеристикой таких аспектов крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны, как соотношение стихийности и сознательности в крестьянском повстанчестве, влиянии на него внешних сил [Люкшин].

На этот факт указал в своих исследованиях А.В. Двойных. Он отстаивает тезис, что крестьянское повстанческое движение в России в его эпицентрах имело политическую программу, которая была выражена в лозунгах повстанцев и их программных документах, и ее нельзя назвать «примитивной» [Двойных]. Его позиция выглядит убедительно, поскольку основана на анализе многочисленных лозунгов, воззваний, агитационно-пропагандистских материалов «антоновщины», «чапанной войны», «Западно-Сибирского восстания» и других крупнейших выступлений крестьянства России в годы Гражданской войны против большевистской власти. Автор настоящей статьи также разделяет эту точку зрения [Кондрашин, с. 255–276; Крестьянский фронт 1918–1922 гг. ..., с. 80–98].

В рамках обозначенной проблемы в историографии обсуждается вопрос о влиянии на крестьянское движение партии эсеров и белого движения: в разработке лозунгов и программных документов, организации восстаний и т. д. Ряд исследователей не отрицает факт такого влияния, но считает, что оно не было решающим для крестьянства. Так, например, В.Б. Безгин, анализируя лозунги повстанчества на Тамбовщине, заключает: «...лозунг партии эсеров “В борьбе обрешь ты право свое!”, взятый на вооружение тамбовскими повстанцами, отнюдь не свидетельствовал о руководящей роли этой партии, а лишь выражал готовность крестьян силой отстаивать свое право свободно распоряжаться результатами своего труда» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 10–13]. Аналогичную ситуацию исследователи увидели и в других эпицентрах крестьянского повстанчества, где крестьяне использовали эсеровские или анархистские лозунги для выражения его целей, но в целом повстанчество было «стихийным» и чисто «крестьянским» [Кондрашин, с. 302–315].

Тем не менее тема взаимосвязи крестьянских восстаний с эсерами, анархистами и белыми армиями нуждается в дальнейшем изучении, поскольку эта взаимосвязь существовала. И оно необходимо, учитывая ряд категоричных суждений современных исследователей.

Так, А.А. Куреньшев в категоричной форме выступил против утвердившегося в историографии тезиса о «стихийности» крестьянского повстанчества в 1920–1922 гг. В частности, он заключил, что поскольку все крупные крестьянские восстания в России против политики большевиков в годы Гражданской войны

так или иначе были организованы политическими партиями и с участием белого движения, то концепция их «стихийности» «должна быть подвергнута серьезному анализу, переосмыслению и критике» [Крестьянское восстание в Тамбовской губернии..., с. 79; Куреньшев].

Таковы лишь некоторые аспекты истории крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны. Их анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной темы, особенно на региональном уровне и с привлечением новых источников. Это позволит лучше понять феномен крестьянства в истории России XX века.

Библиографический список

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сб. статей и материалов / под ред. А.В. Посадского. М.: АИРО – XXI, 2015. 856 с.

Двойных А.В. Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2010. 190 с.

Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг.: учебное пособие. Тамбов, 2011. 55 с.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М.: Наука, 1988. 305 с.

Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 575 с.

Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М.: АИРО – XXI, 2013. 740 с.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова (1920–1921 гг.): материалы международной научной конференции (г. Тамбов, 20 мая 2017 года) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80): в 2 ч. Ч. 2. 118 с.

Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. / отв. ред. В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков. М.; Саранск, 2017. 1048 с.

Куреньшев А.А. Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922 гг. М.: Спутник. 2010. 172 с.

Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. 144 с.

Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940-х годах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 432 с.

Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М, 1995. С. 90–162.

Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект: сб. документов / отв. ред. В.В. Кондрашин, В.А. Юрченков). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. 880 с.

Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Хроника и Историография. Оренбург, 1999. 314 с.

Pod red. A.V. Posadskogo [«Atamanshchina» and «guerilla warfare» in the Civil War: ideology, military participation, cadres. Collection of articles and materials. A.V. Posadsky (Ed.)]. М.: АИРО – XXI, 2015, 856 p. [in Russian].

Dvoyniyh A.V. *Lozungi i programma krest'ianskogo povstanchestva v Rossii v gody grazhdanskoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk* [Slogans and the program of peasant insurrection in Russia during the Civil War: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Penza, 2010, 190 p. [in Russian].

Ivanov D.P., Kaishev V.V. *Estestvenno-istoricheskie predposylki Tambovskogo vosstaniia 1920 – 1921 gg. Uchebnoe posobie* [Natural historical background of the Tambov uprising of 1920–1921. Tutorial]. Tambov, 2011, 55 p. [in Russian].

Kabanov V.V. *Krest'ianskoe khoziaistvo v usloviakh voennogo kommunizma* [Peasant farming in the conditions of war communism]. М.: Nauka, 1988, 305 p. [in Russian].

Kondrashin V.V. *Krest'ianstvo Rossii v Grazhdanskoi voine: k voprosu ob istokakh stalinizma* [The peasantry of Russia in the Civil War: on the issue of the origins of Stalinism]. М.: ROSSPEN, 2009, 575 p. [in Russian].

Krest'ianskii front 1918 – 1922 gg. Sbornik statei i materialov. Sost. i nauch. red. A.V. Posadskii [Peasant Front of 1918–1922. Collection of articles and materials. Compiler and scientific editor A.V. Posadsky]. М.: АИРО – XXI, 2013, 740 p. [in Russian].

Krest'ianskoe vosstanie v Tambovskoi gubernii pod rukovodstvom A.S. Antonova (1920–1921 gg.). Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Tambov, 20 maia 2017 goda) [Peasant uprising in the Tambov province under the leadership of A.S. Antonov (1920–1921). Materials of the International Scientific Conference (Tambov, May 20, 2017)]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice], 2017, no. 6 (80): in 2 parts. Part 2. 118 p. [in Russian].

Krest'ianstvo i kazachestvo Rossii v usloviiakh revoliutsii 1917 g. i grazhdanskoi voiny: natsional'no-regional'nyi aspekt. Otv. red. V.V. Kondrashin, V.A. Iurchenkov [The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and the Civil War: national-regional aspect. V.V. Kondrashin, V.A. Yurchenkov (Eds.)]. М.; Saransk, 2017, 1048 p. [in Russian].

Kurenishev A.A. *Krest'ianskie voenno-politicheskie organizatsii Rossii. Povstanchestvo. 1918–1922 gg.* [Peasants' military-political organizations of Russia. Insurgency. 1918–1922]. М.: Sputnik, 2010, 172 p. [in Russian].

Lyukshin D.I. *Vtoraia russkaia smuta: krest'ianskoe izmerenie* [Second Russian revolt: peasant dimension]. М., 2006, 144 p. [in Russian].

Nefedov S.A. *Uroven' zhizni naseleniia i agrarnoe razvitie Rossii v 1900 – 1940-kh godakh* [Standard of living and agricultural development of Russia in 1900–1940-ies]. М.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2017, 432 p. [in Russian].

Osipova T.V. *Krest'ianskii front v grazhdanskoi voine* [Peasant front in the Civil War]. In: *Sud'by rossiiskogo krest'ianstva* [The fate of Russian peasantry]. М, 1995, p. 90–162 [in Russian].

Rossiiskoe krest'ianstvo v epokhu revoliutsii i grazhdanskoi voiny: regional'no-natsional'nyi aspekt. Sbornik dokumentov. Otv. redaktory V.V. Kondrashin, V.A. Iurchenkov [Russian peasantry in the era of revolutions and Civil War: regional-national aspect. Collection of documents. V.V. Kondrashin, V.A. Yurchenkov (Eds.)]. Saransk: NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia, 2016, 880 p. [in Russian].

Safonov D.A. *Velikaia krest'ianskaia voina 1920–1921 gg. i Iuzhnyi Ural. Khronika i Istoriografiia* [The Great Peasant War of 1920–1921 and the Southern Urals. Chronicle and Historiography]. Orenburg, 1999, 314 p. [in Russian].

References

«Atamanshchina» i «partizanshchina» v Grazhdanskoi voine: ideologiia, voennoe uchastie, kadry. *Sbornik statei i materialov.*

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-46-53
УДК 94

Дата поступления статьи: 21/1/2018
Дата принятия статьи: 18/11/2018

А.Р. Дюков

«ДЕЛО ПОВИЛАЙТИСА» И КРИЗИС СОВЕТСКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МАЕ-ИЮНЕ 1940 Г.

Дюков Александр Решидеович – научный сотрудник, Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

E-mail: a.dyukov@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-5488-3174>

АННОТАЦИЯ

В данной статье с опорой на дипломатические и архивно-следственные документы из архивов Литвы, Латвии и России описывается разразившийся в мае-июне 1940 г. кризис советско-литовских отношений, завершившийся сменой власти в Литве и последующим включением этой республики в состав СССР. Особое внимание в статье уделяется обвинениям от советской стороны в отношении литовских спецслужб и лично директора Департамента государственной безопасности МВД Литвы А. Повилайтиса, а также реакции на них литовских официальных лиц.

Рассматривая широкий круг источников, автор показывает, что вопреки распространенному в историографии мнению выдвигавшиеся Москвой в адрес литовских спецслужб обвинения в похищениях и вербовке военнослужащих из расположенных в Литве советских военных частей не носили абсурдного характера. Литовские спецслужбы действительно несли ответственность за вербовку и последующее убийство красноармейца Г. Бутаева. Впрочем, по мнению автора, истинной причиной кризиса советско-литовских отношений мая-июня 1940 г. было вовсе не это.

Весной 1940 г. возможность перехода Литвы в германскую сферу влияния рассматривалась Кремлем как реальная угроза безопасности Советского Союза. Пока Германия была занята боевыми действиями на Западе, эта угроза оставалась эвентуальной, однако сокрушительные победы германских войск на Западе в мае 1940 г. кардинально изменили ситуацию. Эта ситуация усугублялась тем, что в феврале 1940 г. директор ДГБ А. Повилайтис посетил Берлин, где встречался с высокопоставленными сотрудниками РСХА и по поручению президента А. Сметоны зондировал вопрос о возможном установлении германского протектората над Литвой. Благодаря деятельности советской разведки информация об этом визите стала вскоре известной Кремлю.

В сложившейся ситуации фигура Повилайтиса приобретала огромное политическое значение. Поскольку зондаж возможности установления германского протектората осуществлялся именно через него, для Москвы принципиально важным было увидеть Повилайтиса за решеткой. Этот арест был бы одновременно и наглядным свидетельством лояльности литовских властей, и концом сотрудничества спецслужб Германии и Литвы. Однако прямых обвинений Повилайтису в контактах с немцами Кремль предъявить не мог – это означало рассекречивание ценнейшего агента советской разведки. Именно поэтому в качестве обоснования необходимости ареста Повилайтиса использовалась малозначительная история с вербовкой литовскими спецслужбами Г. Бутаева.

Ключевые слова: СССР, Литва, Германия, международные отношения, спецслужбы, Повилайтис.

Цитирование. Дюков А.Р. «Дело Повилайтиса» и кризис советско-литовских отношений в мае-июне 1940 г. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 46–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-46-53>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

A.R. Dyukov

**«POVILAITIS' CASE» AND THE CRISIS OF THE SOVIET-LITHUANIAN RELATIONS
IN MAY-JUNE, 1940**

© Dyukov Alexander Reshideovich – research fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.
E-mail: a.dyukov@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5488-3174>

ABSTRACT

This article is based on the diplomatic documents from Lithuanian, Latvian and Russian archives. It is concerned with the critical moment of relations between Soviet Union and Lithuania in May-June, 1940 and the resulting changes of the Lithuanian government. It was a background for the further including of Lithuania in USSR as a republic. The article emphasizes the charges exposed by the Soviet party concerning the Lithuanian secret agencies and personally the director of the Department of State Security (VSD) of Lithuania A. Povilaitis, as well as the reaction of the Lithuanian officials to it.

In the spring of 1940 the possibility of transition of Lithuania to the German sphere of influence was considered by the Kremlin as real threat to the security of the Soviet Union. While Germany has been busy fighting in the West, this threat remained eventual; however rapid victory of Germany in May, 1940 has radically changed a situation. The situation was aggravated with the fact that in February, 1940 the director of VSD A. Povilaitis visited Berlin where he met the high-ranking employees of RSHA and upon the request of the president A. Smetona probed a question of possible establishment of the German protectorate over Lithuania. Thanks to the activity of the Soviet investigation intelligence on this visit became soon known to the Kremlin.

Under these circumstances Povilaitis's figure gained huge political value. As the sondage of a possibility of establishment of the German protectorate was carried out through him, that was essentially important for Moscow to see Povilaitis behind the bars. This arrest would at the same time be both the true evidence of loyalty of the Lithuanian authorities, and the end of the cooperation between intelligence agencies of Germany and Lithuania. Due to this reason the Soviet side tried to obtain Povilaitis's arrest with that much of an effort. However the Kremlin couldn't show direct charges to Povilaitis in contacts with Germans, because it would mean the declassification of the most valuable agent of the Soviet intelligence.

Key words: USSR, Lithuania, Germany, international relations, secret services, Povilaitis.

Citation. Dyukov A.R. «*Delo Povilaitisa*» i krizis sovetsko-litovskikh otnoshenii v mae-iiune 1940 g. [«Povilaitis' case» and the crisis of the Soviet-Lithuanian relations in May-June, 1940]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 46–53. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-46-53>.

В конце мая 1940 г. Москва начала оказывать возрастающее дипломатическое давление на литовские власти. Этот кризис советско-литовских отношений стал неожиданным для большинства наблюдателей; он завершился предъявлением литовскому руководству ультиматума, сменой власти в республике и последующим включением Литвы в состав СССР. Официально предъявлявшиеся Кремлем претензии были достаточно разнообразны, однако «стержневым» было обвинение литовских спецслужб в причастности к похищениям красноармейцев с расположенных в Литве советских военных баз. Одним из ответственных за эти похищения Москва настойчиво называла директора Департамента госбезопасности МВД Литвы А. Повилайтиса.

Все началось поздним вечером 25 мая 1940 г., когда посла Литвы в СССР Л. Наткявичюса неожиданно вызвали в Кремль. Нарком иностранных дел В.М. Молотов был хмур; не тратя времени на

формальные разговоры, он зачитал литовскому послу неожиданно жесткое заявление. Советское правительство обвиняло литовскую сторону в похищениях военнослужащих из дислоцируемых в Литве советских военных частей. «Нам достоверно известно, что исчезновение этих военнослужащих организуется некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов Литовского правительства, – говорилось в заявлении. – Советское правительство предлагает Литовскому правительству прекратить эти провокационные действия отдельных агентов известных органов Литовского правительства и принять немедленные меры к розыску исчезнувших советских военнослужащих и доставить их в распоряжение командования советских войск в Литве. Советское правительство надеется, что Литовское правительство пойдет навстречу его предложениям и не вынудит его к другим мероприятиям» [Полпреды сообщают..., с. 331].

Молотов назвал литовскому посланнику в Москве фамилии двух пропавших красноармейцев — Носова и Шмавгонца; спустя несколько дней в заявлении НКВД эта информация была уточнена — были названы фамилии красноармейцев Н. Шмавгонца, Б. Писарева и Г. Бутаева (дезертировавшего из части еще в феврале 1940 г., а в мае погибшего при загадочных обстоятельствах) [Полпреды сообщают..., с. 334–335]. Что же касается Носова, то впоследствии выяснилось, что эта фамилия была включена в список похищенных ошибочно, о чем было заявлено литовской стороне [СССР и Литва во Второй мировой войне, с. 535].

Формулировка «отдельные агенты известных органов литовского правительства» содержала недвусмысленный намек на причастность к исчезновению советских военнослужащих представителей литовских спецслужб. Этот намек был прекрасно понят в Каунасе. Руководство МИД Литвы было осведомлено, что литовские спецслужбы прямо причастны к вербовке как минимум одного красноармейца — Г. Бутаева, сбежавшего из дислоцировавшейся в Виленском крае советской военной части в марте 1940 г. Об этом свидетельствует датированная 20 марта 1940 г. записка директора политического департамента МИД Литвы Э. Тураускаса, в которой содержится совет литовским военным «по возможности поскорее отправить вышеуказанного Бутаева куда-нибудь подальше от Вильнюса, чтобы не было возможности советским военнослужащим его искать и задержать» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 1, с. 596]. Осведомлен об истории с Бутаевым был и посол Литвы в Лондоне Б. Балутис. После получения советской ноты протеста он советовал провести специальное расследование: «...все подозрительные провокаторы, несмотря ни на какие бывшие их заслуги или же высокие покровитель», должны были быть уволены из политической полиции, а в самой этой структуре следовало провести «основательную реформу» [Каспаравичюс, Лауринавичус, с. 132].

Однако призыв высокопоставленных дипломатов (к Б. Балутису присоединился и посол Литвы в Париже П. Климас [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 55]) услышан не был. Литовское правительство ограничило созданием 27 мая 1940 г. специальной комиссии для расследования выдвинутых советским правительством обвинений [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 39]. Информация о создании комиссии была доведена до советской стороны 28 мая (Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Государственный исторический архив Латвии). Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л 21). К этому времени исчезнувшие из советских гарнизонов красноармейцы Б. Писарев и Н. Шмавгонца вернулись в распоряжение своих частей, заявив о том, что были похищены неизвестными. С советской точки зрения это не могло не выглядеть крайне подозрительно.

Для того чтобы разобраться в происходящем, в Литву спешно вылетел заместитель наркома обороны А.Д. Локтионов. Как отмечали литовские дипломаты, это был незапланированный визит; документы на визу были поданы в литовское посольство лишь вечером 25 мая (Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 20). «Поездка Локтионова в Каунас явилась неожиданностью, — комменти-

ровал происходящее латвийский посланник в Москве Ф. Коциньш. — Ему было нужно, в связи с подписанием соглашения с эстонцами, выехать в Таллин... Очевидно, дело в Литве было срочным» (Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 35).

Прилетев на личном самолете в Вильнюс, Локтионов 28 мая допросил вернувшихся в части красноармейцев Писарева и Шмавгонца. В ходе допроса Шмавгонца сообщил о том, что якобы был похищен неизвестными, пытавшимися получить от него данные о дислокации и вооружении бригады. По словам Шмавгонца, похитители пять дней держали его в подвале практически без пищи; потом похитители отпустили красноармейца (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 150–156). Врач, осмотревший Шмавгонца, подтвердил: красноармеец сильно истощен, а следовательно, его заявления о том, что он не ел пять дней, соответствуют действительности (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 157). Аналогичные показания дал и Писарев — по его словам, он был похищен неизвестными в польской форме (Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 65. Д. 990. Л. 158–161).

После допроса красноармейцев Локтионов вылетел в Каунас. Как рассказывал впоследствии литовский посланник в Москве Л. Наткявичюс, по прибытии в Каунас замнаркома «нанес визиты министру иностранных дел и военному министру, но отказался от официального приема. В разговоре с министром иностранных дел Локтионов высказал строгие упреки, к тому же сообщил имена еще двоих солдат, возвратившихся измученными в свои части. В целом картины Локтионова приравнивались к подлинному криминальному роману» (Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 2574. Оп. 2. Д. 7391. Л. 21). После этого Локтионов возвратился в Вильнюс, где встретился с командующим дислоцировавшейся в области 1-й пехотной дивизии литовской армии генералом Й. Чернюсом. Судя по всему, Локтионов был не склонен возлагать вину за «похищения» красноармейцев целиком на литовские спецслужбы. Генерал Чернюс передает слова Локтионова следующим образом: «В Литве есть много всяческого элемента, то есть: итальянцев, немцев, англичан и др., которые очень заинтересованы в сборе сведений о Советской армии. Они не стыдясь могут использовать насильственные способы. Советская армия здесь на чужой территории и не в ее силе приструнить гражданских выскочек, здесь уже дело правительства Литвы и его органов. Только эти органы не могут так медлить, как медлили с Бутаевым, поиск которого продлился два месяца, и сообщили, что он застрелился» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 56].

Однако визит Локтионова не заставил Кремль смягчиться; уже 30 мая в прессе появилось специальное заявление Наркомата иностранных дел «О провокационных действиях литовских властей», в котором в развернутой форме излагалось содержание заявления, зачитанного 25 мая литовскому послу [Полпреды сообщают..., с. 334–335]. Спустя несколько дней полпред СССР в Литве Н.Г. Поздняков выехал в Москву для консультаций [Полпреды сообщают..., с. 338].

4 июня посол Литвы в СССР Наткявичюс сообщил о том, что премьер-министру А. Меркису

стоит готовиться к поездке в Москву и «чем скорее, тем лучше»; таково было пожелание Кремля [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 90]. Отказаться от подобного приглашения было невозможно, тем более что спешность этого вызова заставляла предположить, что на руках у советской стороны появились какие-то новые карты. 6 июня посол Наткявичюс прислал из Москвы телеграмму с отчетом о состоявшейся 2 июня неофициальной беседе с замнаркома обороны Локтионовым. В беседе с послом замнаркома заявил, что советской стороне «известны фамилии тех лиц, которые имели контракт с Бутаевым в целях шпионажа» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 100].

Литовские власти были готовы к этому неприятному известию. Для того чтобы замаскировать свою причастность к делу Бутаева, литовские спецслужбы еще с конца мая стали готовить «козлов отпущения». 31 мая органы госбезопасности Литвы задержали двоих бывших офицеров польской разведки — А. Туреля и П. Комара. Еще один бывший офицер польской разведки, Ф. Сельманович, был арестован неделю спустя. Департаменту госбезопасности и литовской военной разведке было прекрасно известно, что все трое были членами польского подполья и одновременно агентами резидента французской разведки в Литве Г. Пишона. Более того, было точно известно, что в марте 1940 г. Сельманович дважды встречался с Бутаевым, изучая возможность вербовки последнего. Налицо была возможность спихнуть вину за дело Бутаева на поляков и стоявшую за их спинами французскую разведку. Помимо польских офицеров был задержан житель Новой Вильни Й. Пашкявичюс, сведший Сельмановича с Бутаевым, и бывшая любовница Бутаева А. Браткаускайте. На польских офицеров было заведено уголовное дело по обвинению в работе на французскую разведку, а 8 июня было открыто уголовное дело и против французского резидента Пишона [Vubnys, с. 138–141]. Действия литовских властей полностью соответствовали циничным рекомендациям, сформулированным генералом Чернюсом по итогам встречи с Локтионовым: «Предпринимать шаги, чтобы были раскрыты в правильном свете похищения или предполагаемые похищения последних двух солдат, а также наказать нескольких лиц, которые поддерживали связи с Бутаевым... Слишком много всякого нежелательного элемента в Вильнюсе. Мне кажется, что если это государственное дело, то было бы правильно нескольких диверсантов им (Советам) отдать. Пусть разбираются. Будет впечатлительное, что мы боремся сообща» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 58].

В полдень 7 июня премьер-министр Литвы А. Меркис прибыл в Москву; в девять вечера его принял в Кремле нарком иностранных дел В.М. Молотов. Скрывать информацию о контактах литовских спецслужб с красноармейцем Бутаевым было бессмысленно, а потому Меркис в своем выступлении упомянул об этом факте, упирая, однако, на то, что эти контакты были эпизодическими [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 116]. Неизвестно, попытался ли Меркис рассказать Молотову о причастности руководимых резидентом французской разведки польских подпольщиков к делу Бутаева; ни в советской, ни в литовской записи бесе-

ды об этом нет упоминаний. Однако даже если эти оправдания и прозвучали, Молотов их не принял: «Совершенно очевидно, сказал я далее, что все эти случаи — дело рук вашей охраны. Не допускаю мысли, чтобы об этом не знал ее руководитель Повилайтис и министр внутренних дел Скучас... Участие охраны во всех этих делах, сказал я Меркису, иллюстрируется и подтверждается вашими же материалами» [Полпреды сообщают..., с. 354]. Фамилии Повилайтиса и Скучаса еще не раз звучали из уст Молотова, и было очевидно, чего требует Кремль. Как отметил присутствовавший при встрече посол Наткявичюс, «одной из самых сильных мер была бы смена министра внутренних дел и [директора] Департамента государственной безопасности» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 116].

Аналогичного мнения придерживался и Меркис. Через несколько часов после встречи с Молотовым он направил в Каунас телеграмму, в которой отмечал: «В речи Молотова ясно проглядывало недовольство министром внутренних дел и директором департамента безопасности. Думаю, что придется заявить, что виновные будут наказаны. Директор департамента безопасности Министерства внутренних дел будет заменен. Телеграфируйте предложения» [СССР и Литва во Второй мировой войне, с. 572–573]. Президент Литвы Сметона неохотно одобрил эту идею [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 120].

Однако когда 9 июня состоялась повторная встреча Меркиса с Молотовым, то выяснилось, что одним увольнением Повилайтиса советская сторона не удовлетворится. Каунасу были предъявлены новые претензии, на сей раз связанные с якобы имевшим место созданием антисоветского военного союза стран Прибалтики [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 361–364]. Обдумав происходящее, в Каунасе сделали вывод, что «ухода одного только Скучаса из кабинета [министров] сегодня уже не хватило бы, поэтому стоит сделать общую реорганизацию правительства» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 124]. В Москву спешно вылетел министр иностранных дел Ю. Урбшис; с собой он вез бумагу, подтверждающую, что президентом Литвы принято решение об изменении состава правительства. Каковы будут эти изменения — оставалось предметом переговоров.

Новая встреча Меркиса и присоединившегося к нему Урбшиса с Молотовым состоялась вечером 11 июня. Советский нарком принял к сведению привезенную из Каунаса информацию, однако потребовал конкретики. «Молотов, реагируя на заявление, спросил, по-прежнему ли сидят на своих местах и не отданы под суд Скучас с Повилайтисом?» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 128]. Меркис ответил, что решит эту проблему сразу после возвращения в Каунас, однако это утверждение, судя по всему, вызвало сомнение главы НКВД. По крайней мере, в завершение беседы Молотов опять вернулся к проблеме Скучаса и Повилайтиса. На замечание главы литовского МИД о том, что литовская сторона хочет как можно скорее «ликвидировать создавшееся напряжение», Молотов ответил: «Это зависит от них самих. Пока что ими ничего не сделано. Министр Скучас не снят. Повилайтис тоже не снят и под суд не отдан.

Вместо решительных мер создаются комиссии» [Полпреды сообщают..., с. 366]. Требование Кремля относительно немедленного ареста Повилайтиса (и, возможно, Скучаса) было абсолютно недвусмысленным. «Боги гневаются. Прощание г-на премьер-министра с г-ном Молотовым было слишком сухим», — записал по итогам встречи литовский посол Наткявичюс [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 137].

12 июня премьер-министр Меркис отбыл в Каунас; в Москве остался министр иностранных дел Урбшиш — ожидать новостей. Рано утром 14 июня в литовское посольство в Москве пришла шифротелеграмма. Настойчивые требования Кремля относительно ареста Повилайтиса оказались отвергнуты — равно как и недвусмысленные намеки на необходимость смены правительства на более лояльное к СССР. «Президент, премьер и большинство [членов правительства] приняли решение, что будет достаточно отставки Скучаса и увольнения Повилайтиса», — говорилось в шифрограмме [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 130]. В два часа дня Урбшиш сообщил заместителю наркома иностранных дел В.Г. Деканозову об отставке Скучаса и увольнении Повилайтиса [Полпреды сообщают..., с. 371]. Урбшиш также просил о возможности встретиться с Молотовым.

Молотов принял своего литовского визави незадолго до полуночи. В отличие от предыдущих, эта встреча продлилась недолго: советский наркоминдел зачитал своему литовскому коллеге ультиматум. От литовской стороны требовали арестовать и отдать под суд министра внутренних дел Скучаса и директора Департамента госбезопасности Повилайтиса, сформировать в Литве новое, просоветское, правительство и обеспечить свободный пропуск на территорию страны новых подразделений Красной армии. Ультиматум завершался лаконично: «Советское правительство ожидает ответа Литовского правительства до 10 час. утра 15 июня. Непоступление ответа Литовского правительства к этому часу будет рассматриваться как отказ от выполнения указанных выше требований Советского Союза» [Полпреды сообщают..., с. 376]. От себя Молотов добавил: «Какой бы вы ни дали ответ, все равно советская армия войдет в Литву» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 135].

Требование ареста Скучаса и Повилайтиса стояло первым пунктом в советском ультиматуме, и литовский министр иностранных дел попытался уточнить советскую позицию по данному вопросу. В советской и литовской записи беседы ответ Молотова отличается немаловажными нюансами.

Советская запись выглядит следующим образом: «Урбшиш говорит, что он не видит статьи, на основании которой можно было бы отдать под суд министра внутренних дел Скучаса и начальника политической полиции Повилайтиса. Спрашивает, как быть? Тов. Молотов говорит, что прежде всего надо их арестовать и отдать под суд, а статьи найдутся. Да и советские юристы могут помочь в этом, изучив литовский кодекс» [Полпреды сообщают..., с. 372].

Литовская запись, подготовленная послом Наткявичюсом, излагает ответ Молотова немного иначе: «Непонятно, сказали мы, каким образом отдать под суд г-на Скучаса и Повилайтиса. Г-н Молотов ответил, что если ваши юристы не найдут статьи, то наши юристы поищут статьи согласно кодексам Литвы, например за предательство. Ведь это уже настоящие из-

менники Литвы, добавил он» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 135].

Еще до встречи с Молотовым глава литовского внешнеполитического ведомства послал в Каунас телеграмму о предстоящем получении советских требований. Собравшись к двум часам ночи во дворце президента Антанаса Сметона, члены правительства Литвы ожидали шифровки из Москвы. Получение недвусмысленного ультиматума, однако, оказалось для всех шоком. Разведывательный отдел Генштаба литовской армии с начала июня докладывал о сосредоточении у границ республики частей Красной армии [Ильмарьв, с. 599]. Иллюзий не оставалось: в случае получения отрицательного ответа советское руководство готово было начать боевые действия.

Президент Сметона предложил оказать вооруженное сопротивление Красной армии и при необходимости отступить вместе с литовскими войсками на территорию соседней Германии. Сметона категорически выступал против ареста Скучаса и Повилайтиса; максимум, на что был готов согласиться литовский президент, — это сменить правительство на более приемлемое для СССР. Однако члены правительства вовсе не разделяли воинственных настроений главы государства и его прогерманских симпатий; большинство склонялось к необходимости удовлетворить требования Кремля. Действующий премьер-министр А. Меркис, главнокомандующий литовской армии дивизионный генерал В. Витаускас и кандидат на пост нового главы правительства бригадный генерал С. Раштикис выступили против предложений президента (Lietuvos uapatingas archyvas (Особый архив Литвы). Ф. 3377. Оп. 58. Д. 806. Л. 7–8). Не получив поддержки, Сметона подал в отставку; в Москву была отправлена телеграмма о том, что официальный Каунас согласен удовлетворить требования советского руководства. Урбшиш успел сообщить об этом Молотову за пятнадцать минут до истечения ультиматума [Полпреды сообщают..., с. 377]. Литовская запись этой беседы, сделанная послом Наткявичюсом, свидетельствует, что даже после объявления об отставке правительства и согласия на ввод дополнительных контингентов советских войск в Литву вопрос о Скучасе и Повилайтисе не был забыт советской стороной. «Г-н Молотов спросил, задержаны ли уже г-н Скучас с г-ном Повилайтисом? На это мы ответили, что сведений у нас нет», — записал посол [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 135].

Обеспокоенность советской стороны имела под собой основания. Несмотря на то что официальный Каунас утвердил решение принять советский ультиматум, немедленного ареста Скучаса и Повилайтиса не произошло. Напротив, литовским руководством были предприняты меры по организации их бегства. Согласно воспоминаниям министра обороны К. Мустейкиса, президент Сметона отдал премьер-министру А. Меркису распоряжение «проследить, чтобы эти двое должностных лиц не попали в руки большевиков» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 204]. Ранним утром 15 июня Скучас был вызван в президентуру; встретившийся с бывшим министром внутренних дел Сметона «решительно посоветовал» ему бежать за границу [Дюков, с. 91–92]. Вернувшись домой, Скучас встретился с Повилайтисом. Было принято решение, что они оба отправятся в деревню Пашвянтис. В этой деревне, расположенной у самой германской гра-

ницы, проживал брат Повилайтиса. Оттуда планировалось бежать дальше — в Германию [Дюков, с. 81].

Перед отъездом из Каунаса Скучас счел нужным подтвердить разрешение на бегство из страны у премьер-министров — уходящего Меркиса и нового Раштикиса. «Я позвонил Меркису и генералу Раштикису (в связи с тем, что он намечался главой нового литовского правительства) и сообщил о том, что я намерен из Каунаса уехать на хутор к Повилайтису, расположенный неподалеку от литовско-германской границы. Я спросил Меркиса и Раштикиса, как они на это смотрят. Раштикис против моего отъезда не возражал, а Меркис сам настоятельно советовал мне уехать, предоставив в мое распоряжение автомашину министерства. Тут же мы с Меркисом обусловили[сь], что он должен по телефону или другим способом предупредить меня о необходимости перехода литовско-германской границы» [Дюков, с. 92].

В последовавшей вскоре после этого телефонного разговора беседе с президентом Сметоной Меркис доложил, что дело сделано: «Граница близка... Убежать будет легко» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. Т. 2, с. 193]. Только после этого Меркис сделал то, что давно требовал Кремль — санкционировал арест Скучаса и Повилайтиса. В своих позднейших показаниях он вспоминал: «Министр юстиции Тамошайтис обратился ко мне письменно, прося распоряжения арестовать Скучаса и Повилайтиса. На бумаге министра юстиции я наложил резолюцию об аресте и передал для исполнения генеральному секретарю министерства внутренних дел Гедрайтису. Гедрайтис сделал все необходимые распоряжения для ареста» (Lietuvos uapatingas archyvas. Ф. К-40. Оп. 1. Д. 104. Л. 225—227). Упомянутой «бумагой министерства юстиции» был ордер на арест; он сохранился до наших дней — вместе с резолюцией Меркиса (Lietuvos centriniis valstybes archyvas (Центральный государственный архив Литвы). Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 94).

По всей видимости, Меркис надеялся, что полиция уже не успеет задержать выехавших из Каунаса высокопоставленных беглецов. Однако эти надежды не сбылись. дезориентированный участием Меркиса в организации побега Скучас по прибытии в деревню попытался дозвониться до премьер-министра, чтобы сообщить ему о своем местонахождении. Однако телефоны не отвечали — и тогда Скучас связался с дежурным офицером Департамента государственной безопасности. Бывший министр внутренних дел сообщил дежурному о своем местонахождении и попросил передать эту информацию премьер-министру и министру юстиции Тамошайтису (Lietuvos uapatingas archyvas. Ф. 3377. Оп. 58. Д. 483. Л. 57). К этому времени ордер на арест был уже выдан и завизирован Меркисом; получившая информация о местонахождении беглецов полиция сработала максимально эффективно. Из Каунаса до пограничного Пашвянтиса было несколько часов быстрой езды на автомобиле. Вечером того же дня А. Повилайтис и К. Скучас были арестованы прибывшим из Каунаса отрядом полиции под командованием вахмистра резерва полиции И. Юоспайтиса. Повилайтиса задержали в тот момент, когда он уже бежал к немецкой границе. При задержании бывший директор Департамента госбезопасности выхватил револьвер и намеревался стрелять, но был обезоружен полицейскими (Lietuvos centriniis valstybes archyvas. Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 100—103).

На следующий день, 16 июня 1940 г., Скучас и Повилайтис под должной охраной были доставлены в

столицу и помещены в тюрьму в VI форту Каунаса (Lietuvos centriniis valstybes archyvas. Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1. Л. 100—103). Некоторые литовские историки утверждают, что прибывший в тот же день в Каунас эмиссар Москвы — замнаркома иностранных дел Деканозов — лично посетил тюрьму, проверив, таким образом, выполнение литовской стороной первого пункта советского ультиматума [Lukšas, с. 31].

Настойчивость, с которой в конце мая — первой половине июня 1940 г. советская сторона добивалась отстранения от должности, а затем — и ареста министра внутренних дел К. Скучаса и директора Департамента госбезопасности МВД А. Повилайтиса, производит сильное впечатление. Именно это требование стояло первым пунктом в ультиматуме 14 июня; его же Кремль настойчиво высказывал и в ходе предшествовавших переговоров.

При этом стоит отметить, что основной целью Кремля был именно Повилайтис, а не его непосредственный начальник. Напомним, что во время беседы с литовским премьер-министром А. Меркисом 11 июня Молотов ставил в вину литовскому руководству тот факт, что «министр Скучас не снят. Повилайтис тоже не снят и под суд не отдан» [Полпреды сообщают..., с. 366]; таким образом, Кремль был готов удовлетвориться отставкой Скучаса — но Повилайтис должен был быть непременно арестован. Этот же подход мы находим и в первом черновом варианте ультиматума руководству Литвы, который был обнаружен в фонде В.М. Молотова в РГАСПИ российским историком Е.Ю. Зубковой. В этом документе требуется «арестовать и предать суду» Повилайтиса, тогда как в отношении Скучаса требования явно скромнее: «по меньшей мере сместить с занимаемого поста» [Зубкова, с. 74].

Современные литовские исследователи объясняют советскую атаку на Повилайтиса острой неприязнью Кремля к главе ведомства, осуществлявшего репрессии против коммунистов [Lukšas, с. 26—28]. Однако подобное объяснение не выглядит правдоподобным. Советское руководство проводило в Литве вполне прагматическую политику, в рамках которой представители местной компартии были не более чем одной из фигур на шахматной доске. При необходимости эти фигуры жертвовали без особого сожаления: в декабре 1939 г. даже арест первого секретаря ЦК компартии Литвы А. Снечкуса не вызвал у Москвы протеста [Tininis, с. 34]. Стоит также заметить, что в ультиматумах, чуть позже предъявленных руководству Эстонии и Латвии, каких-либо требований относительно ареста местных руководителей политических партий не содержалось. Более того: точно так же, как и Повилайтис, осуществлявший преследования коммунистов директор управления полиции МВД Эстонии Й. Сооман был арестован лишь в конце августа 1940 г. (Eesti Riigiarhiivi filiaal (Филиал Эстонского государственного архива). Ф. 130SM. Оп. 1. Д. 9861. Л. 186, 192—193, 198—199). Их латвийский коллега, директор Департамента полиции безопасности МВД Я. Фридрихсонс был арестован 21 июля 1940 г. (Latvijas Valsts arhivs (Государственный архив Латвии). Ф. 1986. Оп. 1. Д. 43894. Т. 1. Л. 3) — хотя и раньше Соомана, но гораздо позже, чем Повилайтис. Не вызывает сомнений: если бы советское руководство действительно стремилось срочно покарать борющихся с коммунистами прибалтийских чиновников, аресты Соомана и Фридрихсонса произошли бы примерно в одно время с арестом Повилайтиса. Этого, однако, не случилось.

Более вероятным кажется предположение, согласно которому Повилайтис стал мишенью для советских претензий из-за причастности его подчиненных к вербовке красноармейца Г. Бутаева. Однако при более внимательном рассмотрении и это предположение не выдерживает критики. Дело в том, что, хотя вербовка Бутаева действительно имела место, к ней были причастны не только сотрудники Департамента госбезопасности, но и литовской военной разведки [Ильмярв, с. 588; Anušauskas, с. 204]. При этом причастность военной разведки к делу Бутаева не было секретом для советской стороны: в датированной 29 мая 1940 г. справке начальника особого отдела дислоцировавшегося в Литве 16-го Отдельного стрелкового корпуса отмечалось: «К выводу, что Бутаев убит литовцами — приводит и такой факт: 10-го мая с. г., т. е. за сутки до убийства Бутаева, в город Вильнюс прибыл заведующий западным отделом 2[-го] отдела литовского штаба — подполковник Пранцконис. Последний прибыл в гражданском платье, вел себя нервно. Факт убийства Бутаева дает основание связывать с экстренным приездом Пранцкониса» [Мельтюхов, с. 259]. При этом, несмотря на явную причастность 2-го отдела генштаба армии Литвы к делу Бутаева, Кремль не выдвигал требований отстранить от должности и арестовать ни начальника отдела К. Дулькниса, ни кого бы то ни было из его подчиненных. Получается, что у яростной советской атаки на Повилайтиса был какой-то иной мотив, прямо не связанный с делом Бутаева.

Не меньшее удивление вызывает настойчивость, с которой литовский президент Сметона защищал Скучасу и Повилайтиса. Советские требования отставки и ареста министра внутренних дел и начальника Департамента госбезопасности были абсолютно недвусмысленными. Отказ от выполнения этих требований породил острую негативную реакцию Кремля, которая была прекрасно видна в словах Молотова на встрече с премьер-министром А. Меркисом 11 июня 1940 г. Присутствовавший на этой встрече посол Литвы в СССР Наткявичюс в своей докладной записке отметил: «Боги гневаются» [Lietuvos Respublikos užsienio politika. T. 2, с. 137]. Однако Сметона отверг советские требования об аресте Скучасы и Повилайтиса. Более того, он высказывался против их ареста утром 15 июня 1940 г., после получения советского ультиматума, когда на кону стояла ни много ни мало судьба страны. И даже после вынужденного принятия советских требований Сметона убедил премьер-министра Меркиса организовать бегство Скучасы и Повилайтиса в Германию. Бытующая в современной литовской историографии мысль о том, что Сметона действовал подобным образом исключительно из нежелания отдавать в руки СССР невинных людей, выглядит неправдоподобно. Пришедший к власти в результате военного переворота и правивший страной на протяжении без малого четырнадцати лет авторитарный диктатор едва ли мог руководствоваться столь мелодраматическими соображениями.

Все эти странности становятся понятными, как только мы помещаем события советско-литовского кризиса мая-июня 1940 г. в более широкий контекст. На протяжении всего межвоенного периода ключевой задачей советской политики на прибалтийском направлении являлось недопущение превращения террито-

рии Прибалтики в плацдарм для наступления против СССР. В силу своего географического положения Литва оказалась своеобразным «ключом» к Прибалтике, и потому к этой стране было привлечено особое внимание Кремля. Многолетние усилия советской дипломатии по выстраиванию особых отношений с Литвой пошли прахом, когда в 1938 г. Германия преступила к ревизии европейского миропорядка. Существовавшая с 1920 г. геополитическая «ось Каунас — Москва» к весне 1939 г. ушла в прошлое, и Кремль был готов признать германское доминирование в Литве в обмен на отказ Германии от продвижения своего влияния в Латвии и Эстонии. Однако в конце сентября 1939 г. Москве удалось добиться от Берлина включения в советскую «сферу влияния» не только Латвии и Эстонии, но и Литвы. При этом опасения Кремля относительно возможности роста германского влияния в этой стране (единственной из всех прибалтийских государств стране, непосредственно граничившей с Рейхом) по-прежнему оставались весьма значительными. Возможность перехода Литвы в германскую сферу влияния рассматривалась Кремлем как реальная угроза безопасности Советского Союза. Пока Германия была занята боевыми действиями на Западе, эта угроза оставалась эвентуальной; однако стремительное поражение Франции в мае 1940 г. кардинально изменило ситуацию.

Ситуация усугублялась тем, что в феврале 1940 г. директор Департамента госбезопасности Литвы А. Повилайтис посетил Берлин, где встречался с высокопоставленными сотрудниками РСХА и по поручению президента (и в обход действовавшего правительства) зондировал вопрос о возможном установлении германского протектората над Литвой [Mullyniemi, с. 119–120]. Благодаря деятельности советской разведки, имевшей высокопоставленного агента в Департаменте госбезопасности МВД Литвы, информация об этом визите стала вскоре известной Кремлю [Дюков, с. 32–34; Славинас, с. 226–227].

О том, что советская сторона может догадаться о тайных германо-литовских связях, предупреждал генерал Й. Чернюс. После встречи с советским замнаркомом обороны А. Локтионовым он писал: «Я думаю, что до их ушей могут дойти различные слухи о смене оккупаций. Эти слухи нам никак не помогут, а навредить могут. Мы были вынуждены заключить договор о взаимопомощи в определенном международном положении, и только это положение может его изменить. И здесь наши собственные желания не всегда могут перевесить. Восточный сосед очень чуток, подозрителен, так что необходима очень большая осторожность» [Lietuvos Respublikos užsienio politika, T. 1, с. 57–58]. Человек хорошо осведомленный, Чернюс знал, о какой «смене оккупаций» может идти речь — до ноября 1939 г. он занимал пост министра и лично санкционировал тайные связи с Германией по линии спецслужб [Дюков, с. 95]. И безусловно, он совершенно правильно оценивал отношение Кремля и к подобным связям, и к идее перехода Литвы под германский протекторат.

В сложившейся ситуации фигура Повилайтиса приобретала огромное политическое значение. Поскольку зондаж возможности установления германского протектората осуществлялся именно через него, для Москвы принципиально важным было увидеть Повилайти-

са за решеткой. Этот арест был бы одновременно и наглядным свидетельством лояльности литовских властей, и концом сотрудничества спецслужб Германии и Литвы, и оружием против президента Сметоны — ведь проводившиеся Повилайтисом зондажные беседы противоречили советско-литовскому договору от 10 октября 1939 г. Для президента Сметоны, соответственно, принципиально важным было, чтобы директор Департамента госбезопасности оставался на свободе.

Именно поэтому советская сторона столь активно добивалась ареста Повилайтиса, и именно поэтому Сметона столь активно этому противился. Ситуация усугублялась тем, что прямыми обвинений Повилайтису в контактах с немцами Кремль предъявить не мог — это означало расклевывание ценнейшего агента советской разведки в Департаменте госбезопасности. Советская сторона требовала ареста Повилайтиса, не имея возможности обосновать свои требования иначе как историей с Бутаевым. Это позволяло Сметоне выстраивать эффективную защиту Повилайтиса в литовском правительстве, раз за разом отвергая советские требования. Неосведомленные о сути происходящего члены литовского правительства едва ли понимали, насколько огромное значение дело Повилайтиса приобрело для советско-литовских отношений.

Библиографический список

- Anušauskas A. *Lietuvos slaptosios tarnybos, 1918–1940*. Vilnius, 1993. .
- Bubnys A. *Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pagrindis 1939–1945 m.* Vilnius, 2015.
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 1.
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 2.
- Lukšas A.K. *Skučio ir A. Povilaičio byla: naivumas ar išdavystė? // Lietuvos Respublikos Valstybės saugumo departamento 2013 metų veiklos ataskaita*. Vilnius, 2014.
- Myllyniemi S. *Baltian Kriisi, 1938 – 1941*. Helsinki, 1977.
- Tininis V. *Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)*. Vilnius, 2000.
- Дюков А.Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости. М., 2013.
- Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М., 2008.
- Ильмарв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012.
- Каспаравичюс А., Лауринавичюс Ч. Перцепция России / Советского Союза в межвоенной Литве // *Образ Другого. Страны Балтии и Советский Союз перед Второй мировой войной*. М., 2012.
- Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940): Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М., 2014.
- Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 – август 1940 г. М., 1990.
- Славинас А. Гибель Помпеи. Записки очевидца. Тель-Авив, 1997.
- СССР и Литва во Второй мировой войне: сборник документов / сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Vilnius, 2006. Т. 1.

References

- Anušauskas A. *Lietuvos slaptosios tarnybos, 1918–1940*. Vilnius, 1993 [in Litvy].
- Bubnys A. *Pasipriešinimo judėjimai Lietuvoje Antrojo pasaulinio karo metais: lenkų pagrindis 1939–1945 m.* Vilnius, 2015 [in Litvy].
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 1 [in Litvy].
- Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939–1940 / Red. T. Remeikis. Vilnius, 2009. T. 2 [in Litvy].
- Lukšas A.K. *Skučio ir A. Povilaičio byla: naivumas ar išdavystė? Lietuvos Respublikos Valstybės saugumo departamento 2013 metų veiklos ataskaita*. Vilnius, 2014 [in Litvy].
- Myllyniemi S. *Baltian Kriisi, 1938–1941*. Helsinki, 1977 [in English].
- Tininis V. *Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)*. Vilnius, 2000 [in Litvy].
- Diukov A.R. *Protėktorat «Litva». Tainoe sotrudnichestvo s natsistami i nerealizovannyi stsenarii utraty litovskoi nezavisimosti* [Protectorate «Lithuania». Secret cooperation with the Nazis and the unrealized scenario of loss of Lithuanian independence]. M., 2013 [in Russian].
- Zubkova E.Yu. *Pribaltika i Kremľ, 1940–1953* [The Baltic States and the Kremlin, 1940–1953]. M., 2008 [in Russian].
- IImjarv M. *Bezmolvnaia kapituliatsiia. Vneshniaia politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdru dvumia voinami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940)* [Silent surrender. The foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two wars and the loss of independence (from the mid-1920-ies to the annexation in 1940)]. M., 2012 [in Russian].
- Kasparavičius A., Laurinavičius C. *Pertseptsiia Rossii / Sovetskogo Soiuza v mezhoennoi Litve* [Perception of Russia / the Soviet Union in interwar Lithuania]. In: *Obraz Drugogo. Strany Baltii i Sovetskii Soiuз pered Vtoroi mirovoi voinoi* [The image of the Other. The Baltic States and the Soviet Union before the Second World War]. M., 2012 [in Russian].
- Meltyukhov M.I. *Pribaltiiskii platsdarm (1939–1940): Vozvrashchenie Sovetskogo Soiuza na berega Baltiiskogo moria* [The Baltic bridgehead (1939–1940): The return of the Soviet Union to the shores of the Baltic Sea]. M., 2014 [in Russian].
- Polpredy soobshchaiut... *Sbornik dokumentov ob otnosheniakh SSSR s Latviei, Litvoi i Estoniei, avgust 1939 – avgust 1940 g.* [The plenipotentiaries report ... A collection of documents on the relations of the USSR with Latvia, Lithuania and Estonia, August 1939 – August 1940]. M., 1990 [in Russian].
- Slavinas A. *Gibel' Pompei. Zapiski ochevidtsa* [Destruction of Pompeii. Notes of the eyewitness]. Tel-Aviv, 1997 [in Russian].
- СССР и Литва во Второй мировой войне: сборник документов. Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева [USSR and Lithuania in World War II: Collection of documents. Compilers A. Kasparavičius, C. Laurinavičius, N. Lebedeva (Eds.)]. Vilnius, 2006, Vol. 1 [in Russian].

ПЕДАГОГИКА

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-54-58
УДК 378.172

Дата поступления статьи: 15/І/2018
Дата принятия статьи: 10/ІІ/2018

Д.О. Белов

ПРОФЕССИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ХОЗЯЙСТВА ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

© Белов Даниил Олегович – аспирант, старший преподаватель, Самарский государственный университет путей сообщения, 443058, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2в.
E-mail: danilzaza@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8836-3679>

АННОТАЦИЯ

Успешность эволюционирования специалиста в условиях быстро меняющегося профессионального мира зависит от уровня интеграции содержания и структуры профессионального образования с перспективами развития отрасли.

В статье представляются результаты пилотажного исследования профессиографического профиля специалистов в области энергоснабжения железных дорог; показывается значимость социально-личностных качеств для профессиональной деятельности (сенсорно-перцептивных, психомоторных, мыслительных); конкретизируются факторы, влияющие на профессиональное здоровье специалиста и динамику его работоспособности; актуализируется проблема формирования психофизической надежности специалистов хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте, связанная с высоким уровнем производственного травматизма и нарушений технологии производства на транспорте, резким ростом профессионально обусловленных заболеваний у работников транспортной отрасли вследствие комплексного воздействия неблагоприятных факторов производственной среды и трудового процесса. С помощью экспертных оценок ранжируются по уровню значимости профессионально важных качества в трех группах руководители высшего звена; руководители среднего звена; технические работники. Доказывается необходимость общей, статической, силовой выносливости основных мышечных групп, ловкости (координационных способностей), хорошей сенсомоторной реакции, высокого уровня функциональной устойчивости организма к негативным воздействиям производственной среды.

Ключевые слова: профессионально-прикладная физическая подготовка, профессионально значимые психофизические качества, вредные факторы производства, профессиональные заболевания.

Цитирование. Белов Д.О. Профессиографический анализ деятельности специалистов хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 54–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-54-58>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**JOB ANALYSIS OF THE ACTIVITY OF SPECIALISTS
OF ELECTRICITY SUPPLY ON RAILWAY TRANSPORT**

© *Belov Daniil Olegovich* – postgraduate student, senior lecturer, Samara State University of Railway Transport, 18, 1st Besymanniy per., Samara, 443058, Russian Federation
E-mail: danilzaza@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8836-3679>

ABSTRACT

The success of the evolution of a specialist in a rapidly changing professional world depends on the level of integration of the content and structure of vocational education with the prospects for the development of industry.

The article presents the results of a pilot study of the professional profile of specialists in the field of power supply of railways; shows the importance of social and personal qualities for a professional activity (sensory-perceptual, psychomotor, mental); specifies the factors that affect the professional health of a specialist and the dynamics of his work capacity; the problem of formation of psychophysical reliability of specialists in the electric power supply industry on the railway transport is caused by the high level of industrial traumatism and violations of the production technology in transport, the sharp increase in professionally conditioned diseases among transport workers due to the complex impact of unfavorable factors of the production environment and the labor process. With the help of expert assessments are ranked by the level of importance of professionally important quality in three groups: senior executives; middle managers; technical workers. The necessity of general, static, strength endurance of the basic muscle groups, dexterity (coordination abilities), good sensorimotor reaction, high level of functional resistance of the organism to negative influences of the production environment is proved.

Key words: professionally-applied physical training, professionally important psychophysical qualities, harmful factors of production, occupational diseases.

Citation. Belov D.O. Professiograficheskii analiz deiatel'nosti spetsialistov khoziaistva elektrosnabzheniia na zheleznodorozhnom transporte [Job analysis of the activity of specialists of electricity supply on railway transport]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 54–58. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-54-58>.

Современное промышленное производство и функционирование транспортной отрасли характеризуются возрастанием сложности и интенсивности технологических процессов, что требует от специалиста не только определенного уровня и объема специализированных знаний, но и способностей к постоянному освоению новых видов деятельности, обуславливающих успешность в освоении новых технологий; профессионально значимых психофизических, личностных и социокультурных качеств, обеспечивающих повышение продуктивности профессиональной деятельности, позволяющих оптимально адаптироваться к неблагоприятным воздействиям профессиональной среды. Следовательно, успешность эволюционирования специалиста в условиях быстро меняющегося профессионального мира зависит от уровня интеграции содержания и структуры профессионального образования с перспективами развития отрасли [Ивкина; Петров].

Принцип психофизиологического тождества профессиональной и физкультурной деятельности очерчивает все пространство феномена физической культуры, но наиболее полно реализуется в профессионально-прикладной физической подготовке (ППФП). В основе проектирования содержания

ППФП лежит концепция личности и деятельности, которая благодаря единству шести инвариантных базовых сторон деятельности (познавательной, преобразовательной, ценностно-ориентационной, эстетической, физической, общения) позволяет целенаправленно формировать комплекс профессионально значимых социальных, психологических, физических и физиологических качеств и способностей специалиста, необходимых в конкретной профессиональной деятельности [Бродецкий, Васельцова, Черкасова].

Актуальность разработки проблемы профессионально-прикладной физической подготовки будущих специалистов железнодорожного транспорта обусловлена в первую очередь вопросами безопасности (снижением уровня производственного брака, нарушений технологических операций, связанных с человеческим фактором) и экономическими факторами (по данным статистики, снижение уровня здоровья, в том числе и профессионального, у работников холдинга ОАО «РЖД» приводит к потере от 30–40 % производительного времени и существенным экономическим убыткам). Актуальность проблемы подтверждается Приказом Министерства транспорта РФ «Об утверждении Порядка профессионального отбора, в том числе определения психофизиоло-

гических качеств и профессиональной пригодности на железнодорожном транспорте общего пользования»; «Перечнем основных профессий и должностей с неустраняемыми вредными производственными факторами в организациях железнодорожного транспорта»; «Стратегией развития кадрового потенциала ОАО «РЖД»; «Положением о порядке адаптации работников в ОАО «РЖД» и др.

Для конкретизации профессиографических особенностей профессиональной деятельности специалистов хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте было проведено пилотажное исследование (анкетирование и метод экспертных оценок). Содержание анкеты представлено пятью блоками вопросов, ответы на которые позволяют определить основные виды работ, уровень двигательной активности, профессионально значимые психофизические качества специалиста, вредные производственные факторы и профессионально обусловленные заболевания.

Был разработан вопросник на оценку значимости психомоторных, сенсорно-перцептивных, мнемических, мыслительных и личностных свойств специалистов изучаемого профиля. Эксперт ранжирует профессионально значимые качества от 0 (качество нейтрально) до 27 (качество совершенно необходимо) [Васильева, Белов]. Опытнo-экспериментальная работа проводилась со студентами заочного отделения специальности 23.05.05 – Системы обеспечения движе-

ния поездов (Специализация – «Электроснабжение железных дорог»). Выборочную совокупность составили 40 человек, выборка случайная, однородная, что может свидетельствовать о ее репрезентативности.

Необходимо отметить, что особенностью построения карьерной траектории на железнодорожном транспорте является то, что даже специалисты с высшим образованием начинают осваивать профессию с должностей высококвалифицированного рабочего, постепенно продвигаясь внутри профессионального сообщества либо по горизонтали (электромонтер, электромеханик, старший электромеханик), либо по вертикали (мастер, старший электромеханик структурных подразделений, главный инженер дистанции, зам. начальника, начальник дистанции элетроснабжения) [Васельцова, 2009; Васельцова, 2011; Чуб].

Анализ массива полученных данных позволил представить профессиографический профиль специалистов хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте (табл. 1).

В соответствии с результатами исследования можно утверждать, что профессиональная деятельность специалистов хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте, независимо от квалификации, характеризуется сменой периодов незначительной физической нагрузки (работа при составлении и чтении документации) и высокой двигательной

Таблица 1

Профессиографический профиль специалистов хозяйства электроснабжения на ж/д транспорте

Должность	Виды деятельности	Двигательная активность	Профессионально значимые психофизические качества	Вредные факторы производства	Проф. заболевания
Инженер-электромеханик Гл. инженер Старший Электромеханик структурных подразделений	Работа, связанная с обеспечением движения поездов в соответствии с должностной инструкцией	Вынужденная рабочая поза – сидя. Частота вставания и приседания на стул – до 100 раз за рабочую смену, передвижение до 3 км	Общая выносливость. Высокий уровень развития психических качеств: логическое мышление, оперативная память, концентрация, переключение и объем внимания	Высокая личная степень ответственности. Психоэмоциональное напряжение	Заболевания сердечно-сосудистой системы (ССС); центральной нервной системы (ЦНС); опорно-двигательного аппарата
Мастер Электромеханик Электромонтер района электроснабжения	Тех. обслуживание воздушных и высоковольтных линий электропередачи, устройства СЦБ. Обслуживание трансформаторных подстанций. Верховые работы при обслуживании осветительных устройств на прожекторских мачтах, тросовых подвесках	Меняющаяся статическая и динамическая нагрузка. Лазание и передвижение по лестницам, столбам, подъемным люлькам. Передвижения по ограниченной опоре, висы на руках, наклоны туловища и переноска тяжестей до 10 кг	Общая и статическая выносливость. Умение сохранять статическое и динамическое равновесие при выполнении работ руками. Координация и согласованность движений рук и ног. Точность мышечных усилий и движений в пространстве. Смелость	Работа при различных температурных режимах и метеоусловиях. Риски поражения электрическим током	ССС, ЦНС, заболевания дыхательной системы, ОРЗ, опорно-двигательного аппарата, зрение, тремор рук
Старший электромеханик Дежурный электромеханик Электромонтер тяговой подстанции	Техническое обслуживание оборудования тяговой подстанции в условиях движения поезда. Верховые работы устройств тяговой подстанции. Работы, связанные с обеспечением движения поездов	Лазание и передвижение по лестницам, столбам, подъемным люлькам без страховки. Удержание равновесия на ограниченных опорах. Висы и смешанные висы на руках. Переноска тяжестей до 10 кг	Общая и статическая выносливость. Ловкость. Отсутствие чувства боязни высоты. Смелость. Согласованность движений. Точность мышечных усилий	Опасность падения с высоты. Возможность поражения электрическим током высокого напряжения	ССС, ЦНС, заболевания дыхательной системы, ОРЗ, опорно-двигательного аппарата, зрение

активности, в основном при выполнении высотных работ на ограниченных опорах (техническое обслуживание воздушных и высоковольтных линий электропередачи, устройства СЦБ, тяговых подстанций и др.). Санитарно-гигиеническая оценка условий труда позволяет судить о том, что на работников действует ряд негативных факторов, ведущими из которых являются: дискомфортный климат (работа в условиях резких перепадов температур, на сквозняке), существенное загрязнение воздуха рабочей зоны, вибрационные и шумовые воздействия, риск поражения электрическим током высокого напряжения.

Более 60 % специалистов отмечают высокую утомляемость в конце рабочей недели, а также наличие одного или нескольких профессионально обусловленных заболеваний. Чаще всего встречаются заболевания дыхательной системы (ОРЗ, ринит, тонзиллит, гайморит), сердечно-сосудистой системы (гипертоническая болезнь, вегетососудистая дистония) и опорно-двигательного аппарата (радикулит, заболевания суставов, отеки нижних конечностей).

Полученные данные подтверждаются результатами, представленными в отчетах психофизиологической лаборатории Куйбышевского отделения дороги, и прикладными исследованиями (И.А. Васельцова, 2007; Петров; Садовский; Царева). Авторы отмечают, что накопление физиологических сдвигов неблагоприятного характера, снижение работоспособности, рас-

сеивание внимания во второй половине рабочего дня, некомпенсированное утомление в конце рабочей недели, рост числа профессионально обусловленных заболеваний имеют прямую зависимость от стажа работы в должности и напряженности рабочего участка [Васельцова, 2007; Садовский; Царева].

Применение метода экспертных оценок позволило проранжировать по уровню значимости профессионально значимые качества в трех группах: первая группа – руководители высшего звена (начальник дистанции электроснабжения, главный инженер контактной сети, главный инженер по тяговым подстанциям), вторая группа – руководители среднего звена (старший электромеханик, инженер технического отдела) и третья группа (электромонтеры, электромеханики). Количество баллов указывалось по сумме в группе, а процентное соотношение рассчитывалось от максимально возможной суммы баллов (табл. 2).

В связи со спецификой производственных операций, условий труда, функционального наполнения профессиональной деятельности специалистам хозяйства электроснабжения на железнодорожном транспорте необходимы навыки передвижений по ограниченной опоре, работы на высоте, переноски грузов, устойчивость к различным вестибулярным раздражениям, умение сохранять равновесие и точность мышечных усилий. Требуются также большая общая и статическая, силовая выносливость всех основных

Таблица 2

Показатели ранжирования профессионально важных качеств

Профессионально важные качества			Ранг значимости от 0 до 29 баллов			
			Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3	
Психомоторные качества	Выносливость	Общая	99 (4,55 %)	519 (9,94 %)	1527 (15,26 %)	
		Статическая	67 (3,08 %)	403 (7,72 %)	1198 (11,97 %)	
		Динамическая	65 (2,99 %)	364 (6,97 %)	966 (9,66 %)	
	Сила	90 (4,14 %)	352 (6,74 %)	1089 (10,88 %)		
	Быстрота	90 (4,14 %)	289 (5,54 %)	999 (9,99 %)		
Ловкость	92 (4,23 %)	207 (3,97 %)	675 (6,75 %)			
Психические возможности	Интеллектуальные способности	Словесно-логические	108 (4,97 %)	208 (3,98 %)	547 (5,47 %)	
		Творческие	100 (4,60 %)	224 (4,29 %)	487 (4,87 %)	
		Рефлективные	62 (2,82 %)	204 (3,91 %)	375 (3,75 %)	
		Оперативное мышление	78 (3,59 %)	128 (2,45 %)	367 (3,67 %)	
	Социально-психологические качества	Самообладание	82 (3,77 %)	155 (2,97 %)	165 (1,65 %)	
		Исполнительность	123 (5,66 %)	197 (3,77 %)	128 (1,28 %)	
		Организаторские способности	109 (5,01 %)	202 (3,87 %)	198 (1,98 %)	
Черты характера	Эмоциональная устойчивость	83 (3,82 %)	137 (2,62 %)	72 (0,72 %)		
	Целеустремленность, надежность	85 (3,91 %)	123 (2,36 %)	122 (1,22 %)		
Психофизиологические резервы	Зрение	Острота зрения	55 (2,53 %)	113 (2,16 %)	75 (0,75 %)	
		Глазомер	45 (2,07 %)	95 (1,82 %)	95 (0,95 %)	
	Зрительная реакция	61 (2,8 %)	107 (2,05 %)	74 (0,74 %)		
	Слухотворная реакция	77 (3,54 %)	102 (1,95 %)	95 (0,95 %)		
	Устойчивость систем	Сердечно-сосудистая	88 (4,05 %)	132 (2,53 %)	74 (0,74 %)	
		Нервная	77 (3,54 %)	187 (3,58 %)	48 (0,48 %)	
		Функциональная	55 (2,53 %)	114 (2,18 %)	87 (0,87 %)	
	Познавательные функции мозга	Память	Вербальная	67 (3,08 %)	74 (1,42 %)	85 (0,85 %)
			Зрительная	68 (3,13 %)	121 (2,32 %)	77 (0,77 %)
			Слуховая	65 (2,99 %)	99 (1,90 %)	69 (0,69 %)
			Двигательная	65 (2,99 %)	91 (1,74 %)	82 (0,82 %)
		Внимание	Концентрация	48 (2,21 %)	66 (1,26 %)	73 (0,73 %)
			Переключение	40 (1,84 %)	84 (1,61 %)	67 (0,67 %)
Объем			31 (1,43 %)	123 (2,36 %)	89 (0,89 %)	

мышечных групп, ловкость (координационные способности), хорошая сенсомоторная реакция, высокий уровень всех качеств внимания, функциональная устойчивость организма к негативным воздействиям производственной среды. Большое значение имеют эмоциональная устойчивость, самообладание, уравновешенность, смелость.

На основе анализа научных материалов была выдвинута рабочая гипотеза для продолжения исследования: если организационные и содержательные основы профессионально-прикладной физической подготовки студентов – будущих специалистов в области энергоснабжения железных дорог будут соответствовать требованиям, предъявляемым к современному специалисту (необходимый уровень профессиональных знаний и способов деятельности, психологическая, физиологическая и физическая подготовленность к специфическим условиям профессиональной деятельности), то можно оказывать влияние на рост показателей, характеризующих психофизическую надежность специалистов-энергоснабженцев.

Библиографический список

Бродецкий А.Б., Васельцова И.А., Черкасова Л.Н. Формирование профессионально значимых качеств будущих специалистов строительного профиля на транспорте средствами атлетической гимнастики // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 4 (146). С. 38–42.

Васельцова И.А. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов транспортного вуза: монография. Самара: СамГУПС, 2007. 137 с.

Васельцова И.А. Системно-функциональный подход в практике профессионально-прикладной физической подготовки студентов // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 174–181.

Васельцова И.А. Теоретические основы формирования базовых профессиональных компетенций будущих специалистов железнодорожной отрасли в процессе профессионально-прикладной физической подготовки // Вестник транспорта Поволжья. 2011. № 2 (26). С. 53–60.

Васельцова И.А., Белов Д.О. Реализация задачно-проблемного метода в процессе физического воспитания студентов транспортного вуза // Образование в современном мире: стратегические инициативы. Самара: Издательство Самарского университета, 2017. С. 320–324.

Ивкина М.В. Актуальные проблемы профессиональной подготовки студентов – будущих инженеров в техническом вузе // Перспективы модернизации высшего образования. Самара: ООО «Офорт», 2011. С. 39–43.

Петров С.А. Профессиографический анализ деятельности в аспекте формирования психофизической надежности специалистов диспетчерского аппарата службы движения управления дороги // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2010. № 1 (59). С. 73–77.

Садовский В.А. Отраслевая профессионально-прикладная физическая подготовка специалистов железнодорожного транспорта: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. 147 с.

Царева Л.В. Формирование основ профессиональной физической культуры у студентов специальности «Мосты и транспортные тоннели»: монография. Хабаровск: ДВГУПС, 2002. 107 с.

Чуб Я.В. Формирование технологического мышления специалиста на занятиях по «Физической культуре» в вузе // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 2. С. 149–153.

References

Brodetsky A.B., Vaseltsova I.A., Cherkasova L.N. Formirovanie professional'no znachimykh kachestv budushchikh spetsialistov stroitel'nogo profilia na transporte sredstvami atleticheskoi gimnastiki [Formation of professionally significant qualities of future specialists of structural shape on transport by means of artistic gymnastics]. Nauchno-teoreticheskii zhurnal «Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta» [Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta], 2017, no. 4 (146), pp. 38–42 [in Russian].

Vaseltsova I.A. Professional'no-prikladnaia fizicheskaia podgotovka studentov transportnogo vuza: monografiia [Professionally applied physical training of students of transport university: monograph]. Samara: SamGUPS, 2007, 137 p. [in Russian].

Vaseltsova I.A. Sistemno-funktsional'nyi podkhod v praktike professional'no-prikladnoi fizicheskoi podgotovke studentov [System-functional approach in the practice of professionally-applied physical training of students]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaia seksia [Vestnik of Samara State University. Humanitarian series], 2009, no. 7, pp. 174–181 [in Russian].

Vaseltsova I.A. Teoreticheskie osnovy formirovanie bazovykh professional'nykh kompetentnosti budushchikh spetsialistov zheleznodorozhnoi otrasli v protsesse professional'no-prikladnoi fizicheskoi podgotovki [Theoretical foundations of formation of basic professional competences of future specialists of the railway industry in the process of professionally applied physical training]. Vestnik transporta Povolzh'ia [Vestnik transporta Povolzh'ia], 2011, no. 2 (26), pp. 53–60 [in Russian].

Vaseltsova I.A., Belov D.O. Realizatsiia zadachno-problemnogo metoda v protsesse fizicheskogo vospitaniia studentov transportnogo vuza [Realization of the task type-problem method in the process of physical education of transport university students]. In: Obrazovanie v sovremennom mire: strategicheskie initsiativy [Education in the modern world: strategic initiatives]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2017, pp. 320–324 [in Russian].

Ivkina M.V. Aktual'nye problemy professional'noi podgotovki studentov – budushchikh inzhenerov v tekhnicheskome vuze [Topical issues of professional training of students – future engineers in the technical university]. In: Perspektivy modernizatsii vysshego obrazovaniia [Prospects of modernization of higher education]. Samara: ООО «Офорт», 2011, pp. 39–43 [in Russian].

Petrov S.A. Professiograficheskii analiz deiatel'nosti v aspekte formirovaniia psikhofizicheskoi nadezhnosti spetsialistov dispetcherskogo apparata sluzhby dvizheniia upravleniia dorogi [Professional analysis of activities in the aspect of formation of psychophysical reliability of specialists of the traffic control service of the road control service]. Nauchno-teoreticheskii zhurnal «Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta» [Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta], 2010, no. 1 (59), pp. 73–77 [in Russian].

Sadovskiy V.A. Otrasleyaia professional'no-prikladnaia fizicheskaiia podgotovka spetsialistov zheleznodorozhnogo transporta: monografiia [Branch professionally-applied physical training of railway transport specialists: monograph]. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2005, 147 p. [in Russian].

Tsareva L.V. Formirovanie osnov professional'noi fizicheskoi kul'tury u studentov spetsial'nosti «Mosty i transportnye tonneli»: monografiia [Formation of the foundations of professional physical culture among students of the specialty «Bridges and Transport Tunnels»: monograph]. Khabarovsk: DVGUPS, 2002, 107 p. [in Russian].

Chub Ya.V. Formirovanie tekhnologicheskogo myshleniia spetsialista na zaniatiakh po «Fizicheskoi kul'ture» v vuze [Formation of technological thinking of a specialist in classes on «Physical Culture» in the university]. [The Bulletin of Udmurt University], 2009, Issue 2, pp. 149–153 [in Russian].

М.П. Козырева

**АУТЕНТИЧНЫЕ УМК ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛогоВ**

© *Козырева Мария Павловна* – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; доцент кафедры «Иностранные языки», Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: kozyreva-mariya@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8247-539X>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – доказать, что аутентичные УМК способствуют формированию коммуникативной компетенции студентов-филологов, что является необходимым условием для интеграции России в глобальное культурно-образовательное пространство. На основе анализа теоретических и методических работ доказываем эффективность использования аутентичных УМК при обучении иностранному языку, поскольку они мотивируют студентов на изучение современного языка, предлагают аутентичные тексты на актуальную в современном обществе тематику, а разнообразные коммуникативные задания (дискуссии, проекты, диалоги) способствуют осмыслению роли языковой личности в процессе межкультурной коммуникации. В статье подробно описывается процесс формирования коммуникативной компетенции в контексте ее составляющих (лингвистической, социолингвистической, социокультурной, стратегической и дискурсивной компетенций) на основе УМК Global, выявляются достоинства и недостатки построения процесса обучения иностранному языку с использованием данного курса; даются методические рекомендации. Среди достоинств данного УМК выделяются: выбор актуальных в современном мире тем для изучения и обсуждения; построение разделов на основе противоположностей, способствующее развитию критического мышления; включение разнообразных коммуникативных упражнений и заданий на развитие всех речевых видов деятельности; логичное вплетение грамматического материала в контекст разделов; опора на социокультурный подход, обеспечивающий обучение иноязычному общению в контексте диалога культур. Однако отмечаются и недостатки данного УМК: недостаточно глубокая отработка грамматического материала и необходимость добавления грамматических упражнений на обратный перевод; отсутствие информации о России и, соответственно, дополнение курса материалами о родной стране, что является необходимым условием для успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: аутентичные УМК, лингвистическая, социолингвистическая, социокультурная, стратегическая, дискурсивная компетенции, коммуникативная компетенция, межкультурная коммуникация, социокультурный подход.

Цитирование. Козырева М.П. Аутентичные УМК для формирования коммуникативной компетенции студентов-филологов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 59–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-59-63>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-59-63
UDC 378

Submitted: 21/XII/2017
Accepted: 10/II/2018

M.P. Kozyreva

PECULIARITIES OF FOREIGN ELT COURSES USAGE IN THE PROCESS OF FILOLOGICAL STUDENTS COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT

© *Kozyreva Mariya Pavlovna* – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; assistant professor of the Department of Foreign Languages, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

E-mail: kozyreva-mariya@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8247-539X>

ABSTRACT

The purpose of this article is to prove foreign ELT courses necessity in the process of communicative competence development, which is significant for integration of Russia into the global cultural and educational environment. On the basis of theoretical and methodological research works the author proves the effectiveness of foreign ELT courses usage in the foreign language teaching process as they motivate students to learn modern language, provide them with authentic texts on social topics of current interest while various communicative assignments (discussions, projects, dialogues) contribute to realizing of «language personality» role in the process of cross-cultural communication. The peculiarities of linguistic, sociolinguistic, strategy, discourse and sociocultural competences development on the basis of ELT course «Global» are considered; the advantages and disadvantages of ELT process on the basis of this course are revealed; suggestions on the improvement of communicative competence development are offered. The choice of up to date topics for studying and discussion; the structure of units based on juxtaposition, which develops critical thinking; various exercises and assignments directed to all kinds of communicative skills development; grammar sections logically included into the unit context; ELT teaching on the basis of sociocultural approach contributing to culture dialogue are considered to be the advantages of «Global» course. Special attention is paid to numerous listening comprehension and video assignments as they provide students with useful information, help them to understand native speakers, choose appropriate language means and use them properly in their own speech according to the communicative situation. The disadvantages are also singled out: insufficient number of grammar exercises for better skills development, necessity of translation assignments addition, lack of information about Russia, its reality, culture, traditions, customs, Russian mentality and therefore importance of including useful facts about Russia into the course which is necessary for successful cross-cultural communication.

Key words: foreign ELT courses, linguistic, sociolinguistic, strategy, discourse and sociocultural competences, communicative competence, cross-cultural communication, sociocultural approach.

Citation. Kozyreva M.P. *Autentichnye UMK dlia formirovaniia kommunikativnoi kompetentsii studentov-filologov* [Peculiarities of foreign ELT courses usage in the process of filological students communicative competence development]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 59–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-59-63>.

Согласно новому образовательному стандарту ФГОС, целью дисциплины «Практический курс иностранного языка» является формирование у студентов-филологов коммуникативной компетенции в контексте ее составляющих (лингвистической, социолингвистической, социокультурной, стратегической и дискурсивной компетенций), что является необходимым условием для развития языковой личности. В современных условиях интеграции России в глобальное культурно-образовательное пространство возрастает потребность в повышении международной конкурентоспособности студентов, обладающих необходимым и достаточным уровнем иноязычной коммуникативной компетенции для

решения задач в различных областях культурной, профессиональной, научной и бытовой сфер деятельности при общении с зарубежными партнерами. Однако традиционные учебные материалы и технологии не в полной мере отвечают современным требованиям профессиональной подготовки студентов. Таким образом, возникает необходимость поиска эффективных технологий обучения иностранному языку. Применение аутентичных УМК при обучении иностранному языку может способствовать развитию коммуникативной компетенции студентов-филологов и формированию языковой личности, поскольку они мотивируют студентов на изучение «живого» современного язы-

ка, предлагая лексику, речевые клише и грамматические структуры, используемые носителями языка (лингвистическая и социолингвистическая компетенции). Аудио- и видеоматериалы, аутентичные тексты на актуальную в современном обществе тематику являются базой коммуникативных заданий: дискуссии, проекты, диалоги (стратегическая и дискурсивная компетенции) способствуют осмыслению роли языковой личности в процессе межкультурной коммуникации (социокультурная компетенция).

Исследователи в области методики преподавания иностранного языка подчеркивают эффективность использования аутентичных УМК при обучении иностранному языку в вузе в рамках многоуровневого подхода (Н.А. Друцко, Т.Д. Рожина, О.С. Степанова и др.); рассматривают содержательные аспекты аутентичности учебных текстов (Р.П. Мильруд, Е.В. Носонович); развивают идеи отечественных и зарубежных исследователей о применении аутентичных аудио- и видеоматериалов для формирования коммуникативной компетенции (Е.М. Верещагин, Н.В. Елухина, И.А. Зимняя, В.А. Левашова, В.Г. Костомаров, Е.И. Пассов, Е.С. Полат, В.М. Поляков, Е.Н. Соловова, М. Allen, M. Brandi, R. Cooper, J. Golden, M. Ruan и др.). Доказывается важность обращения к аутентичным источникам для развития способности к межкультурной коммуникации (О.К. Ильина, В.В. Сафонова, Е.Н. Соловова, С.Г. Тер-Минасова и др.). Проанализировав работы методистов по основным аспектам использования аутентичных УМК и изучив многообразие предлагаемых аутентичных учебных курсов, мы выбрали для занятий по дисциплине «Практический курс иностранного языка» (третий и четвертый курсы студентов направления подготовки «Зарубежная филология – английский язык») учебник Global уровня advanced by Lindsay Clandfield and Amanda Jeffries, а поскольку учебник Global многоуровневый, применяем данный УМК уровня Intermediate и Upper Intermediate на занятиях по дисциплине «Иностранный язык» со студентами направлений «Отечественная филология» и «Немецкая филология» начиная с первого курса.

Формирование лингвистической и социолингвистической компетенций начинается с подбора тем, представленных в данном УМК, поскольку выбор тематики для обсуждения обуславливает предлагаемый языковой репертуар. Заметим, что темы для изучения и обсуждения в данном учебном пособии абсолютно нетрадиционные: они подобраны на основе сравнения культур и реалий современного мира, а также касаются актуальной проблематики в современном мире, например *Legendary Places, Endless Energy, A Creative Friendship, Average Man, Optical Illusions, The Best Way to Make Money, Is Wikipedia part of a new 'global brain'?, The world's most adventurous museums, Solar solutions, Dialogue in the dark – an exhibition to discover the unseen, Childhood toys, Heroism and personal qualities, Gender differences*. Темы посвящены основным проблемам современного глобального общества: путешествию без границ; поиску альтернативных источников энергии; роли компьютеров и Интернета

в жизни людей; развитию современного искусства; проблемам людей с ограниченными возможностями; воспитанию и развитию детей; формированию личности человека; отношениям между мужчиной и женщиной.

Построение разделов (Units) на основе противоположностей способствует рассмотрению знакомых тем по-новому, использованию в речи разнообразной лексики, грамматических структур, речевых клише и идиом, побуждая студентов критически мыслить и участвовать в дискуссиях, выражать собственное мнение.

Новая лексика вводится и отрабатывается с помощью разнообразных упражнений в каждом разделе под рубриками *Vocabulary* (Поработаем с лексикой) и *Extend your vocabulary* (Расширяем вокабуляр). Особое внимание уделяется наиболее сложным аспектам лексики: идиомам, фразовым глаголам, устойчивым словосочетаниям, синонимам, близким по значению словам. Для изучения и отработки лексики включаются задания на аудирование, произношение, письмо, а также коммуникативные задания на использование данной лексики в речевых ситуациях, что способствует формированию не только лингвистической, но и дискурсивной и стратегической коммуникативных компетенций. Все тексты для чтения снабжены заданиями на понимание, использование новой лексики в контексте и коммуникативными заданиями, например это работа в парах, групповое обсуждение, творческий проект и т. д.

Грамматический материал логично вплетается в контекст разделов, включается лексика, изученная в данном разделе, имеющая коммуникативный характер. Помимо коммуникативных грамматических упражнений, в учебнике представлена грамматическая секция *Grammar Focus*, где предлагаются традиционные формы отработки теоретического и практического материала. Студентам-филологам необходимо углубленно изучать грамматический материал, поэтому добавляем дополнительные упражнения из разных источников, включая задания на перевод. Принцип опоры на родной язык (принцип учета родного языка) является общепризнанным в методике преподавания иностранных языков: «Родной язык учащихся незримо присутствует на уроках иностранного языка, как бы преподаватель ни боролся с этим, поэтому из врага его необходимо превратить в друга» [Щерба, с. 428]. В первую очередь это относится к обучению иностранному языку на начальном этапе, где перевод – эффективное средство введения и закрепления лексики и оборотов речи, объяснения грамматических явлений. На этом этапе перевод связан с естественным желанием студентов сопоставлять явления родного и изучаемого языка, поэтому обращение преподавателя к родному языку вполне оправданно. На продвинутых этапах обучения приоритетной является задача поддержания иноязычной атмосферы, и использование родного языка должно быть сведено к минимуму [Друцко, с. 70–76], наиболее эффективными являются задания на обратный перевод, которые способствуют формирова-

нию дискурсивной и стратегической компетенций. Все, что представлено в грамматических, лексических или коммуникативных упражнениях (речевые клише, лексические единицы, грамматические модели), реконструируется в заданиях на обратный перевод, таким образом студенты учатся самостоятельно устанавливать языковые соответствия между родным и изучаемым языком; анализировать особенности синтаксического строя иностранного языка, приобретая навыки перевода, необходимые современному человеку для общения на иностранном языке, что помогает им отказаться от дословного перевода. Преподаватель использует обратный перевод для введения новой лексики, снятия лексических и грамматических трудностей, объяснения идиоматических выражений, а также в качестве действенного средства контроля полученных знаний и умений [Осинцева-Раевская]. В данном случае перевод является не целью, а средством обучения, и родной язык выступает как посредник. По мнению Е.А. Осинцевой-Раевской, «обращение к родному языку преследует одну цель – повышение эффективности обучения – и ею же оправдывается», поскольку активизация учебной деятельности достигается за счет «экономии аудиторного времени, облегчения усвоения нового материала, избегания недопонимания, применения грамотных форм контроля, повышения мотивации учащихся» [Осинцева-Раевская]. Аутентичные аудиозаписи речевых клише, активной лексики, мини-диалогов и видео с аутентичными материалами предоставляют студентам возможность услышать речь различных носителей языка, включая специалистов в области филологии и простых носителей языка, тех, кто изучает английский язык как иностранный. Аудирование – это способ развития устного восприятия речи (слушания и понимания устного текста). Развитие навыков аудирования способствует не только пониманию речи на слух, но и воспроизведению устного текста. Как отмечает Н.В. Елухина, «аудирование составляет основу общения, с него начинается овладение коммуникацией. Опыт свидетельствует, что наибольшие трудности при иноязычном общении человек испытывает при восприятии и понимании речи на слух, поэтому развитие и совершенствование навыка аудирования является обязательным условием в обучении будущего специалиста иностранному языку» [Елухина]. Таким образом, введение аудио и видеоматериалов в обучение иностранному языку выполняет сразу несколько функций: мотивационную, привлекая к изучению и вызывая желание понимать носителей языка; информационную, поскольку тексты для аудирования являются обучающими и дают знания по изучаемой теме; коммуникативную, так как тексты для аудирования выступают одновременно моделями и стимулом для создания собственного высказывания по соответствующей теме. Таким образом, аудирование направлено на формирование лингвистической, дискурсивной и стратегической компетенций.

Отдельные разделы курса *Function Globally* и *Global Voices* посвящены развитию навыков про-

фессионального и межличностного общения и включают коммуникативные задания на аудирование и говорение в различных ситуациях общения: выражение просьбы, предложения, сочувствия, симпатии, организация мероприятий, участие в дискуссиях, начало и продолжение беседы, общение по телефону, принятие решений, высказывание собственного мнения и т. д. В записях по аудированию студенты могут услышать, как носители языка, которые являются совершенно разными людьми (детьми, подростками, молодыми и пожилыми), представителями разных стран, разного социального статуса, разных профессий, общаются в различных повседневных ситуациях, что способствует развитию у студентов-филологов способности осуществлять выбор языковых средств, использовать и преобразовывать их в соответствии с контекстом задания, что важно для общения в межкультурном пространстве, поскольку «язык не существует вне культуры, вне социально унаследованных правил, норм, навыков, характеризующих образ жизни в определенной языковой области; он является символом культуры и, следовательно, отражает ее в своих средствах» [Козырева, с. 138].

В современных условиях глобализации в ходе профессиональной подготовки студентов-филологов возрастает значимость освоения иностранного языка в контексте диалога культур, обостряется потребность в овладении им как средством международного и межнационального общения [Любанец, Шило, Пассов]. В профессиональной коммуникации людей, представителей разных стран, происходит соприкосновение культурных традиций, поведенческих стереотипов, обусловленных особенностями менталитетов собеседников [Козырева]. УМК *Global* обеспечивает обучение иностранному языку на основе социокультурного подхода, одним из принципов которого является обучение иноязычному общению в контексте диалога культур, что обеспечивает «видение своей культуры через призму другой, образование определенной дистанции между собственной культурой и другой через микродиалог в сознании» [Бердичевский, с. 18]. Так, в разделе *Global English* приводятся статьи известного британского филолога, языковеда-англиста Дэвида Кристала, который, изучая разнообразие диалектов английского языка, пришел к заключению о необходимости создания того, что он называет мировым стандартным разговорным английским языком [Live.lib.ru]. После чтения статей студентам предлагается выполнить задания на развитие навыков критического мышления и формирование социокультурной коммуникативной компетенции, сравнить явления изучаемого языка с реалиями родного языка, что всегда вызывает интерес студентов и мотивирует их на обсуждение темы. Однако в УМК *Global* нет информации о России и российских реалиях, русской культуре и образе русского человека в представлении иностранцев. Дополнение курса материалами о родной стране вызывает у студентов патриотические чувства, ориентирует на межнациональное общение, что подтверждается многими исследователями

(В.В. Сафоновой, Е.Н. Солововой, И.П. Твердохлебовой и др.). Кроме того, без знаний культуры и реалий своей страны невозможно понять своеобразие другого языка, культуры, менталитета, что является необходимым условием для успешной межкультурной коммуникации [Тер-Минасова, с. 261; Верещагин, Костомаров]. Затем студентам-филологам предлагаются задания на сопоставление культурных отличий России и стран изучаемого языка в виде проектов, сочинений, диалогов, презентаций и других творческих заданий.

Формирование лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической и социокультурной коммуникативных компетенций становится эффективным на основе аутентичных материалов УМК Global, если учитывается уровень владения языком, социальный опыт и способности к творческой деятельности, а содержание дополняется материалами о русской культуре, традициях, обычаях, особенностях менталитета, что способствует повышению авторитета родной страны в процессе межкультурной коммуникации.

Библиографический список

Бердичевский А.Л. Содержание обучения иностранному языку на основе базовой культуры личности // *Иностранные языки в школе*. 2004. № 2. С. 17–20.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. М.: Просвещение, 1990. 246 с.

Друцко Н.А. Многоуровневый подход к организации обучения иностранным языкам в контексте академической мобильности // *Гуманитарные научные исследования*. 2015. № 1. С. 70–76.

Елухина Н.В. Основные трудности аудирования и пути их преодоления // *Иностранные языки в школе*. 1987. № 1.

Козырева М.П. Социокультурный подход к обучению иностранному языку студентов-филологов // *Образование в современном мире: стратегические инициативы: сборник научных трудов всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Самара, 14 апреля 2017 г.)* / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Издательство Самарского университета, 2017. С. 138–141.

Любанец И.И., Шило Е.В. Место перевода в обучении иностранному языку // *АЛББА бюро переводов: сайт*. URL: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/articles/2015/1900-lyubanets-shilo.html>.

Осинцева-Раевская Е.А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2014. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-rodno-go-yazyka-pri-izuchenii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo>.

Пассов Е.И. *Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в контексте диалога культур*. Липецк, 1998. 159 с.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово, 2000. 261 с.

Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Live.lib: сайт. URL: <https://www.live.lib.ru/author/169805-devid-kristal>.

References

Berdichevskiy A.L. *Soderzhanie obucheniiia inostrannomu iazyku na osnove bazovoi kul'tury lichnosti* [Foreign language teaching contents on the ground of basic personal culture]. *Inostrannyye iazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2004, no. 2, pp. 17–20 [in Russian].

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture]. M.: Prosveshchenie, 1990, 246 p. [in Russian].

Drutsko N.A. *Mnogourovnevyyi podkhod k organizatsii obucheniiia inostrannym iazykam v kontekste akademicheskoi mobil'nosti* [Multilevel approach to the foreign language teaching process in the academic mobility context]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniia* [Research and practical journal «Humanity scientific research works»], 2015, no. 1, pp. 70–76 [in Russian].

Yelukhina N.V. *Osnovnyye trudnosti audirovaniia i puti ikh preodoleniia* [The main difficulties of listening comprehension and ways to overcome them]. *Inostrannyye iazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1987, no. 1, pp. 18–23 [in Russian].

Kozyreva M.P. *Sotsiokul'turnyi podkhod k obucheniiu inostrannomu iazyku studentov-filologov* [Sociocultural approach to the foreign language teaching of filological students]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: strategicheskie initsiativy: sbornik nauchnykh trudov vs Rossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhduнародnym uchastiem (Samara, 14 apreliia 2017 g.)*. Otv. red. T.I. Rudneva [Education in the modern world: strategy initiatives: scientific works collection of all-Russian research and methodology conference with foreign participation (Samara, April 14, 2017). T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, 2017, pp. 130–141 [in Russian].

Lyubanets I.I., Shilo E.V. *Mesto perevoda v obuchenii inostrannomu iazyku* [Role of translation in foreign language teaching]. *Sait «AL'BA biuro perevodov»* [«Alba translation bureau»]. Available at: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/articles/2015/1900-lyubanets-shilo.html> [in Russian].

Osintseva-Rayevskaya E.A. *Rol' i mesto rodnogo iazyka pri izuchenii russkogo iazyka kak inostrannogo* [Role and place of the native language in the teaching of Russian as a foreign language]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], no. 5, 2014. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-rodno-go-yazyka-pri-izuchenii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> [in Russian].

Passov E.I. *Kommunikativnoe inoiazychnoe obrazovanie. Kontseptsiia razvitiia individual'nosti v kontekste dialoga kul'tur* [Communicative foreign language education. Concept of individuality development in the context of cultures dialogue]. Lipetsk, 1998, 159 p. [in Russian].

Ter-Minasova S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and cross-cultural communication]. M.: Slovo, 2000, 261 p. [in Russian].

Shcherba L.V. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Language system and speech activity]. L., 1974, 428 p. [in Russian].

Live.lib. Available at: <https://www.live.lib.ru/author/169805-devid-kristal> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-64-69
УДК 378.1

Дата поступления статьи 22/XII/2017
Дата принятия статьи 20/I/2018

Э.П. Печерская, Т.М. Тарасова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЫ: ТОЧКИ СОПРЯЖЕНИЯ

© Печерская Эвелина Павловна – доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор, директор Института систем управления, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: pecherskaya@sseu.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3218-5113>

© Тарасова Татьяна Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и аудита, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: tarasova2004@inbox.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2336-8030>

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросам внедрения профессиональных стандартов, требованиям к компетенциям современных лидеров, а также изучению мотивов, стимулов и препятствий, встречающихся на пути успешного построения карьеры. Материалы интервью и результаты анкетирования позволили оценить влияние профессионального образования на успешность построения карьеры и предложить рекомендации, на которые необходимо в дальнейшем ориентироваться в современном мире. Основные мотивы построения карьеры у мужчин и женщин в большинстве своем совпадают. Однако мужчины строят свою карьеру для самореализации и оправдания ожиданий окружающих. Женщины, успешно реализовавшие себя в карьере, до сих пор остаются исключением из правил, хотя они очень рациональны при целенаправленном карьерном росте. Результаты исследования показали, что финансовое благополучие зачастую не является первопричиной карьерного роста, а лишь дополнением к формальному признанию достижений работника. Страны ЕС накопили положительный опыт взаимосвязи бизнеса и сферы образования на базе внедрения национальных систем профессиональных квалификаций, что позволило европейским университетам не только значительно развить свой кадровый потенциал, но и оперативно реагировать на постоянно изменяющиеся требования бизнес-сообщества в новых условиях цифровой экономики. Изучение опыта ведущих европейских университетов и дальнейшее сетевое взаимодействие позволит использовать накопленный потенциал по продвижению национальных систем профквалификаций, трансформировать его с учетом национальных особенностей и приоритетов, выполнить поставленные задачи в кратчайшие сроки, повысить устойчивую готовность бизнеса, социального окружения и университетов к системному взаимодействию.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, карьера, личные мотивы, профессиональные квалификации.

Цитирование. Печерская Э.П., Тарасова Т.М. Профессиональные стандарты и вопросы построения успешной карьеры: точки сопряжения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 64–69. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-64-69>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

E.P. Pecherskaya, T.M. Tarasova

**PROFESSIONAL STANDARDS AND ISSUES OF CONSTRUCTION
OF A SUCCESSFUL CAREER: POINTS OF CONTRACTION**

© *Pecherskaya Evelina Pavlovna* – Doctor of Pedagogic Sciences, Candidate of Economic Sciences, professor, head of an Institute of Control Systems, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

E-mail: pecherskaya@sseu.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3218-5113>

© *Tarasova Tatyana Mikhailovna* – Candidate of Economic Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

E-mail: tarasova2004@inbox.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2336-8030>

ABSTRACT

This article is devoted to the introduction of professional standards, the requirements for the competencies of modern leaders, as well as the study of the motives, incentives and obstacles encountered in the path of successful career development. The materials of the interview and the results of the questionnaire allowed us to assess the impact of professional education on the success of building a career and propose recommendations that should be further guided in the modern world. The main motives for building a career for men and women are mostly the same. However, men build their careers for self-fulfillment and to justify the expectations of others. Women who have successfully realized themselves in their careers, are still an exception to the rules, although they are very rational with targeted career growth. The results of the research showed that financial well-being is often not the root cause of career growth, but only a supplement to the formal recognition of employee achievements. The EU countries have accumulated positive experience of the interconnection of business and education based on the introduction of national systems of professional qualifications, which allowed European universities not only to significantly develop their human resources, but also to respond quickly to the ever-changing demands of the business community in the new conditions of the digital economy. Studying the experience of the leading European universities and further networking will allow using the accumulated potential to promote national systems of professional qualifications, transform it taking into account national peculiarities and priorities, accomplish the tasks in the shortest possible time, and increase the sustainable readiness of business, the social environment and universities for systemic interaction.

Key words: professional standard, career, personal motives, professional qualifications.

Citation. Pecherskaya E.P., Tarasova T.M. Professional'nye standarty i voprosy postroeniia uspeshnoi kar'ery: točki sopriazheniia [Professional standards and issues of construction of a successful career: points of contraction]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 64–69. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-64-69>.

Указом Президента Российской Федерации от 16 апреля 2014 года № 249 был создан Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям, который координирует очень важную работу, направленную на повышение профессиональных компетенций руководителей современного бизнеса через качество профессионального образования, по формированию системы независимой оценки профессиональной квалификации [Печерская, с. 17–20]. Сегодня бизнесу и сфере образования необходимо начать совместную работу по оценке профессиональных компетенций работников, созданию условий для включения как мужчин, так и женщин в систему непрерывного образования, усилить роль

профессиональных сообществ в развитии профессиональных компетенций современных лидеров.

В мире в настоящее время наблюдается тенденция увеличения количества женщин на руководящих постах. С одной стороны, этот факт можно отнести к модным тенденциям, но с другой – расценить как очередную кампанию по борьбе за равные права. Такая ли уж это насущная потребность нашего времени?

Изучению вопросов развития карьеры женщин и мужчин было уделено большое внимание, и проведены подробные исследования в данной области. Среди наиболее важных работ можно выделить такие исследования, как *Women Matter: Gender Diversity* и *Corporate Performance Driver*, опубли-

кованное Mc Kinsey в октябре 2007 года, *The BottomLine: Corporate Performance and Women's Representation on Boards* (2007), *Groundbreakers*, проведенное Ernst&Young в 2009 году [Methodology of contracte].

В отличие от большинства ранее выполненных исследований, анализирующих механизмы построения современной успешной карьеры, мы сделаем попытку определить гендерные факторы, влияющие на карьеру мужчин и женщин в России; соизмерить сформированные компетенции с требованиями современных профессиональных стандартов, выявить внутренние и внешние барьеры, препятствующие продвижению по карьерной лестнице. Материалы интервью и результаты анкетирования, которые составляют основу данного исследования, позволили оценить влияние профессионального образования на успешность построения карьеры и предложить рекомендации, на которые необходимо в дальнейшем ориентироваться в современном мире.

В исследовании приняли участие 185 респондентов, жителей Самарской области. Участники проекта являются работниками предприятий различных сфер деятельности и занимают руководящие посты разного уровня. Соотношение мужчин и женщин в исследовании составило 45/55. Количественное исследование проводилось различными методами (интервьюирование по телефону, письменное анкетирование, опрос) с 1 ноября 2017 года по 25 декабря 2017 года.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос, что их побудило к продвижению по службе. 2/3 опрошенных (62 %) ответили, что карьерный рост является их целевым показателем, которого они стараются достичь, а 38 % переходили на руководящую должность ввиду сложившихся обстоятельств. Однако практически все выделили четыре основные характеристики, необходимые для успеш-

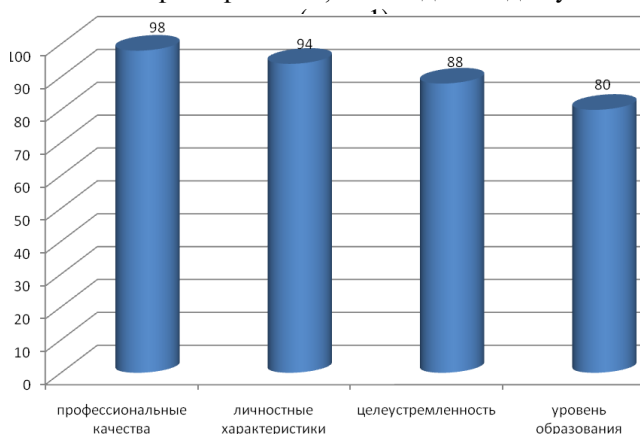

Рис. 1. Характеристики человека, необходимые для успешной карьеры (мнение респондентов, в %)

Основные мотивы построения карьеры у мужчин и женщин в большинстве своем совпадают. Однако мужчины, как правило, строят свою карьеру для самореализации и оправдания ожиданий

окружающих. Женщины, успешно реализовавшие себя в карьере, до сих пор остаются исключением из правил, хотя они очень рациональны при целенаправленном карьерном росте.

Результаты исследования показали, что финансовое благополучие зачастую не является первопричиной карьерного роста, а лишь дополнением к формальному признанию достижений работника (рис. 2).

Основными мотивами построения карьеры, по мнению опрошенных, являются: самореализация – 70 %; финансовая независимость – 68 %; профессиональная независимость – 68 %; стремление к профессиональному росту – 66 %.

Такие важные стимулы, как признание и жажда власти, респонденты оценили ниже: уважение – 25 %; желание контролировать ситуацию – 40 %; стремление к управлению, руководству – 28 %.

Анализируя барьеры и препятствия на пути построения карьеры, мужчины и женщины корректируют приоритеты с учетом множества факторов (рис. 3).

Проведенные интервью показали, что карьерный рост является результатом собственных действий и стремлений респондентов. Среди личностных качеств были выделены: умение тактически и стратегически мыслить, отстаивать свою точку зрения, аргументировать позицию/мнение, организовывать свою работу и работу подчиненных лиц. Лидерство объясняется, по мнению интервьюированных, «природой человека» или теми задатками, которые в человеке заложены с самого рождения. На взгляд большинства опрошенных, если лидерских качеств в человеке нет изначально, но он выполняет руководящие функции, то со временем у него возникает желание перейти на более спокойную работу.

Изучая уровень образования и профессиональные качества, мы выяснили, что 100 % опрошенных имеют высшее образование; 38 % являются обладателями двух или трех дипломов о высшем образовании; 10 % имеют степень кандидата наук, а 5 % – диплом MBA.

Основным стимулом для дополнительного образования является не только получение новых знаний и умений, но и жесткая необходимость соответствия профессиональным стандартам. Так считают 90 % респондентов, 70 % уверены, что без дополнительного образования карьерный рост невозможен, и в качестве требования работодателя дополнительное образование называют 55 % опрошенных. Таким образом, наиболее важной человеческой ценностью является получение качественного образования, которое должно обеспечивать социальную справедливость и политическую стабильность.

В Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года поставлена задача перевода экономики страны на инновационный путь развития, выведения ее на траекторию быстрого и устойчивого роста на передовой технологической основе [Тарасова, с. 47–51]. В настоящее время современное качественное образование напрямую способствует построению общества с высокоразвитой цифровой экономикой. Кад-

Рис. 2. Личные мотивы, необходимые для успешной карьеры (мнение респондентов, в %)

Рис. 3. Основные барьеры при построении успешной карьеры (мнение респондентов, в %)

ры являются важнейшим интеллектуальным и профессиональным ресурсом, обеспечивающим социально-экономическое развитие страны, региона, предприятия. Для успешной деятельности организаций постоянно требуются высококвалифицированные специалисты: руководители государственных и предпринимательских структур, топ-менеджеры финансово-кредитных организаций, менеджеры по управлению инновационными и венчурными проектами, специалисты в сфере госзакупок, ИТ-специалисты, руководители малого и среднего бизнеса, специалисты в сфере антикризисного управления и многих других, подготовка которых ведется в системе профессионального образования [Тарасова, Каюкова, с. 121–124].

Современный мир неразрывно связан с понятиями «глобализация» и «цифровая экономика». Особенности этой эпохи не могут не накладывать серьезного отпечатка на формирование образовательной системы как неотъемлемой части единого экономического пространства.

Страны ЕС накопили положительный опыт взаимосвязи бизнеса и сферы образования на базе внедрения национальных систем профессиональных квалификаций, что позволило европейским университетам не только значительно развить свой кадровый потенциал, но и оперативно реагировать на постоянно изменяющиеся требования бизнес-сообщества в новых условиях цифровой экономики. Изучение опыта ведущих европейских университетов и дальнейшее сетевое взаимодействие позволит использовать накопленный потенциал по продвижению национальных систем профквалификаций, трансформировать его с учетом национальных особенностей и приоритетов, выполнять поставленные задачи в кратчайшие сроки, повышать устойчивую готовность бизнеса, социального окружения и университетов к системному взаимодействию [Cedefop; Coles; Allais].

Во-первых, речь должна идти о формировании принципиально новой парадигмы непрерывного образования, которая принимала бы в расчет рост

динамизма потребностей, индивидуализацию спроса и возможностей его удовлетворения.

Во-вторых, неизбежно должно происходить изменение финансовой модели образования. Усиливается рост личных расходов при формировании образовательной стратегии человека.

В-третьих, наблюдается усиление индивидуальных траекторий в образовании. Индивидуальные предпочтения проявляются не только в выборе учебного заведения, но и в индивидуализации программ самого учебного заведения.

В-четвертых, глобализация неизбежно создает и повышает конкуренцию на международном образовательном рынке. Это предполагает формирование международных образовательных альянсов и совместных программ с разными образовательными институтами, включая зарубежные.

В-пятых, растет значение практической направленности образования, связанной с получением набора компетенций, необходимых по требованиям современных образовательных стандартов. Особенно это важно сегодня, когда идет активное продвижение национальных квалификационных систем. Внедрение профессиональных стандартов в сферу экономики еще более жестко нацеливает образовательные программы на формирование новых профессиональных компетенций, которые повысят конкурентоспособность их обладателей. Поэтому обучение слушателей на протяжении всей жизни, включая даже лиц «серебряного возраста», становится неотъемлемой чертой современной эпохи.

Важнейшей задачей государства в области образования на данном этапе является организация разностороннего партнерства, в том числе сетевого взаимодействия, как на разных уровнях системы образования, так и с бизнес-сообществом. Именно сетевое взаимодействие должно обеспечить доступность качественного образования для всех граждан страны, возможность выбора и открытость образовательных организаций. Сетевое взаимодействие вузов и бизнес-сообщества является одним из мощных ресурсов инновационной деятельности на рынке образовательных услуг [Bolton, Reddy; Мюррей].

В настоящее время Самарский государственный экономический университет воспринимается органами власти, корпорациями, совместными предприятиями и финансово-промышленными группами как надежный партнер по развитию корпоративных знаний, предлагающий образовательные услуги высокого уровня для собственников предприятий, топ-менеджеров крупных компаний, малого и среднего бизнеса. СГЭУ ставит задачу дать слушателям полное видение перспектив развития бизнеса, познакомить с лучшими мировыми и российскими управленческими практиками, проводит опережающее и проблемно-ориентированное обучение по всей линейке программ бизнес-образования, включая программы уровня MBA. Реализацию таких программ обеспечивает слаженная работа управленческой команды и преподавательского коллектива, наличие в структуре университета

специализированных бизнес-школ и центров, тренеров, консультантов-практиков, обеспечивающих междисциплинарный подход к обучению [Аверина, Печерская, с. 24–28].

Таким образом, в настоящее время перед бизнес-сообществом и вузами стоят следующие приоритетные задачи.

1. Изучение позитивного опыта ведущих стран по разработке национальных систем профессиональных квалификаций.

2. Анализ состояния разработок профессиональных стандартов.

3. Проведение мониторинга рынка труда, появления новых профессий, изменений в наименованиях и перечнях профессий.

4. Разработка, применение и актуализация отраслевой рамки квалификаций и квалификационных требований для специалистов финансового рынка России в контексте опыта развитых стран.

5. Передача позитивных протестированных европейских практик для сферы бизнеса и образования.

6. Разработка дорожной карты для университетов по модернизации учебных планов в контексте утвержденных профстандартов и лучших практик развитых стран.

7. Формирование новых профессиональных компетенций экспертов по проведению независимой оценки квалификации, а также в области разработки, валидации оценочных средств и проведения профессиональных экзаменов в центрах оценки квалификации специалистов.

Достижение поставленных задач возможно путем создания информационных порталов в университетах-партнерах, предназначенных для интегрированного обмена информацией между органами власти, бизнеса, гражданами и обучающимися на основе стандартизированных процессов информационного взаимодействия, обеспечивающего весь комплекс услуг в области независимой оценки квалификаций для всех потребителей.

Библиографический список

Allais S. (2017). Результаты рынка труда в национальных квалификационных рамках в шести странах // Журнал образования и работы. Т. 30. № 5. С. 457–470. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13639080.2016.1243232>.

Bolton H., Reddy J. (2015). Использование теории культурной исторической деятельности (ЧАТ) для оценки влияния национальной системы квалификаций (НСК) на образование и профессиональную подготовку в Южной Африке. Сингапур: Институт изучения взрослых. URL: <http://www.rwl2015.com/papers/Paper099.pdf>.

Cedefop; Европейская комиссия; ICF (2017). Европейская инвентаризация по проверке неформального и неформального обучения – обновление 2016 года. Сводный отчет. Люксембург: Бюро публикаций. URL: <http://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/4153>.

Coles M. (2016). Национальные рамки квалификаций: отражения и траектории. URL: <http://www.qqi.ie/Publications/Publications/National%20Qualifications%20Frameworks%20Reflections%20и%20Trajectories.pdf>.

Pecherskaya E.P., Averina L.V., Kochetkova N.V., Chupina V.A., Akimova O.B. Methodology of contract managers' project competency formation in CPE // *IEJME: Mathematics Education*. 2016. Т. 11. № 8. С. 3066–3075.

Аверина Л.В., Печерская Э.П. Актуальные проблемы высшего экономического образования и дополнительного бизнес-образования // *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2016. № 3. С. 24–28.

Мюррей Дж. (2013). Обеспечение качества в рамках квалификаций: информационный документ для поддержки конференции в Дублине, организованной по качеству и квалификациям в Ирландии (QQI), от имени ирландского председательства в Европейском совете при поддержке Европейской комиссии. URL: [http://www.eu2013.ie/media/eupresidency/content/documents/QQI-Presidency-Paper-Publication-\(12-March\).pdf](http://www.eu2013.ie/media/eupresidency/content/documents/QQI-Presidency-Paper-Publication-(12-March).pdf).

Печерская Э.П. Профессиональные стандарты как новые механизмы взаимоотношения между рынком труда и образования // *Известия Института систем управления СГЭУ*. 2017. № 2 (16). С. 17–20.

Тарасова Т.М., Каюкова А.А. Универсальный корпоративный стандарт в области управления персоналом, оплаты труда и социального развития предприятия как инструмент оценки качества бизнес-процессов предприятия // *Известия Института систем управления СГЭУ*. 2017. № 2 (16). С. 121–124.

Тарасова Т.М. Реализация профессионального суждения при формировании бухгалтерской отчетности организации // *Финансы и кредит*. 2013. № 36 (564). С. 47–51.

References

Allais S. *Rezultaty rynka truda v natsional'nykh kvalifikatsionnykh ramkakh v shesti stranakh* [Labour market outcomes of national qualifications frameworks in six countries]. *Zhurnal obrazovaniia i raboty* [Journal of education and work], 2017, Vol. 30, no 5, pp. 457–470. <http://dx.doi.org/10.1080/13639080.2016.1243232> [in Russian].

Bolton H., Reddy J. (2015). *Ispol'zovanie teorii kul'turnoi istoricheskoi deiatel'nosti (CHAT) dlia otsenki vliianiia natsional'noi sistemy kvalifikatsii (NSK) na obrazovanie i professional'nuiu podgotovku v Iuzhnoi Afrike* [Using cultural historical activity theory (CHAT) to assess the impact of national qualifications framework (NQF) on education and training in South Africa]. Singapore: Institut izucheniia vzroslykh. Available at: <http://www.rwl2015.com/papers/Paper099.pdf> [in English].

Cedefop; European Commission; ICF (2017). *Evropeiskaia inventarizatsiia po proverke neformal'nogo i*

neformal'nogo obucheniia – obnovlenie 2016 goda. Svodnyi otchet [European inventory on validation of non-formal and informal learning – 2016 update. Consolidated report]. Luxembourg: Biuro publikatsii. Available at: <http://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/4153> [in English].

Coles M. (2016). *Natsional'nye ramki kvalifikatsii: otrazheniia i traektorii* [National qualifications frameworks: reflections and trajectories]. Available at: <http://www.qqi.ie/Publications/Publications/National%20Qualifications%20Frameworks%20Reflections%20and%20Trajectories.pdf> [in English].

Pecherskaya E.P., Averina L.V., Kochetkova N.V., Chupina V.A., Akimova O.B. Methodology of contract managers' project competency formation in CPE. *IEJME: Mathematics Education*, 2016, Vol. 11, no. 8, pp. 3066–3075 [in English].

Averina L.V., Pecherskaya E.P. *Aktual'nye problemy vysshego ekonomicheskogo obrazovaniia i dopolnitel'nogo biznes-obrazovaniia* [Actual problems of higher economic education and additional business education]. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniia* [Science Review: Humanities Research], 2016, no. 3, pp. 24–28 [in Russian].

Murray J. (2013). *Obespechenie kachestva v ramkakh kvalifikatsii: informatsionnyi dokument dlia podderzhki konferentsii v Dubline, organizovannoi po kachestvu i kvalifikatsiiam v Irlandii (QQI), ot imeni irlandskogo predsedatel'stva v Evropeiskom sovete pri podderzhke Evropeiskoi komissii* [Quality assurance in qualifications frameworks: an issues paper to support the Dublin conference, organised by Quality and Qualifications Ireland (QQI), on behalf of the Irish Presidency of the European Council with the support of the European Commission]. Available at: [http://www.eu2013.ie/media/eupresidency/content/documents/QQI-Presidency-Paper-Publication-\(12-March\).pdf](http://www.eu2013.ie/media/eupresidency/content/documents/QQI-Presidency-Paper-Publication-(12-March).pdf) [in English].

Pecherskaya E.P. *Professional'nye standarty kak novye mekhanizmy vzaimootnosheniia mezhdu rynkom truda i obrazovaniia* [Professional standarts as new mechanisms of relationship between labour market and education]. *Izvestiia Instituta sistem upravleniia SGEU* [Izvestia of the Institute of Control Systems of SSEU], 2017, no. 2 (16), pp. 17–20 [in Russian].

Tarasova T.M., Kayukova A.A. *Universal'nyi korporativnyi standart v oblasti upravleniia personalom, oplaty truda i sotsial'nogo razvitiia predpriiatiia, kak instrument otsenki kachestva biznes-protsessov predpriiatiia* [Universal corporate standard in the field of personnel management, labor remuneration and social development of an enterprise, as a tool for assessing the quality of business processes of an enterprise]. *Izvestiia Instituta sistem upravleniia SGEU* [Izvestia of the Institute of Control Systems of SSEU], 2017, no. 2 (16), pp. 121–124 [in Russian].

Tarasova T.M. *Realizatsiia professional'nogo suzhdeniia pri formirovanii bukhgalterskoi otchetnosti organizatsii* [Implementation of professional judgment in the formation of the company's financial statements]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2013, no. 36 (564), pp. 47–51 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-70-74
УДК 378

Дата поступления статьи: 25/I/2018
Дата принятия статьи: 18/II/2018

О.Н. Беришвили

МОДЕЛЬ АДАПТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ АГРОИНЖЕНЕРОВ

© *Беришвили Оксана Николаевна* – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физики, математики и информационных технологий, Самарская государственная сельскохозяйственная академия, 446442, Российская Федерация, Самарская область, п.г.т. Усть-Кинельский, ул. Учебная, 2.
e-mail: oksana20074@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/№ 0000-0003-1714-2542>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены концептуальные и теоретические подходы к проектированию адаптивной системы профессиональной подготовки агроинженеров – разновидности педагогических систем, источником развития которой являются противоречия между требуемым и существующим состоянием профессиональной подготовки к агроинженерной деятельности. В современных условиях агроинженер становится субъектом разрешения сложных процессов модернизации аграрного производства в ходе деятельностного приспособления (адаптации) среды и себя к условиям его функционирования. Содержание и средства профессиональной подготовки должны направляться на приобретение комплекса компетенций, умений устанавливать эмоционально значимые связи и навыков адаптивного поведения, что определяет целевой аспект проектируемой адаптивной системы. Выделение информационно-технологического аспекта, обусловленного информатизацией современного общества, отражает адаптивные механизмы приспособления агроинженера к информационной и технической среде будущей профессиональной деятельности. В ситуации стремительных изменений основным новообразованием адаптированной личности является способность к самоизменению, развитию которой способствует система знаний, имеющая в основе интегративный подход к ее конструированию. В рамках адаптивной системы профессиональной подготовки содержательный аспект предусматривает отбор учебного материала, направленного на формирование компетентности специалиста через интеграцию и междисциплинарный синтез. Аксиологический аспект адаптивной системы профессиональной подготовки, связанный с процессом приведения в соответствие объективной и субъективной систем ценностей агроинженера, обеспечивает успешное осуществление профессиональной деятельности в соответствии с ее спецификой. В ходе исследования установлено, что реализация целевого, содержательного, информационно-технологического и аксиологического аспектов адаптивной системы профессиональной подготовки способствует проявлению кумулятивного эффекта в виде адаптационного потенциала, необходимого для интеграции студентов в профессиональную деятельность.

Ключевые слова: адаптация, профессиональная подготовка, агроинженер.

Цитирование. Беришвили О.Н. Модель адаптивной системы профессиональной подготовки агроинженеров // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 70–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-70-74>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

MODEL OF ADAPTIVE SYSTEM OF VOCATIONAL TRAINING FOR AGRO-ENGINEERS

© *Berishvili Oksana Nikolaevna* – Doctor of Pedagogic Sciences, associate professor, professor of the Department of Physics, Mathematics and Information Technologies, Samara State Agricultural Academy, 2, Uchebnaya Street, urban-type settlement Ust-Kinelsky, 446442, Russian Federation.
e-mail: oksana20074@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/№ 0000-0003-1714-2542>

ABSTRACT

The article presents conceptual and theoretical approaches to designing an adaptive system of vocational training for agro-engineers - a variety of pedagogical systems, the source of which is due to the contradiction between the required and current agro-engineering vocational training. Thus, under modern conditions, the agro-engineer becomes the subject who resolves complex processes of agricultural modernization during adaptation to the environment and adapts himself to the operating conditions. The content and means of vocational training should allow the achievement of a complex of competencies, the ability to form emotionally significant relationships and adaptive functioning, which determines the target aspect of the projected adaptive system. The information and technological aspect, conditioned by the informatization of modern society, reflects the adaptive mechanisms of the agro-engineer to the information and technical environment of future professional activity. In a situation of rapid changes, the main new formation of an adapted person is the ability to self-change, the development of which is supported by a knowledge system that based on an integrative approach to its construction. Within the framework of the adaptive system of vocational training, the content aspect includes the selection of training material aimed on the formation of specialist's competence through the integration and interdisciplinary synthesis. The axiological aspect associated with the compliance of objective and subjective value systems of an agro-engineer ensures the successful implementation of professional activity in accordance with its specifics. The study showed that the implementation of targeted, content, information and technological, axiological aspects of adaptive vocational training system contributes to the achievement of the cumulative effect in the form of adaptive potential necessary for the integration of students into professional activity.

Key words: adaptation, vocational training, agro-engineer.

Citation. Berishvili O.N. *Model' adaptivnoi sistemy professional'noi podgotovki agroinzhenerov* [Model of adaptive system of vocational training for agro-engineers]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 70–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-70-74>.

Изменения в содержании агроинженерной деятельности, обусловленные переходом агропромышленного комплекса к инновационному развитию, значимостью решения продовольственной безопасности страны, обострившейся в связи с введением Европейским союзом экономических санкций против России, требуют готовности специалистов к адаптации в меняющейся социально-экономической ситуации в сельскохозяйственной отрасли. Пилотажное исследование современного состояния кадрового потенциала аграрного производства выявило высокий показатель текучести кадров как по всей территории России, так и в Самарском регионе. Дефицит кадров в агропромышленном комплексе Самарской области достигает 50 % [Нагорнов]. Этому есть объяснения: низкий уровень доходов в сельской местности, сезонный характер труда, финансовая неустойчивость сельского хозяйства, невысокий уровень развития социокультурной инфраструктуры. Однако существенным является фактор социальной и профессиональной адаптации выпускников сельскохозяйственных вузов [Беришвили, 2014, с. 233]. Отмечается [В.А. Заиченко], что в современном обществе адаптация выступает средством регулирования занятости, важ-

ной технологией управления персоналом и критерием успешности кадровой политики предприятия.

В научной литературе наблюдается множественность взглядов на процесс адаптации, от узкого понимания как процесса уравнивания системы «организм – среда» до более глубокого, акцентирующего внимание на собственной активности субъекта, направленной на изменение уже сформировавшихся когнитивных структур, предполагающее реализацию тенденций к поддержанию постоянства системы (гомеостазис) и ее эволюции (гомеорезис). В контексте нашего исследования адаптация студентов к профессиональной деятельности представляется интегративным процессом, включающим процесс его профессиональной адаптации (социализация) и процесс социальной адаптации (механизм социализации) [Беришвили, 2013; Руднева, Беришвили, с. 190]. В связи с этим актуализируется проблема проектирования адаптивных систем профессиональной подготовки, способствующих интеграции студентов – будущих инженеров в сферу аграрного производства.

Анализ научной литературы выявил, что в педагогической науке сложились предпосылки, позволяющие проектировать адаптивные системы про-

фессиональной подготовки. Разработаны теоретические и методологические основы адаптивных систем образования взрослых (А.Е. Марон, Л.Ю. Монахова, В.И. Победа и др.), адаптивные модели подготовки военных специалистов (П.Ю. Сухов), осужденных (Д.Н. Миронов), адаптивная образовательная система вечерней школы (В.И. Соколов); модель адаптивного дополнительного профессионального образования (М.Н. Лебедева); создаются адаптивные школы (И.С. Якиманская, Е.А. Ямбург и др.). Относительно высшего образования рассматриваются адаптивные системы организации самостоятельной работы обучающихся (И.Е. Торбан); структуризации учебных заданий по видам деятельности и уровням сложности (Е.Н. Рябинова); реализации индивидуальных стилей учебной деятельности студентов в условиях многоуровневой системы подготовки (А.М. Митяева) и другие. Однако в теории и практике высшего профессионального образования отсутствует достаточный опыт проектирования и применения адаптивных систем, способствующих формированию компетентностей будущих специалистов, что обуславливает необходимость рассмотрения концептуальных и теоретических подходов к их построению.

Исследователи (Б.Д. Парыгин, А.А. Реан и др.) отмечают, что одним из механизмов, обеспечивающих психологическую адаптацию, непосредственно связанную с самоактуализацией и самореализацией личности в социальной среде, выступает целеполагающий характер деятельности. В связи с этим необходимо проектирование адаптивной системы профессиональной подготовки, в которой взаимосвязь процессов самореализации и адаптации способствовала бы полноценному функционированию личности. При проектировании реальной профессиональной (производственной) ситуации в учебный процесс происходит ее трансформация в учебную задачу. При этом, как отмечают исследователи (О.С. Манакова, Н.А. Онищенко), изменяется целевой аспект, если целью решения учебной задачи являются повышение познавательной активности студентов, формирование их профессиональных компетенций, то реальные профессиональные задачи агроинженера осуществляются с целью повышения эффективности процессов в аграрном производстве (разная мотивация). С учетом этого целевой аспект адаптивной системы профессиональной подготовки выражается сближением целей агроинженерной деятельности и профессиональной подготовки, что возможно при решении задач, связанных с принятием оптимальных решений в аграрном производстве.

На всем протяжении эволюции цивилизации техногенез и адапциогенез, находясь в диалектической взаимосвязи, обуславливали трансформацию форм социальной организации, механизмов трансляции культурного наследия, регуляции культурных институтов общества, парадигмы мышления как системы ценностей конкретного общества [Заченко, с. 24]. Однако в современном обществе, характеризующемся стремительным развитием информационных и технических систем, не успевают формироваться необходимые адаптивные механизмы, вследствие чего наблюдается несоответствие адапционных механизмов интенсивному техни-

ческому развитию. Таким образом, в качестве необходимого элемента социальной адаптации рассматривается техническая (Г.Н. Алексеев, Б.И. Кудрин, Х. Ленк, Ф. Рап и др.) и информационная (В.Г. Горюхов, Э.С. Демиденко, М. Кастельс, Б.И. Кудрин, Н.В. Попков, В.М. Розин, В.С. Степин, Г.П. Щедровицкий др.) адаптация. Исследователи подчеркивают, что информационная и техническая адаптация человека представляются в качестве основных условий устойчивого развития социотехнических систем. Мы выделяем информационно-технологический аспект адаптивной системы профессиональной подготовки, обусловленный информатизацией современного общества и отражающий (инновационные, адаптивные) механизмы приспособления агроинженера к информационной и технической среде будущей профессиональной деятельности. При этом преодоление информационного барьера способствует социальной адаптации, технического барьера – успешному протеканию профессиональной адаптации. Информационно-технологический аспект адаптивной системы профессиональной подготовки предполагает готовность использовать в будущей профессиональной деятельности методы принятия оптимальных решений на основе средств информационных технологий.

Изучая механизмы адаптации, ученые (Никонов) рассматривают в качестве основы индивидуальной адаптации субъективный мир человека, отражающий систему самостоятельно выработанных им личностных отношений к объективным обстоятельствам жизни, которые проявляются в глубоко индивидуальной форме в виде мнений, идей, интересов, ценностей, потребностей, способностей и других качеств. По причине субъективности мира объективность общественных отношений из внешнего фактора превращается в форму активного отношения человека к собственному внутреннему и внешнему миру [Никонов, с. 159]. Субъектность представляется (Д.Н. Узнадзе) свойством личности не только присваивать, транслировать, но и порождать смыслы деятельности (актуальные ценности), ввиду того что человек реагирует на воздействия внешней среды только после их осмысления и преломления в своем сознании. Осмысление как «объективация» явлений внешнего мира приводит к постоянному расширению области установок при получении индивидуального опыта человеком. Процесс становления субъектности и его регулирование (управление) требует «запуска» механизмов самоорганизации, потенциально заложенных в личностной системе индивида¹. Таким образом, в педагогическом плане важна не только включенность человека в деятельность, но и ее ценностный аспект, при этом «привязка» к внешним объектам (условиям) позволяет говорить об адаптации не как о ситуативном процессе, а как о личностном качестве.

Рассматривая ценностный аспект адаптации, исследователи различают субъективную систему ценностей (носителем является индивид с любыми стереотипами в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах, осознанными или неосознанными привычками) и объективную (условия существования человека; система ценностей, выдвигаемых средой для его функционирования)

[Психотерапевтическая энциклопедия, с. 752]. По мере развития личности субъективные ценности расширяются, включая в свой круг все больше объективных (социальных) ценностей, что способствует формированию социально активного субъекта². В рамках нашего исследования аксиологический аспект адаптивной системы профессиональной подготовки связан с процессом приведения в соответствие объективной и субъективной систем ценностей агроинженера. В этом смысле адаптация означает успешное осуществление профессиональной деятельности в соответствии со своей шкалой ценностей.

Анализ диссертационных работ, посвященных математическому образованию студентов технических вузов (Б.В. Гнеденко, Л.Н. Журбенко, В.В. Кондратьев, А.Б. Ольнева, С.А. Розанова, В.Д. Павлидис и др.), выявил единство взглядов авторов на то, что одними из основных объектов его ценностного отражения являются математическое моделирование — метод научного познания окружающего мира, дающий возможность управлять им (А.А. Иванов); «ценность-компетенция», на которой базируется математический аспект готовности инженеров к профессиональной деятельности (Е.М. Гугина); важное средство междисциплинарного синтеза знаний, демонстрирующее глубину отношений «человек—техника», «человек—природа», (Г.Н. Фадеев). С позиций аксиологии к ценностям относится все, что может быть значимо для жизнедеятельности субъекта и общества, что соотносится с его интересами и потребностями. Математические знания приобретают для студента ценность, если он понимает, где и когда они будут применимы. Построение математических моделей оптимизационных задач позволяет осуществлять обучение контекстом деятельности, воссоздающей реальность в учебных условиях, имитирующей деятельность в различных профессиональных ситуациях, что способствует пониманию студентом ценности математических знаний для реализации профессиональной деятельности. Таким образом, аксиологический аспект адаптивной системы профессиональной подготовки заключается в формирова-

нии способности оценивать значение приобретенных математических знаний и применять методы нахождения оптимальных решений с учетом профессиональных ценностей.

В адаптации выделяются две составляющие: ассимиляция (усвоение норм поведения и следование им благодаря уже сформировавшимся психическим функциям) и аккомодация (появление новообразований вследствие изменения схем поведения, не вполне адекватных принятым нормам). В ситуации стремительных изменений актуализируется вторая составляющая адаптации, при этом основным новообразованием адаптированной личности является способность к самоизменению (динамичность), саморазвитию, позволяющая активной личности реализоваться в современном сложном и противоречивом обществе, т. е. социализироваться [Реан, с. 262]. Развитию подобной динамичности способствует система знаний, имеющая в основе интегративный подход к ее конструированию. Содержательный аспект предусматривает отбор учебного материала, направленного на формирование компетентности специалиста через интеграцию и междисциплинарный синтез в рамках адаптивной системы профессиональной подготовки. Анализ современного понимания адаптивных систем с выделением в нем целевого, информационно-технологического, аксиологического и содержательного аспектов позволяет определить концептуальную основу моделирования адаптивных систем профессиональной подготовки агроинженеров (см. рис.).

Таким образом, адаптивная система профессиональной подготовки агроинженеров — это адапционный потенциал, выражающийся содержательными, процессуальными, личностными ресурсами, необходимыми для адаптации студентов к современным реалиям функционирования агропромышленного комплекса [Беришвили, 2014, с. 324].

Существует точка зрения (С.М. Вишнякова), согласно которой ситуация, когда накопленные человеком знания и опыт, усиливая его мотивацию к учению, не просто соединяются (приплюсовываются) к вновь приобретаемым, а качественно обо-

Рис. Адаптивная система профессиональной подготовки агроинженеров

гащают общий результат учебной деятельности, отражает кумулятивный процесс (эффект) накопления знаний. Кумулятивные эффекты могут возникнуть из незначительных по своему отдельному воздействию факторов, которые, взаимодействуя в течение длительного периода времени в одной и той же зоне, способны вызывать значительные последствия [Ольховая]. При этом благодаря постепенному количественному накоплению каких-либо изменений (совершенная, долговременная, кумулятивная адаптация) приобретает новое качество в определенном виде деятельности (переход к адаптированному состоянию)³.

По мнению ученых [В.Н. Платонов], долговременная адаптация характеризуется наличием необходимого резерва, обеспечивающего новый уровень функционирования системы и стабильности ее функциональных структур. При этом функциональный резерв (в нашем случае адаптационный потенциал) представляется запасом функциональных возможностей (ресурсов), постоянно расходуемых на поддержание равновесия между организмом и внешней средой. Чем выше адаптационный потенциал, тем ниже степень напряжения регуляторных механизмов, необходимых для адаптации к условиям окружающей среды для поддержания гомеостаза, т. е. адаптационный потенциал – это скрытая способность тех или иных систем увеличивать интенсивность работы. В нашем исследовании кумулятивный эффект обеспечивается реализацией целевого, содержательного, информационно-технологического и аксиологического аспектов адаптивной системы профессиональной подготовки.

Примечания

¹ Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Ключевые понятия, термины, актуальная лексика: словарь. М.: НМЦСПО, 1999. 538 с.

² Узнадзе Д.Н. Общая психология: учебник. СПб.: Питер, 2014. 413 с.

³ Вишнякова С.М. Указ. соч.

Библиографический список

Беришвили О.Н. Средства адаптации выпускников сельскохозяйственных вузов к профессиональной деятельности // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 4. С. 213–218.

Беришвили О.Н. Математическая подготовка студентов к агроинженерной деятельности: аксиолого-технологический подход: монография. М.: Издательский дом «МПА-Пресс», 2014. 324 с.

Заиченко В.А. Информационно-технологическая адаптация как механизм техноэволюции: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Заиченко Владимир Александрович. Пенза, 2011. 24 с.

Нагорнов И.А. О проекте закона Самарской области «О продовольственной безопасности Самарской области» [Электронный ресурс]: интернет-портал Самарской губернской думы и представительных органов муниципальных образований в Самарской области. URL: http://samgd.ru/committee_list/x422/meeting/workgroup_meetings/121571.

Никонов А.В. Социальная адаптация в условиях анонимии общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Никонов Анатолий Владимирович. Волгоград, 1998. 159 с.

Ольховая Т.А. Становление субъектности студента университета: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Ольховая Татьяна Александровна. Оренбург, 2007. 430 с.

Платонов В.Н. Теория адаптации и резервы совершенствования системы подготовки спортсменов // Вестник спортивной науки. 2010. № 3. С. 3–10.

Психотерапевтическая энциклопедия / ред. Б.Д. Карвасарский. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2000. 752 с.

Реан А.А. Проблемы социальной адаптации личности. СПб.: Нева, 2004. 262 с.

Руднева Т.И., Беришвили О.Н. Качество профессиональной подготовки инженеров для современных промышленных комплексов: результаты эксперимента: монография. Самара: Издательство «Самарский университет», 2016. 190 с.

References

Berishvili O.N. *Sredstva adaptatsii vypusnikov sel'skokhoziaistvennykh vuzov k professional'noi deiatel'nosti* [Means of adapting graduates of agricultural higher educational institutions to professional activity]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [The Bulletin of KrasGAU], 2013, no. 4, pp. 213–218 [in Russian].

Berishvili O.N. *Matematicheskaya podgotovka studentov k agroinzhenernoi deiatel'nosti: aksiologo-tekhnologicheskii podkhod: monografiia* [Mathematical preparation of students for agroengineering: axiological and technological approach: monograph]. M.: Izdatel'skii dom «MPA-Press», 2014, 324 p. [in Russian].

Zaichenko V.A. *Informatsionno-tekhnologicheskaya adaptatsiia kak mekhanizm tekhnologii: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk: 09.00.11* [Information-technological adaptation as a mechanism of techno-evolution: Author's abstract of Candidate's of Philosophical Sciences: 09.00.11]. Pyatigorsk, 2011, 24 p. [in Russian].

Nagornov I.A. *O proekte zakona Samarskoi oblasti «O prodovol'stvennoi bezopasnosti Samarskoi oblasti» [Elektronnyi resurs]: internet-portal Samarskoi Gubernskoi Dumi i predstavitel'nykh organov munitsipal'nykh obrazovaniy v Samarskoi oblasti* [On the draft law of the Samara Region «On Food Security of the Samara Region» [Electronic resource]: Internet portal of the Samara Provincial Duma and representative bodies of municipalities in the Samara Region]. Available at: http://samgd.ru/committee_list/x422/meeting/workgroup_meetings/121571 [in Russian].

Nikonov A.V. *Sotsial'naia adaptatsiia v usloviakh anomii obshchestva: dis. ... kand. fil. nauk: 09.00.11* [Social adaptation in conditions of anomie of society: Candidate's of Philosophical Sciences thesis: 09.00.11]. Volgograd, 1998, 159 p. [in Russian].

Olkhovaya T.A. *Stanovlenie sub'ektnosti studenta universiteta: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01* [The formation of subjectivity of a university student: Doctor of Pedagogic Sciences thesis: 13.00.01]. Orenburg, 2007, 430 p. [in Russian].

Platonov V.N. *Teoriia adaptatsii i rezervy sovershenstvovaniia sistemy podgotovki sportsmenov* [Theory of adaptation and reserves of improving the system of training athletes]. *Vestnik sportivnoi nauki* [Sports science bulletin], 2010, no. 3, pp. 3–10 [in Russian].

Psikhoterapevticheskaya entsiklopediia, red. B.D. Karvasarskii. 2-e izd., dop. i pererab. [Psychotherapeutic encyclopedia. B.D. Karvasarsky (Ed.). 2nd edition, revised and enlarged]. SPb.: Piter, 2000, 752 p. [in Russian].

Rean A.A. *Problemy sotsial'noi adaptatsii lichnosti* [Problems of social adaptation of an individual]. SPb.: Neva, 2004, 262 p. [in Russian].

Rudneva T.I., Berishvili O.N. *Kachestvo professional'noi podgotovki inzhenerov dlia sovremennykh promyshlennykh kompleksov: rezul'taty eksperimenta: monografiia* [Quality of professional training of engineers for modern industrial complexes: results of the experiment: monograph]. Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 2016, 190 p. [in Russian].

Н.В. Иванушкина**УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗА
В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ**

© *Иванушкина Наталья Викторовна* – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: inw38641@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9332-6477>

АННОТАЦИЯ

В статье дается оценка эффективного использования медийных средств в обучении, подчеркивается их роль для современного социального развития в целом. Отмечается актуальность темы не только для высшего, но и для общего, среднего профессионального образования. Указывается на то, что использование сайтов, социальных сетей, сервисов передачи сообщений способствует доступности, открытости, мобильности, интерактивности при организации работы со студентами. В этой связи создание таких благоприятных условий и предоставление широкого спектра возможностей ориентируют обучающихся на получение, переработку и использование информации в том объеме, который необходим для их саморазвития, самообразования и самосовершенствования. Отмечается, что этому способствует организация учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде в рамках учебных дисциплин.

Представлен анализ исследований, посвященных изучению сущности понятия «учебно-познавательная деятельность» студентов. Отмечается специфика ее организации в специально созданной среде — в Интернете, а также схожесть понятия с термином «учебная деятельность», но не синонимичность. Предлагается рассматривать учебно-познавательную деятельность не только как процесс осознанной, целеполагающей, самоуправляемой деятельности студента по решению учебно-познавательных задач, но и как активность субъекта в определенных условиях.

В статье также анализируются понятия «рефлексия» и «самооценка» как компоненты учебно-познавательной деятельности студентов вуза, а также определяется уровень их сформированности у обучающихся в результате работы с медийными ресурсами в рамках учебного курса «Психология и педагогика».

Ключевые слова: учебная деятельность, учебно-познавательная деятельность, Интернет, интернет-среда, медийные средства, рефлексия, самооценка.

Цитирование. Иванушкина Н.В. Учебно-познавательная деятельность студентов вуза в интернет-среде // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 75–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-75-80>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-75-80
UDC 371.3:371.64/69:378.14

Submitted: 11/XII/2017
Accepted: 15/I/2018

N.V. Ivanushkina

TRAINING AND COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATION ON THE INTERNET MEDIUM

© *Ivanushkina Natalia Viktorovna* – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Pedagogics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, 443086, Russian Federation.

E-mail: inw38641@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9332-6477>

ABSTRACT

The article evaluates the effective use of media in education, emphasizes their role for modern social development in general. The relevance of the topic is not only for higher education, but also for general secondary vocational education. It is pointed out that the use of sites, social networks, messaging services promotes accessibility, openness, mobility, interactivity when organizing work with students. In this regard, the creation of such favorable conditions and the provision of a wide range of opportunities orient students to receive, process and use information to the extent necessary for their self-development, self-education and self-improvement. It is noted that this is facilitated by the organization of educational and cognitive activities of students in the Internet environment in the framework of academic disciplines.

The article presents an analysis of studies devoted to the study of the essence of the concept of «educational and cognitive activity» of students. The specifics of its organization in a specially created environment - on the Internet, as well as the similarity of the term with the term «educational activity», are noted, but they are not synonymous. It is suggested to consider educational and cognitive activity not only as a process of conscious, goal-oriented, self-directed activity of the student in solving educational and cognitive tasks, but also as the subject's activity in certain conditions.

The article also analyzes the concepts of «reflection» and «self-esteem» as components of educational and cognitive activity of university students, and also determines the level of their formation among students as a result of their work with media resources within the framework of the training course «Psychology and Pedagogy.»

Key words: educational activities, educational and cognitive activities, the Internet, the Internet environment, media, reflection, self-esteem.

Citation. Ivanushkina N.V. Uchebno-poznavatel'naya deiatel'nost' studentov vuza v internet-srede [Training and cognitive activity of students of higher education on the Internet medium]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 75–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-75-80>.

Внедрение новейших информационных технологий, появление возможности организации обучения студентов вуза в интернет-среде потребовали иного подхода к преподаванию предметов гуманитарного цикла. Это позволило сконцентрировать внимание педагогов на интеграции активных методов овладения знаниями и методов, направленных на формирование творческих способностей студентов, способности к самообразованию, рефлексии, самооценке учебно-познавательной деятельности, саморазвитию, способам решения профессиональных задач.

Как отмечают в своих исследованиях М.Д. Горячев, М.М. Горячев, Н.В. Иванушкина, В.В. Мантуленко, а также к ним присоединяются Г.В. Верховая, С.В. Акимов, А.А. Пашкалян, Т.А. Шильцова, Ю.В. Мармулева и другие, использование медийных средств в обучении становится все более распространенным явлением в современном рос-

сийском образовании. Вузы внедряют в свою работу различные онлайн-платформы (например, Moodle, Joomla, Edmodo, Blackboard) для развития учебных коммуникаций между студентами и преподавателями [Социальные сети как уникальный образовательный ресурс; Верховая, Акимов, с. 55–62; Пашкалян; Шильцова, Мармулев]. С точки зрения Д.В. Моглан, интернет-среда в ее современном понимании для организации учебно-познавательной деятельности студентов в вузах уже интересна не как симбиоз компьютеров, сервисов и информации, а как «глобальная социокультурная среда», определяющая вектор современного социального развития в целом [Моглан].

Эта проблема актуальна не только для высшего образования, но и для общего (М.Д. Горячев, Т.А. Яндукова) и среднего профессионального [Иванушкина Е.В., Иванушкина Н.В., Щипова]. Как отмечает в своем исследовании О.В. Щипова, изучая орга-

низацию социально-педагогического сопровождения образовательного процесса в учреждении среднего профессионального образования, «сайты, социальные сети, сервисы передачи сообщений способствуют доступности, открытости, мобильности, интерактивности» при организации работы со студентами [Горячев, Яндукова; Шипова; Иванушкина Н.В.; Иванушкина Е.В., Иванушкина Н.В.]. Создание таких благоприятных условий и предоставление широкого спектра возможностей ориентируют обучающихся на получение, переработку и использование информации в том объеме, который необходим для их саморазвития, самообразования и самосовершенствования. Этому также способствует организация учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде в рамках учебных дисциплин.

Анализ исследований, посвященных изучению сущности понятия «учебно-познавательная деятельность» студентов, показал, что оно схоже с понятием «учебная деятельность», но не синонимично.

Если рассматривать учебную деятельность субъектов, опираясь на интерпретацию этого понятия С.С. Котовой и О.Н. Шахматовой, как на «процесс осознанной, целеполагающей, самоуправляемой деятельности студента по решению учебно-познавательных задач» [Котова, Шахматова], тогда она должна включать в себя не только необходимые знания и умения, но и соответствующие действия, которые производят студенты, решая те же учебно-познавательные задачи.

Через определенные действия происходит познание окружающей действительности, в связи с чем воспринятая информация возвращается к человеку в виде знаний и умений, а следовательно, как отмечает Е.Б. Коробий, познание через обучение может осуществляться в особой форме – учебно-познавательной деятельности [Коробий].

Л.К. Раицкая предлагает рассматривать учебно-познавательную деятельность как активность субъекта в определенных условиях. Следовательно, синтезируя представленные подходы, с нашей точки зрения, к осознанию и целеполаганию деятельности студентов добавляются и их действия. В этом случае сущность исследуемого понятия становится более емкой и полной. С учетом того что для рассматриваемого нами возрастного периода с 17 до 22 лет значимой деятельностью выступает учебно-познавательная, следовательно, необходимо создавать такие условия, которые выступали бы в качестве оптимальных и перспективных для ее реализации. Таковым нам представляется интернет-среда.

Мы согласимся с мнением Л.К. Раицкой, что образовательная среда может выступать в качестве информационно-образовательной тогда, когда отмечается рост избыточности информации, а это влечет за собой ее доступность, возможность переработки и сохранения в ней. Только в этом случае Интернет как информационно-образовательная среда может быть средой образования, где информация играет ведущую и определяющую роль, влияя

на нее, формируя, задавая ее многие характеристики и способствуя ее преобразованию» [Раицкая]. Поддерживая идеи Л.К. Раицкой, А.В. Гагарин отмечает, что Интернет становится и «средой самообразования». Мы согласимся с их мнением, что такое понимание и представление информационно-образовательной среды не изучено в полном объеме, не осознано и применяется не в полной мере для развития личности в целом [Гагарин; Гагарин, Раицкая].

Создавая посредством интернет-среды условия, организованная учебно-познавательная деятельность в рамках конкретно взятой учебной дисциплины может выступать в качестве активного процесса, побуждающего и направляющего студентов на получение актуальных для них знаний, формируя при этом способность к оценке собственных действий в интернет-среде, их анализа, коррекции, а также организации взаимодействия с участниками образовательного процесса на базе полученного информационного продукта.

Для того чтобы учебно-познавательная деятельность студентов в интернет-среде была качественной, обогащена знаниями, умениями, «включением» обучающихся в активные действия по поиску, обработке и сохранению информации, созданию своего уникального продукта, необходимо, чтобы субъект был способен занимать рефлексивную позицию в условиях избытка информации. В этой связи рефлексия и самооценка приобретут качества компонентов учебно-познавательной деятельности студентов, изучение уровня сформированности которых стало целью нашего исследования.

Интересно для нашей работы мнение О.Р. Шеффер, которая определяет понятие «рефлексия» как процесс, связанный не только с самопознанием и самопониманием личности, но и с определением степени понимания и восприятия личностных особенностей другими, а также их эмоциональных реакций и когнитивных представлений [Шеффер]. Именно такое рефлексивное взаимодействие, с точки зрения Т.Н. Корнеенко, играет важную роль в качественном самоизменении личности [Корнеенко].

В проведенном нами исследовании в рамках отвлеченно взятой учебной дисциплины, а точнее, «Психологии и педагогики» по выявлению динамики изменения уровня сформированности рефлексии и самооценки учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде мы получили следующие результаты. В процентном соотношении можно представить их, выделяя высокий уровень – 22 %, показатели которого увеличились на 11 %; средний уровень – 67 %, показатели возросли на 22 %, и низкий – 11 %, что на 33 % ниже исходных результатов уровней сформированности рефлексии и самооценки учебно-познавательной деятельности студентов вуза в интернет-среде.

Респондентам был представлен перечень вопросов, позволяющий выявить: качество информации, необходимой им для подготовки к занятиям, к сессионным испытаниям, возможность и необ-

ходимость обсуждения найденного материала другими студентами и преподавателями; отношение к высказанному мнению других студентов, рефлексию по полученным отзывам; уровень самооценки обучающегося при работе с ресурсами интернет-среды и др.

Наибольшее количество положительных ответов набрал вопрос «Всегда ли респондент находит, что ему нужно для занятий, в интернет-среде, если ставит перед собой такую цель?» – 19. Второе место заняли вопросы 4, 15 и 16, которые набрали по 18 баллов. Четвертый вопрос был связан со знаниями алгоритма поиска информации в Интернете. 15-й посвящен нахождению в глобальной сети нужных для сдачи экзаменов книг или текстов статей. 16-й вопрос затронул проблему удовлетворенности своей поисковой деятельности в интернет-среде.

Нас интересовала позиция респондентов по отношению к самому себе, когда они непосредственно работают с информацией в Интернете, кого они винят за собственные неудачи в поисковой деятельности, – 17 студентов ответили, что в сложившейся ситуации виноваты только они сами. Такое же количество обучающихся согласилось с тем, что независимо от профессии, которой они овладевают, необходимо быть обязательно компетентными в области информационных коммуникационных технологий.

Интересно было отметить, что 16 положительных ответов дали респонденты на вопрос, могут ли они подробно охарактеризовать ту деятельность, которую осуществляют в интернет-среде при поиске информации. И это был не самый популярный ответ среди студентов. Также 16 студентов согласились с необходимостью организации самостоятельного поиска информации в интернет-среде, подчеркнув, что им эта самостоятельность нравится, исключая, следовательно, помощь однокурсников или преподавателей. Знаниями о том, как надо оценивать качество найденной информации, обладают также 16 респондентов.

15 студентов отметили, что знают, как создать собственный блог, при этом они указали на то, что имеют возможность совершенствовать свои собственные навыки поиска информации в информационной среде и используют ее непосредственно.

Следующая группа положительных ответов относится к вопросам, связанным с планированием и обдумыванием своих действий в интернет-среде перед тем, как студенты начнут сами действия, а также с выбором поисковых технологий в Интернете. Таких выборов оказалось 14. Такое же количество ответов «да» мы получили на вопрос «Следите ли вы за информацией о новых Интернет-технологиях?». Ответ на этот вопрос четко указывает на то, что студенты стремятся к получению новых знаний, активно занимаются самообразованием и положительно оценивают собственные успехи в области овладения новыми интернет-технологиями.

По 13 баллов набрала большая группа вопросов, связанных с собственно деятельностью в ин-

тернет-среде. К этой группе относятся вопросы следующего плана: «Можете ли вы подобрать 10 определений, относящихся к вашей деятельности в интернет-среде?», «Является ли для вас поиск информации приятным занятием?», «Вам известны закономерности функционирования Интернета?». Эти три вопроса убедительно демонстрируют обдуманность действий в сети, качественно новый уровень поиска информации, основанной на знаниях ее размещения и функционирования глобальной сети. И еще два вопроса закономерно попали в эту группу положительных ответов, связанных с будущей профессиональной деятельностью студентов и необходимостью поиска для этого качественной информации. Интересно, что студенты в целом отдавали большее предпочтение самостоятельно найденной информации, не прибегая к помощи однокурсников и преподавателей, но 13 студентов обсуждение считают необходимым именно с друзьями. К сожалению, только 7 респондентов изъявили желание обсудить ее с преподавателями.

Возросло после проведенной работы в ходе реализации курса «Психология и педагогика» количество ответов «да», их стало 12, что на 2 больше первоначальных результатов. Положительная динамика зафиксирована при ответах на вопросы, посвященные тому, знают ли студенты, как можно улучшить их поиск в интернет-среде и что для этого необходимо сделать. А именно, респонденты отмечают необходимость «еще учиться, читать, практиковаться, развивать свои навыки, чтобы быть профессиональным пользователем». Также возросло количество положительных ответов с 9 до 12, связанных с оценкой успехов в познавательной деятельности в интернет-среде.

11 студентов положительно оценили эффективность своей работы в интернет-среде, причем исключительно в сессионный период, отмечая ее познавательную направленность.

Положительная тенденция наблюдается в вопросах, связанных с информацией, а точнее, со ссылками на информацию, которую получают студенты от преподавателей или однокурсников в качестве единственно верных и полных. Студенты стремятся расширить спектр предлагаемого материала самостоятельными изысканиями. При этом они отмечают, что достаточно часто находят дополнительную полезную информацию при подготовке к занятиям в социальных сетях. 10 студентов с удовольствием откликаются на просьбу помочь своим друзьям в поиске необходимой информации в Интернете и стараются все-таки анализировать свои неудачи в интернет-среде с целью избежать их в дальнейшем.

Девять студентов отметили необходимость в оценивании полученных результатов своей работы в сети, при этом они могут «объективно оценивать высококлассную работу своих однокурсников в интернет-среде, опираясь на собственные глубокие и широкие знания о глобальной сети».

В целом после проведенной работы в ходе реализации учебной дисциплины «Психология и педагогика» все ответы, полученные в рамках исследования рефлексии и самооценки учебно-познавательной деятельности в интернет-среде, говорят об их положительной динамике и результативности работы. Этому способствовал особый комплексный интегрированный характер учебных мероприятий, требовавших постоянной «включенности» студентов в активное взаимодействие с группой обучающихся, постоянной самооценки своих знаний, умений и действий, а также рефлексии в условиях работы с большим количеством информации.

Библиографический список

Верховая Г.В., Акимов С.В. Система электронного обучения на базе интерактивных мультимедийных учебно-методических комплексов, интегрированных в киберсреду виртуальных предприятий // Научные технологии в космических исследованиях Земли. М.: Издательство: ООО «Издательский дом “Медиа публицер”», 2017. Т. 9. № 3. С. 55–62.

Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Образование и развитие личности в информационно-коммуникационной деятельности // Вестник МГИМО. 2013. № 2 (29). С. 178–182.

Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Развитие информационно-коммуникативной компетентности личности в самостоятельной учебно-познавательной деятельности // Акмеология. Спец. вып. по материалам секции «Акмеология» V Съезда РПО. М.: Изд-во МААН, 2012. С. 39–42.

Горячев М.Д., Горячев М.М., Иванушкина Н.В., Мантуленко В.В. Социальные сети как уникальный образовательный ресурс // Аккредитация в образовании. 2014. № 8 (76). С. 76–77.

Горячев М.Д., Яндукова Т.А. Применение социальных сетей для взаимодействия с семьями учащихся в процессе формирования коммуникативной культуры младших школьников // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.1. С. 72–77.

Иванушкина Е.В., Иванушкина Н.В., Щипова О.В. Представление студентов учреждений среднего профессионального образования о возможности использования социальных сетей в образовательном процессе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9–10 (104). С. 27–30.

Иванушкина Н.В. Исследование влияния информационной потребности на способность к самообразованию студентов СПО // Среднее профессиональное образование. 2017. № 5. С. 34–36.

Коробий Е.Б. Активизации учебно-познавательной деятельности студентов как педагогическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 141–144.

Корнеенко Т.Н. Особенности развития рефлексивной познавательной деятельности студента в образовательном процессе // Вестник ТГПУ. 2017. № 4 (181). С. 71–76.

Котова С.С., Шахматова О.Н. Психологические особенности самоорганизации учебной деятельности

студентов // Научные исследования в образовании. 2007. № 4. С. 91–98.

Моглан Д.В. Образовательное сетевое сообщество как одна из эффективных форм активизации учебно-познавательной деятельности студентов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 4 (208). С. 183–191.

Пашкалян А.А. Социальные сети как образовательный ресурс // Студенческая наука для развития информационного общества. Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2017. С. 79–81.

Раицкая Л.К. Оптимизация учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде // Вестник МГИМО. 2013. № 1 (28). С. 18–21.

Шеффер О.Р. Роль преподавателя в трансформации управления внеаудиторной учебно-познавательной деятельности студентов в самоуправление // Управление в современных системах. 2015. № 3 (7). С. 117–126.

Шильцова Т.А., Мармулева Ю.В. Роль современных информационных технологий в повышении качества учебного процесса // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4–1. С. 281–282.

Щипова О.В. Социально-педагогическое сопровождение образовательного процесса в учреждении среднего профессионального образования: взаимодействие с родителями учащихся // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 3. С. 42–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-3-42-45>.

References

Verkhovaya G.V., Akimov S.V. *Sistema elektronnoy obuchenii na baze interaktivnykh mul'timediinykh uchebno-metodicheskikh kompleksov, integrirovannykh v kibersredu virtual'nykh predpriatii* [The system of e-learning on the basis of interactive multimedia educational and methodical complexes integrated into the cybersecurity of virtual enterprises]. *Nauchnye tekhnologii v kosmicheskikh issledovaniakh Zemli* [High tech in earth space research]. M.: Izdatel'stvo: ООО «Izdatel'skii dom Media publisher», 2017, Vol. 9, no. 3, pp. 55–62 [in Russian].

Gagarin A.V., Raitskaya L.K. *Obrazovanie i razvitie lichnosti v informatsionno-kommunikatsionnoi deiatel'nosti* [Education and personality development in information and communication activities]. *Vestnik MGIMO* [Vestnik MGIMO-Universiteta], 2013, no. 2 (29), pp. 178–182 [in Russian].

Gagarin A.V., Raitskaya L.K. *Razvitie informatsionno-kommunikativnoi kompetentnosti lichnosti v samostoiatel'noi uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti* [Development of information and communication competence of an individual in independent educational and cognitive activity]. In: *Akmeologiya. Spetsial'nyi vypusk po materialam sektsii «Akmeologiya» V S 'ezda RPO* [Acmeology. Special issue on the materials of the section

«Acmeology» of the 5th RPO Congress]. M.: Izd-vo MAAN, 2012, pp. 39–42 [in Russian].

Goryachev M.D., Goryachev M.M., Ivanushkina N.V., Mantulenko V.V. *Sotsial'nye seti kak unikal'nyi obrazovatel'nyi resurs* [Social networks as a unique educational resource]. *Akkreditatsiia v obrazovanii* [Accreditation in education], 2014, no. 8 (76), pp. 76–77 [in Russian].

Goryachev M.D., Yandukova T.A. *Primenenie sotsial'nykh setei dlia vzaimodeistviia s sem'iami uchashchikhsia v protsesse formirovaniia komunikativnoi kul'tury mladshikh shkol'nikov* [Application of social networks for interaction with families of students in the process of formation of communicative culture of junior schoolchildren]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2016, no. 3.1, pp. 72–77 [in Russian].

Ivanushkina E.V., Ivanushkina N.V., Shchipova O.V. *Predstavlenie studentov uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniia o vozmozhnostiakh ispol'zovaniia sotsial'nykh setei v obrazovatel'nom protsesse* [Representation of students of institutions of secondary vocational education about the possibilities of using social networks in the educational process]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 9-10 (104), pp. 27–30 [in Russian].

Ivanushkina N.V. *Issledovanie vliianiia informatsionnoi potrebnosti na sposobnost' k samoobrazovaniuu studentov SPO* [Investigation of influence of the information need on the ability to self-education of students of secondary vocational education]. *Srednee professional'noe obrazovanie* [The Journal of Secondary Vocational Education], 2017, no. 5, pp. 34–36 [in Russian].

Korobiy E.B. *Aktivizatsii uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti studentov kak pedagogicheskaiia problema* [Activization of educational and cognitive activity of students as a pedagogical problem]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development], 2014, no. 3, pp. 141–144 [in Russian].

Korneyenko T.N. *Osobennosti razvitiia refleksivnoi poznavatel'noi deiatel'nosti studenta v obrazovatel'nom protsesse* [Features of the development of reflective cognitive activity of a student in the educational process]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2017, no. 4(181), pp. 71–76 [in Russian]. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-4-71-76

Kotova S.S., Shakhmatova O.N. *Psikhologicheskie osobennosti samoorganizatsii uchebnoi deiatel'nosti*

studentov [Psychological features of self-organization of students' learning activity]. *Nauchnye issledovaniia v obrazovanii* [Scientific research in education], 2007, no. 4, pp. 91–98 [in Russian].

Moglan D.V. *Obrazovatel'noe setevoe soobshchestvo kak odna iz effektivnykh form aktivizatsii uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti studentov* [Educational network community as one of the effective forms of activation of educational and cognitive activity of students]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences], 2014, no. 4 (208), pp. 183–191.

Pashkalyan A.A. *Sotsial'nye seti kak obrazovatel'nyi resurs* [Social networks as an educational resource]. In: *Studencheskaia nauka dlia razvitiia informatsionnogo obshchestva* [Student science for the development of information society]. Stavropol, 2017, pp. 79–81 [in Russian].

Raitskaya L.K. *Optimizatsiia uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti studentov v internet-srede* [Optimization of educational and cognitive activity of students in the Internet environment]. *Vestnik MGIMO* [Vestnik MGIMO-Universiteta], 2013, no. 1 (28), pp. 18–21 [in Russian].

Sheffer O.R. *Rol' prepodavatel'ia v transformatsii upravleniia vneauditornoi uchebno-poznavatel'noi deiatel'nosti studentov v samoupravlenie* [Role of teacher in the transformation of management of out-of-class educational and cognitive activity of students in self-management]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* [Management in modern systems], 2015, no. 3(7), pp. 117–126 [in Russian].

Shil'tsova T.A., Marmuleva Yu.V. *Rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologii v povyshenii kachestva uchebnogo protsessa* [Role of modern information technologies in improving the quality of educational process]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniia* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2017, no. 4–1, pp. 281–282 [in Russian].

Shchipova O.V. *Sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa v uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniia: vzaimodeistvie s roditel'iami uchashchikhsia* [Socio-pedagogical support of the educational process in the establishment of secondary vocational education: interaction with parents of students]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2017, Vol. 23, no. 3, pp. 42–45 [in Russian]. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-3-42-45>.

Я.И. Петрова

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ
СРЕДИ ЖЕНЩИН В СССР В 1920–1930-Е ГГ.**

© *Петрова Ярославна Игоревна* – кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра педагогики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: teach@bk.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-9662-1228>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются гендерные аспекты кампании по ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-е гг. с точки зрения их значимости в общем ходе революционных преобразований в стране. Целью работы является анализ экономических, социальных и политических факторов в ходе кампании по обучению грамоте женщин. Конкретные задачи заключаются в анализе содержания и социальной направленности политики ликвидации неграмотности, выявлении механизмов ее реализации и объективной оценке фактических результатов. Работа построена на эмпирическом материале документов архивных фондов, работ руководителей государства и общественных деятелей, возглавлявших процесс ликвидации неграмотности; законодательных источников, сборников документов и материалов, статистических сборников, материалов периодической печати. При анализе источников были использованы методы историко-педагогического исследования: теоретический междисциплинарный анализ и синтез, метод сравнительного историографического анализа, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-генетический методы, а также общенаучные методы системного и структурно-функционального анализа. В результате исследования была выявлена специфика обучения грамоте женской части населения, заключающаяся в большем удельном весе индивидуальной формы обучения, преодолении социальных и психологических барьеров при обучении, наличии специальных мер социальной поддержки учащихся женщин, организационной помощи в решении социально-бытовых проблем. Показана роль женского движения как важного фактора в процессе обучения грамоте женского населения страны. Новизна и значимость исследования определяются введением в научный оборот фактического материала и изучением проблемы с объективных позиций, свободных от идеологических установок, характерных для предшествующих подходов.

Ключевые слова: кампания по ликвидации неграмотности в СССР в 1920–1930-е годы, гендерные аспекты ликвидации неграмотности, социальные условия ликвидации неграмотности среди женщин, экономические условия ликвидации неграмотности среди женщин, причины ликвидации неграмотности среди женщин в СССР.

Цитирование. Петрова Я.И. Социально-экономические аспекты ликвидации неграмотности среди женщин в СССР в 1920–1930-е гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 81–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-81-87>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-81-87
UDC 37.014.3

Submitted: 11/XII/2017
Accepted: 15/I/2018

Ya.I. Petrova

SOCIO-ECONOMICAL ASPECTS OF WOMEN'S ILLITERACY CAMPAIGN IN THE USSR IN THE 1920–1930

© Petrova Yaroslavna Igorevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Pedagogy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: teach@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9662-1228>

ABSTRACT

The article considers the gender aspects of the illiteracy campaign in the USSR in the 1920-ies-1930-ies from the point of view of their significance in the general course of revolutionary transformations in the country. The research objective is to analyze the economic, social and political factors of women's illiteracy campaign. The research tasks are to analyze the content and social orientation of the policy of illiteracy campaign, to identify the mechanisms for its implementation, and objectively assess the actual results. The work is based on the empirical material of the documents of archival funds, on the works of state leaders and public figures who led the process of illiteracy campaign, based on the legislative sources, on the collections of documents and materials, on the statistical collections, on the periodical press materials. In the analysis of sources, historical and pedagogical research methods were used: theoretical interdisciplinary analysis and synthesis, comparative historiographic analysis, comparative-historical, historical-typological, historical-genetic methods and general scientific methods of systemic and structural-functional analysis. As a result of the research the specifics of women's illiteracy campaign was revealed, which consisted in a greater specific weight of an individual form of education, overcoming social and psychological barriers to education, special measures of social support for female students, and organizational help in solving social and household problems. The role of women's movement as an important factor in the process of literacy of the female population of the country is shown in the article. The novelty and significance of research are determined by the introduction of factual material into the scientific circulation and by researching the problem objective and free from ideological attitudes characteristic of previous approaches.

Key words: illiteracy campaign in the USSR in the 1920–1930, gender aspects of the illiteracy campaign, social conditions for the women's illiteracy, economic conditions for the women's illiteracy, causes for the women's illiteracy campaign in the USSR.

Citation. Petrova Ya.I. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty likvidatsii negramotnosti sredi zhenshchin v SSSR v 1920–1930-e gg. [Socio-economical aspects of women's illiteracy campaign in the USSR in the 1920–1930]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 81–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-81-87>.

Социальные процессы в российском обществе начала XX века делают необходимым обращение к историческому опыту советского периода в самых разных областях общественной жизни, в том числе в сфере образования. 100-летний юбилей революционных событий 1917 года показал нарастающий общественный и научный интерес к радикальным социальным преобразованиям, важнейшее место среди которых занимает беспрецедентная по масштабам и срокам и уникальная по содержанию кампания по ликвидации неграмотности среди взрослого населения СССР, проведенная в период 1920–1930-х годов. Важной составляющей данной кампании была ликвидация неграмотности среди женщин. Выявление и анализ социально-экономических аспектов ликвидации неграмотности среди женского населения СССР в период 1920–1930-х годов являются целью настоящей статьи.

Рассматривая гендерные аспекты массовой кампании по ликвидации неграмотности в Советской России, необходимо отметить высокую степень их со-

циальной значимости в общем ходе революционных преобразований, начатых в стране после октября 1917 года. В первую очередь это было обусловлено тем, что именно женщины, составлявшие, по данным переписи 1897 года, почти 60 % населения страны, имели самый высокий уровень неграмотности по сравнению с другими слоями населения: в некоторых социальных группах этот уровень достигал более чем 90 % [Женщины, с. 88–89].

Не в меньшей степени гендерная актуальность процесса ликвидации неграмотности была связана с экономическими факторами, главным из которых была необходимость вовлечения женского населения страны в активную производственную деятельность. Восстановление разрушенной Гражданской войной экономики и последовавшие затем индустриализация и коллективизация сделали необходимым ускоренное и полномасштабное включение женщин в массовое производство и создание на базе этой социальной группы широкого слоя специалистов и квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хо-

зайства. Вместе с тем в России в первые десятилетия XX века удельный вес женщин, занятых в промышленном производстве, был невысок и колебался от 30 до 35 % [Каплун, с. 6]. Квалификация труда женщин в промышленности была низкой: в основном они были заняты в качестве чернорабочих и подмастерьев.

Первая мировая война и последовавшие за ней социальные потрясения коренным образом изменили патриархальную модель российской семьи, в первую очередь за счет разрушения ее экономической основы. Если до Первой мировой войны главным кормильцем семьи был мужчина, то в послевоенный период, в годы революции и Гражданской войны эта роль все в большей степени переходит к женщине: нужда, голод, а часто и потеря кормильца заставляли женщин искать работу и обращаться на биржу труда. При отсутствии какой-либо квалификации и минимальных профессиональных навыков получить работу было сложно. Значительное число женщин оставались зарегистрированными на бирже в течение долгого времени, причем без права получения пособия по безработице, поскольку отсутствие работы не было связано с увольнением по сокращению или с закрытием предприятий.

Острый недостаток рабочей силы, существовавший в стране до начала новой экономической политики, с середины 1921 года сменился ростом безработицы в связи с сокращением государственного сектора в промышленности и значительным уменьшением штатов государственных учреждений и организаций. Этому способствовали также начавшаяся по окончании Гражданской войны демобилизация трудоспособных мужчин из армии и приток сельского населения в города в связи с неурожаем 1921 года в целом ряде губерний и областей. В большей степени от этого пострадали женщины, о чем свидетельствуют данные статистики за 1921–1922 годы: к концу 1921 года в 12 губерниях среди безработных было 37 818 мужчин и 60 975 женщин; в начале 1922 года в Москве из 1873 человек, получивших пособие по безработице, было 765 женщин; в Самарской губернии на 1 апреля 1928 года из 43 240 безработных было 14 040 женщин [Араловец, с. 54]. Наибольший удельный вес женщин был среди самой многочисленной категории безработных — лиц, не имевших какой-либо квалификации, которые составляли 60 % от общего числа безработных в стране [Годы и события, с. 27].

Тем не менее на протяжении восстановительного периода и реализации новой экономической политики в первой половине 1920-х годов степень включенности женщин в промышленное производство постепенно нарастала и к середине 1920-х годов составляла 27,8 %, а в отдельных отраслях доходила до 35 %. Только за первый год нэпа общее число женщин на производстве выросло на 1,3 %, в текстильной промышленности — в два раза, значительный рост женской занятости происходил в пищевой и горнодобывающей промышленности, а также на железнодорожном и водном транспорте [Николаева, с. 22].

Процесс вовлечения женщин в промышленное производство приобрел новые скорости и масштабы после провозглашения курса на индустриализацию в декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б), поскольку женский труд являлся значимым резервом для ее успешного осуществления. 1 марта 1926 года было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и

крестьянок», где в общегосударственном масштабе была поставлена задача не только более широкого использования женского труда во всех отраслях экономики, но и обязательного повышения его квалификации. В документе была дана высокая оценка действовавших в промышленно развитых центрах комиссий по изучению женского труда и была поставлена задача создания подобных комиссий во всех регионах страны, особенно в восточных районах, где приходилось в комплексе решать сложнейшие задачи создания промышленности и вовлечения женщин в производство, ломая многовековые патриархальные и религиозные стереотипы [Директивы ВКП(б)..., с. 330–333].

Период осуществления двух первых пятилетних планов развития страны, с 1928 по 1937 год стал временем массового вовлечения значительной части женского населения в растущее промышленное производство. Этот процесс был возможен только на основе преодоления культурно-технической отсталости женщин, что в свою очередь требовало ускоренного обучения их грамоте. Государственные планы по ликвидации неграмотности среди женщин предусматривали первоочередное обучение работниц промышленных предприятий как важнейшей по социальной и экономической значимости категории.

Организация обучения была возложена на руководство предприятий, партийные и профсоюзные организации, которые осуществляли ее совместно с органами ликбеза. Школы для малограмотных и ликпункты, то есть пункты по ликвидации неграмотности, создавались непосредственно на предприятиях, чтобы обучение происходило без отрыва от производства. На крупных заводах и фабриках обучение строилось по цеховому и сменному принципу, чтобы не допустить нарушения производственного цикла.

В годы первой пятилетки, с 1928 по 1932 год, полномасштабное обучение грамоте женского населения было развернуто во всех регионах страны. Общее руководство кампанией, ее планирование и корректировку осуществляли партийные органы. В Средне-Волжской области, например, 31 мая 1929 года было принято специальное постановление областного комитета ВКП(б), где были представлены основные положения конкретного плана по региону по ликвидации неграмотности в целом. В самостоятельную часть плана были выделены задачи по обучению грамоте женщин. Главной из них, как указывалось в документе, было привлечение в школы для малограмотных и пункты по ликвидации неграмотности «максимального количества женщин-работниц, крестьянок и жен рабочих, домашних хозяек, в особенности женского актива советских, профессиональных и кооперативных органов» [Директивы ВКП(б)..., с. 390]. Важной частью организационно-практической стороны кампании было создание адаптированной и комфортной системы обучения для женщин, имеющих семью, поскольку именно они составляли основную часть контингента неграмотных среди этой социальной группы. Создаваемая в регионах система школ и ликпунктов максимально приспособлялась к конкретным бытовым условиям женщин: обучение проводилось по месту жительства (например, в общежитиях и жилищно-арендных кооперативных товариществах — ЖАКТах), время занятий строго соответствовало графикам рабочих смен на промышленных предприятиях.

Успешное решение задач по ликвидации неграмотности среди женщин было невозможно без созда-

ния системы социальной и организационной помощи обучающимся, которая позволяла бы успешно сочетать большие производственные нагрузки, тяжелый домашний труд, в том числе уход за детьми, с ускоренным обучением грамоте. Для этой цели при школах и ликпунктах была создана широкая сеть яслей и детских комнат, что позволяло женщинам приходить на занятия с детьми и на время уроков оставлять их под присмотром воспитателей. К работе в детских комнатах в качестве воспитателей широко привлекался молодежный актив – члены комсомольских и пионерских организаций. Так, например, в Саратове в 1928–1929 годах было организовано 40 детских комнат на 650 детей [Костикова, с. 170].

Наиболее сложным был процесс ликвидации неграмотности среди женской части крестьянского населения страны. Женщины-крестьянки были самой большой по численности и наименее грамотной социальной группой. Данные переписи 1926 года, проведенной в европейской части страны, показывают, что среди сельских женщин уровень неграмотности в возрастной группе от 16 до 35 лет достигал 53 %, а в группе от 35 до 50 лет составлял почти 80 %. К началу 1930-х годов статистика по отдельным регионам дает примерно ту же картину: в Средне-Волжском крае, например, женщины составляли 60 % от общего числа неграмотного населения, а в отдельных районах неграмотность женщин достигала 80 % [Орлов, с. 40].

С 1927 года, после провозглашения XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию, начался процесс радикальных преобразований в сельском хозяйстве страны. Это потребовало привлечения и более интенсивного использования всех людских ресурсов села, значительную часть которых составляло женское население. Женщины должны были стать активной социальной силой в процессе создания нового сельскохозяйственного уклада, а это было невозможно при сохранении существующего уровня неграмотности. Руководством страны перед Главполитпросветом как главным центром культурно-просветительной и политико-идеологической работы была поставлена задача принятия «чрезвычайных мер в области культурного строительства в колхозах» для успешной реализации политики коллективизации в сельском хозяйстве страны [Луначарский, с. 62]. Важная роль в решении этой задачи отводилась ликвидации неграмотности среди женского населения сельских районов.

Острая необходимость ликвидации неграмотности среди женщин неоднократно обсуждалась на региональном уровне, в частности на регулярно проводимых областных и краевых конференциях колхозниц, призванных не только создать и закрепить политически активное ядро женского движения на селе, но и распространить его влияние на все слои женской части крестьянства. 6 марта 1930 года в обращении Округного исполнительного комитета к Первой Самарской Округной конференции колхозниц указывалось: «Чтобы вести сельское хозяйство на культурных началах, требуются известные знания, грамотность, постарайтесь ликвидировать свою неграмотность, агро-неграмотность, не отставайте от мужчин, идите на районные и сельские агрокурсы» (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 301. Л. 44). Все участницы конференции

поддержали это обращение и говорили в своих выступлениях о том, как трудно работать в колхозе, не умея читать, писать и считать.

Ускоренное обучение грамоте женщин в сельских районах потребовало разработки и реализации мер социальной и организационной поддержки, в результате чего была создана система обучения, максимально адаптированная к условиям сельскохозяйственного производства и специфическим бытовым условиям женщин-крестьянок. Так же как и в городе, в сельских районах были созданы детские комнаты и ясли, обслуживаемые коллективами воспитателей из числа комсомольского и пионерского актива. По сравнению с городом, в селах значительную роль играло широко развернутое обучение крестьянок на дому, поскольку домашнее хозяйство часто не позволяло женщине отлучаться из дома даже на короткое время занятий. Однако, несмотря на все усилия партийных и советских органов, а также многочисленных общественных организаций, в сельских районах страны работа по ликвидации неграмотности среди женщин осуществлялась с большими сложностями, поскольку приходилось решать не только многочисленные материальные и организационные проблемы, но и преодолевать активное социальное сопротивление консервативного и патриархального сельского населения, ломать вековой жизненный уклад и архаичные стереотипы сознания.

Документы, отложившиеся в архивных фондах, красноречиво свидетельствуют о том, как сложно шел процесс ликвидации неграмотности среди женской части крестьянства. Выступая на собрании, жительница Шенталинской волости Самарской губернии Щербакова, например, говорила: «Работы с женщинами у нас никакой не ведется... Органы Отдела народного образования чрезвычайно плохо руководят. Работать нам чрезвычайно трудно, председатель сельсовета все время грозит нам тюрьмой» (ЦГАСО. Ф. 779. Оп. 2. Д. 2006. Л. 52). Характерны в этом отношении и высказывания участниц Первой Округной конференции колхозниц Самарского округа. Колхозница Кондратьева выражала недовольство: «Почему до сих пор в деревни мало посылают учителей? <...> Для женщин нужно организовать детские комнаты, чтобы можно было учиться». Колхозница Мамаева заявила: «Учиться нужно, но нужно дать условия на учебу. Я вот... учиться хочу, так как мне только 30 лет». Участница конференции Ардаева высказалась: «Вот я не согласна с тем, чтобы нам все было трудно. Нужно будет самим стараться и помогать Советам» (ЦГАСО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 301. Л. 28).

Обучение грамоте крестьянок рассматривалось не только как социально-экономическая необходимость, но и как важнейшая политическая задача, на решение которой была направлена вся мощь советской агитационно-пропагандистской машины. В периодической печати регулярно публиковались политико-просветительные материалы, предназначенные специально для сельских женщин. Главным периодическим изданием, освещавшим и во многом организовывавшим процесс обучения женщин на селе, был созданный в 1922 году журнал «Крестьянка». На его страницах публиковались многочисленные политико-просветительные и агитационно-пропагандистские материалы

(например, статьи «О значении Октябрьской революции», «Что дала крестьянке Октябрьская революция», «Что такое трактор», «Брак и крестьянка», «Для чего нужны делегатские собрания в деревне», «Как организовать культурно-просветительную работу» и др.). Чрезвычайно важное практическое значение имела публикация в журнале методических материалов для организации обучения сельских женщин: поурочные планы занятий, буквари и азбуки с сельской тематикой, специальные тексты для чтения и т. д.

Большое значение ликвидация неграмотности имела для повышения социальной роли женщины и активизации ее участия в радикальных социальных преобразованиях, осуществляемых в стране в период 1920–1930-х годов. Равноправие женщин было провозглашено официальной задачей государства, а ликвидация неграмотности рассматривалась властью как неперемennое условие ее решения. Обучение женщин грамоте и последующее превращение их в квалифицированных работников рассматривались большевиками как единственно возможная первооснова и главное условие достижения социального равенства женщины с мужчиной. Вовлечение женской части населения в общественное производство было не только способом достижения экономического роста, но и главным средством преодоления социальной отсталости и реального раскрепощения женщин.

Обучение женщин с самого начала кампании по ликвидации неграмотности было неразрывно связано с развитием женского движения в стране, которое к 1917 году уже имело свою историю и некоторый опыт. В начале XX века в России была создана первая женская общественная организация «Русское женское взаимно-благотворительное общество»; в 1908 году был проведен Первый Всероссийский женский съезд, собравший более тысячи делегатов; с 1913 года в России стал отмечаться Международный женский день, с 1914 года началось издание журнала «Работница», в редакцию которого входили Н.К. Крупская, И.Ф. Арманд, А.И. Елизарова-Ульянова. В августе 1917 года при Московском областном бюро РСДРП(б) была создана специальная комиссия по работе среди женщин [Айвазова, с. 92]. С момента своего возникновения женское движение в качестве одной из главных своих задач рассматривало ликвидацию женской неграмотности в стране.

Основные направления и содержание женского движения в период 1920–1930-х годов определялись, с одной стороны, программными положениями большевиков, с другой — масштабом и глубиной осуществляемых социальных преобразований. В программных документах партии большевиков и в работах лидеров коммунистического движения «женский вопрос», то есть проблема изменения социального положения женщины, занимал значительное место. В этой сфере были запланированы преобразования не менее радикальные, чем в остальных сферах общественной жизни.

Одним из основных положений марксизма в отношении положения женщин было признание дискриминации и ущемления прав женщин даже в самых демократических буржуазных обществах. Достижение реального социального равноправия женщин, по мнению большевиков, было возможно только после осу-

ществления социалистической революции и уничтожения капиталистической эксплуатации.

Радикальная реконструкция всего общества с неизбежностью распространялась и на систему гендерных отношений, преобразование которой в новом социалистическом обществе включало следующие основные направления. Во-первых, мужчины и женщины должны были быть уравнены в политических и социальных правах, а буржуазная семья, являвшаяся, по мнению большевиков, «эгоистической и замкнутой», должна была прекратить свое существование, уступив место свободному союзу мужчины и женщины. Во-вторых, женщина должна была трудиться в общественном производстве наравне с мужчиной, домашнее хозяйство упразднилось, материнство в качестве гарантии социального равенства должно было превратиться из частного дела отдельной женщины в общественную задачу путем создания государственной системы содержания и воспитания детей. В-третьих, двойная мораль, характеризовавшая отношения мужчины и женщины в буржуазном обществе, в результате перевоспитания мужчин и женщин должна была уступить место новым отношениям солидарности трудящихся индивидов разного пола. Большевики, по мнению многих исследователей, в том числе зарубежных, стали первой в истории правящей партией, которая создавала новое общество, реформируя базовые человеческие отношения — социальные отношения между полами [Woods].

Установка на достижение реального равенства и свободы женщин была одной из главных в программе строительства нового социалистического общества с октября 1917 года. Период радикальных коммунистических преобразований в этой сфере пришелся на 1920-е годы, после того как была завершена Гражданская война и социалистическое строительство стало осуществляться в мирных условиях.

Идейные установки большевиков по радикальному реформированию социальных отношений между полами были реализованы в советском законодательстве в первые десятилетия советской власти. Уже в ноябре 1917 года законодательно было закреплено освобождение женщин от каких-либо ограничений в отношении детей и имущества при расторжении брака. Женщинам было предоставлено право на свободный выбор профессии, места жительства, равное с мужчинами право на получение образования и, что особенно важно, право на равную оплату труда. Декреты, принятые в декабре 1917 года, закрепили предоставление женщинам всей полноты гражданских прав и свобод, что окончательно уравнило их с мужчинами перед лицом закона.

Одновременно с реализацией идейных установок большевиков по женскому вопросу в законодательстве была начата работа по организационному оформлению женского движения. С осени 1918 года по инициативе И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай и К.Н. Самойловой началась подготовка к Первому Всероссийскому съезду работниц и крестьянок, который должен был определить направления и содержание женского движения в новых общественно-политических условиях. Уже сама подготовительная работа вызвала всплеск общественной активности женщин. На предприятиях страны проводились собрания и митинги в

поддержку предстоящего съезда, в крупных городах на женских конференциях была представлена и обсуждена его программа.

Первый Всероссийский съезд рабочих и крестьянок проходил с 16 по 21 ноября 1918 года. В его работе участвовало 1147 делегатов, представлявших почти все губернии России. 10 % участниц съезда были делегированы из сельской местности [Советская женщина..., с. 9]. Съезд стал мощным идейным стимулом к активизации женской инициативы во всех регионах страны, однако его решения во многом имели декларативный характер и не разъясняли конкретных механизмов реализации принятых решений, значительная часть которых в условиях гражданской войны была практически неосуществима. Несмотря на это, для реализации решений съезда была создана специальная Комиссия по агитации и пропаганде среди рабочих. Соответствующая резолюция гласила: «Закрепить работу съезда, создать при партии, как в центре, так и на местах, такой технический аппарат комиссий по агитации и пропаганде среди рабочих, при помощи которого наша партия могла бы пробудить сознание наиболее отсталых женских рабочих масс и вовлечь их в политическую борьбу за полное торжество коммунизма» [Емельянова, с. 31].

Дальнейшее развитие идеология женского движения получила в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии в 1919 году. В тексте Программы указывалось, что «партия не ограничивается признанием формального равноправия женщин по закону, а стремится осуществить его на деле, освободив женщин от тягот домашнего хозяйства и вовлекая их во все сферы жизни нового общества». Партия гарантировала также государственную охрану материнства и детства [КПСС в резолюциях..., с. 83]. В дальнейшем, на протяжении всего периода 1920–1930-х годов, вопросы женского движения регулярно рассматривались на съездах партии.

Главной организационной формой женского движения стали женские отделы, сокращенно именовавшиеся женотделами. В 1919 году они были созданы при центральных и местных партийных органах. Это было институциональным подкреплением политики партии в отношении женщин как социальной группы. Принадлежность женотделов к аппарату партии давала возможность влиять на властные органы и структуры, связанные с положением женщин в обществе и на производстве [Дубинина, с. 18]. Работу первого женского отдела ЦК РКП(б) в 1919 году организовали И. Арманд и А. Коллонтай, С. Смилович и К. Николаева, М. Голубева и Л. Менжинская [Мокиенко, с. 188–189]. Женотделы создавались также при центральных и местных советских органах, а также при многочисленных общественных организациях. Они просуществовали до 1929 года и сыграли значительную роль в решении женского вопроса в России, в том числе в ликвидации неграмотности среди женщин.

Важнейшей задачей женотделов было вовлечение женщин в производство, прежде всего промышленное. При этом женотделы исходили из положений марксизма о том, что «первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества» [Энгельс, с. 77], что «коммунизм, постепенно вытесняя и поглощая единоличное домашнее хозяйство, заменяя

его домами-коммунами, общественным питанием, освобождает женские силы от непроизводительного труда в доме и, наоборот, обогащает народное хозяйство свежим притоком рабочих рук женщин» [Коллонтай, с. 261].

В годы Гражданской войны женотделы выступали организаторами привлечения женщин к выполнению трудовой повинности, обязательной для женщин от 16 до 40 лет. Она рассматривалась не только как вынужденный шаг, но и как ступень к воспитанию в широких женских массах сознания необходимости общественного труда. Ко всем видам трудовой повинности в 1920 году было привлечено несколько миллионов женщин.

Важными направлениями деятельности женотделов были привлечение рабочих к управлению, усиление внимания профсоюзов к работе среди женщин, вопросы организации женского труда и повышения степени его квалифицированности, проблемы реального учета труда рабочих, регулирование условий труда, выработка тарифных ставок и в особенности охрана труда. Одним из ключевых направлений в работе женских отделов и женских комиссий при Советах и партийных организациях была ликвидация неграмотности среди женского населения страны и всемерное развитие женского образования всех ступеней.

Существенная роль женского движения в осуществлении социальных и экономических преобразований в стране потребовала обучить грамоте прежде всего эту наиболее активную часть женского населения. Первоочередному обучению подлежал так называемый женский актив, куда входили коммунистки, комсомолки, делегатки, члены Советов всех уровней, фабрично-заводских комитетов, правлений кооперации. Обучившись грамоте, эти женщины должны были стать активно действующим субъектом кампании. Эта задача была поставлена еще на первом этапе кампании, на II Всероссийском съезде по ликвидации неграмотности в мае 1923 года, однако к концу 1920-х годов она все еще была далека от своего решения.

Вопрос о скорейшей ликвидации неграмотности среди женского актива стоял очень остро, поскольку даже этот передовой слой женщин наполовину был неграмотен. Так, в Краснопресненском районе Москвы из 2865 делегатов «хорошо грамотных», как писала газета «Коммунистка», было только 45,3 %, малограмотных – 46,4 % и неграмотных – 8,3 %. На курсах парторганизаторов-работниц в 1925 году в группе активисток города Иваново-Вознесенска, средний возраст которых составлял 20–30 лет, из 40 человек среднего образования имели всего 2 женщины, четырехклассное – только одна, низшее – 20 человек, 17 женщин не имели никакого образования, но освоили грамоту самостоятельно [Шакулова, с. 91].

Для решения проблемы грамотности активисток женского движения была создана особая сеть пунктов ликбеза при женских делегатских собраниях. В этих школах на основе широкого применения индивидуального и группового обучения женщины не только овладевали грамотой, но и получали определенные профессиональные навыки, необходимые для ведения общественной работы.

Значительное увеличение количества женщин в органах власти, прежде всего местных, поставило перед этими органами задачу скорейшего вовлечения женщин в практическую работу, что было невозможно без освоения грамоты. Для этого предлагалось рас-

ширить работу различных секций Советов, периодически проводить центральные и местные курсы советского актива и краткосрочные курсы совещаний для всех членов Советов женщин, на которых женщины могли овладеть основами советского строительства.

Таким образом, ликвидация неграмотности среди женщин была в значительной степени продиктована экономической необходимостью, поскольку женщины составляли значительную часть трудоспособного населения и без их участия в производстве невозможно было осуществить форсированную индустриализацию страны и создать эффективное сельскохозяйственное производство. Одновременно ликвидация неграмотности среди женщин рассматривалась как необходимый этап в решении одной из важнейших задач построения нового общества – достижения реального равенства женщин и превращении их в активную социальную силу. Решение этой задачи осуществлялось через развитие женского движения и создание женских организаций, которые стали важным звеном в системе обучения грамоте женского населения страны.

Библиографический список

- Woods A. What the Russian Revolution achieved and why it degenerated (2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bolshevik.info/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm> (дата обращения: 31.01.2017).
- Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М.: РИК Русанова, 1998.
- Араловец Н.И. Женский труд в промышленности СССР. М.: Профиздат, 1954.
- Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). Т. 2. 1921–2000 гг. Самара: Б. и., 2000.
- Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л.: ОГИЗ, 1931.
- Дубинина Н.И. Победа великого Октября и первые мероприятия партии в решении женского вопроса // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981.
- Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Смоленск: Изд-во агентства печати «Новости», 1971.
- Женщины в СССР. Статистический сборник. М., 1975.
- Каплун С. Современные проблемы женского труда и быта. М.: Вопросы труда, 1925.
- Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972.
- Костикова Е.А. Советская политика ликвидации неграмотности в 20-е – середине 30-х гг. XX века (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970.
- Луначарский А., Крупская Н. Народное образование и женщина-общественница. М.; Л.: Госиздат, 1928.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Николаева К. РКП и работа среди трудящихся женщин. Л., 1925.
- Орлов Ф.Г. За всеобщую грамотность. Самара: Б. и., 1930.
- Советская женщина. Труд, материнство, семья. М.: Профиздат, 1987.
- Шакулова В.С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986.

References

- Woods A. What the Russian Revolution achieved and why it degenerated (2017). Available at: <https://www.bolshevik.info/what-the-russian-revolution-achieved-and-why-it-degenerated.htm> (accessed: 31.01.2018) [in English].
- Ayvazova S.G. *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopravii. Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy* [Russian women in the labyrinth of equality. Essays on political theory and history. Documentary materials]. M.: RIK Rusanova, 1998 [in Russian].
- Aralovets N.I. *Zhenskii trud v promyshlennosti SSSR* [Female labor in the industry of the USSR]. M.: Profizdat, 1954 [in Russian].
- Gody i sobytiia. Khronika (k 150-letiiu Samarskoi gubernii). T. 2. 1921–2000 gg.* [Years and events. Chronicle (on the 150th anniversary of the Samara province). Vol. 2. 1921–2000]. Samara: B.i., 2000 [in Russian].
- Direktivы VKP(b) po voprosam prosveshcheniia* [The VKP (b) Directive on Education]. M.; L.: OGIZ, 1931 [in Russian].
- Dubinina N.I. *Pobeda velikogo Oktiabria i pervye meropriiatiia partii v reshenii zhenskogo voprosa* [Victory of the great October Revolution and the first activities of the party in the solution of the women's question]. In: *Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa* [Experience of the CPSU in solving the women's issue]. M.: Mysl', 1981 [in Russian].
- Emelyanova E.D. *Revoliutsiia, partiia, zhenshchina* [Revolution, party, woman]. Smolensk: Izd-vo agentstva pechati «Novosti», 1971 [in Russian].
- Zhenshchiny v SSSR. Statisticheskii sbornik* [Women in the USSR. Statistical compilation]. M., 1975 [in Russian].
- Kaplun S. *Sovremennye problemy zhenskogo truda i byta* [Modern problems of women's work and life]. M.: Voprosy truda, 1925 [in Russian].
- Kollontay A.M. *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. M.: Politizdat, 1972 [in Russian].
- Kostikova E.A. *Sovetskaia politika likvidatsii negramotnosti v 20-e – seredine 30-kh gg. XX veka (na materialakh Nizhnego Povolzh'ia): dis. ... kand. ist. nauk* [Soviet policy of eliminating illiteracy in the 20-ies – mid-30-ies of the XX century (on the materials of the Lower Volga Region). Candidate's of Historical Sciences thesis]. Saratov, 2005 [in Russian].
- KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. T. 2. 1917–1924* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Vol. 2. 1917–1924]. M.: Politizdat, 1970 [in Russian].
- Lunacharsky A., Krupskaya N. *Narodnoe obrazovanie i zhenshchina-obshchestvennitsa* [Public education and social woman]. M.; L.: Gosizdat, 1928 [in Russian].
- Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyi slovar' iazyka sovdepii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. SPb.: Folio-Press, 1998 [in Russian].
- Nikolaeva K. *RKP i rabota sredi trudiashchikhsia zhenshchin* [Russian Communist Party and work among working women]. L., 1925 [in Russian].
- Orlov F.G. *Za vseobshchuiu gramotnost'* [For universal literacy]. Samara: B.i., 1930 [in Russian].
- Sovetskaia zhenshchina. Trud, materinstvo, sem'ia* [Soviet woman. Labor, motherhood, family]. M.: Profizdat, 1987 [in Russian].
- Shakulova V.S. *Kul'turnaia revoliutsiia i zhenskii vopros* [Cultural revolution and the women's question]. In: *Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa* [Experience of the CPSU in solving the women's issue]. M.: Mysl', 1981 [in Russian].
- Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva* [Origin of family, private property and the state]. In: Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniia. V 3 t. T. 3* [Selected works. In 3 Vols. Vol. 3]. M.: Politizdat, 1986 [in Russian].

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92
УДК 821.161

Дата поступления статьи: 23/1/2018
Дата принятия статьи: 22/II/2018

И.А. Алмакаева

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕГО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И РОМАН «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» В ОЦЕНКЕ Н.О. ЛОССКОГО
(К ВОПРОСУ О КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ БЫТИЯ)**

© Алмакаева Ирина Александровна – научный сотрудник, учитель высшей категории, руководитель кафедры филологии, Многопрофильный лицей (МБОУ МПЛ), 443506, Российская Федерация, г. Димитровград, ул. Курчатова, 8.

E-mail: sotisisida@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-0069-3487>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме антропологических представлений позднего Ф.М. Достоевского. Усматривается созвучие положений теонормной этики Н.О. Лосского и православной концепции человека в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», ставится вопрос о конечной цели бытия, показывается антиномичность существа человека в стремлении к абсолюту, выраженная в том, что он сам – носитель двух этических полюсов – и зла, и добра, он может стремиться к абсолюту и в то же время ненавидеть его.

Для понимания концепции и образного ряда романа «Братья Карамазовы» особенно важны выводы, которые делает на основе своей этической системы Н.О. Лосский: существо такого демонического порядка в принципе не может существовать, так как даже оно сотворено Создателем, вследствие чего его ненависть к Богу и всему сотворенному должна стать и ненавистью к себе самому как части сотворенного. У сотворенных всех существ конечным идеалом является абсолютная полнота жизни. Борьба против Создателя и зло, вносимое в мир вследствие этого, есть всего лишь следствие гордыни. Вступающий на этот путь оказывается в ловушке противоречий, что ведет к разочарованиям и трагедиям. Неизбежно возвращение на путь добра даже самого главного носителя зла, приходит к заключению философ. В христианской этике такой комплекс идей определен как апокатастасис. Отсюда следует вывод о невозможности конечного воцарения абсолютного зла.

Решение проблемы человека не только в реальном, но и в метафизическом плане определяется через образную систему романа. Выводы писателя конструктивны. На этом пути герои Достоевского достигают определенных, хотя и различных результатов. Возможность победы на этом пути подтверждает пример Святых и Угодников, на которых ссылается Н.О. Лосский.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, православие, христианская антропология, стремление к абсолюту, антиномичность, теонормная этика, онтологический, конечность бытия, роман, образный ряд, пространственно-временной континуум, полнота жизни.

Цитирование. Алмакаева И.А. Антропологическая концепция позднего Ф.М. Достоевского и роман «Братья Карамазовы» в оценке Н.О. Лосского (к вопросу о конечной цели бытия) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 88–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92
UDC 821.161Submitted: 23/I/2018
Accepted: 22/II/2018

I.A. Almakava

**ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF LATE F.M. DOSTOEVSKY
AND THE NOVEL «THE BROTHERS KARAMAZOV» IN THE ESTIMATION OF N.O. LOSSKY
(ON THE ISSUE OF THE ULTIMATE GOAL OF BEING)**

© *Almakava Irina Alexandrovna* – research worker, top-rank teacher, head of the Department of Philology, MBOU MPL (multi-profile lyceum), 8, Kurchatova Street, Dimitrovgrad, 443506, Russian Federation.
E-mail: sotisisida@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-3487>

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of anthropological presentation of late F.M. Dostoevsky. The consonance of provisions of theonomous ethics of N.O. Lossky and the Orthodox conception of man in F.M. Dostoyevsky's novel «The Brothers Karamazov» is traced, the question of ultimate goal of being is posed, the antinomy of the being of man in the striving for the absolute is shown, expressed in that he himself is the carrier of two ethical poles – both evil and good, he can strive for the absolute and at the same time hate it.

For the understanding of the concept and imagery of the novel «The Brothers Karamazov» the conclusions that are made on the basis of this ethical system N.O. Lossky are most important: the creature of such a demonic way in principle can't exist because even it is created by the God the Creator, thereby his hatred to the God and all that is created must become hatred to itself as a part of the created. In all the created beings, the ultimate completeness of life is the ultimate ideal. The struggle against the Creator and the evil brought into the world as a result of this is only a consequence of pride. The one who enters this path is trapped in contradictions, which lead to disappointments and tragedies. Inevitably, the return to the path of good is even the most important carrier of evil, the philosopher concludes. In Christian ethics such complex of ideas is defined as apokatastasis. Hence follows the conclusion about the impossibility of ultimate accession of absolute evil.

The solution of the human problem not only in the real, but also in the metaphysical plan is determined through the figurative system of the novel. The writer's conclusions are constructive. On this path the heroes of Dostoevsky achieve certain, albeit different, results. The possibility of victory along this path is confirmed by the example of the Holy men and Saints, to which N.O. Lossky refers.

Key words: F.M. Dostoevsky, N.O. Lossky, L.P. Karsavin, Orthodoxy, Christian anthropology, striving for the absolute, antinomy, theonomous ethics, ontological, finiteness of being, novel, figurative series, space-time continuum, completeness of life.

Citation. Almakava I.A. Antropologicheskaiia kontseptsiaia pozdnego F.M. Dostoevskogo i roman «Brat'ia Karamazovy» v otsenke N.O. Losskogo (k voprosu o konechnoi tseli bytiia) [Anthropological concept of late F.M. Dostoevsky and the novel «The Brothers Karamazov» in the estimation of N.O. Lossky (on the issue of the ultimate goal of being)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 88–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92>.

Лишь в поздний период творчества окончательно складывается представление Ф.М. Достоевского о человеке в онтологическом плане. Образная система его поздних романов, входящих в «пятикнижие», построена на основе антропологических и этических представлений писателя, согласно которым человек – существо антиномичное, дипольное, которое находится в течение жизни в постоянном внутреннем борении и колебании между полюсами добра и зла [Бахтин; Бердяев]. Два полюса присутствуют как в каждом герое Достоевского, так и в системе образов последнего романа писателя «Братья Карамазовы». Это полюса абсолютного добра и абсолютного зла, своего рода бинарная оппозиция. Православный философ Н.О. Лосский, создавая свою этическую систему, не случайно обращается за примерами и доказа-

тельствами к романному творчеству Ф.М. Достоевского [Лосский, 1994]. Существует несомненное созвучие в представлениях о добре и зле этих мыслителей. Христианская православная основа этики Лосского созвучна нравственно-этической проблематике романов Достоевского, которые именно по этой причине послужили эмпирической базой его философских размышлений о сути добра и зла. Тенденция рассмотрения романного творчества Ф.М. Достоевского в свете этики православного христианства, намечившаяся в последние годы [Бурова; Котельников; Соколова; Шакуров], делает особенно ценными выводы и умозаключения Н.О. Лосского. Основные положения его этики помогают на новом уровне рассмотреть образную систему и идейно-художественный замысел романа «Братья Карамазовы». Этические взгляды Лосского изло-

жены в его работе «Условия абсолютного добра: основы этики». Непосредственно о романах Достоевского говорится в главе второй: «Идеал абсолютного совершенства», главе пятой: «Множественность кодексов морали и единство нравственности». Философ понимает этику как науку о категориях добра и зла в их проявлении в конкретной жизни человека. Им поставлен вопрос о конечной цели бытия человека, связанный с вопросом о его сознательном стремлении к тому или иному нравственному полюсу. Этика абсолютного добра возможна только при условии свободного выбора каждым субъектом цели своего жизненного пути как нравственного стремления к абсолютным ценностям, то есть таким, которые имеют характер добра для всех и каждого. Свое этическое учение он называет теонимной (заповеданной Богом) этикой любви и противопоставляет его относительной этике позитивизма, особенно же – натуралистическому эволюционизму Г. Спенсера, основы которого изложены в работе «Основания этики». Последовательная критика философии Спенсера развернута в одном из разделов второй главы работы Лосского «Условия абсолютного добра»: «Критика натуралистического эволюционизма этики Спенсера».

В теонимной этике абсолютные ценности признаны априори реально существующими, следовательно, человек не может не считаться с их наличием, что оказывает регулирующее воздействие на его жизненную позицию и поведенческие реакции. Тот или иной уровень нравственности поведения человека определяется в соответствии с его нравственным и религиозным опытом. Опыт религиозный утверждает факт существования Бога как абсолютной ценности и высшего объекта любви человека. Нравственный опыт, голос совести обуславливают признание абсолютного идеала. Как следствие, человек начинает осознавать свою миссию, ощущать свое высшее предназначение, заключающееся в стремлении к достижению нравственного абсолютного идеала. При этом следует различать стремление к абсолютному и саму возможность его достижения. Для обычного человека, живущего светской жизнью в эмпирическом мире, речь не может идти о его достижении, но для православного верующего возможно к этому в той или иной степени успешно приблизиться. Конечный же смысл подлинно нравственного поведения человека – именно в стремлении к абсолютной полноте бытия в Боге, что определяется в православной этике как «обожение». В Разделе «Бог и обожение твари» Лосский дает определение: «Сверхмировое начало не безлично, а сверхлично. Отсюда следует, что личное бытие доступно ему, однако, если оно принимает форму личного бытия, оно не может быть исчерпано личным бытием» [Лосский, 1991, с. 35].

При наличии абсолютного добра неизбежно должен существовать и полюс абсолютного зла, которое в метафизическом плане понимается как нарушение установленного свыше порядка вещей, разрушение установленной иерархии ценностей бытия. В таком случае обаянный эгоизмом и гордыней человек на первое место в системе ценностей ставит самого себя, любит себя более всего, следствием чего становится отпадение от Бога – высшего абсолютного центра добра. Правильное же соотношение ценностей состоит в том, чтобы более всего любить абсолютное добро, выраженное в образе Бога, затем любить всех людей, как самого себя. Отпадение от абсолютного добра влечет

за собой распад и разделение всех существ и распад мирового бытия. При этом возникают различные формы производного зла. Человек оказывается во власти противоречий, он негармоничен, несчастлив. Не случайно личность вероотступников отмечена душевным несовершенством и страданием. Теонимная этика Лосского ставит вопрос о возможности победы в мире абсолютного зла, которое творится даже не ради блага индивида, что еще может быть понято, а ради самого зла и тем самым не имеет какого-то логического обоснования. Такое зло названо им «сатанинским». Носителем такого зла может быть только существо, ненавидящее Бога и Царствие Божье, а также все, что ведет к Нему. В своей ненависти это существо начинает бороться против Бога и всех желающих ступить на путь Божий. Абсолютное зло имеет свой корень в бесовской гордыне, которая принимает характер вероломного протеста против Создателя и конечную цель – не только сравняться с Ним, но и превзойти в силе и славе. Эта часть философской этики Лосского соответствует основам православного христианства и созвучна концепции последнего романа Ф.М. Достоевского. Антиномичность существа человека выражена в том, что он сам – носитель двух этических полюсов – и зла, и добра, он может стремиться к абсолютному и в то же время ненавидеть его. Для понимания концепции и образного ряда романа «Братья Карамазовы» особенно важны выводы, которые делает на основе своей этической системы Н.О. Лосский: существо такого демонического порядка в принципе не может существовать, так как даже оно сотворено Создателем, вследствие чего его ненависть к Богу и всему сотворенному должна стать и ненавистью к себе самому как части сотворенного. У сотворенных всех существ конечным идеалом является абсолютная полнота жизни. Борьба против Создателя и зло, вносимое в мир вследствие этого, есть всего лишь следствие гордыни. Вступающий на этот путь оказывается в ловушке противоречий: этот путь противоречит конечному идеалу полноты жизни, ведет к неудачам, разочарованиям, все растущему недовольству. Неизбежно возвращение на путь добра даже самого главного носителя зла, приходит к заключению философ. В христианской этике такой комплекс идей определен как апокатастасис. Отсюда следует вывод о невозможности конечного воцарения абсолютного зла. В противовес этому абсолютное добро – Бог и Царствие Божье – существует. Примеры колебаний человека между полюсами добра и зла философ приводит из романов Ф.М. Достоевского «Подросток», «Преступление и наказание», «Бесы», более всего и особенно – романа «Братья Карамазовы», из таких его глав, как «Бунт», «Бесенок», «Легенда о Великом Инквизиторе». Мотивы истязаний детей, зверств турок, торжество изощренной бесовской злобы и гордыни Великого Инквизитора, представленные в романе «Братья Карамазовы», показывают особую важность для Достоевского проблемы зла. Может даже появиться ошибочное ощущение, что он не отрицает абсолютную злобу как высшую разрушительную силу реального мира. Но выводы писателя конструктивны: достижение добра как в духовном мире личности, так и в общественной жизни требует искоренения себялюбия, эгоизма, в первую же очередь гордыни. На этом пути герои Достоевского достигают определенных, хотя и различных результатов. О возможности победы на этом пути говорит пример Святых и Угодников, на которых ссылается Лосский.

Хотя победы абсолютного зла Достоевский не показывает, так как она невозможна в принципе, высшее приближение к абсолюту зла, своеобразный «полюс зла» в его поздних романах, и особенно в романе «Братья Карамазовы», присутствует. Искать его следует в особом сгущении эгоизма и гордыни в душах героев романа, что диктует их бунтарское богоборческое поведение. Прежде всего полюс зла связан с образом Федора Павловича Карамазова. Он не только «отец лжи», как иронически себя называет в беседе со старцем Зосимой, но и родоначальник всех, кто входит в состав семейства Карамазовых. Отец един, но дети его очень различны — в этом кроется особый замысел автора романа. От Карамазова рождаются и дети со светом в душе, и дети мрака. Он отец Алексея, ученика святого старца. И он — отец богоотступника Ивана. Он порождает и собственного убийцу — Павла Смердякова. Он, следовательно, сам не может быть носителем каких-либо однородных качеств. Антиномичность его существа — доказательство антиномичности человека в онтологическом смысле как такового. Решение проблемы человека не только в реальном, но и в метафизическом плане определяет образную систему романа. Человек понимается как бессмертная сущность со своей, данной Создателем программой, которая в той или иной мере и степени реализуется им в конкретных условиях его личностного существования в рамках общества и семьи, в конкретном пространственно-временном континууме. Человек в свете антропологии православного христианства обладает способностью к саморазвитию, это подвижная система, подверженная деформациям, прогрессирующему и регрессирующему движению. В соответствии с этим в каждом из героев Достоевского заложена пожизненно действующая программа возможного саморазвития, приближения к полюсу добра, понимаемому как приближение в той или иной степени к «образу и подобию Божьему». Но на это должна быть сознательная и твердая воля человека. Человек как онтологическая сущность антиномичен, в нем действуют как силы созидательные, так и деструктивные. Имея априори данную свободу воли, человек сам решает, каким путем ему идти. Если старец Зосима, его брат Маркел, Алексей Карамазов приблизились в своем саморазвитии к понятию «божье творение», то наиболее близок к полюсу зла с самого начала повествования из всех персонажей Федор Павлович Карамазов. Он, как может показаться по первому впечатлению, которое сам же намеренно создает, сознательно избирает зло. Но парадоксальность его поведения в том, что он, творя зло, все равно не может убить свою душу окончательно и искоренить стремление к добру. Вот почему даже он испытывает смутное чувство любви к Алексею, к его матери, к Грушеньке, даже он хотел бы, чтобы его не осуждали и любили. Русский философ Л.П. Карсавин рассматривает феномен Карамазова в статье с парадоксальным названием «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви». Речь идет о безудержном сладострастии, распушенности Карамазова, даже в старости выступающего как идеолог любви-вожделения, которая не знает ограничений и может быть направлена как к матери Алеши с ее возвышенной чистотой, так и к умственно неполноценной карлице Елизавете Смердящей. Но Карсавин доказывает, что в этом выражается не только его безумная распушенность, но и его умение увидеть индивидуальное в каждой женщине, а это свидетельство уме-

ния любить. Автор статьи выстраивает идеологию любви, носителем которой делается Федор Карамазов, развивает философию любви, основанную на ее антиномичной сущности. Как антиномичен сам человек, так двойственны и противоречивы и его чувства. Избавиться же от стремления не только покорять и властвовать, но и принять добровольное рабство безграничной любви никому не дано, это часть программы Создателя, выражение онтологической сущности человеческого существа, каким бы оно ни выступало в своих конкретных эмпирических проявлениях. Так и сладострастник Федор Павлович готов дойти до самозабвенного рабства, если Грушенька согласится его принять: «Буду мужем ее, в супруги удостоюсь, а коли придет любовник, выйду в другую комнату. У ее приятелей буду калоши грязные обчищать, самовар раздувать, на посылках бегать» (Достоевский, с. 438).

Антиномия человеческого существа, таким образом, прослеживается и в старшем Карамазове, казалось бы, стоящем на полюсе абсолютного зла. Ведь чтобы принести это зло, надо найти объект наиболее выигрышный — «чистоту», «святость». А для этого надо видеть и понимать эти качества. Карсавин же утверждает — надо и «любить»: «Он познавал чистоту Алешиной матери, то есть стремился к ней и любил ее: иначе бы и не познавал. Ощущая в себе сияние чистоты, он ощущал несоответствие между нею и темным своим эмпирическим «я» и знал, что она выше его. И попирая ее, он знал, что попирает лучшее и святое, влекущее его к себе и любимое» [Карсавин].

Вот с такой целью — «попирать все лучшее и святое» — он прибывает и в монастырь на встречу со старцем Зосимой. Начиная с первого момента, когда ни он, ни Миусов, не подходят под благословение Зосимы, Федор Павлович ведет себя совершенно в своем духе, по определению автора, как «старый шут». Вопрос заключается в том, присутствует ли в его поведении только стремление к эпатажу или это собственная жизненная программа, приведенная в действие. Свою развращенность старик демонстрирует с момента входа в монастырь. Он намеренно затрагивает темы, казалось бы, самого невинного характера, но придает им грязный подтекст. Его речь строится как тезис и антитезис, что делает понятным двойственность его собственной природы. Так, увидя, что ворота скита заперты, он развивает тезис, что сюда, в святое место, не войдет ни одна женщина. Тут же последует собственный его антитезис: «Только как же я слышал, что старец дам принимает» (Достоевский, с. 50).

Он выводит из терпения Миусова, и тот предсказывает, что «старого шута» выведут отсюда под руки. Но этого не произойдет, как бы намеренно ни старался Карамазов вывести из терпения Зосиму. Святой старец видит его насквозь и, помимо общих рекомендаций («не предаваться пьянству и словесному неводержанию, не предаваться сладострастию, а особенно обожанию денег...»), советует «самому себе не лгать». «Лгуший самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих» [Лосский, с. 50].

В библейском контексте ложь связана с образом дьявола — центра мирового зла. Поэтому совет старца

имеет также подтекстовый смысл: он предупреждает, что Карамазов приближается к опасному состоянию абсолютного зла. Федор Павлович, единственный из посетителей старца Зосимы, не испытывает воздействия благодати, исходящей от святого. Поединок двух «старцев» — «старого шута» и святого — это поединок двух жизненных позиций — греховной жизни сладострастника, весело себе все прощающего, и святой жизни аскета, который тоже остается весел после встречи с этим воплощением зла, так как ясность души и пронизательность его уже нельзя ничем поколебать. Нравственную силу старца Карамазов вынужден признать, хотя благодать его и не коснулась: «Вы думаете, что я всегда так лгу и шутов изображаю?.. Это я все время нарочно, чтобы вас испытывать, так представлялся... Нет, с вами еще можно говорить, можно жить... а теперь молчу, на все время умолкаю...» (Достоевский, с. 52).

Если шутовские выходки и речь Федора Павловича сопоставить с манерой поведения и речами злоежущего ночного посетителя Ивана Карамазова, то обнаруживается несомненное сходство, так что близость с «отцом лжи» и наибольшее приближение Карамазова к полюсу зла становятся очевидны. Но нет и в принципе не может быть ни их идентификации, ни достижения абсолюта зла. К полюсу добра в романе наиболее приближен старец Зосима, который когда-то встал на путь праведности под влиянием своего брата Маркела и полностью прошел этот путь, став после смерти святым. В эпизоде Каны Галилейской старец является своему ученику Алексею в видении уже в мире ином, идеальном [Зеньковский].

Так вопрос о конечной цели бытия человека и путях ее достижения связан с пониманием его антинормальной сущности в незавершенном стремлении к абсолюту, что гениально, по Н.О. Лосскому, показал в своем романе Ф.М. Достоевский.

Источники фактического материала

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. 696 с.

Библиографический список

Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. 735 с.

Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: 2001. Гл. VIII. С. 106–112.

Бурова Ю.В. Библейские и свято-отеческие основания творчества Ф.М. Достоевского как историко-культурного феномена: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 34 с.

Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л.: ЭГО. 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 209–245.

Карсавин Л.П. Федор Павлович Карамазов как идеолог любви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svnesterov.blogspot.ru>.

Котельников В. Блудный сын Достоевского: Тип религиозности // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 124–131.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. М.: Политиздат, 1991. 368 с.

Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Журн. Моск. патриархии. 1994. № 1.

Соколова Е.А. К вопросу о христианском социализме Ф.М. Достоевского // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1. С. 136–138.

Шакуров Д.Л. Психоаналитические аспекты изучения русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 213–215.

References

Bakhtin M.M. *K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [On the philosophical foundations of humanitarian sciences]. In: Bakhtin M.M. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected works: in 7 Vols.]. M.: Russkie slovari, 1996, Vol 5, 735 p. [in Russian].

Berdyayev N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [World outlook of Dostoevsky]. M.: 2001, Chapter VIII, pp. 106–112 [in Russian].

Burova Yu.V. *Bibleiskie i sviato-otcheskie osnovaniia tvorchestva F.M. Dostoevskogo kak istoriko-kul'turnogo fenomena. Avtoreferat diss. na soiskanie uch. stepeni kand. fil. nauk [Tekst]* [Biblical and pious-fatherly foundations of F.M. Dostoyevsky's creativity as a historical and cultural phenomenon. Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Saransk, 2004, 34 p. [in Russian].

Zenkovsky V.V. *Istoriia russkoi filosofii: v 2 t.* [History of Russian philosophy: in 2 Vols. [Text]]. L.: «EGO», 1991, Vol. 1, Part 2, pp. 209–245 [in Russian].

Karsavin L.P. *Fedor Pavlovich Karamazov kak ideolog liubvi* [Fedor Pavlovich Karamazov as an ideologist of love]. Available at: <http://svnesterov.blogspot.ru> [in Russian].

Kotelnikov V. *Bludnyi syn Dostoevskogo: Tip religioznosti* [The Prodigal Son of Dostoevsky: Type of religiousness]. *Voprosy filosofii [Tekst]* [Problems of philosophy], 1994, no. 2, pp. 124–131 [in Russian].

Lossky N.O. *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian world outlook]. *Zhurn. Mosk. patriarkhii* [Journal of Moscow Patriarchy], 1994, no. 1 [in Russian].

Lossky N.O. *Usloviia absolutnogo dobra: osnovy etiki* [Conditions of total good: foundations of ethics]. M.: Politizdat, 1991, 368 p. [in Russian].

Sokolova E.A. *K voprosu o khristianskom sotsializme F.M. Dostoevskogo* [On the issue about Christian socialism of F.M. Dostoevsky]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Almanac of Modern Science and Education], 2010, no. 1, pp. 136–138 [in Russian].

Shakurov D.L. *Psikhoanaliticheskie aspekty izucheniia russkoi literatury* [Psychoanalytical aspects of study of Russian literature]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2012, no. 6, pp. 213–215 [in Russian].

Е.А. Нечаева

**«АУТОПОЙЕСИС» И ПОЗНАНИЕ:
К ПРОБЛЕМЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ «НОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ»**

© *Нечаева Екатерина Андреевна* — аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0427-6576>

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме пойесиса в искусстве второй половины XX века, а также проблеме отыскания средств для концептуализации и описания т. н. «новой целостности», конструирование которой мыслится московскими концептуалистами как задача, решаемая средствами искусства. Речь идет не о «воссоздании» (мимесис), а о «создании новой» (пойесис) структуры опыта субъекта эстетического деятельности. Именно эта особенность видения эстетического акта, последовательно оформляющаяся с начала XX века, находит отражение в работах Д. Пригова. Понятие аутопойесиса — с учетом недостаточности научного инструментария для такого типа творчества — может помочь это новое видение концептуализировать и описать. Сравниваются две парадигмы построения художественного высказывания в аспекте типа его субъекта: «классическая» (традиционная) и постнеклассическая; если «традиционный поэт», обращающийся к «исповедальным» формам и дискурсивным моделям, стремился к «подлинности», к выражению собственного априори уникального опыта столь же уникальной личности, то поэт, ориентированный на постнеклассический тип эстетики, напротив, имеет установку на самодеконструкцию личности. Этапом в этом процессе становится «художник-персонаж», рассмотренный как симуляция авторской личности, позволяющая предъявить в художественном тексте интегративную, непротиворечивую, равную самому себе в каждый момент времени идентичность, внеположную идентичности авторской. Опыт, эксплицируемый в конкретном тексте, рассмотрен в рамках постнеклассической эстетики не как непосредственный опыт «я» (мимесис), а как результат анализа структуры опыта и, как следствие, создание новой (пойесис) структуры опыта. Художественным актом становится вскрытие определенного дискурсивного механизма или, что важнее, самого механизма трансгрессии и экспликация данного механизма в виде определенного текста-объекта. Невозможность отыскания *identitas* компенсируется допустимостью ее конструирования через «Я-Другое»: это поэтика игры в пространстве между «я» и «не-я».

Ключевые слова: Московская концептуальная школа, Д. Пригов, пойесис, мимесис, эстетический акт, «художник-персонаж», проект, эстетическая коммуникация.

Цитирование. Нечаева Е.А. «Аутопойесис» и познание: к проблеме конструирования «новой целостности» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 93–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-93-98>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-93-98
UDC 821.161.1

Submitted: 15/XII/2017
Accepted: 20/I/2018

E.A. Nechaeva

«AUTOPOIESIS» AND COGNITION:
ON THE PROBLEM OF CONSTRUCTION OF THE «NEW INTEGRITY»

© Nechaeva Ekaterina Andreevna – post-graduate student, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0427-6576>

ABSTRACT

The article deals with the problem of poiesis in the art of the second half of the XX century, as well as the problem of finding means for conceptualization and describing «a new integrity» the construction of which is conceived by Moscow conceptualists as a function through art. It is not about re-creation («mimesis»), but about creating «a new (poiesis)» structure of the experience of the subject of aesthetic activity. It is this feature of the vision of the aesthetic act, consistently formalized since the beginning of the twentieth Century, is reflected in The works of D. Prigov. The concept of autopoiesis — given the lack of scientific instrumentation for such type of creativity — can help this is a new vision to conceptualize and describe. Two paradigms of constructing an art works are compared in the aspect of the type of its subject: «classical» (traditional) and post-nonclassical; the «traditional artist» who prefer «confessional» forms and discursive models, aims to «authenticity», to the expression of his own a priori unique experience of the unique personality. The artist who works in a post-nonclassical type of aesthetics, on the contrary, aims to work with a self-destructive personality. The stage in this process is the «artist-character», considered as a simulation of the author's personality, which makes it possible to present in the works the integrative, integral identity, which is the opposite of the author's personality. The experience that is explicated in the particular work is considered within post-non-classical aesthetics not as a direct experience of the «I» (mimesis), but as a result of analyzing the structure of experience and, as a consequence, creating a new («poiesis») structure of experience. An artistic work in this cast is the act of an identification of the discursive mechanism or the mechanism of transgression, which is more important, and the explication of this mechanism in the text as a result of this work. The impossibility of finding «identitas» is compensated by the permissibility of its construction as the «Me as the Significant Other». it is the poetics of the game in the area between the «Me» and the «not-Me».

Key words: Moscow conceptualism, D. Prigov, poiesis, «artist-as-character», project, aesthetic communication

Citation. Nechaeva E.A. «Autopoiesis» i poznanie: k probleme konstruirovaniia «novoï tselostnosti» [«Autopoiesis» and cognition: on the problem of construction of the «new integrity»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 93–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-93-98>.

Название данной статьи является аллюзией на работу *Autopoiesis and Cognition* У. Матураны и Ф. Варелы [Maturana, Varela], основные теоретические построения которой были апплицированы на области, весьма далекие от нейробиологии, в рамках которой результаты исследования были применены впервые. Вписываясь в синергетическую парадигмальную установку, концепция «самосотворения» (мы бы сказали — «самосозидания») являлась продуктом постнеклассической науки и размывала прежде стабильные и четко очерченные границы между познающим и познаваемым, созидющим и созидаемым ест.

В наиболее общем виде аутопойесис предполагает «само-строительство, само-производство или воссоздание себя через себя самого»¹. Эвристический потенциал концепции У. Матураны, по-ви-

димому, был столь велик, что она была адаптирована социальными науками и спроецирована на проблемы само-конструирования социума, конструирования идентичности в социальной сети и виртуальном пространстве и др. Мир при таком его понимании не *пред-*задан, а творим (так У. Матуране удалось преодолеть как «крайний креационизм», так и «крайний дарвинизм», хотя, по утверждению самого У. Матураны, принципиальной была установка на преодоление референции²).

Применительно к искусству третьей трети XX века термин «ауто-поэзис» использовал, ссылаясь на Н. Лумана, теоретик Московского концептуализма Б. Гройс. В работе «Что такое современное искусство?» [Гройс, 2007] с помощью этой концепции Б. Гройс описывал (само)становление и (само)развитие художественных систем.

Многообразии формул и фигур, призванных описать культурную ситуацию второй половины XX — начала XXI века, в том числе унаследованных от прежних научных традиций, требует анализа и ответа на вопрос, какие смыслы позволяет обнаружить введение нового категориального аппарата.

Применительно к русской поэзии второй половины XX века принято говорить о некоей «новой» (или даже «новой новой») поэзии; о новом же типе пойесиса заговорили впервые тогда, когда возникла необходимость описания работ Д. Пригова и когда стало очевидно, что существующие традиционные модели описания эстетического акта для творчества этого поэта малоприменимы. По А. Скидану, «работы Д. Пригова представляют собой не просто новый тип поэзии, а новый тип пойесиса» [Скидан, с. 123], при этом специфика последнего состоит в «инструментализации поэтической техники, перенацеливании ее на вне- или метапоэтическое задание» [Гройс, 2012, с. 123]. Это безусловно так, однако изменения в структуре эстетического акта кажутся нам гораздо более существенными.

Речь идет не о «воссоздании» (мимесис), а о «создании новой» (пойесис) структуры опыта субъекта эстетической деятельности. Именно эта особенность видения эстетического акта, последовательно оформляющаяся с начала XX века, находит отражение в работах Д. Пригова. Понятие аутопойесиса — с учетом недостаточности научного инструментария для такого типа творчества — может помочь это новое видение концептуализировать и описать. Это принципиально важно; анализ интервью и критических статей, посвященных работам Д. Пригова, показывает, какое давление на интерпретатора оказывают парадигмальные фигуры классической науки: так, например, весьма показательным можно считать заданный Д. Пригову вопрос о фотографиях, выставленных впоследствии в театре «Практика», в интервью «Новому времени»: «Что вы хотели этим сказать?» В автобиографическом романе «Вкратце жизнь» Е. Бунимович отмечает, с какой серьезностью и терпением Д. Пригов на фестивале поэзии «новой волны» в Новосибирске пытался отвечать на постоянно возникающий «ключевой вопрос»: «Что вы хотели сказать этим стихотворением?» Парадигмальная установка на «тотальную репрезентативность», допущение возможности «дешифровки» текста посредством некоего общего кода, стремление вписать работы автора в единый вектор развития русской поэзии должны быть скорректированы с учетом своеобразия текстов, представляющих собой некий иной тип пойесиса.

В широком смысле концепция У. Матураны и Ф. Варелы свидетельствует о попытках отыскания новой целостности (и новой цельности), новых ее оснований, о попытках ответа на вопрос, где (и существует ли) та системность, которая организует системность. Этот вопрос назревает в течение всего XX века; по свидетельству Д. Пригова, он ста-

новится одним из центральных к третьей трети XX века. Искусство названного периода направлено на конструирование некоей новой целостности — целостности субъекта — и оформляется как попытки создания (или *пере*-создания) новых форм субъективности, а центральной категорией, позволяющей проследить все изменения в эстетической коммуникации третьей трети XX века, становится категория субъекта. Иными словами, **по Д. Пригову, задача искусства состоит в том, что оно пытается отыскать или сконструировать некую «новую цельность».**

«Старая» цельность оказалась дезавуированной в силу ряда причин. Прежде стабильная (до середины 80-х годов XX века) система бинарного разделения на «официальное—неофициальное», «свой—чужой», «верх—низ» определяла для художника не только стабильную «экологическую нишу», эстетическую и этическую позицию и устойчивую модель идентичности, но и ими детерминированную систему (само)репрезентации и предзаданных дискурсивных моделей. «Доверие к языку», в свою очередь, разрушается во второй половине XX века с параллельным осознанием конвенциональности созданной языком реальности. Переосмысление всех элементов эстетической коммуникации коррелировало с проблематизацией ее субъекта. Взамен размываемой «авангардной парадигмы» личности, допускающей в качестве исходного тезиса строгость и иерархичность ее структуры и потому непротиворечивость и самождественность субъекта в каждый момент времени, искусство долгое время не предлагает никаких альтернатив.

Появление нового типа пойесиса в русской поэзии стало возможным тогда, когда целиком меняется мировоззренческая установка художника. Постнеклассическая парадигмальная установка замещает неклассическую тогда, когда в представлении художника слово теряет бытийственность, а сама реальность тотально семиотизируется: в понимании художников 80–90-х годов XX века искусство теряет право считаться «первой реальностью», истиной, в соответствии с которой моделировалась реальность социоземпирическая.

Если «традиционный поэт», восходящий к поэту-демиургу, шаману и т. д., — поэт, для которого, следовательно, актуальны такие понятия традиционной эстетики, как *вдохновение, муза, божественное*, поэт, обращающийся так или иначе к исповедальным формам и дискурсивным моделям, стремился к «подлинности», к выражению собственного априори уникального опыта столько же уникальной личности, то поэт, ориентированный на постнеклассический тип эстетики, напротив, имеет установку на самодеконструкцию личности.

Д. Пригов, описывая особенность избранного им творческого метода, утверждает, что являет некий новый тип технологии сознания». Желаемая «цельность» не столько отыскивается, сколько конструируется: сконструирована она должна быть таким образом, чтобы позволять субъекту иметь возмож-

ность быть «единым, но и разнообразным»³. Эта технология сознания предполагает диалектику «Я» и «другого, нежели Я», для описания которой вполне пригодно введенное П. Рикером различие идентичности-от-*idem* и идентичности-от-*ipse*⁴. С одной стороны, возможность быть единым, но и разнообразным суть «одинаковость», «самотождественность» (*idem*), непротиворечивость для «я» в каждый момент времени — и, с другой стороны, «самость», «инаковость» *ipse*, стремящееся отделить «я» от «не-я» и выразить себя через «не-я».

Если традиционный художник стремился к самовыражению и самопреодолению, то в ситуации, когда возможность личного высказывания проблематична, напротив, задача художника обратна: он стремится к самоперсонифицированию и самоотчуждению: отчуждение выступает как позитивная для становления «я» ценность. Это приводит к появлению в русской культуре особого субъекта — художника-персонажа.

Термин «художник-персонаж» был впервые введен С. Гундлахом в одноименной работе, написанной для знаменитого журнала «А-Я». По С. Гундлаху, художественное событие состояло в том, чтобы «...сначала выдумать некоего „автора“, а затем им, этим персонажем, создать <...> произведение»⁵.

Впоследствии концепция «персонажного автора» была разработана И. Кабаковым, который под «автором-персонажем» понимает «результат процесса, в котором автор (креатор, “создатель”) создает не художественные объекты — картины, скульптуры и т. д., а создает главное и важнейшее свое произведение — “художника-персонажа”, который уже, в свою очередь, создает, “творит” соответствующие художественные изделия: картины, скульптуры»⁶.

Безусловно, опосредование «я» маской для русской культуры не ново, однако разница между «персонажным автором» и, например, Козьмой Прутковым, Белкиным и др. принципиальна: в случае с последними центром-результатом эстетического акта традиционно является сам этот текст (ретроспективно оглядываясь с позиции постструктуралистского теоретизирования, можно отметить, что термин «маска» оказывается крайне точным; за любой маской так или иначе лицо «есть»). «Художник-персонаж», напротив, сам становится художественным произведением: его задача состоит в том, что лицо, находящееся под «маской», максимально размыть, вплоть до полного исчезновения и — в терминологии Д. Пригова — слипания. Эстетический центр-результат располагается исключительно в самом «сочинителе»: художественные тексты, могущие быть более или менее репрезентативными, имеют ценность только в составе общего проекта, коим «художник-персонаж» является.

Среди представителей Московской концептуальной школы стратегия «делегирования» своих текстов неким персонажам с «их собственной» стилистикой и собственной идентичностью была крайне распространенной. И. Кабаков разработал несколь-

ко художников-персонажей (например, Степан Яковлевич Кошелев и Шарль Розенталь). В. Комар и А. Меламид создали Бучумова и Зяблова, двух художников, а также «их» произведения. У В. Захарова таких персонажей было несколько; Ю. Альберт, как известно, создал метличность «Карандаша»; В. Пивоваров — «одинокого человека», И. Макаревич — «деревянного героя». Если Белкин и подобные ему говорящие субъекты (Ю. Кристева) — конструкты, призванные пробиться к подлинности, то есть построить аутентичное высказывание иным, опосредованным, образом, то художник-персонаж, напротив, ускользал от любой репрезентативности.

Как стратегия высказывания «художник-персонаж» как нельзя лучше подходил для сформулированных московскими концептуалистами задач искусства: он интегрировал то единство «я», которое мыслилось априори неразрушимым в рамках авангардной парадигмы. «Я» субъекта, текучее, подвижное и изменчивое, постоянством не обладает, однако всеми этими качествами обладает «я» художника-персонажа, искусственно поддерживаемое писателем. Если подлинное «я» внутренне противоречиво, то «созданное я» устойчиво; если «я» для себя всегда не завершено, то для Другого «я» всегда существует в готовом виде. Такая симуляция авторской личности позволила предъявить в художественном тексте интегративную, непротиворечивую, равную самому себе в каждый момент времени идентичность, внеположную идентичности авторской.

Следовательно, невозможность отыскания *identitas* компенсируется допустимостью ее конструирования через «Я-Другое»: это поэтика игры в пространстве между «я» и «не-я».

Именно здесь, как представляется, впервые смещается центр эстетической коммуникации: художественным произведением становится сам «художник-персонаж». Созидаются не «гениальные» тексты, а единая интегративная инстанция; в терминологии Д. Пригова — проект; более ранним понятием с тем же значением является термин «программа работ».

Проект определяет целостность, возможность, по Д. Пригову, быть единым. Способность же «быть разнообразным», как ни странно, имманентна интегративному свойству «быть единым»: различные варианты «не-я» появляются потому, что автор не стремится передать собственный непосредственный опыт «я» как уникальной личности, а, разбирая механизм опыта «Другого», эксплицировать его в виде текста-объекта. Так, например, в цикле 1995 года «Мой милый ласковый друг» Д. Пригов, обладающий «независимой структурой» («собственным языком»), заимствует дискурсивные модели («чужой язык»), создавая оригинальные произведения, не являющиеся ни стилизацией, ни, разумеется, пародией, и воспроизводит узнаваемые синтаксические и стилистические особенности поэтов типа Уитмена и Кавафиса. Речь идет не столько о заим-

ствовании определенной дискурсивной модели, сколько о заимствовании определенного типа видения и мировосприятия, эксплицируемых в определенном типе письма.

Это позволяет субъекту аккумулировать любой опыт (опыт «маленького человека» «советского сознания», опыт Лермонтова и Пушкина, опыт некоей женщины («женские циклы»), опыт сравнительно мало известных публике поэтов (цикл «Неложные мотивы» ест.), и этот опыт действительно окажется «неложным».

Так, единство и целостность проекта определяется не стабильностью или непротиворечивостью единого в каждый момент времени «лирического героя» или иной фигуры, обеспечивающей единство творческого акта, а интегративными свойствами проекта как целого. При этом целостность определяет и разнообразие: возможность усвоить и репрезентировать любой опыт «не-я». Этими свойствами и обладает художественная система, определяемая как аутопойесисная. «Важной характеристикой таких систем, — пишет Э. Ласицкая, — является способность изменять свою структуру, но оставаться той же самой системой без утраты организационных особенностей, причем способность к постоянному изменению является условием сохранения своей организации» [Ласицкая, с. 14].

Условием функционирования такой системы является не реальность вовне, а сама эта система: «паттерн системы позволяет ей <...> воспроизводить саму себя» [Аредаков, с. 47]. С одной стороны, — при буквальной трактовке этого тезиса — в конкретном тексте паттерн — схема-образ, которая определяет текстовую инерцию и как бы позволяет автору прятать творческую волю и индивидуальность за готовой схемой, которая эту творческую волю аккумулирует.

Так, например, в цикле Д. Пригова «Паттерны» схема-образ, начинающийся стихами «у меня был(-о/-а)***, замечательный (-ое/-ая)***» и заканчивающийся стихом «и я заплакал, как маленький***», включает в себя абсолютно случайные элементы, обусловленные исключительно случайным звуковым или версификационным соответствием (отчасти аналогичен ему цикл «Глаголения» 1976 года): «У меня был пес, замечательный пес, / Он свою жизнь рядом с моею на веревочке/ нес. / <...> И я заплакал, как маленький бык».

Паттерн потенциально бесконечен; он способен подминать под себя любые элементы реальности. На определенном этапе инерция паттерна столь велика, что построивший паттерн писатель не является ни субъектом, ни агентом этого высказывания; так преодолевается тотальность письма.

С другой стороны, «паттерновость» проявляется и в том, что, по Д. Пригову, «письмо», «говoreние» должно быть «вытреновано» настолько, чтобы осуществляться практически автоматически, инерционно, без попыток выражения некоего сакрального экзистенциального опыта: стих «должен быть вытренован настолько, что тебя почти нет»⁷.

Это позволяет субъекту эстетической деятельности трансцендировать собственную субъектность, преодолевая традиционную установку на репрезентацию непосредственного опыта.

Для Д. Пригова новый тип технологии сознания — «стратегическая» работа с собой, с целостной «мнимой личностью» как определенным типом художественного поведения, то есть работа с получившейся квазиличностью, в результате которой «персональный автор» выступает в роли героя, не имея интенции совпасть с идентичностью автора биографического. «Я», чтобы иметь возможность выразить себя, смотрит на себя как на «не-я». Художественным актом становится вскрытие определенного дискурсивного механизма или, что важнее, самого механизма трансгрессии и экспликация данного механизма в виде определенного текста-объекта.

Как метко формулирует И. Смирнов, «смерть субъекта», провозглашенная ранним постмодернизмом, обращается у Д.А.П. в полисубъектность, не ведающую последней границы. Каждый стихотворный цикл в приговском творчестве — перформативный акт заново создающего себя субъекта» [Смирнов, с. 103]. Введенное самим Д. Приговым понятие «само-иденти-званства» постулирует априорную возможность самостоятельного моделирования идентичности, само-моделирования, самоназывания, само-созидания. Опыт, эксплицируемый в конкретном тексте, — это не непосредственный опыт «я» (мимесис), а результат анализа структуры опыта и, как следствие, создание новой (пойесис) структуры опыта.

Так, новый тип пойесиса, аутопойесис, заключается в процессе некоей гносеологической игры, в рамках которой субъект, определяемый им же введенными законами созидания проекта (программы работ), находит возможность быть и единым, и разнообразным, обращаясь к опыту разных, себе не идентичных, субъектов. Такая целостность позволяет преодолеть тотальность письма и при этом репрезентировать возможный опыт «я», увиденного как Другой.

Примечания

¹ Лавренчук Е.А. Аутопойезис // Vox. 2011. № 11. С. 1.

² Пёрксен Б. Умберто Матурана и самосоздание мира. URL: <http://www.aitrus.info/node/3662>.

³ Пригов Д., Шаповал С. Портретная галерея Д. А. П. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 168 с.

⁴ Рикер П. Я-сам как другой / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (Французская философия XX века). 416 с.

⁵ Гундлах С. Г. Персональный автор // «А-Я». 1985. № 1. С. 77.

⁶ Кабаков И. О художнике-персонаже // Зеркало. 2003. № 21—22.

⁷ Балабанова И. Говорит Дмитрий Александрович Пригов. М.: ОГИ, 2001. С. 106.

Библиографический список

Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition: the Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co. Boston Studies in the Philosophy of Science, Vol. 42. 1980. 146 p.

Аредаков А.А. Сознание в онтологиях антропного принципа // *Вопр. философии*. 2008. № 1. С. 45–50.

Гройс Б. Что такое современное искусство? // *Митин журнал*. 1997. Вып. 54. С. 253–276.

Ласицкая Э.В. Концепция автопоэзиса: бытие, познание, деятельность // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика*. 2011. Вып. 4. С. 14–16.

Скидан А. Пригов как Брехт и Уорхол в одном лице, или Голем-советикус // *Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов: сб. ст. и материалов / ред. Е. Добренко [и др.]*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 122–144.

Смирнов И.П. Быт и бытие в стихотворениях Д.А. Пригова // *Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Майофис*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 96–105.

Co. *Boston Studies in the Philosophy of Science*, vol. 42, 1980, 146 p. [in English].

Аредаков А.А. *Soznanie v ontologiiakh antropnogo printsipa* [Consciousness in the Ontologies of the Anthropic Principle]. *Vopr. filosofii* [Issues of philosophy], 2008, no. 1, pp. 45–50 [in Russian].

Groys B. Chto takoe sovremennoe iskusstvo [What is modern art?]. *Mitin zhurnal*, 1997, Issue 54, pp. 253–276

Lasitskaya E. *Kontseptsiiia avtopoezisa: bytie, poznanie, deiatel'nost'* [The Conception of Autopoiesis: Existence, Cognition, Activity]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia serii. Ser.: Filosofiiia. Psikhologiiia. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2011, no. 4, pp. 14–16 [in Russian].

Skidan A. *Prigov kak Brekht i Uorkhol v odnom litse, ili Golem-sovetikus* [Prigov as Brecht and Warhol in one person, or Golem-Sovetikus]. In: *Nekanonicheskii klassik: Dmitrii Aleksandrovich Prigov: sb. st. i materialov. Red. E. Dobrenko [i dr.]* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov: collection of articles and materials. E. Dobrenko [et al.] (Ed.)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, p. 122–144 [in Russian].

Smirnov I. P. *Byt i bytie v stikhotvorenniakh D.A. Prigova* [Life and Being in Prigovs' Poems]. In: *Nekanonicheskii klassik: Dmitrii Aleksandrovich Prigov (1940–2007): Sb. statei i materialov. Pod redaktsiei E. Dobrenko, M. Lipovetskogo, I. Kukulina, M. Maiofis* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007): collection of articles and materials. E. Dobrenko, M. Lipovetsky, I. Kukulina, M. Mayofis (Eds.)]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 96–105 [in Russian]

References

Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition: the Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel Publishing

Е.И. Зейферт

**ЭФФЕКТ ЛИМИНАЛЬНОСТИ И СТИХ: НАКОПЛЕНИЕ ЭНЕРГИИ
В СВЕРХДЛИННОЙ, ОБЫЧНОЙ И СВЕРХКРАТКОЙ СТРОКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. ЛЕХЦИЕРА И В. МАНГОЛЬДА)**

© Зейферт Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: elena_seifert@list.ru. Author ID (e-library): 537677.

АННОТАЦИЯ

Автор статьи предлагает для обозначения зоны явного перехода от одной плоскости к другой в восприятии художественного произведения использовать термин «зона лиминальности», а «эффектом лиминальности» обозначать результат как следствие рецепции этой зоны перехода. Лиминальность эффективно изучать в аспекте сверхдлинной и сверхкраткой строк. На площадке как сверхдлинной, так и сверхкраткой строки повтор позволяет накопить и перераспределить творческую энергию, создавая зоны и эффект лиминальности, умножающие количество интерпретаций текста и контекстов. В сверхдлинной строке В. Лехциера присутствует лексический и одновременно синтаксический повтор. Явственность и – реже – полярность флангов позволяет средней строке пролегать внутри сверхдлинной. Интересно, что при чтении Виталием Лехциером его стихотворений он стремится озвучить самые длинные строчки (38–42 слога) на одном дыхании как единое целое, подчеркивая натяжение сверхдлинной строки. Это доказывает, что зона лиминальности лежит здесь именно на стыке словесного и внесловесного, а плоскость текста остается цельной. Венделин Мангольд обычно работает на площадке небольшого текста. Его излюбленный прием – создание эффекта лиминальности путем сочетания возвышенного и приземленного.

Ключевые слова: эффект лиминальности, зона лиминальности, стих, сверхдлинная строка, сверхкраткая строка, повтор.

Цитирование. Зейферт Е.И. Эффект лиминальности и стих: накопление энергии в сверхдлинной, обычной и сверхкраткой строке (на материале поэзии В. Лехциера и В. Мангольда) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 99–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-99-103>.

E.I. Seifert

**LIMINALITY EFFECT AND THE VERSE: ENERGY ACCUMULATION
IN SUPER LONG, USUAL AND SUPER SHORT LINE
(BASED ON POETRY MATERIAL OF V. LEKHTSIER AND V. MANGOLD)**

© Seifert Elena Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, GSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation.

E-mail: elena_seifert@list.ru. Author ID (e-library): 537677.

ABSTRACT

The article uses the materials of *Our Literature* section of the *BiZ-Bote* magazine of ethno cultural education. The author suggests using the term «liminality zone» for the designation of the zone of apparent transition from one plane to another in perception of literary read and the term «liminality effect» for the designation of the result as a consequence of reception of this transition zone. Studying liminality proves efficient in respect of the aspect of super long and super short lines. Repetition on the ground of both super long and super short lines allows accumulating and redistributing creative energy, building up liminality zones and effect, multiplying the amount of interpretations of texts and contexts. In the super long line by V. Lekhtsier both lexical and semantic repetitions are present. Apparentness and – more rarely – polarity of the flanks allow the middle length line to lie inside the super long. It is interesting that while Vitaly Lekhtsier is reading his verses, he ensues to articulate the longest lines (38–42 syllables) in one breath, emphasizing the tension of super long line. This proves that the liminality zone lies exactly at the juncture of verbal and non-verbal, and the text plane remains integral. Vendelin Mangold usually works in the realm of a small text. His favorite practice is creating the liminality effect by combining exalted and prosaic.

W. Mangold's «pyramid poems» («*Pyramiden*») are of great interest in terms of liminality [Mangold, *Hymne auf den Menschen*]. Their literal meaning fades through crescent and/or decrescent phrases/words. Visually, the poem is shaped like a pyramid, and both explicit and implicit (phantom) parts of a word/phrase are in the liminality zone.

That is how the context of love is severed from the context of egoism through decrescent lines: having started with passionate confessions, only «I love» and, finally, «I» remains. Mangold's «*Pyramiden*» are characterized by strong or slight paradoxes that create the liminality effect. In case the «pyramid» is first decrescent and then crescent, the liminality effect is created twice: at the apex of the pyramid and in the paradoxical part. Vitaly Lechtzier's extralong stanza ranges from 12 to 42 syllables. The liminality effect emerges through repeating the left and right parts of the verse. This is where variations are formed.

Lechtzier's message is overtly political, the author works with imperative forms and disavowed call for «open writing».

Vitaly Lechtzier's extralong stanza with its anaphoras, imperative forms, syntactic parallelism, repetitions and escalation is similar to Valery Nugatov's extralong stanza. This affinity did not emerge under direct mutual influence but probably rather through Allen Ginsberg's poetry, who was of interest to both authors: Nugatov used to translate his poems, and Lechtzier mentioned being interested in Ginsberg's works. Nugatov also mentioned Ginsberg in his own works. The syntactic construction in Ginsberg's poems is based on the lyrical «self». The same is true for Nugatov's poems, however, Lechtzier steps away from the «self» completely. Unlike Nugatov, in his opinion, Lechtzier does not resort to deconstruction in his poetry, but instead endeavors to «do positive work with other people's words, create variations within them and make them sound like poetry». Nugatov's works «sound like poetry» in part due to the deconstruction. It is enough to compare some extracts from these three authors' works.

The study shows that in case of both extralong and extrashort stanza, repetitions help accumulate and redistribute creative energy, creating the liminality effect and liminality zones that increase the number of potential interpretations and contexts.

Key words: liminality effect, liminality zone, verse, super long line, super short line, repetition.

Citation. Seifert E.I. Effekt liminal'nosti i stikh: nakoplenie energii v sverdlinnoi, obychnoi i sverkhkratkoj stroke (na materiale poezii V. Lekhtsiera i V. Mangol'da) [Liminality effect and the verse: energy accumulation in super long, usual and super short line (based on poetry material of V. Lekhtsier and V. Mangold)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 99–103. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-99-103>.

Автор статьи предлагает для обозначения зоны явного перехода от одной плоскости к другой в восприятии художественного произведения использовать термин «зона лиминальности», а «эффектом лиминальности» обозначать результат как следствие рецепции этой зоны перехода. В аспекте изучения зон лиминальности в лирике, создания эффекта лиминальности, перехода от одной плоскости восприятия к другой продуктивны такие стиховые параметры, как, к примеру, полиметрия, рифма, стихотворный перенос. Особенное внимание можно также уделить сверхдлинной и сверхкраткой строкам, о чем и пойдет речь в данной статье.

По мнению В. Холшевникова, «слух человека способен уловить соразмерность не особенно длинных ритмических отрезков» [Холшевников]. М. Гаспаров утверждает: «Средняя длина речевого такта (колона) в обычной прозе, по существующим подсчетам, — 8 ± 1 слогов. Соответственно этим слуховым привычкам и стихи такого объема ощущаются как **средние**, «нормальные»: таковы 4-ст. ямб и хорей, 3-ст. дактиль, амфибрахий и анапест. Стихи меньшей стопности ощущаются как **короткие**, большей стопности — как **длинные**»¹ (или сверхдлинные).

Сверхдлинная строка мерцает в сознании читателя, потому что является единым целым и в то же время не может быть одной единицей ритма. Одним из критериев высокого уровня сверхдлинной строки является ее натяжение. Чем длиннее строка, тем парадоксальным образом выше удельный вес слова. Сверхдлинная строка не терпит многословия, на ее пространстве случайные слова зримо, чем в обычном стихе: они дают ощущение «провисшего провода», «порванной струны». У большинства современных поэтов она становится полем эксперимента, чем и вызван интерес к ней в аспекте нашей темы. Слышит ли ухо реципиента внутри сверхдлинной строки границу средней строки и насколько говорящая эта граница? Каким образом сверхдлинная строка делится ритмически? Какая смысловая нагрузка лежит на этом делении? Исследование сверхдлинной строки предпринято на анализе графических и звучащих (аудиозапись) стихов Виталия Лехциера, Валерия Нугатова и Венделина Мангольда.

Отчетливые зоны перехода в сверхдлинной строке создают повторы. У Лехциера повтор — яркий, но далеко не константный прием сопровождения сверхдлинной строки. При повторе начинают явно работать вертикаль и взаимоотношение горизонтали и вертикали. Каким образом происходит накопление энергии в строке с помощью повтора? Здесь можно вывести тенденцию: чем выше вертикаль лексически одинаковых повторов на плоскости текста, тем чаще менее объемно произведение. Чтобы добавить объемности, важно внести разнообразие в повторы, нужны дополнительные ритмические средства. Таковы, к примеру, возможности сверхдлинной строки, в которой повтор (а также отрезок строки без повтора или еще один повтор) может занимать ее часть, работая как стих обычной длины при общем неясственном стихотворном ритме всей строки.

Диапазон сверхдлинной строки Виталия Лехциера — от 12 до 42 слогов. Эффект лиминальнос-

ти при присутствии повтора у него возникает благодаря проявлению левого и правого флангов в стихе. Здесь возникают вариации.

1. Правый фланг становится ритмически самостоятельным продолжением левого, появляется конструкция «повтор плюс другой повтор»:

Мы обращаемся к карательным органам, стремящимся
вселить в нас великий неизгладимый ужас/*
мы обращаемся к надзорным органам, постоянно и
сладострастно нас запугивающим
«Открытое письмо о страхе» [Лехциер, 2013]

Сегмент повтора переходит здесь в сегмент другого повтора.

2. Повтор распространяется на всю строку:

— человек, у которого урчит внизу живота,
скрипит в суставах, скребет на душе, свербит в горле,
дрожат поджилки, колотится сердце,
у которого нервы шалят, ресницы *подмаргивают*
«Если бы это стихотворение прочитали»
[Лехциер, 2015, с. 165–168]

3. Значительно реже эффект лиминальности у Лехциера возникает при сверхактивности левого фланга стихотворения и сравнительной пассивности правого, в других произведениях обычно более ударного благодаря концевой позиции:

третий поднимал свой фирменный тост за *импринтинг*
четвертый пытался всех обскакать при помощи
прекаритета
«Десять негрятя» [Лехциер, 2015, с. 165–168]

4. Встречаются единичные случаи хиазма:

нам совсем не трудно напомнить, какие вы все душечки
и лапочки
какие вы мышкены все внутри, в глубине, в самой
сердцевиночке
«милые люди; к радости. 1» [Лехциер, 2013]

Повтор у В. Лехциера вариативен — от одновременно синтаксического и лексического повтора до внутреннего повторения однородных членов, как в стихотворении «Открытые письма (“милые люди; к радости”»». Здесь закодирована ода «К радости» — названы, «включены в игру» инструменты, на которых она исполняется:

в полной глухоте мы все-таки слышим это письмо
радости, его возвышенные слова и звуки/
флейты, гобой, кларнеты, фаготы исполняют письмо
радости, которое мы пишем/
трубы, тромбоны, валторны, тарелки исполняют
письмо радости, которое мы пишем/
виолончели, литавры, треугольники, барабаны исполняют
письмо радости, которое мы пишем/
скрипки, контрабасы, контрфаготы, альты исполняют
письмо радости, которое мы пишем/
тенор, сопрано, контральто, баритон поют письмо
радости, которое мы пишем
[Лехциер, 2015]

* Знак «/» в стихотворениях здесь и далее показывает конец авторской строки (прим. ред.).

Как видим, лексический и одновременно синтаксический повтор здесь тоже присутствует. Усиленный амплификацией, он вместо привычной для него у Лехциера левой стороны смещен в правую сторону стихотворения: без повтора сверхдлинная строка лишилась бы лиминальности как своей несущей колонны. Месседж Лехциера здесь открыто политический, автор работает с императивностью, дезавуированным призывом «открытого письма».

Явственность и – реже – полярность флангов позволяет средней строке пролегать внутри сверхдлинной. Интересно, что при чтении Виталием Лехциером его стихотворений он стремится озвучить самые длинные строчки (38–42 слога) на одном дыхании как единое целое, подчеркивая натяжение сверхдлинной строки. Это доказывает, что зона лиминальности лежит здесь именно на стыке словесного и внесловесного, а плоскость текста остается цельной.

Сверхдлинной строке Виталия Лехциера, анафоре, императиву и синтаксическому параллелизму в ней, поэтике повтора и нагнетания близка сверхдлинная строка Валерия Нугатова. Это родство возникло, конечно, не под прямым взаимовлиянием, а, возможно, отчасти под влиянием поэзии Аллена Гинзберга, интересного обоим авторам: Нугатов переводил Гинзберга, Лехциер говорит о своем интересе к Гинзбергу. Нугатов и в стихах упоминает Гинзберга: «я вправе говорить от своего имени хоть я и не аллен гинзберг и мне никто не давал такого права», «ведь я же не аллен гинзберг / и я не могу ждать» [Нугатов, 2009] («Поколение XYZ»). Если у Гинзберга наблюдается опора синтаксической конструкции на лирическое «я», и Нугатов этому наследует, то Лехциер отходит от «я». В своей поэзии он нацелен не на деконструкцию, как, по его мнению, Нугатов, а на «позитивную работу с чужой речью, вариации в ее рамках – испытание чужой речи на возможность звучать как поэзия»². Текст Нугатова «звучит как поэзия» благодаря и деконструкции.

Достаточно сравнить несколько фрагментов из этих трех авторов:

AMERICA

America I've given you all and now I'm nothing.
 America two dollars and twenty-seven cents January 17, 1956.
 I can't stand my own mind.
 America when will we end the human war?
 Go fuck yourself with your atom bomb
 I don't feel good don't bother me.
 I won't write my poem till I'm in my right mind.
 America when will you be angelic?
 When will you take off your clothes?
 When will you look at yourself through the grave?
 When will you be worthy of your million Trotskyites?
 America why are your libraries full of tears?
 America when will you send your eggs to India?
 <...>

Allen Ginsberg. America [Ginsberg Allen]

Мы не согласны с тем, что надежда умирает последней
 Мы не согласны с тем, что надежда умирает
 Мы выступаем за пролонгацию надежды, пролиферацию
 идей

Мы выступаем за сохранение надежды в наших жилах
 Мы выступаем за трансляцию надежды нашим детям
 Мы призываем к сохранению надежды любой ценой
 Мы призываем к нетривиальному пониманию надежды
 Мы выступаем за парадоксальность надежды,
 на которую можем рассчитывать
 Открытые письма [Лехциер, 2013]

недавно перечитал хайдеггера и удивился тому
 как плохо этот хайдеггер написан
 недавно перечитал бодрийера и удивился тому
 как плохо этот бодрийер написан
 недавно перечитал лакана и удивился тому
 как плохо этот лакан написан
 недавно перечитал беньямина и удивился тому
 как плохо этот беньямин написан
 Переоценка ценностей [Нугатов, 2016, с. 12]

Интересно сопоставить со строкой обычной длины, а также со сверхкраткой строкой. Рассмотрим эту связку – повтор в средней и сверхкраткой строке – на примере поэзии российско-немецкого поэта Венделина Мангольда.

Поэтика Мангольда балансирует на золотой середине между германской и российско-немецкой традициями стиха. Это тот случай в поэзии, когда эмигранты – российские немцы создают на немецком языке силлабо-тонические произведения, словно показывая германской верлибрической поэзии ее иные возможности.

Один из излюбленных приемов Мангольда – повтор. Чаще это анафора плюс синтаксический параллелизм. В ряде стихотворений на фоне регулярных повторов поэт дает финальную строку, изменяющую рисунок стихотворения, как, к примеру, в стихотворении *Gähnende Leere*. Здесь последняя строка выполняет функцию финальной, одновременно являясь синтаксической «копией» предыдущих. Но в других стихотворениях В. Мангольда, опирающихся на повтор, последняя строка все же отличается от предшествующих (*Menschsein*). Интерес вызывает именно накопление энергии в финальной строке, подобной другим. В этих случаях в рецепции происходит наложение ожидания измененного финала на имеющийся и рождение третьего финала.

Мангольд обычно работает на площадке небольшого текста. Его излюбленный прием – создание эффекта лиминальности, пограничности путем сочетания возвышенного и приземленного. К примеру, в небольшом цикле *Facebook im Karfreitag*. Третье место мотивы Страстной пятницы, репатриации российских немцев в Германию, прибежища для других переселенцев соединяются с мотивами мимолетности, тошноты, тупика. Мангольд сужает зазор между высоким и низким, а затем совсем сращивает эти мотивы, рождая их гибридными (*Wir reden wie Regen, derweil / regnets und regnets,*

ojemine, / auf Zelte und Köpfe in Idomeni... [Mangold, 2017, S. 42]).

Особый интерес в аспекте лиминальности вызывают стихотворения В. Мангольда, которые он сам называет Pyramiden («Пирамиды») [Mangold, 2015]. В них наблюдается процесс иссякания смыслов путем иссечения или/и нарастания слова/фразы, причем визуальный облик стихотворения становится похожим на пирамиду. В зоне лиминальности здесь оказывается видимая и фантомная, невидимая часть слова/фразы.

Таково, к примеру, отсечение от любви эгоизма: от страстных признаний адресату в итоге остается «я люблю» и только «я»:

LIEBESABNAHME

Ich liebe liebe liebe dich.

Ich liebe liebe dich.

Ich liebe dich.

Ich liebe.

Ich.

S c h e i d u n g ! [Mangold, 2015, S. 6]

«Пирамидам» В. Мангольда свойственна резкая или смягченная пуантированность, как раз и вызывающая эффект лиминальности. Увеличение строк в стихотворении Tagesverlängerung, с одной стороны, имитирует увеличение продолжительности дня, с другой — выливается в лексически краткий пуант, с которым контрастирует:

Der.

Der Tag.

Der Tag wird.

Der Tag wird lang.

Der Tag wird länger.

Der Tag wird am längsten.

Am 22. Juni [Mangold, 2015, S. 6].

В том случае, когда «пирамида» сначала иссекается, а потом нарастает, эффект лиминальности возникает дважды — на вершине пирамиды и в пуанте:

MINDERWERTIGKEITSKOMPLEXE

Ich.

Ich finde.

Ich finde mich.

Ich finde mich nicht.

Ich finde mich nicht attraktiv.

Ich finde mich nicht.

Ich finde mich.

Ich finde.

In mir nichts [Mangold, 2015, S. 7].

Мангольд экспериментирует на уровне лексики и графики, но энергия накапливается на всех уровнях его произведения.

Исследование показывает, что на площадке как сверхдлинной, так и сверхкраткой строки повтор позволяет накопить и перераспределить творческую энергию, создавая зоны и эффект лиминальности, умножающие количество интерпретаций текста и контекстов.

Примечания

¹ Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях: учебное пособие. М., 2004.

² Письмо В. Лехциера Е. Зейферт от 5.02.2017 о поэтическом синтаксисе // Из архива Е. Зейферт.

Библиографический список

Ginsberg Allen. *Howl, Kaddish and Other Poems*. L.: Penguin Books Ltd., 2009.

Mangold W. *Gottverlassen*. Gelsenkirchen: Edita Gelsen, 2017.

Mangold W. *Hymne auf den Menschen. Konkrete Poesie und Prosa*. Edita Gelsen e. V., Gelsenkirchen, 2015.

Лехциер В. Если бы это стихотворение прочитали // Журнал поэзии «Воздух». 2015. № 1–2 (15). С. 165–168.

Лехциер В. Открытые письма // Цирк Олимп+TV. 2013. № 12 (45).

Нугатов В. *fAKE*. Тверь: Kolonna Publications, 2009.

Нугатов В. Д.Х. и ДР. Переоценка ценностей. М., 2016.

Холшевников В.Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. М.; СПб., 2004.

References

Ginsberg Allen. *Howl, Kaddish and Other Poems*. London: Penguin Books Ltd., 2009 [in English].

Mangold W. *Gottverlassen*. Gelsenkirchen: Edita Gelsen, 2017 [in German].

Mangold W. *Hymne auf den Menschen. Konkrete Poesie und Prosa*. Edita Gelsen e. V., Gelsenkirchen, 2015 [in German].

Lekhtsier V. *Esli by eto stikhotvorenje prochitali* [If this verse had been read]. *Zhurnal poezii «Vozdukh»*, 2015, no. 1–2 (15), pp. 165–168 [in Russian].

Lekhtsier V. *Otkrytye pis'ma* [Open letters]. *Tsirk Olimp+TV [Olympus Circus+TV]*, 2013, no. 12(45) [in Russian].

Nugatov V. *fAKE*. Tver: Kolonna Publications, 2009 [in Russian].

Nugatov V. *D.Kh. i DR. Pereotsenka tsennostei* [D.Kh. and DR. Reevaluation of values]. М., 2016 [in Russian].

Kholshchevnikov V.E. *Osnovy stikhovedeniia. Russkoe stikhoslozhenie* [Basics of prosody. Russian versification]. М.; СПб., 2004 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-104-108
УДК 821.161.1

Дата поступления статьи: 21/1/2018
Дата принятия статьи: 18/11/2018

Хатидже Баяна

**АКТУАЛИЗИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Б.К. ЗАЙЦЕВА
«ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ»**

© Баяна Хатидже – аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

E-mail: haticebayana@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4574-0371>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется духовная проза Б.К. Зайцева. Ее особенности рассматриваются в контексте традиций житийной литературы, которые в XX веке были серьезно переосмыслены. Старшие писатели-эмигранты относились к житиям не как к литературным памятникам, а как к основе формирования сознания молодых эмигрантов, которым, как они полагали, предстоит вернуть страну к своим истокам. Повесть Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» входит в его известную житийную трилогию о Сергии Радонежском, Алексее Божьем человеке и преподобном Авраамии (1925–1934). Писатель показывает Свято-Троицкую Лавру как пример и начало процесса духовного и государственного возрождения Руси, что отвечало надеждам русских эмигрантов на победу над Советами. Следуя тексту Епифания Премудрого и сохраняя эмоциональную ровность, Зайцев придает свою интерпретацию узловым эпизодам из жизни Сергия. Мы видим образ преподобного Сергия Радонежского в разных ситуациях: ребенок, отрок, юноша, монах, настоятель, что позволяет представить и «лицо», и «лик» святого. Подвижничество Сергия показано в контексте известных подвижников как православной, так и католической церкви. Житийный и философский центр в повествовании – духовный подвиг как акт личной жизни, жизни монастырской общины, страны. При этом описание высокой миссии Сергия сочетается с историей быта и монашеского общежития Лавры. Писатель показывает, с какими трудностями общинного существования сталкивалась русская монастырская жизнь. В статье акцентируется внимание на антитезе как одном из композиционных приемов повествования.

Ключевые слова: христианство, православие, монашество, духовный смысл, русская государственность, монастырь.

Цитирование. Баяна Хатидже. Актуализированная история в произведении Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 104–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-104-108>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Hatice Bayana

ACTUALIZED HISTORY IN THE WORK OF B.K. ZAYTSEV
«VENERABLE SERGIUS OF RADONEZH»

© Bayana Hatice – postgraduate student, Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119899, Russian Federation.
E-mail: haticebayana@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4574-0371>

ABSTRACT

In the article the religious prose of Boris Konstantinovich Zaytsev is analyzed. It is considered in the context of Russian medieval religious literature that was deeply rethought by Russian emigrant authors. The themes of Orthodox culture and spirituality were very important for them because they believed that their mission was to preserve the pre-revolutionary Russian culture. The story «Venerable Sergius of Radonezh» which is written by B.K. Zaytsev is included in the well-known trilogy of the author about the life of the saints. So we can compare St. Sergius with others. The image of the Trinity-Saint Sergius Lavra is presented as a sacred center of Russian Orthodox culture and statehood. Following the words of Epiphanius the Wise and preserving the emotional evenness, Zaytsev lends his interpretation to the key episodes from the life of Sergius and Lavra. Saint Sergius is just an example, favorite by the people themselves – clarity, light transparent and equal. St. Sergius left, in his influence on the world, from the historical framework. Having done his job in life, he remained a figure. We saw Sergius as a thoughtful boy, quietly obedient; a young hermit, and hegumen, and the elder famous Sergius. He is a delicate, modest and selfless man at the same time he is a spiritual leader and a significant public person. The description of the high mission of Sergius is combined with the history of the monastic community of the Trinity-Saint Sergius Lavra. Zaytsev demonstrates that the monastery had a significant influence on the Russian medieval society and played an important role in revival of Russian medieval state. The article focuses on the antithesis as one of the compositional techniques of narration. The asceticism of Sergius is shown in the context of the famous ascetics of both Orthodox and Catholic churches.

Key words: Christianity, Orthodoxy, monasticism, religious meaning, Russian statehood, monastery.

Citation. Bayana Hatice. Aktualizirovannaja istorija v proizvedenii B.K. Zajtseva «Prepodobnyi Sergii Radonezhskii» [Actualized history in the work of B.K. Zaytsev «Venerable Sergius of Radonezh»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 104–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-104-108>.

В литературном наследии Русского зарубежья религиозные аспекты занимают особенное место. И. Шмелев, Б. Зайцев, А. Куприн, И. Бунин, М. Осоргин создали произведения, посвященные вопросам православной культуры, истории, духовности. Эмигрантский период творчества каждого из этих писателей – время тоски по родной культуре, поиска ответов на вопросы о причинах разрушения государства, обращение к истории и аксиологии православия. Феномен святости приобретал для них личностный характер и побуждал к исследованию житийной литературы. В житийной трилогии Зайцева (1881–1972) о Сергии Радонежском, Алексее Божьем человеке и преподобном Авраамии (1925–1934) силой творческой интуиции феномен святости осмысливается в различных ипостасях, в единстве индивидуального и надличностного измерений. Образ святости Руси был воссоздан Б.К. Зайцевым в книгах «Афон», «Валаам», в очерках о святых Серафиме Саровском, Иоанне Кронштадтском, Патриархе Тихоне. Он запечатлел образы церковных служителей и простых мирян, которые на своем трудном земном пути обретали веру и «сами светили миру своим примером и обликом» (Зайцев, с. 297).

При анализе повести Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» неизбежны обращение к традициям житийной литературы и их осмысление в XX веке, понимание приоритетов в создании сюжета и образа преподобного Сергия, значения, которое писатель видел в Свято-Троицкой Лавре.

Жанр житийной литературы – культурологическая и духовная ценность. Причем писатели, обращавшиеся к русской святости, преследовали цель как укрепления духовности и идей государственности в эмигрантской среде, так и приобщения европейского читателя к ценностям российской культуры. По словам И.М. Любимова, сказанным о Зайцеве, «отныне свою миссию русского писателя-изгнанника он осознает как приобщение и соотечественников, и западного мира к тому сокровищу, которое хранила Святая Русь, – православию» [Любимов, с. 16].

Зайцев относился к жителям не только как к литературным памятникам, но и как к основе формирования сознания молодых эмигрантов, которым, как полагали старшие эмигранты, предстоит вернуть страну к своим истокам. Б. Зайцев, А. Ремизов, Н. Зернов и многие другие актуализировали судь-

бы святых. XIV век называют веком преподобного Сергия Радонежского, он насыщен крупными историческими событиями [Федотов, с. 150]. Обращаясь к роли преподобного Сергия в Куликовской битве, Зайцев, несомненно, заострял вопрос о национальном самосознании; история примирения отцом Сергием Рязанского и Московского княжеств имела прямое отношение к задаче сохранения государства в XX веке. Зайцев показал не только «духовный» лик святого, но и его значимость для Древней Руси как общественного деятеля. Святой Сергий создал свой монастырь в отрыве от мира, но он не покидал мир с его заботами и нуждами. Власть имущие прислушивались к его мнению. Следуя примеру святого Антония из Египта, первого христианского отшельника Востока, отец Сергий покинул свой монастырь и отправился в Москву, укрепляя московского князя духовно и поддерживая его в государственных делах. Судьба Русской земли решалась и в келье Троицкого игумена [Скрынников, с. 112]. Зайцев показал Свято-Троицкую Лавру как пример и начало процесса духовного и государственного возрождения Руси, что отвечало надеждам русских эмигрантов на победу над Советами.

История Белого движения переживалась эмигрантами как жертвенный подвиг, что видно из публицистики И. Шмелева, А. Куприна и др. Житийный и философский центр в повествовании Зайцева — духовный подвиг как акт личной жизни, жизни монастырской общины, страны. Сложившаяся типология подвижничества говорит о том, что каждый духовный подвиг нацелен на сохранение, созидание, но не разрушение, что также отвечало восприятию революции как волюнтаристского слома устоев. Когда мы говорим о типах подвижничества, мы имеем в виду следующее: преподобнический тип («Житие Сергия Радонежского»); тип кетонический, уподобленный подвигу Христа («Житие Бориса и Глеба»); святость общественного долга («Житие Александра Невского»); деяния праведных жен («Повесть о Петре и Февронии Муромских»); сочетание святости и греховности («Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»).

Преподобнический подвиг осуществляется через монашескую аскезу и монашеские труды. В Евангелии приведены такие слова Иисуса Христа: *«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»* (Мф. 19: 29). Однако преподобный Сергий и его брат, вняв просьбе родителей не оставлять их, свои труды по созиданию монастырского мира начали уже после их смерти. Оставив «дома» и «земли», отец Сергий основал новые «дома», в которых жизнь уподоблена жизни Иисуса Христа, основана на следовании Его заповедям.

Текстологические аспекты, анализ сюжета, композиции, исследование топоса житийных текстов недостаточны для понимания произведений религиозной тематики, связанных с литургической практикой. Таким образом, жития — самая значительная часть христианской литературы, а сам жанр обладает своими особенностями создания и построения текста, канонами, приемами и типичными схемами в построении текста.

Когда житие одного и того же святого переписывают или оно пересоздается, проявляется отпечаток индивидуально-личностного отношения переписчика или автора к святому, что нарушает сакральность житийной литературы [Топоров, с. 191]. Повесть Зайцева отличается тем, что он смог избежать этой ситуации и представил нам свое произведение как иконографическое, при этом усложнив его разнообразными описательными деталями и характеристиками. Конечно, у него проявилась и «память жанра», по М.М. Бахтину. Так, Зайцев неоднократно ссылается на жития преподобного Сергия, написанные Епифанием Премудрым. Вместе с тем строгое следование известным реалиям сопровождается целым рядом ассоциативно-визуальных образов, которые передают личностное восприятие автором типа русской души и др.

Мы видим образ преподобного Сергия Радонежского в разных ситуациях: ребенок, отрок, юноша, монах, настоятель. Словесная визуализация образа помогает увидеть «лицо» и «лик» святого. Д.С. Лихачев в монографии «Человек в литературе Древней Руси» (1958), оказавшей большое влияние на развитие литературоведческой науки XX в., «рассмотрел художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения» [Лихачев, с. 3]. Соединение светскости и иконописности текста — отличительная черта повести Зайцева. Образ Сергия Радонежского, воссозданный Зайцевым, воплощает в себе основные черты, присущие русской святости: кротость, смирение, бескорыстие, нестяжание, с одной стороны; активную общественную и политическую деятельность — с другой. В повести описание повседневной жизни монастыря сочетается с темой высокой миссии преподобного Сергия, что особенно проявляется в эпизоде чудесного явления ему Богородицы, в истории его отношений с митрополитом Алексием, в описании Зайцевым дальнейшего возникновения многочисленных монастырей.

Образ жизни в общине описан через повествование об образе жизни преподобного. Зайцев эмоционально сдержан, сохраняет ровную интонацию на протяжении всего повествования. В повести нет духовного восторга паломника, ярко представленного в «Богомолье» Шмелева. Задача Зайцева иная: он описывает труды преподобного, духовное и материальное устройство монастыря.

В сюжете Лавры сохранена хронологическая последовательность. Исторический факт основания обители зафиксирован в 1345 году, когда все началось с отшельнического подвига преподобного Сергия в маленькой деревянной церкви. Стремление к уединению и молитве побудили святого к претенциозной и тихой, духовной жизни в лесу. Созидание Лавры началось с шалаша, потом срубленной кельи и церквушки на Маковице, далее — с обнесенных тыном двенадцати келий братии, которая жила, как сказано в повести, сурово и тихо, далее — с обновленной церкви Святой Троицы.

Зайцев отмечает, что монастырь жил по уставу Феодора Студита. Устав строго регламентировал жизнь монахов, его положения начинаются словами «должно знать», «нужно знать», «надлежит знать». Студийский устав учреждал отказ от личного имущества и правило общинной жизни, описывал рас-

пределение обязанностей. Как пишет А.М. Пентковский: «К нормативным дисциплинарным текстам студийского происхождения относятся *Монашеские заповеди*, *Главы о трапезах* и *Главы о распределении пищи*. *Монашеские заповеди*, составителем которых был преподобный Феодор Студит, регламентировали монастырскую жизнь в общежительном монастыре. Этот текст начинался статьей о необходимости повиновения игумену и содержал предписания и наставления, определявшие различные стороны монастырской жизни, в том числе предписание о порядке временного выхода из монастыря, наставление о бережном отношении к монастырскому имуществу, запрещение монахам собираться вместе, предписание регулярно исповедоваться игумену, наставления последнему о наложении епитимий, список монастырских должностей, предписание о бережном отношении к монастырским финансам, замечания о приготовлении теста для просфор и хлеба, изложение норм приема в монастырь. Завершались *Монашеские заповеди* статьей об избрании игумена и статьей о монастырской больнице» [Пентковский, с. 69].

Зайцев, подчеркивая роль отца Сергия, пишет и о том, с какими трудностями общинного существования сталкивалась русская монастырская жизнь, в том числе в монастыре самого преподобного. Перенятое из Греции и введенное на Руси Антонием и Феодосием Печерскими, общежитие впоследствии было вытеснено особностью, особножитным бытием. Обособленный порядок поначалу был установлен в монастыре на Маковице, где преподобный Сергей разрешал монахам иметь в кельях личную собственность, но, как пишет Зайцев, она породила среди монахов зависть. Введение общежития возвращало монашескую жизнь к порядку первохристианской общины. Зайцев пишет об упразднении в монастыре собственности, о трудах и молитвах монахов, о статусе келаря, духовника, экклезиарха, параэкклезиарха, канонарха.

В специальной литературе отмечается меньшая по сравнению с Иерусалимским уставом строгость Студийного устава. Но, возможно, такая особенность уравновешивалась осторожностью Сергия в вопросах пострига [Ключевский, с. 317]. Зайцев отмечает, как пристально преподобный изучал душевное состояние пришедшего. Автор ссылается на Епифания, который описывал, как преподобный следил за человеком, проходившим послушание. В повести говорится о статусе Сергия-духовника, о Сергии-воспитателе, налагавшем епитимии. Вместе с тем он внушал не страх, а чувство поклонения и уважения.

Духовное руководство общиной дополнилось заботой о быте монастыря. Со временем развилось собственное монастырское хлебопашество, на полях трудились монахи, нанятые крестьяне, добровольные помощники. Как показал Зайцев, сравнивая отца Сергия с Франциском Ассизским, преподобный не был проповедником, он учил насельников монастыря своим примером. Так, он построил сени к келье старца Даниила, который мог отплатить ему только кусками гнилого хлеба; он носил воду в гору, перетаскивал бревна, молот зерно, шил одежду и обувь, выпекал хлеб, работал в огороде (показателен эпизод встречи преподобного и крестьянина в монастырском огороде). Преподобный воспитывал в братии трудолюбие. Зайцев наполнил текст многочисленными бытовыми подробностями.

Сквозной мотив в описании жизни насельников монастыря — нестяжательство при явной бедности. Зайцев пишет о том, как не хватало воска, вина для совершения литургии, лампадного масла. Показателен эпизод, в котором описано чудо спасения от нужды, дар от неизвестного жертвователя — повозки с хлебом, рыбой. В главе «Общежитие и тернии» говорится о том, как преподобный запрещал монахам просить о вспомоществовании, но разрешал принимать дарения, как постепенно из монастыря ушла нужда. Таким образом, благодаря Сергию в жизни братии не было крайностей; Зайцев упоминает о том, как францисканцы не выдержали крайностей Франциска Ассизского.

Писатель акцентирует внимание на тактике Сергия в организации быта и бытия общины. Говоря о том, что Сергей не ставил во главу угла формализацию ее жизни, он противопоставил преподобного Сергия преподобному Феодосию Киево-Печерскому, предельно требовательному в исполнении своих указаний и опирающемуся на тактику подчинения. Строгий к братии и к себе, не снимавший власяницы, страстный в аскетизме, в испытании своей плоти, он, как мы узнаем из его жития, в быту следовал словам Господа: «*Безумный! В эту ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?*» (Лк. 12:20). Феодосий представляет отличный от Сергия тип подвижника. Сопоставление Сергия с другими учителями веры — повторяющийся прием повести, выявляющий особенности поведения прежде всего самого преподобного. В отличие от Феодосия, как и Франциска Ассизского, он вел жизнь без религиозного или чувственного экстаза, без чрезвычайности, что соответствовало самой живой жизни. Однако отметим, что в житиях преподобный Феодосий также показан человеком труда; например, сам покупал пшеницу, молот ее, готовил просфоры, носил воду из колодца, колот дрова. Зайцев не описывает тех черт Феодосия, которые сближают его с Сергием, его задача — подчеркнуть неамбициозность Сергия-деятеля. Так, он описывает, как Сергей отказывался от игуменства, от учительства, предпочитал подчиняться.

Отметим еще одну особенность восприятия преподобного Зайцевым. Сергей насаждал порядок, дисциплину, при нем труд стал приоритетом в жизни братии. Тем самым, как считал Зайцев, он устанавливал в радонежских лесах западную культуру. Как справедливо пишет Н.М. Солнцева, имея в виду и его скромность, и его трудовую жизнь: «И хотя в обители Сергия укоренились черты западной монастырской культуры, для Запада немыслим характер Сергиева игуменства» [Солнцева, с. 17].

В повествовании говорится о знаковых в жизни монастыря и страны людях. Например, о первом келаре преподобном Никоне, который впоследствии стал игуменом, об исповеднике братии — знаменитом Савве Сторожевском, о племяннике Сергия Феодоре — лаврском иконописце. Зайцев передает версию, согласно которой иконописное искусство из Лавры было перенесено в московский Андрониев монастырь, с которым связано имя Андрея Рублева. Особый фрагмент посвящен искусству списания книг, переплетчиков; упомянуты

Евангелие и Служебник преподобного Никона, писанное иноком Антонием произведение византийского духовного писателя «Поучения Аввы Дорофея», писанная Варлаамом «Лествица» 1411 года, писанный уже при игумене Никоне Псалтырь.

Но «Преподобный Сергей Радонежский» — не идиллия, Зайцев описывает конфликтные ситуации монастырской жизни, подчеркивая, что насельники монастыря — прежде всего люди с их слабостями и сомнениями. Зайцев показывает борьбу характеров и амбиций в стенах монастыря. Говорится об уходе в Москву брата Стефана, о недовольных Сергием во время голода и из-за его призывов к трудной жизни, наконец, об уходе преподобного из монастыря после проявления гордыни вернувшимся Стефаном. Сдержанный в интерпретациях и трактовках, Зайцев все же дает свои объяснения этому поступку преподобного. Он опять же возвращается к личности Феодосия Печерского, который подчинил бы себе недовольную братию и не покинул бы монастыря, и обращается к таким чертам преподобного Сергия, как смирение и умение слушать внутренний голос, вернее — волю Господа. Уход игумена обернулся для Лавры смятением, уходом преданных ему монахов вслед за ним на Киржач. Возвращение Сергия в Лавру описано цитатой из сочинения Епифания.

Как показано в «Преподобном Сергии Радонежском», созданная Сергием Лавра стала образцом для многочисленных русских монастырей. Зайцев опять же прибегает к сравнению. Он отдает должное Киево-Печерской Лавре как прародительнице русских монастырей, но отмечает, что «Киев и киевская культура слишком эксцентричны для России, слишком область, местное» и Киев «слишком надломился» (Зайцев, с. 324). Сергиева Лавра выполнила свою миссию в жизни России. В финале созданная преподобным Сергием обитель именуется «узлом духовного излучения» (Зайцев, с. 347).

Символично для сознания русских эмигрантов прозвучал мотив о деяниях учеников Сергия, о строительстве монастырей по всей России. Как пишет И.Б. Ничипоров: «В этой преемственности традиции монашеского учительства Зайцевым прозревается мистическое и одновременно культурное, социально-историческое преображение русского пространства, одухотворение той жизни, что «родится в лесных краях, глухоозерных»» [Ничипоров, с. 97].

Источники фактического материала

Зайцев Б.К. Преподобный Сергей Радонежский // А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев. Проза. М.: Олимп; АСТ, 2000. С. 297–354.

Библиографический список

Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 93–106.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 312–324.

Любимов И.М. Заступник Москвы — преподобный Сергей Радонежский // Любимов И.М. Малознакомая Москва. М.: Гелиос АРВ, 2003. С. 15–24.

Ничипоров И.Б. Преподобный Сергей Радонежский в русской литературе XX века // Московские епархиальные ведомости. 2013. № 9–10. С. 95–97.

Пентковский А.М. Студийский устав и уставы студийской традиции // ЖМП. 2001. № 5. С. 69–80.

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука, 1991. 397 с.

Солнцева Н.М. Св. Сергей Радонежский и литература XX века // *Stephanos*. 2014. № 6. С. 12–24.

Топоров В.Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.

References

Klyuchevsky V.O. *Znachenie prepodobnogo Sergiia dlia russkogo naroda i gosudarstva* [The meaning of St. Sergius for the Russian people and state]. In: Klyuchevsky V.O. *Aforizmy. Istoricheskie portrety i etudy. Dnevniky* [Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries]. М.: Mysl', 1993, pp. 93–106 [in Russian].

Likhachev D.S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Rus]. In: Likhachev D.S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works: in 3 Vols.]. L., 1987, Vol. 3, pp. 312–324 [in Russian].

Lyubimov I.M. *Zastupnik Moskvy «prepodobnyi Sergii Radonezhskii* [The Protector of Moscow — venerable Sergius of Radonezh]. In: Lyubimov I.M. *Maloznakomaiia Moskva* [Unfamiliar Moscow]. М.: Gelios ARV, 2003, pp. 15–24 [in Russian].

Nichiporov I.B. *Prepodobnyi Sergii Radonezhskii v russkoi literature XX veka* [Venerable Sergius of Radonezh in the Russian literature of the twentieth century]. *Moskovskie eparkhial'nye vedomosti* [Moscow Diocesan News], 2013, no. 9–10, pp. 95–97 [in Russian].

Pentkovskiy A.M. *Studiiskii ustav i ustavy studiiskoi traditsii* [Student charter and charters of the studio tradition]. *ZhMP* [Journal of the Moscow Patriarchate], 2001, no. 5, pp. 69–80 [in Russian].

Skrynnikov R.G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv.: Podvizhniki russkoi tserkvi* [State and Church in Russia XIV–XVI centuries: The Devotees of the Russian Church]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 397 p. [in Russian].

Solntseva N.M. *Sv. Sergii Radonezhskii i literatura XX veka* [St. Sergius of Radonezh and literature of the twentieth century]. *Stephanos*, 2014, no. 6, pp. 12–24 [in Russian].

Toporov V.N. *Ob odnom arkhainom indoevropaiskom elemente v drevnerusskoi dukhovnoi kul'ture* [About one archaic Indo-European element in the Old Russian spiritual culture]. In: *Iazyki kul'tury i problemy perevodimosti* [Languages of culture and the problem of translatability]. М., 1987, p. 191 [in Russian].

Fedotov G.P. *Sviatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Russia]. М., 1990, p. 150 [in Russian].

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-109-118
УДК 94(47).08

Дата поступления статьи: 21/I/2018
Дата принятия статьи: 23/III/2018

L. Kütt

BMW FAHREN UND ARD SCHAUEN. EMANZIPATIONSPHÄNOMENE BEI INITIALKURZWÖRTERN BMW DRIVE AND ARD WATCH. EMANCIPATION APPEARANCE IN INITIAL SHORTWORDS

© Kütt Lukas – Department of German Linguistics, Julius Maximilians-University (JMU) Würzburg in Bavaria, Am Hubland, Philosophiegebäude 4.U.3, 97074, Würzburg, Germany.

E-mail: lukas.kuett@uni-wuerzburg.de. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4828-0852>

Who knows offhand, that in German *ARD* stands for *Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland* or *BaföG* for *Bundesausbildungsförderungsgesetz*? Word shortening is a very productive category of word formation and characteristic for professional jargon and both common and specific usage of speech in the 20th and 21st centuries. Reasons for the quantitative growth of the results of word shortening are first enlargement of words (e. g. compounds) with longer terms and their inefficient functions in the process of communicating. On a second step, these extended terms can be condensed into a new and shortened forms that carry the same meaning as the original forms and benefit some communicative advantages. Furthermore an increase of lexemes with an origin beside the modern German language (e. g. *LASER*, *FAQ*) can also be observed.

Short terms, acronyms and initialisms including features of language economy and intransparent morphological structure enable efficient communication and a creative use of language. They can also be used to express familiarity, special purposes and hints at implied social bonds among the people employing them. Because of the difficulties of outgroup members with decoding the semantic content or meaning of shortened forms, they also indicate group affiliation. Depending on the speaker's awareness and knowledge of speech, results of shortening processes can sometimes lose their link to the original and be gradually independent and unchangeable with their longer originals. Redundancies and repetitions of morphemes and constituents are common and popular implications.

With some kind of semantic excess or deficit the results of word shortening differ from their former longer terms. This article and its empirical analysis describes current developments of initialisms focusing on frequency in authentic texts and semantic differences between shortened and long terms. Based on a survey, this article shows how initialisms undergo a change of meaning when used in different contexts and modalities and describes causes and consequences.

Key words: short word, abbreviation, initial short word, semantic duplicates, linguistic autonomy, composition, demotivation, word formation, foreign words, corpus linguistics, speaker survey, German language.

Цитирование. Kütt L. *BMW fahren und ARD schauen. Emanzipationserscheinungen bei Initialkurzwörtern. Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 109–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-109-118>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Л. Кютт

BMW ЕДУТ, А АРД СМОТРЯТ: ЭМАНСИПАЦИЯ В ИНИЦИАЛЬНЫХ СОКРАЩЕНИЯХ

© Кютт Лукас – кафедра немецкого языкознания, Баварский университет имени Юлия Максимилиана, г. Вюрцбург (ФРГ), Am Hubland, Philosophiegebäude 4.U.3, 97074, Würzburg, Германия.
E-mail: lukas.kuett@uni-wuerzburg.de. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4828-0852>

Еще несколько лет назад сокращения в немецком языке типа *ARD* в значении *Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der Bundesrepublik Deutschland*, или *BaföG* как эквивалент *Bundesausbildungsförderungsgesetz* были почти неизвестны. Предмет данной статьи – исследование новых моделей и вариантов сокращения слов как продуктивной категории немецкого словообразования, характерной для профессионального и общеразговорного использования в речи в XX–XXI вв. Материалом для исследования послужил корпус новейших кратких терминов, акронимы и инициализмы. Анализовались также особенности проявления при их образовании законов языковой экономии и их непрозрачная морфологическая структура внутригрупповой принадлежности, творческое использование языковых средств при создании новых немецких сокращений. Иногда сокращения в современном немецком языке могут быть/становиться семантически «независимыми» от их более «длинного оригинала». В статье описаны также прототипы немецких слов-сокращений, исследуются их частотность в разнотипных аутентичных текстах и семантические различия между укороченными и «длинными» терминами и их узуальными вариантами. На основе анкетирования рецепции/толкования сокращений носителями языка показывается, как инициализация видоизменяет смысл подобных лексем при использовании их в разных типах текстов, в контекстах и с различной модальностью.

Ключевые слова: сокращенное слово, аббревиатура, инициальное сокращение, семантические дубликаты, лингвистическая автономия, композиция, демотивация, словообразование, иностранные слова, лингвистика корпуса, анкетирование, немецкий язык.

Citation. Kütt L. *BMW fahren und ARD schauen*. Emanzipationserscheinungen bei Initialkurzwörtern // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 109–118. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-109-118>.

Noch vor 30 Jahren hätte dieses Lied der „Fantastischen Vier“ (1999) wahrscheinlich nicht den Erfolg gezeitigt, den es bei seiner Veröffentlichung hatte. Das liegt auch daran, dass die darin enthaltenen Kurzwörter (KW) sich erst später in die deutsche Standardsprache bzw. ihre Varietäten integrierten und vor diesem Prozess nicht oder nur schwer für die meisten Sprachteilhaber zu identifizieren waren.

ARD, ZDF, C&A
BRD, DDR und USA
BSE, HIV und DRK
GbR, GmbH – ihr könnt mich mal
THX, VHS und FSK
RAF, LSD und FKK
DVU, AKW und KKK
RHP, USW, LMAA
PLZ, UPS und DPD
BMX, BPM und XTC
EMI, CBS und BMG
ADAC, DLRG – ojemine
EKZ, RTL und DFB
ABS, TÜV und BMW
KMH, ICE und Eschede
PVC, FCKW – is nich o.k.
MfG – mit freundlichen Grüßen
die Welt liegt uns zu Füßen, denn wir stehn drauf
Wir gehn drauf für ein Leben voller Schall und Rauch
Bevor wir fallen, fallen wir lieber auf.

Erst mit aufkommender Bekanntheit der KW werden die Pointen verständlich. Der ökonomische Umgang mit Sprache wie er bei der Bildung von KW zu beobachten ist, ist keine neuzeitliche Erfindung: neben KW-Bildungen zeigt sich Sprachökonomie im Gegenwartsdeutschen auch durch die Zunahme und Verstärkung der Univerbierung, vgl. *Seebad* < *Bad an der See* [Braun, 1998, S. 168]. Seit der Antike wird Kürzung von sprachlichem Material praktiziert, vgl. *INRI* < *Jesus Nazarenus Rex Iudaeorum*. Sprachpfleger aus dem 18. und 19. Jahrhundert erkannten, dass Sprachentwicklung etwas mit Sparsamkeit, mit dem Streben nach Artikulationsökonomie und dem Prinzip des geringsten Aufwands zu tun hat. J. Grimm zufolge wächst die Sprache nach dem „natürlichen Gesetze weiser Sparsamkeit“ [Keller, 1994, S. 165]. Nachweislich und auffällig wird der Prozess der KW-Bildung vor allem mit dem Beginn unseres Jahrhunderts und speziell nach 1945. Eine große Anzahl an soziolektaler, dialektaler und fachsprachlicher Bildungen ist Zeugnis für die Produktivität der Kürzung und der Relevanz des Ökonomieprinzips im sprachlichen Ausdruck, welches die These propagiert, nach der die Menschen mit „möglichst geringem (psycholog. und ling.) Aufwand möglichst große kommunikative Effekte zu erzielen suchen“ [Glück, 2010, S. 648].

Es soll anhand dieser Mikrostudie den Fragen nachgegangen werden: welche Erklärungen sich für den Anstieg von KW im Sprachgebrauch finden lassen; wie sich diese Zunahme exemplarisch nachvollziehen lässt. Ein Fokus

liegt darauf, wie Initialkurzwörter von Sprechergruppen ohne Kenntnis der Langform (LF) verwendet werden und welche Rolle Transparenz und (De-)Motiviertheit der Bezeichnungen für den Sprachgebrauch spielen. Ferner werden Entwicklungen/Tendenzen im Auftreten, in den Häufigkeiten und im Verwendungskontext von KW untersucht¹.

Die Ökonomie der Gegenwartssprache

Bevor aktuelle Entwicklungstendenzen und neuzeitliche Phänomene hinsichtlich der Verwendung von KW anhand von Korpusbefunden und einer Feldstudie skizziert werden sollen, lohnt ein Blick auf die Ursachen der Zunahme von KW im Gegenwartsdeutschen. Zunächst lassen sich gerade in fachsprachlichen Kontexten in der Wortbildung (WB) Spezialisierungstendenzen bzw. eine Zunahme an sprachlicher Komplexität feststellen. Kompositionen und polymorphische Wortbildungskonstruktionen (WBK) bergen durch ihre Fähigkeit, mehrere Bezeichnungen zu verdichten, und den unbegrenzten Konstruktionsreichtum ein erhebliches Expansionspotential, das zur Entstehung semantisch wie ausdrucksseitig immer komplexerer Wörter führt. Kuriose Übertreibungen in der WB können die Folge sein, vgl. *RkReÜAÜG* < *Rinderkennzeichnungs- und Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz*. Das fachsprachliche Streben nach Genauigkeit und Präzision von Benennungseinheiten für Gegenstände und Sachverhalte verlangt nach der Bildung von umfangreichen Zusammensetzungen und „Mehrwortbenennungen als Nominationen“ [Starke, 1997, S. 91]². Soll der volle Kommunikationseffekt erzielt werden, dann kann der Fachmann nicht auf Mehrworttermini verzichten, die für einen Grundbegriff und einen oder mehrere andere ihn determinierende Begriffe stehen bzw. ihm weitere Merkmale hinzufügen [Hoffmann, 1985, S. 176].

Die anschließende Kürzung dieser umfangreichen WBK kann sekundär als eine sprachökonomische Reaktion auf komplexe Wortbildungen und Syntagmen/Phraseologismen aufgefasst werden. Aufgrund ihrer vereinfachenden bzw. effizierenden Funktion und einfachen Handhabbarkeit sind es vor allem multisegmentale KW und Initialformen, die sich gegen ihre komplexen Vollformen durchsetzen: gerade in Fachsprachen müssen Gegenstände und Sachverhalte präzise, ökonomisch und wertneutral benannt werden, wobei die multisegmentalen KW diese funktionale Trias offenbar besser erfüllen, als die konkurrierenden Klassen [Michel, 2009, S. 837]. Politik, Wirtschaft, Sport und gelegentlich auch die Medizin sind die häufigsten Bereiche, aus denen KW in die Standardsprache eindringen (vgl. BND, EU, UNO, FDP, HMI, MBB, DJK, HSV, BMI, HIV u.a.m.). Ursache dieses Integrationsprozesses ist die hohe Frequenz dieser Wörter im Sprachgebrauch und das daran anschließende kommunikative Bedürfnis nach kürzeren Varianten³.

Als zweite große Gruppe neben den Fachsprachen sind auch Szene-, Umgangs- und Jugendsprachen produktiv darin, KW zu produzieren, die sich in der Standardsprache etablieren [Besch, 2009, S. 111]. Während der Wortumfang in der Jugendsprache zunimmt, ist eine gegenläufige Tendenz, bzw. starke Wortkürzung in der Kommunikation via digitalen Endgeräten, z. B. in den Chats beobachtbar⁴. Zumindest für Teile der Jugendsprache gilt die Tendenz zur Sprachökonomie durch KW nur bedingt [Grimm, 2003, S. 113].

Ein weiterer Grund für die steigende Anzahl von KW im Gegenwartsdeutschen ist die Integration nicht-nativer Benennungseinheiten, die ihre Kürzung in der

Herkunftssprache vollzogen haben. Starken Einfluss auf das Vokabular des Deutschen hat der internationale Sprachkontakt (insbesondere mit dem Englischen), verursacht durch die anhaltende Globalisierung und Weltmobilität von Menschen und Gütern [Michel, 2009, S. 837]. Technisch ausgefeilte Innovationen verlangen nach differenzierten Benennungen und werden dabei meist vom Erfinder in dessen Muttersprache getauft und ggf. gekürzt [Steinhauer, 2007, S. 132]. Analoge deutschsprachige Übersetzungen werden dagegen selten angeboten bzw. überhaupt entwickelt. So kommt es, dass gerade englischsprachige KW ohne den Umweg einer vorhergehenden Übersetzung ins Deutsche integriert werden, vgl. *Laser*, *Radio*, *DVD*, *DSL*, *GPS*. Ein weiterer Grund für das Fehlen deutscher Übersetzungen könnte der Prestigegewinn bzw. eine „Popularisierung“ [Wolff, 2009, S. 242] durch die Verwendung außersprachlicher fachterminologischer KW sein, um einem innovativen Produkt etwas Exklusives abzugewinnen, vgl. *BBQ* (< Barbecue) statt *Grillen*; *FAQ* (< *Frequently Asked Questions*) statt *häufig gestellte Fragen*. Neuaufnahmen an fremdsprachigen KW in das Gegenwartsdeutsche sind die Folge⁵, während deutsche Pendanten nur noch für den „Binnenbedarf“ [Besch, 2009, S. 255] vorgesehen werden.

Korpusbefunde

Eine Analyse am DWDS-Textkorpus soll die These eines häufigeren Gebrauchs von KW im 20. und 21. Jahrhundert mit empirischen Daten auf ihre Gültigkeit testen und anhand von Beispielen den quantitativen Zuwachs von KW am Gesamtwortschatz auf einer Zeitskala skizzieren. Mit der Heterogenität seiner Texte eignet sich das DWDS-Kernkorpus zur Veranschaulichung von Wortverläufen über einem langen Zeitraum bis in die heutige Zeit. Die Voraussetzung der Repräsentativität zur Ermöglichung allgemeingültiger Aussagen ist damit erfüllt⁶. Im Output (Wortverlaufsstatistik) der Analyse wird anhand des Diagramms angezeigt, wie oft das gesuchte Stichwort in jeder Dekade/Textsorte vorkommt. In der Horizontalen der Matrix sind 10 Dekaden des 20. Jahrhunderts aufgetragen, während die Häufigkeiten des gesuchten Wortes als Tokenfrequenz in der Vertikalen verortet sind⁷ (Abb. 1).

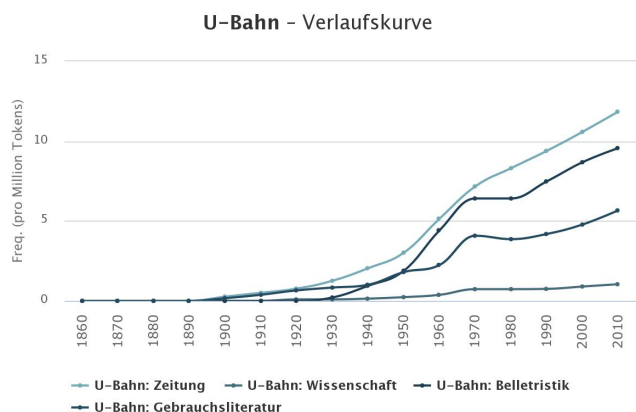

Abb. 1. DWDS-Wortverlaufskurve für „U-Bahn“⁸

Am Beispiel *U-Bahn* (alle Angaben beziehen sich hier auf den zugrundeliegenden Type) ist ersichtlich, dass der Gebrauch dieses KW seit den 1930er Jahren tendenziell zunimmt. Demgegenüber ist die Verwendung der LF *Untergrundbahn* in sämtlichen Textsorten seit Mitte des 20. Jahrhunderts stark rückläufig (Abb. 2).

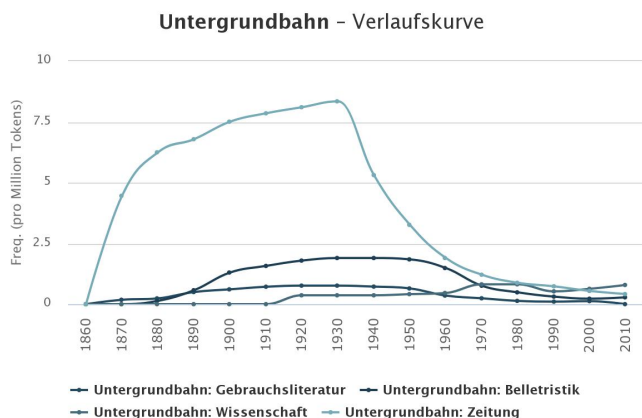

Abb. 2. DWDS-Wortverlaufskurve für „Untergrundbahn“

Ähnlich verhält es sich mit der Verwendungsexpansion der KW *Auto* (vgl. Anhang)⁹, *Kripo*, *V-Mann* und *WC*, sowie dem Rückgang der zugehörigen Vollformen im Sprachgebrauch¹⁰. Mithilfe der angeführten Beispiele aus dem DWDS-Kernkorpus kann die These, KW würden heute häufiger verwendet werden als vor einem Jahrhundert, nur teilweise verifiziert werden. Um den steigenden Anteil von KW am Gebrauchswortschatz der Standardsprache zweifelsfrei und unmissverständlich zu veranschaulichen, bedarf es einer Methodik, bei der chronologisch entstandene Texte der gleichen Art (z. B. regelmäßig erscheinende Zeitschriften) auf ihren Kurzwortanteil hin geprüft werden. Mithilfe der Suchtools des DWDS lassen sich dagegen nur Häufigkeitsentwicklungen und -verläufe einzelner Wörter aufzeigen. Es mangelt am Werkzeug, mit dem alle KW im Text auffindbar wären. Die letzte Analyse mit entsprechender Vorgehensweise stammt von Kobler-Trill (1994). Darin wurden die Zeitungen „Fränkischer Tag“, das „Bamberger Tagblatt“, die „Bayerische Ostmark“ über einen gewissen Zeitraum auf ihren Anteil von KW am Gesamtumfang aller Wörter untersucht. Ergebnis war, dass im vergangenen Jahrhundert bezogen auf den Sprachgebrauch von Redakteuren der besagten Zeitungen ein Anstieg an KW zu verzeichnen sei [Kobler-Trill, 1994, S. 178–199]¹¹. Trotzdem zeigen die Beispiele der Korpusanalyse, dass KW mittlerweile mit steigender Tendenz die Frequenz des Auftretens ihrer jeweiligen LF reduzieren¹².

Mit dem vermehrten Auftreten eines KW geht stellenweise und in Abhängigkeit verschiedener Faktoren auch dessen „Verselbständigung“ [Lohde, 2006, S. 54] einher. Fragestellungen, inwiefern manche KW die Vollform im Sprachgebrauch noch eindeutig und ohne semantischen Überschuss bzw. semantisches Defizit repräsentieren, konnten bisher nur ungenügend behandelt werden [Michel, 2006, S. 75]. Der Behebung dieses wissenschaftlichen Defizits soll sich der zweite Teil der Arbeit mittels empirischen Daten in notwendiger Exemplarität annähern.

Unter der Verselbständigung von KW soll demnach der Prozess verstanden werden, bei dem sich eine Bedeutungseinheit des KW herausbildet oder ein semantisches Merkmal hinzukommt, welches die Vollform nicht enthält¹³. Am Ende dieses Prozesses sind LF und KF nicht mehr synonyme und deckungsgleiche

semantische Dubletten: Normalerweise stehen das Kurzwort und seine Vollform gleichberechtigt nebeneinander und werden je nach Situation verwendet. Manchmal kann das Abkürzungswort aber das „Vollwort“ auch verdrängen und die Herleitung des Wortes ist für viele Sprecher nicht mehr durchsichtig [Kessel, 2010, S. 120].

Während ein KW anfangs bedeutungsidentisch mit seiner LF ist, kann die exakte Referenz im Lauf der Zeit einer ungefähren Beschreibung weichen oder distinktive semantische Merkmale dazugewinnen bzw. verlieren. Manche KW erlangen eine solche Selbständigkeit, dass „ihre Konstituenten nicht mehr in Beziehung zu den entsprechenden Vollformen gedacht werden“ [Pohl, 1991, S. 248]. In einigen Fällen kommt es zur zunehmenden Loslösung vom Basislexem [Starke, 1997, S. 88].

Eine starke Verdichtung und zunehmende Verselbständigung der KW gegenüber den Vollformen führen manchmal zu Doppelungen von (partiell) KW und LF innerhalb der neuen WBK. Eine solche „Tautologie“ [Starke, 1997, S. 90], verursacht durch die Wiederholung des letzten Gliedes des Basislexems in Komposita mit dem KW als Bestimmungswort, tritt zumeist dann auf, wenn die zugrunde liegende Vollform eines KW dem Sprechersreiber nicht oder nur unzureichend bekannt ist. Beispiele semantischer Doppelung: *ABM-Maßnahme*, *ABS-System*, *ARD-Anstalt*, *BAföG-Gesetz*, *BMW-Werk*, *DIN-Norm*, *DTV-Verlag*, *HIV-Virus*, *LCD-Display*, *RAM-Memory*, *UTB-Taschenbuch*. In diesen Fällen offenbaren die KW ihre relative Selbständigkeit dadurch, dass sie hinsichtlich der Benennungsmotivierung der LF unangemessen gebraucht werden und partiell redundante ausdrucksseitige Formen entstehen. Einen Grund für die Verselbständigung von KW liefert auch die Unkenntnis eines Sprechersreibers bezüglich der Vollform eines KW, insbesondere dann, wenn es aus einer anderen Sprache stammt. Durch den Entlehnungsprozess die in der Gebersprache vorhandene Relation VF-KF geht verloren und dadurch kann im Deutschen nach der Entlehnung nur noch von einer Lehn-Abkürzung gesprochen werden. So ist z. B. *AIDS* (*VF Acquired Immune Deficiency Syndrome*) so lange als Abkürzung erkennbar, solange die Akronym-Schreibung vorherrscht [Greule, 2006, S. 431].

Auf Ebene der Graphie wurde der Hinweis auf eine ursprüngliche Wortkürzung durch Kleinschreibung mit Majuskel mittlerweile jedoch weitgehend getilgt [Dudenredaktion, 2011, S. 184]. *Aids* ist wie viele andere Wörter (*Nato*, *Laser*, *Foto*) im Deutschen zum „einfachen“ Lehnwort geworden [Greule, 2006, S. 431]. Dabei sind es nicht nur fremdsprachige KW, deren Vollform den meisten Sprachbenutzern unbekannt ist. Auch KW aus deutschen LF verursachen Schwierigkeiten bei der Rekonstruktion seitens des Hörerlesers. Ein Gebrauch des KW trotz mangelnder Kenntnis der LF kann dabei als ein Indiz für die Verselbständigung des jeweiligen KW angesehen werden. Auch zahlreiche Homonymien, sowohl von Kurzwörtern untereinander als auch von Kurzwörtern mit Eigennamen oder Appellativa, ob gewollt oder ungewollt, stützen die These einer weitgehenden Eigenständigkeit der KW in der Kommunikation [Starke, 1997, S. 90].

Ein Symptom für die Verselbständigung von KW ist der Bedeutungswandel durch semantische Umdeutung

bzw. Divergenz des KW gegenüber dem Basislexem. Der Prozess der „Bedeutungsverschiebung“ [Balnat, 2011, S. 112] wird durch die Undurchsichtigkeit der KW erleichtert. Möglich werden der unsachgemäße Gebrauch von KW in Bezug auf die jeweilige LF sowie eine schwindende Synonymiebeziehung der Wortbildungsprodukte, weil durch Kürzung die Durchsichtigkeit der Benennungsstruktur der Basislexeme und damit auch die morphematische Motiviertheit aufgeweicht werden [Starke, 1997, S. 90]. In der Alltagskommunikation steigt das Vorkommen solcher KW, die sich von ihrer LF emanzipiert haben und eine zusätzliche Bedeutung tragen, vgl. *BMW* („Auto“: *Ich fahre einen BMW.*) vs. *Bayerische Motorenwerke* („Arbeitsplatz, Arbeitgeber“: *Ich arbeite bei BMW.*)

Semantische Divergenz in Sprecherbefragungen

Eine Sprecherbefragung kann darüber Aufschluss geben, ob und in welchem Ausmaß Verselbständigung von KW in die Standardsprache der Gegenwart Einzug erhalten hat. Es soll erforscht werden, ob Verselbständigungsprozesse von (ausgewählten) KW in bestimmten Kommunikationsbereichen besonders ausgeprägt sind und ob trotz der Unkenntnis einer LF die zugehörige KF in ihrer Bedeutung verstanden und sachadäquat gebraucht wird bzw. potentiell werden kann. Das Forschungsdesign der Datenerhebung konstituiert sich aus dem Fragebogen mit offenen und geschlossenen Fragen sowie Stimuli, die das Sprachbewusstsein des Probanden in den Blick nehmen. Einleitend findet sich ein fiktives Textbeispiel wider, das es auf Auffälligkeiten, Besonderheiten und grammatikalische Unstimmigkeiten hinsichtlich der enthaltenen KW zu untersuchen gilt. Im 2. Teil des Bogens sollen Angaben zu Bekanntheitsgrad und Verwendungsmodalitäten von potentiell verselbständigten KW gemacht werden und KW hinsichtlich der zugrunde liegenden LF identifiziert werden. Anhand der gewonnenen Daten soll eine Aussage über die These geliefert werden können, ob und inwiefern eine Emanzipation bzw. Verselbständigung von KW mit der Unkenntnis der dazugehörigen LF korreliert.

Die Stichprobe setzt sich dabei folgendermaßen zusammen (Abb. 3, Tab. 1).

Mit je 50 männlichen und weiblichen Befragten ist eine Einseitigkeit der gewonnenen Daten auszuschließen und eine nachträgliche Gewichtung nicht mehr erforderlich. Der Altersdurchschnitt der Befragten liegt bei 28,1 Jahren. Die Muttersprache aller Beteiligten ist deutsch. Wenngleich die Stichprobe aufgrund ihrer Größe/Qualität keine Repräsentativität aufweist, lassen sich die sich daraus gewonnenen Befunde in die Bewertung der eingangs formulierten Thesen einordnen.

Anhand eines fiktiven Textbeispiels soll festgestellt werden, ob die Probanden Auffälligkeiten, Besonderheiten oder grammatikalische Unstimmigkeiten im Zusammenhang mit den im Text verwendeten KW entschlüsseln können. Dazu wurden grammatikalische Zweifelsfälle und verselbständigte, bzw. nicht sachgerecht verwendete KW in einen Text eingebunden, der sich in seiner Verfasstheit an tatsächlich veröffentlichten journalistischen Presseerzeugnissen orientiert. Im Text wurde somit *BMW* synonym für *Kraftfahrzeug* dieses Fabrikats verwendet. Gemäß der Bedeutung der LF könnte es im Text stattdessen eher lauten: *Bei einer Sichtweite*

Tabelle 1

Anzahl	Herkunft
87	Bayern
4	Baden-Württemberg
2	Thüringen
2	Nordrhein-Westfalen
1	Berlin
1	Hessen
1	Mecklenburg-Vorpommern
1	Sachsen
1	Russland

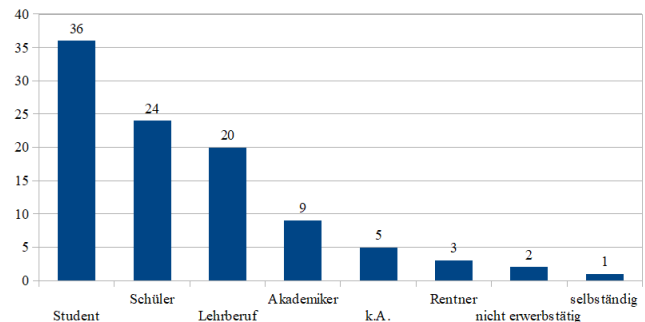

Abb. 3. Berufstätigkeit der Probanden

von unter 20 Metern verlor ein 47-jähriger die Kontrolle über sein Kraftfahrzeug der Marke BMW und prallte auf das Heck eines Cabrios. Grammatikalisch zweifelhaft ist zudem das Plural-s von *LKW*. Korrekterweise lautet der Plural von *LKW* in der LF *Lastkraftwagen* und nicht **Lastkraftwagens*. Ähnlich verhält es sich mit dem KW *Auto*, dessen grammatikalisch korrekter Plural der LF *Automobile* ist und nicht **Automobils*. Unkorrekt sind die semantischen Doppelungen bei *ABS-System*, *ABM-Maßnahmen* und *BMW-Werke*. Um die suggestive Wirkung der Hervorhebung durch Unterstreichung annähernd zu egalisieren, wurden neben den Beispielen, deren Wirkung auf den Probanden für das vorgegebene Ziel von Interesse ist, auch KW mit sachgerechtem Gebrauch eingebaut, vgl. *Cabrios*, *TÜV-Sachverständigen*.

Den Mittelteil des Bogens bildet ein Fragenteil, der unter Berücksichtigung von Kontextbedingungen der kommunikativen Situation die Ermittlung des Bekanntheitsgrades und der Verwendungsmodalitäten der Phrasen *TÜV haben/erhalten*, *Bafög bekommen/erhalten*, *eine SMS schreiben*, *einen BMW fahren/haben* und *ARD schauen* zum Ziele hat. Anhand der Ergebnisse aus den Auswahlmöglichkeiten formell/informell kann analysiert werden, in welchen kommunikativen Teilbereichen bzw. Modalitäten (gesprochene/geschriebene Sprache oder Sprachgebrauch in einer E-Mail/ Kurznachricht¹⁴) die Verselbständigung von KW am weitesten fortgeschritten ist. Durch eine Kontrastierung von LF und zugehörigem KW wird deutlich, dass die verwendeten Beispiele nur als KF im jeweiligen Sinnzusammenhang existieren können. Sinnentleert und grammatikalisch unkorrekt wäre dagegen die Verwendung der LF im jeweiligen Kontext (Tab. 2).

Tabelle 2 *BMW* weitgehend in der Standardsprache integriert und semantisch entsprechend als teildifferenziert von der LF anzusehen ist.

*Technischer Überwachungsverein haben/erhalten	aber: TÜV haben/erhalten
*Bundesausbildungsförderungsgesetz bekommen/ erhalten	aber: BAföG bekommen/erhalten
*eine Short Message Service schreiben	aber: eine SMS schreiben
*einen Bayerische Motorenwerke fahren/haben	aber: einen BMW fahren/haben
*Arbeitsgemeinschaft der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalten der BRD schauen	aber: ARD schauen

In einem späteren Teil des Fragebogens wird der Proband gebeten, die LF zu den exemplarischen KF zu rekonstruieren. Ist sie dem Befragten unbekannt, soll zumindest die Bedeutung des KW in paraphrasierter Weise wiedergegeben werden. Ziel der Fragestellung ist, herauszufinden, ob trotz der Unwissenheit einer LF seitens des Sprecherschreibers die dazugehörige KF potentiell sachgerecht und im situativ richtigen Kontext angewendet werden kann, bzw. zu welchen Auswirkungen Verselbständigung unter KW führen kann.

Zunächst sollte untersucht werden, ob den Teilnehmern die im Textbeispiel enthaltenen semantischen Dubletten auffallen und infolgedessen korrigiert, bzw. benannt werden. Mit einer Mehrheit von 84 % empfand der Großteil der Befragten das KW **ABS-System* als korrekt angewendet. Lediglich 16 % erkannten, dass *System* hier zweimal vertreten ist. Umso erstaunlicher ist dieses Ergebnis, wenn man beachtet, dass *ABS* später von 76 % der Befragten als *Antiblockiersystem* identifiziert wurde¹⁵. Die Doppelung bei *ABM-Maßnahme* übergangen 81 %, während 85% der Probanden *BMW-Werke* als korrekt verwendet ansahen¹⁶. Die Zahlen unterstützen die These, der zufolge sich die KW *ABM*, *ABS* und *BMW* verselbständigen, indem sie trotz falschem Gebrauch scheinbar Verwendung finden können und im geeigneten Kontext verstanden werden.

Dass der Grad an Verselbständigung von *BMW* sehr hoch zu sein scheint, beweisen andere Daten im Fragebogen: So rekonstruierten nur 6 befragte Personen das KW *BMW* aus dem Textbeispiel zu den Lexemen *Bayerische Motorenwerke*, während das Gros von 94 Befragten keine Auffälligkeiten in der hiesigen Anwendung fand oder in *BMW* sogar ein Synonym für *Kraftfahrzeug der Marke BMW* sah. Mit einem Bekanntheitsgrad des Terminus „einen *BMW* fahren“ von 100 %, einer Verwendungsrate von 99 % und den oben dokumentierten Erkenntnissen lässt sich behaupten, dass *BMW* als Synonym für ein *Kraftfahrzeug der Marke*

Bekanntheitswerte von 100 % weisen auch die morphosyntaktische Ausdrücke *eine SMS schreiben* / *ARD schauen* auf, weshalb die Vermutung nahe liegt, dass aufgrund hoher Belegzahlen im Sprachgebrauch der Probanden der Verselbständigungsprozess von *SMS* / *ARD* anhält. Auf diesem Weg befinden sich *TÜV* / *BAföG*, deren Verwendungen in *TÜV haben/erhalten*, bzw. *BAföG bekommen/erhalten* mit dem Bekanntheitsgrad von 99 % hinter dem von *SMS/ARD* rangiert.

Die jeweiligen Verwendungsraten liegen bei immerhin 89 % für *TÜV haben/erhalten*, bei 96 % für *BAföG bekommen/erhalten*, bei 98 % für *eine SMS schreiben* und bei 84 % für *ARD schauen*. Derartige Zahlen beweisen, dass sich KW semantisch durch Bedeutungsverschiebung innerhalb eines Sinnzusammenhangs von ihrer LF emanzipiert haben und unter einer mehr oder weniger stark abweichenden Bedeutung ein eigenständiger Teil der Alltagssprache geworden sind. Besonders ausgeprägt ist der Verselbständigungsprozess der 5 Beispiele jeweils im informellen Kontext im Bereich der gesprochenen Sprache. Die geringsten Verwendungshäufigkeiten der verselbständigten KW liegen erwartungsgemäß im formellen Kontext der geschriebenen Sprache vor. Die Zahlen für den Sprachgebrauch in einer E-Mail/ Kurznachricht nähern sich bei allen Beispielen an die der geschriebenen Sprache an, d.h. der Schreiber einer E-Mail/Kurznachricht scheint sich eher am Stil der geschriebenen als an dem der gesprochenen Sprache zu orientieren. Davon leitet sich die Frage ab, inwiefern in einer E-Mail oder Kurznachricht überhaupt noch von „konzeptionelle[r] Mündlichkeit“ [Kessel, 2010, S.147] die Rede ist.

Um zu prüfen, ob die Verselbständigung eines KW mit der Unkenntnis der Bedeutung der zugehörigen LF korreliert, sollten in einem zweiten Schritt 28 Belege verschiedenen Bauplans rekonstruiert werden. Mit der Erhebung von Daten zur Rekonstruktion der LF sollte geprüft werden, ob und wie potentiell verselbständigten KW die korrekte Form zugewiesen werden kann oder eine bestimmte Bedeutungskomponente verloren geht, bzw. hinzutritt, was Indiz für Eigenständigkeit des KW wäre. Relativierend sei hier eingeräumt, dass es auch semantische Abkopplung der KF von der LF gibt, ohne dass sich ein Verselbständigungsprozess einstellt¹⁷.

Aus den ausgewerteten Daten ergab sich, dass manche KW „sekundäre Bedeutungsänderungen“ [Donalis, 2005, S.140]

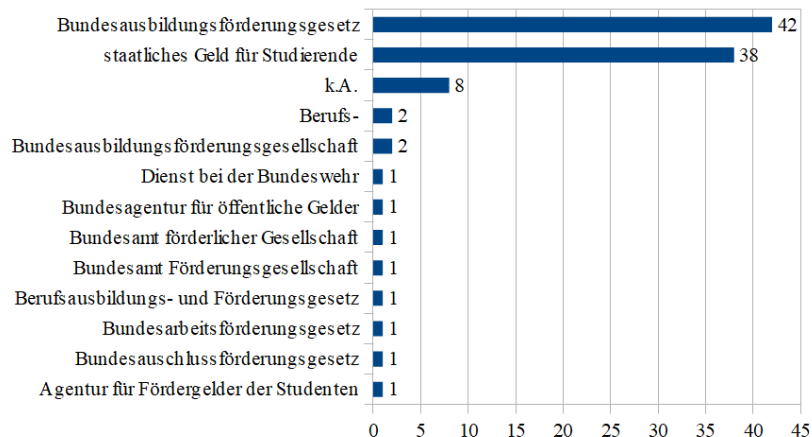

Abb. 4. Rekonstruierte LF zu BAföG

erfahren. So wird bei 7 % der Befragten TÜV als *Siegel*, *Prüfplakette* oder *Autozulassung* rekonstruiert, während der Hinweis auf die Institution in den Hintergrund tritt. SMS wird sogar bei 32 % der Teilnehmer als *Kurznachricht/short message/Textnachricht* decodiert. 38 % der Befragten waren der Annahme, dass das G in *BaföG* für *Geld* steht, vgl. *Berufsausbildungsfördergeld*, *Barfördergeld*, oder *Bundesagenturfördergelder*¹⁸. Folgende Behauptung konnte damit verifiziert werden: Wenn heute (zumindest in der Alltagskommunikation) von *Bafög* die Rede ist, ist in der Regel nicht mehr das Gesetz gemeint, sondern das Auszubildenden/Studierenden aufgrund dieses Gesetzes zustehende Geld, wie Komposita wie *Bafög-Erhöhung* zeigen [Steinhauer, 2007, S.135].

Die ursprüngliche Bedeutung von *ARD* ist bei 48 % der Teilnehmer der Bedeutung *Das Erste*, bzw. *erstes deutsches Fernsehen* gewichen. Lediglich ein Befragter konnte *ARD* der korrekten LF zuordnen. In all diesen Fällen konnte eine semantische Loslösung vom Basislexem beobachtet werden, was in der Sprachforschung allgemein als ein eindeutiges Kriterium für die Verselbständigung von KW angesehen wird [Kessel, 2010, S.118]. Die Unkenntnis des Basislexems schließt den sachadäquaten Gebrauch des KW trotzdem nicht aus. Anhand der gewonnenen Daten konnte in Ansätzen verfolgt werden, wie der Verselbständigungsprozess durch Umdeutung der Semantik eines KW zum Wegbereiter für neue Wortbildungsprodukte wie *Bafög-Erhöhung* werden kann. Eine Bedeutungsänderung ließ sich so auch bei *lol* nachweisen: 5 Befragte sahen darin ein Synonym zu den Adjektiven *witzig* und *lustig*, was eine Verselbständigung in Aussicht stellt.

Neben den Erkenntnissen zur Verselbständigung von KW konnten bei der Datenauswertung weitere Beobachtungen zur aktuellen Entwicklung von KW im Bereich der Flexionsmorphologie gemacht werden, die im folgenden Abschnitt dokumentiert werden sollen: Ungeachtet der optischen Hervorhebung zweifelhaft verwendeter KW im Textbeispiel kam es bei 92 % der Befragten zu keiner Markierung des Plural-s von *LKW*. *Autos* empfinden 97 % als regelgerecht gebildeten Plural zu *Auto*. Am Status des Plural-s bei KW als etabliertes Flexiv sollte angesichts dieser Beispiele nicht mehr gezweifelt werden¹⁹.

Die These, *Tankwart* und *Bierdeckel* seien Klammerformen, konnte anhand der geringen Teilnehmerzahl, die die LF *Tankstellenwart* (9 %) und *Bierglasdeckel* (0 %) notiert haben, am Sprachverständnis der Probanden nicht mit ausreichender Signifikanz bestätigt werden. Hinsichtlich der Verständlichkeit von KW konnte durch viele Beispiele die These untermauert werden, dass insbesondere Initialkurzwörter von Fehlinterpretationen betroffen sind, da sie die höchsten Reduktionsquotienten aufweisen [Siever, 2011, S. 113], vgl. *Bundesministerium*, *Body Mass < BDM*, *Anti-Brems-System < ABS*. Partiiell reduzierte WBK bergen auch ein hohes Potential, Fehlassoziationen auszulösen, vgl. *Kretchen-Frage*, *Kosten-Frage < K-Frage*.

Anhand der Daten der Sprecherbefragung kann in Ansätzen nachvollzogen werden, wie sich einige KW in der Semantik von ihren Vollformen lösen. Andererseits gibt es Indizien dafür, dass diese Emanzipation nicht notwendigerweise mit einem Abbruch des Informationsflusses einhergeht. Obwohl eine Bedeutung nicht oder nur in Teilen bekannt ist, wird das Wort unter Einbezug situativer und kontextueller Hinweise richtig, d.h. gemäß senderseitiger Intention verwendet und vom Rezipienten verstanden²⁰.

Fazit und Ausblick

Wenngleich mit dem vermehrten Aufkommen von KW im Gegenwartsdeutschen häufig ein Verlust an Motiviertheit bzw. Variation der semantischen Komponenten einhergeht, befriedigen sie weitgehend erfolgreich das Bedürfnis nach einer ökonomischen Ausdrucksweise. Reduktion und die Tendenz zur Verkürzung gelten fortan noch als Konstante sprachlicher Kommunikation: „Die Sprache eines Volkes muß doch mit der gesellschaftlichen Entwicklung Schritt halten“ [Keller 1994, S. 19]²¹. Zudem tragen lexikalische KF in bedeutendem Maße zur Wortschatzerweiterung bei [Grote, 2000, S.79f.]. Eine fortschreitende semantische Verselbständigung von KW gegenüber ihren LF impliziert Sprachwandelphänomene, die in besonderer Weise das Mündliche bzw. Informelle dominieren. Eine semantische Emanzipation der KW von der LF belebt die Debatte, ob und inwiefern KW der WB zuzurechnen sind. Aufmerksam sollte künftig der Zusammenhang von sprachlicher Spezifizierung und ökonomischem Ausdruck beobachtet werden: „Der Kampf dieser Prinzipien treibt die Sprachveränderung unablässig voran“ [Linke, 1991, S. 378]. Trotz jeder Analyse der Teilaspekte dieser Veränderungen erscheint eine Prophezeiung hinsichtlich der Kurzwortverwendung im Deutschen unmöglich: „Die Theorie der Sprachökonomie kann nur [...] unfähig zur Vorhersage sein, weil in ihr der Sprachwandel konsequent als das betrachtet wird, was er unserer Überzeugung nach ist: eine zweckbestimmte menschliche Tätigkeit [Ronneberger-Sibold, 1980, S. 245] (Abb. 5–8).

ANHANG. Textbeispiel Fragebogen

In der Nacht zum Sonntag kam es auf der A7 bei Göttingen zu einem Zusammenstoß mit mehreren Fahrzeugen. Bei einer Sichtweite von unter 20 Metern verlor ein 47-jähriger die Kontrolle über seinen BMW und prallte auf das Heck eines Cabrios. Mehrere nachfolgende Autos und LKWs entgingen nur knapp einem Zusammenstoß mit den Unfallwagen. Das ABS-System des Fahrzeuges des Unfallverursachers versagte bei dem versuchten Ausweichmanöver völlig. Dem TÜV-Sachverständigen Holger Lurt zufolge treten derartige Störungen der Bremsvorrichtung in gehäufter Frequenz bei Fahrzeugen der gleichen Serie auf. Endkontrollen in den werkseigenen Montageabteilungen seien vielmehr ABM-Maßnahmen, als eine verantwortungsvolle Pflicht. Eine diesbezügliche Stellungnahme des Sprechers der verantwortlichen BMW-Werke blieb bisher aus. Der Unfallschaden wird auf mehrere tausend Euro geschätzt. Alle beteiligten Personen kamen mit dem Schrecken davon.

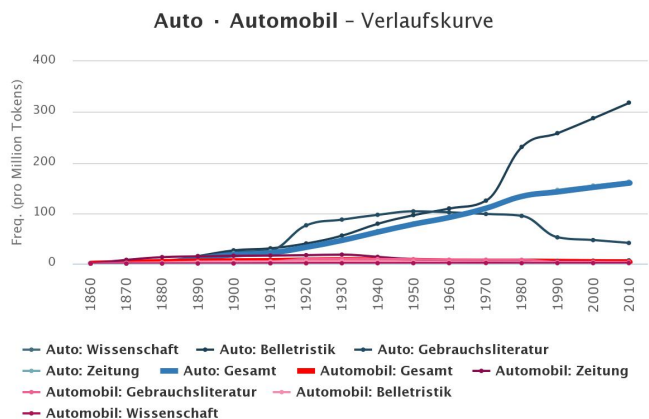

Abb. 5. DWDS-Wortverlaufskurve für „Auto / Automobil“

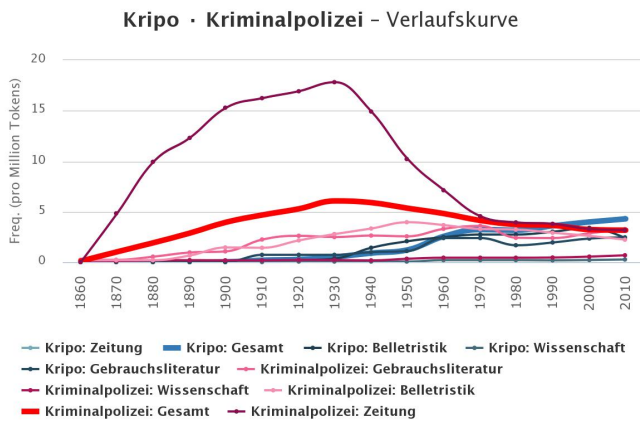

Abb. 6. DWDS-Wortverlaufskurve für „Kripo / Kriminalpolizei“

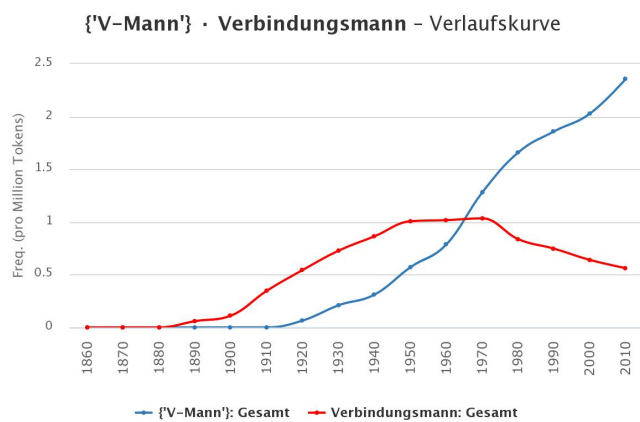

Abb. 7. DWDS-Wortverlaufskurve für „{'V-Mann'} · Verbindungsmann“

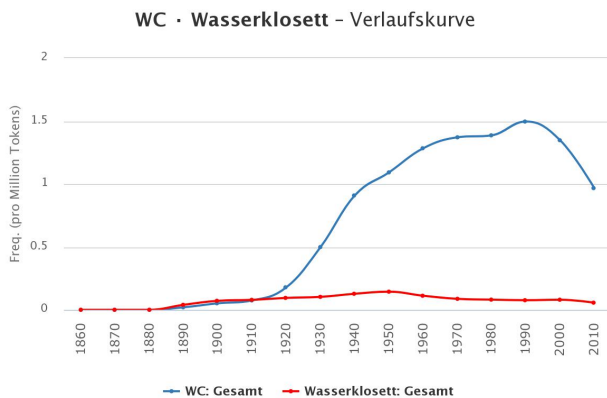

Abb. 8. DWDS-Wortverlaufskurve für „WC / Wasserklosett“

NOTE

¹ Inhaltsseitige und sprachpragmatische Analysen von KW sollen nur dort angestellt werden, wo sie der Beweisführung der angestellten Hypothesen zuträglich sind. Eine Analyse der Funktionen von KW hinsichtlich stilistischer Markiertheit, Kreativität in der WB etc. muss mit dem Makel des Oberflächlichen behaftet bleiben.

² Parallel zur Kurzwortbildung kann der Weg eines Wortes hin zum Fachterminus auch über eine Bedeutungseinengung, -übertragung, und -wandel oder über formale Veränderungen

von der Umschreibung (Periphrase) bis hin zur Univerbierung führen [Kessel, 2010, S. 143; Michel, 2009, S. 837].

³ Dass die Zunahme an KW allein als „Gegentendenz zur Verlängerung fachspezifischer Termini“ [Balnat, 2011, S. 4] verstanden werden kann und damit nur „Reaktion auf die Zunahme polymorphischer WBK“ ist [Fleischer/Barz 2007, S. 222], konnte empirisch teilweise widerlegt werden: „Jeweils nur ein Sechstel aller Kurzwörter gehen auf Mehrfachkomposita bzw. Appellativa zurück“ [Augst, 2001, S. 226].

⁴ Erfreuten sich produktive Kürzungen wie *lol* (< laughing out loud), *afk* (< away from keyboard) meist nur in Internetforen, sozialen Netzwerken/Newsgroups Beliebtheit, hat sich deren Anwendung auch auf Bereiche außerhalb der digitalen Kommunikation erweitert. Mit der Popularisierung und der standardsprachlichen Verwendung von gekürzten Fachbegriffen wird die Funktion der KW, als exklusives (bzw. auch inklusives) und gruppenspezifisches „Zugehörigkeitsindiz“ [Starke, 1997, S. 92] gelten zu können, geschwächt. In ihrer Übersichtlichkeit, die sie gegenüber der komplexen LF verkörpern, eignen sich deren Kurzformen (KF) im Computerzeitalter besonders für die Verwendung in Datenbanken/Programdateien, vgl. *App* < Applikation. Praktische Gründe wie eine geringe Speicherkapazität von bspw. portablen Geräten erfordern eine Datenreduktion, die sich im Sinne einer Reduktion von Informationen auf den Aussagekern eben auch auf die Kürzung sprachlicher Komponenten ausweitet [Siever, 2011, S. 13].

⁵ Einen anderen Weg schlägt das Französische ein, wenn es für international anerkannte KW teilweise eigene Varianten etabliert, vgl. *UNO* entspricht *ONU* (frz.) oder *AIDS* entspricht *SIDA* (frz.).

⁶ Eine vielseitige Lexik und die Beteiligung zahlreicher Autoren aus den Bereichen Belletristik (ca. 28 %), Journalismus (Zeitungen) (ca. 27 %), Wissenschaft (ca. 23 %) und Gebrauchsliteratur (ca. 21%) spiegelt sich der Sprachzustand der jeweiligen Epoche wider, weshalb sich der DWDS-Korpus als eine gute Grundlage sprachwissenschaftlicher Untersuchungen [Kobler-Trill, 1994, S. 143] erweist.

⁷ Für jeden Type wurde die Häufigkeitsskala den Häufigkeitsverhältnissen gemäß angepasst. Die Absolutzahlen sind für das hier verfolgte Ziel irrelevant, denn es sollen lediglich die veränderten Verhältnisse bzw. die Entwicklung des jeweiligen Wortes im Hinblick auf Verwendungsfrequenz aufgezeigt werden.

⁸ Die Abbildungen № 3–4 sind unsere eigenen Darstellungen, № 1–2, 5–8 stammen aus: <https://www.dwds.de/rplot?view=1&norm=date%2Bclass&smooth=spline&genres=1&grand=1&slice=10&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale> (accessed 31.01.2018).

⁹ Auffällig sind hohe Verwendungshäufigkeiten der KF und LF von *Auto* in den 1950er Jahren. Es beruht auf dem wirtschaftlichen Fortschritt und dem Einzug des Automobils in den Alltag der Nachkriegszeit. Die große Häufigkeit des Auftretens von *Auto/Automobil* in den 1950ern bleibt eine singuläre Erscheinung im Diagramm. Des Weiteren wird aus der Visualisierung des Wortverlaufes von *Automobil* ein Anstieg der Zahlen der letzten 3 Dekaden ersichtlich. Der häufigeren Verwendung könnte der Mobilitätsgedanke und eine erhoffte sprachliche Vermittlung von Dynamik zugrunde liegen, die bei *AutoMOBIL* mitschwingt und in der KF verloren geht.

¹⁰ Für die korpusbasierte Verlaufsanalyse eignen sich nur KW, deren Referenzen lange koexistieren. Kaum fassbar in der Korpusuntersuchung sind KW, die homonym zu freien Morphemen vorkommen, vgl. *Hoch*, *Rad* oder *Korn*.

¹¹ Vor allem Eigennamen und Institutionen (Politik, Wirtschaft, Sport, Medien) sind das Gros der aktuellen Ausgangsprodukte für Kürzung, vgl. *UNO, EG, NATO, Juso, Soko, Kripo, Stasi, V-Mann, ADAC, OB, TU, FU, EU, LUH, NASA, Leica, Avus, ABS, BMI, ARD, Kika* u. a. m.

¹² Die statistische Überlegenheit der KF *BMW* (n=149 im DWDS-Korpus; n=8290 im Zeit- und Zeit-Online-Korpus) gegenüber der LF *Bayerische Motoren Werke* (n=34 im Zeit- und Zeit-Online-Korpus) bekräftigt das Ergebnis.

¹³ Verselbständigungstendenzen lassen sich neben semantischen Modifikationen auch auf Ebene der Lexik/Morphologie ausmachen. Dazu zählen auch Fälle, in denen sich KW hinsichtlich des Genus von ihrer LF ausdifferenzieren, vgl. *das Foto < die Fotografie, der Infekt < die Infektion*.

¹⁴ Der Sprachstil einer E-Mail/Kurznachricht positioniert sich aufgrund der konzeptionellen Mündlichkeit zwischen dem der gesprochenen/geschriebenen und ist deshalb in einer eigenen Kategorie auswählbar [Kessel, 2010, S.147].

¹⁵ Weitere 18% rekonstruierten *ABS* als *Automatisches Bremssystem, Abbremsungssystem* oder erkannten zumindest, dass es sich bei *ABS* um ein bremsen-regulierendes Bauteil eines Automobils handelt.

¹⁶ 68 % der Befragten kannten die LF *Bayerische Motorenwerke*, während 19 % *BMW* mit einer deutschen Automarke assoziierten. Weitere 8 Befragte rekonstruierten *BMW* im Sinne von *Auto*, bzw. *Motorwagen*.

¹⁷ Wird *AIDS* wie in 7 % der Fälle als eine *Geschlechtskrankheit* identifiziert, lähmt das den Kommunikationsprozess, jedoch verselbständigt sich *AIDS* dadurch nicht. Grund dafür ist, dass *AIDS* als KF für eine Geschlechtskrankheit einen zu geringen Bekanntheitsgrad innehat, wodurch Sender/Empfänger in der Auffassung gegenüber der Vollform von *AIDS* meist geteilter Meinung sind. Vergleichsweise hat *BMW* als suggerierte KF für *Kraftfahrzeug der Marke BMW* einen Bekanntheitsgrad von 100 %. Es liegt nahe, dass Sender/Empfänger sich bezüglich der Referenz von *BMW* einig sind, obwohl das KW gemäß seiner eigentlichen Bedeutung falsch verwendet wird.

¹⁸ Außerdem wurde *Bafög* als *Ausbildungsförderungsgeldhilfe, Berufsausbildungsförderungsgeld* oder *Bundesausbildungsförderungsgeld* rekonstruiert, bzw. in paraphrasierter Weise zum Ausdruck gebracht, dass es sich bei *Bafög* um staatlich finanzierte Unterstützung für Studierende handelt. Die paraphrastische Decodierung als „Dienst bei der Bundeswehr“ bezeugt in Ansätzen die Demotivierung der KF und damit das Hindernis für Hörerleser, ausdrucks- und inhaltsseitige Rückschlüsse zur LF zu ziehen.

¹⁹ Darüber hinaus konnte die Funktion von KW als Zugehörigkeitsindiz des Sprechers zur bestimmten Sozialgruppe bestätigt werden: Unter den Teilnehmern, die *Zula* als *Zulassungsarbeit* konstruiert haben, der ein Terminus der Studentensprache ist, sind 79 % Studenten und Akademiker. Dieser Gruppe gehören auch 74 % der Befragten an, die *Hiwi* mit dem Terminus *Hilfswissenschaftler* rekonstruiert haben, welcher ebenfalls Teil der Studentensprache ist. 83 % der befragten Schüler decodierten mit *Sozi* als *Sozialkunde*, einen Begriff, der häufig im Schulalltag ist.

²⁰ Paraphrasierungen wie ‚Krankheit, die das Immunsystem schwächt‘ oder ‚Krankheit, die durch HIV ausgelöst wird‘ sind hinreichende Beschreibungen für die Symptomatik des AIDS.

²¹ Daraus ergibt sich eine „internationale Dominanz der englischen Sprache“ [Kobler-Trill, 1994, S. 199] (vgl. *Blog, CD, Laser*) und der Trend zum ökonomisch-kommunikativen Sprachgebrauch [Wolff, 2009, S. 240].

References

- AUGST G. Gefahr durch lange und kurze Wörter? Lang- und Kurzwortgefahr? LKW-Gefahr? // Stickel, G. (Hrsg.): Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. Berlin/New York: de Gruyter, 2001. S. 210–238 [in German].
- BALNAT V. Kurzwortbildung im Gegenwartsdeutschen. Hildesheim: Olms, 2011 [in German].
- BÄR J. A./ROELCKE TH./STEINHAUER A. (HRSG.) Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007 [in German].
- BESCH W./WOLF N.R. Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte – Zeitstufen – Linguistische Studien. Berlin: Schmidt, 2009 [in German].
- BEST K. H. Kürzungstendenzen im Deutschen aus Sicht der Quantitativen Linguistik // Bär J. A./Roelcke Th./Steinhauer A. (Hrsg.): Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007. S. 45–62 [in German].
- BRAUN P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. Stuttgart/Berlin/Köln: Kohlhammer, 1998 [in German].
- COULMAS F. Die Wirtschaft mit der Sprache. Eine sprachsoziologische Studie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992 [in German].
- DONALIES E. Die Wortbildung des Deutschen. Ein Überblick. Tübingen: Narr, 2005 [in German].
- DONALIES E. Basiswissen Deutsche Wortbildung. Tübingen: Francke, 2011 [in German].
- DUDENREDAKTION (HRSG.). Duden. Die deutsche Rechtschreibung. Mannheim und Zürich: Dudenverlag, 2011 [in German].
- DUDENREDAKTION (HRSG.). Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Mannheim und Zürich: Dudenverlag, 2016 [in German].
- FLEISCHER W./BARZ I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer, 2007 [in German].
- GARDT A. Kürze in Rhetorik und Stilistik // Bär J.A./Roelcke Th./Steinhauer A. (Hrsg.): Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007. S. 70–88 [in German].
- GLÜCK H. (HRSG.) Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2010 [in German].
- GLÜCK H./RÖDEL M. (HRSG.) Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart/Weimar: Metzler, 2016 [in German].
- GREULE A. Kurzwörter in historischer Sicht // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki: Neuphilolog. Verein. Bd. 4, 2006. S. 423–434 [in German].
- GRIMM H. Veränderungen der Sprachfähigkeit Jugendlicher. Eine Untersuchung zu Abituraufsätzen von den Vierziger- bis zu den Neunzigerjahren. Frankfurt am Main: Lang, 2003 [in German].
- GROTE A./SCHÜTTE D. Entlehnung und Wortbildung im Computerwortschatz – neue Wörter für eine neue Technologie // Busch A./Wichter S. (Hrsg.): Computerdiskurs und Wortschatz. Corpusanalysen und Auswahlbibliographie. Frankfurt am Main: Lang, 2000 [in German].
- HOFRICHTER W. Zu Problemen der Abkürzung in der deutschen Gegenwartssprache // Linguistische Studien. Bd. 44. Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1977 [in German].
- HOFFMANN L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 1985 [in German].
- HOFFMANN R. Natürlichkeit und Multilingualität – Aktuelle Forderungen an die Sprachsynthese // Satzger A. (Hrsg.): Sprache und Technik. Frankfurt am Main: Lang, 1999 [in German].
- HÜLZER-VOGT H. Das Ökonomieprinzip des Sprachsystems und die kognitive Ökonomie des kommunikativen Handelns // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und

- Kommunikationsforschung. Heft 6/Jg. 44. Berlin: Akademie-Verlag, 1991. S. 741–757 [in German].
- KELLER R. Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. Tübingen und Basel: Francke, 1994 [in German].
- KESSEL K./REIMANN S. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache. Tübingen: Francke, 2010 [in German].
- KESSEL K./REIMANN S. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache. Tübingen: Francke, 2017 [in German].
- KOBLER-TRILL D. Das Kurzwort im Deutschen. Eine Untersuchung zu Definition, Typologie und Entwicklung. Tübingen: Niemeyer, 1994 [in German].
- KOBLER-TRILL D. Vergleichende Analyse zum Gebrauch von Kurzwörtern in Wirtschaftsteilen von Tageszeitungen neuer und alter Bundesländer // Barz I./Fix U. (Hrsg.): Deutsch-deutsche Kommunikationserfahrungen im arbeitsweltlichen Alltag. Heidelberg: Winter, 1997. S. 181–194 [in German].
- KOBLER-TRILL D. Die Formseite der Abkürzungen und Kurzwörter // Cruse D. A./Hundsnuerscher Fr./Job M./Lutzeier R. P. (Hrsg.): Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Berlin/New York: de Gruyter, 2002. S. 452–456 [in German].
- KÖPCKE K.-M. Die sogenannte *i*-Derivation in der deutschen Gegenwartssprache. Ein Fall für outputorientierte Wortbildung // Agel V. et. al. (Hrsg.): Zeitschrift für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte. Bd. 30. Berlin/New York: de Gruyter, 2003. S. 293–309 [in German].
- LINKE A./NUSSBAUMER M./PORTMANN P. R. Studienbuch Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1991 [in German].
- LOHDE M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. Tübingen: Narr, 2006 [in German].
- MARTINET A. Sprachökonomie und Lautwandel. Eine Abhandlung über die diachronische Phonologie. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981 [in German].
- MICHEL S. Kurzwortgebrauch. Plädoyer für eine pragmatische Definition und Prototypologie von Kurzwörtern // Germanistische Mitteilungen. Zeitschrift für Deutsche Sprache, Literatur und Kultur. Bd. 64. Heidelberg: Winter, 2006. S. 69–83 [in German].
- MICHEL S. Fachsprachlicher Kurzwortgebrauch. Zur Kurzwortentwicklung in der Institution „Bundeswehr“ // Henn-Memmesheimer B./Franz, J. (Hrsg.): Die Ordnung des Standard und die Differenzierung der Diskurse. Akten des 41. Ling. Kolloquiums in Mannheim 2006. Teil 2. Frankfurt am Main: Lang, 2009. S. 831–842 [in German].
- MICHEL S. Das Kurzwort zwischen ‚Langue‘ und ‚Parole‘ – Analysen zum Postulat der Synonymie zwischen Kurzwort und Vollform // Elsen H./Michel S. (Hrsg.): Wortbildung im Deutschen zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen. Stuttgart: ibidem, 2011. S. 135–164 [in German].
- MUNSKE H. H. Wortbildungswandel // Habermann M./Müller P.O./Munske H. H. (Hrsg.): Historische Wortbildung des Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 2002. S. 23–40 [in German].
- NEULAND E. Jugendsprache. Eine Einführung. Tübingen: Francke, 2008 [in German].
- NÜBLING D. *Auto – bil, Reha – rehab, Mikro – mick, Alki – alkis*: Kurzwörter im Deutschen und Schwedischen // Marold E./Rühling L. (Hrsg.): Skandinavistik. Zeitschrift für Sprache, Literatur und Kultur der nordischen Länder. Jg. 31. Glückstadt: Augustin, 2001. S. 167–199 [in German].
- POHL I. *SPD, Photo, COM '90* oder *Sozialdemokratische Partei Deutschlands, Photographie, Fachmesse für Computertechnik 1990* – Entscheidung zwischen Kurzwörtern und deren Vollformen // Kwartalnik Neofilologiczny. Jg. 38. Warschau: Wydawnictwo Naukowe, 1991. S. 241–250 [in German].
- PROSS H. Terminzwang und Signalökonomie // Petri H. (Hrsg.): Sprache – Sprachverfall – Sprache im Wandel – Was wird aus unserer Sprache? Bochum: Brockmeyer, 1986. S. 245–261 [in German].
- ROELCKE TH. Effizienz sprachlicher Kommunikation // Bär J. A./Roelcke Th./Steinhauer A. (Hrsg.): Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007. S. 7–26 [in German].
- RÖMER CHR./MATZKE B. Lexikologie des Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 2003 [in German].
- RÖMER CHR. Morphologie der deutschen Sprache. Tübingen: Francke, 2006 [in German].
- RONNEBERGER-SIBOLD E. Sprachverwendung – Sprachsystem. Ökonomie und Wandel. Tübingen: Niemeyer, 1980 [in German].
- RONNEBERGER-SIBOLD E. Zur Grammatik von Kurzwörtern // Bär J. A./Roelcke Th./Steinhauer A. (Hrsg.): Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007. S. 276–291 [in German].
- SCHMITZ U. Sprache in modernen Medien. Einführung in Tatsachen und Theorien, Themen und Thesen. Berlin: Schmidt, 2004 [in German].
- SCHWITALLA J. Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. Berlin: Schmidt, 2012 [in German].
- SIEVER T. Texte i. d. Enge. Sprachökonomische Reduktion in stark raumbegrenzten Textsorten. Frankfurt am Main: Lang, 2011 [in German].
- SPIEKERMANN H. Ist Sprachkürze gleich Sprachökonomie? Grundzüge einer sprachlichen Optimalitätstheorie // Bär J.A./Roelcke Th./Steinhauer A. (Hrsg.): Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007. S. 27–44 [in German].
- STARKE G. Kurzwörter: Tendenz steigend // Deutscherunterricht. Heft 2/Jg. 50. Berlin: Pädagogischer Zeitschriftenverlag, 1997. S. 88–94 [in German].
- STEINHAUER, A. Sprachökonomie durch Kurzwörter. Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation. Tübingen: Narr, 2000 [in German].
- STEINHAUER A. Von „Azubi“ bis „Zivi“, von „ARD“ bis „ZDF“ // Der Sprachdienst. Jg. 45. Speyer: Zechner, 2001. S. 1–14 [in German].
- STEINHAUER A. Kürze im deutschen Wortschatz // Bär J.A./Roelcke Th./Steinhauer A. (Hrsg.): Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin/New York: de Gruyter, 2007. S. 131–158 [in German].
- WEBER H. Die Inhaltsseite von Kurzwörtern und Abkürzungen // Cruse D. Alan/Hundsnuerscher Fr./Job M./Lutzeier R. P. (Hrsg.): Lexikologie. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Berlin/New York: de Gruyter, 2002. S. 457–460 [in German].
- WOLFF G. Deutsche Sprachgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Ein Studienbuch. Tübingen: Francke, 2009 [in German].
- ZEHETNER L. *Soko, Perso, Fuzo* und andere Wortbildungen mit *o* // Der Sprachdienst. Jg. 47. Wiesbaden: Dinges & Frick, 2003. S. 201–205 [in German].

А.И. Уделькина

**КАТЕГОРИЯ АДРЕСОВАННОСТИ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

© Уделькина Анна Игоревна – специалист по учебно-методической работе, аспирант, кафедра немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: aniaudelkina@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6565-1870>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению характера адресованности и внутренней диалогичности полемических текстов журнальных статей СМИ ФРГ. Полемический дискурс, рассматриваемый в статье в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, представляет собой многоплановый процесс коммуникации, включающий текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом: вместе с социальными и психологическими факторами в совокупности с коммуникативно-прагматическими и когнитивными целеустановками автора, взаимодействующего с адресатом. Направленность или адресованность является одним из конститутивных свойств полемического текста. В статье обосновывается положение, что существует определенная зависимость между адресной направленностью текста и выбором лексических и синтаксических средств при создании сообщения с целью лучшего воздействия на реципиента. В ходе исследования выявляются существенные особенности языковых сигналов адресованности, реализующих глобальные полемические стратегии кооперации/конфронтации. В статье анализируются основные лингвистические средства выражения адресованности полемической стратегии (персонализация, цитирование, косвенные обращения, риторические вопросы, прецедентные имена); исследуются приемы для установления диалогических отношений с читательской аудиторией (фатическая тактика, тактика фокусирования темы, приглашения к совместному размышлению, обобщения). Средства адресации, имплицитно или эксплицитно указывающие на адресата, составляют категорию адресации – коммуникативную категорию, выполняющую задачу организации коммуникации.

Ключевые слова: полемический дискурс, внутренний диалог, адресованность, коммуникация, конфликт, стратегии и тактики.

Цитирование. Уделькина А.И. Категория адресованности в полемическом дискурсе (на материале немецкоязычных СМИ) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 119–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-119-124>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

A.I. Udelkina

**CATEGORY OF ADDRESSING IN THE POLEMICAL DISCOURSE
(ON THE BASIS OF THE GERMAN LANGUAGE MEDIA)**

© *Udelkina Anna Igorevna* – teaching and learning specialist, postgraduate student, Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: aniaudelkina@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6565-1870>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the nature of addressing and internal dialogueness nature of polemical texts of the journal articles of the German media. The polemical discourse, considered in the article within the framework of the cognitive-discursive approach, is a multifaceted process of communication, including the text in indissoluble connection with the situational context: together with social and psychological factors, together with communicative-pragmatic and cognitive goals of the author interacting with the addressee. Directivity or addressing is one of the constituent properties of the polemical text. The article justifies the thesis that there is a definite relationship between the targeted orientation of the text and the choice of lexical and syntactic means when creating a message with the aim of better impact on the recipient. As part of the study significant features of the addressing signals, realizing the global polemical strategies of cooperation / confrontation, are revealed. The article analyzes the main linguistic means of expressing the relevance of the polemic strategy (personalization, citation, indirect appeals, rhetorical questions, precedent names); methods are being explored for establishing dialogical relations with the reader's audience (the phatic tactic, the tactics of focusing the topic, invitations to joint reflection, generalizations). Means of addressing, implicitly or explicitly pointing to the addressee, constitute the category of addressing – a communicative category that performs the task of organizing communication.

Key words: polemical discourse, internal dialogue, addressing, communication, conflict, strategy and tactics.

Citation. Udelkina A.I. Kategoriiia adresovannosti v polemicheskom diskurse (na materiale nemetskoiazychnykh SMI) [Category of addressing in the polemical discourse (on the basis of the German language media)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 119–124. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-119-124>.

Востребованность полемики на современном этапе развития общества отражает рост социальной активности участников социальной жизни. Интерес лингвистики к проблемам полемики дискурса (Т.Г. Добросклонская [Добросклонская], В.Г. Костомаров [Костомаров], Н. Burger [Burger], R. Fowler [Fowler]) объясняется интенсивностью речемыслительной деятельности участников полемической коммуникации, в организации которой принимают участие психологические, социокультурные и языковые факторы, что позволяет проследить и описать условия формирования и развития системных процессов в этой сфере практической вербальной деятельности индивидуумов.

Особенностью полемики дискурса является его «сквозной» характер: он находит отражение в политическом, медийном, аргументативном, конфликтном дискурсе, поскольку содействует поиску альтернативных решений возникающих в обществе проблем, которые и выступают объектом полемики. Таким образом, «полемика дискурса пред-

ставляет собой сложное коммуникативное явление, в основе которого лежит взаимодействие субъектов в процессе обсуждения конкретной проблемы, касающейся одной из сфер жизнедеятельности общества» [Жумагулова, с. 143].

Целью полемики дискурса является побуждение реципиента вступить в дискуссию и принять участие в поиске решения актуальной проблемы или ответа на вопрос. Будучи направленным первоочередно на обсуждение возникшей проблемы, данный вид дискурса характеризуется внутренней диалогичностью, которая предполагает, помимо автора, как минимум второго субъекта (адресата). Полемика дискурса выступает, таким образом, продуктом двусторонних отношений между адресантом и адресатом в спорной ситуации, где и у говорящего и у слушающего есть потребность достигнуть взаимопонимания.

Понимание диалога как непрерывного социального процесса производства значения и смысла, в реализации которых важную роль играет как го-

ворящий субъект, так и интерпретирующий, введено в научный обиход М.М. Бахтиным [Бахтин]. Адресат выступает в этом случае в роли независимого субъекта коммуникации, он не является отражением замысла автора. Именно ему в этой речевой/текстовой коммуникации адресован текст, на него ложится задача этот текст осмыслить и на него ответить. Следовательно, текст играет для адресата не только роль сообщения о предмете, но и катализатора собственной мысли, генератора идей [Корниенко, с. 130]. Реагируя на речевые стимулы автора текста, адресат предопределяет значения используемых слов. При этом следует учесть тот факт, что в определенный момент диалогического общения слова одновременно совмещают значения, которые имплицитно автором текста, и те, которые понимаются реципиентом [Кудряшов, Клеменова, с. 60]. Таким образом, в процессе диалогической коммуникации происходит раскрытие скрытых смыслов или же порождение новых, не содержащихся ранее в тексте.

Изначальная адресованность полемического текста определяет его содержание и структуру. Так, текст содержит не сообщение о предмете, хотя оно и, безусловно, присутствует в нем, а ответ на поставленный самим автором вопрос относительно данного предмета и вопрос к адресату о согласии/несогласии с его высказыванием. В полемической ситуации любое высказывание рассматривается, с одной стороны, как ответное речевое действие на предшествующее высказывание, с другой стороны, оно предопределяет следующее высказывание. «Исходя из диалогической перспективы, коммуникация должна интерпретироваться как составной элемент активного процесса ответного понимания реагирующего высказывания» [Корниенко, с. 130]. Стимулирующей репликой при этом может выступать как текст проблемной статьи в целом, так и его отдельный фрагмент [Сажина, с. 144].

Говоря о полемике, следует особо отметить, что практически любой публицистический текст содержит полемический потенциал и способен формировать полемический отклик читателей. В прессе часто можно увидеть тексты с доминирующей полемической стратегией, при создании которых целью становится одновременное утверждение верности авторской точки зрения и опровержение оппонента [Троицкая]. Полемическая стратегия обнаруживается в таких типах публицистического текста, как интервью, проблемная статья, комментарии читателей, рецензия и др.

Характер адресованности и внутренней диалогичности полемических текстов, реализующих глобальные полемические стратегии, отличается, согласно нашим наблюдениям, рядом существенных особенностей, о которых пойдет речь в последующем изложении. Материалом данного исследования послужили статьи из таких известных информационно-политических журналов и газет Германии, как *Focus*, *Süddeutsche Zeitung*, *der Tagesspiegel*. Анализируя корпус статей, мы выявили, что по-

скольку текст полемической газетной статьи ориентирован преимущественно на массовую и разнородную аудиторию, то он должен максимально учитывать ее интересы и ожидания. Создать подобный текст достаточно трудно, ведь автор не может с уверенностью ориентироваться на конкретный тип адресата. Поэтому особенностью речевых продуктов медийной сферы, содержанием которых является полемика, можно считать значительное число смысловых проекций к различным адресатам и смысловые корреляции с уже существующими текстами.

Стоит отметить, что диалогичность проявляется не столько во взаимодействии (диалог реального читателя и автора текста), сколько в выборе языковых средств, с помощью которых в полемическом тексте воплощается ориентация на предполагаемого адресата [Корниенко, с. 129]. Сигналы адресованности, которым посвящена данная статья, привлекают внимание реципиента, служат базой его восприятия, прочтения и интерпретации. Рассматриваемая нами категория адресованности является не только неотъемлемой частью публицистики, но и одной из самых значимых категорий полемически направленного газетного текста.

В плане восприятия текста основным адресатом полемической статьи, равно как и в других коммуникативных практиках, является читатель, однако его роль играет не только оппонент, носитель иной точки зрения. Обширная читательская аудитория текстов полемического содержания включает читателей, солидарных с позицией авторов статьи, объективных ценителей и тех, кого заинтересовала тема дискуссии, что с неизбежностью приводит к увеличению функционального потенциала сообщения, содержащегося в тексте.

По мнению Т.Б. Троицкой, автор полемической статьи формирует смысловую позицию читателя с помощью следующих тактик:

– *фатической* (контактоустанавливающей), целью которой является привлечение внимания читателя и поддержание его в процессе общения. Выделенная тактика является своеобразным обрамлением полемики, служит открытию дискуссии и вовлечению в круг потенциальных участников, новых индивидуумов;

– *тактики фокусирования темы*, ставящей перед собой задачу информировать читателя о конкретной проблеме;

– *тактики приглашения к совместному размышлению*;

– *тактики обобщения*, направленной на подведение к выводу о проблеме [Троицкая].

Анализ сигналов адресованности на материале журнальных статей СМИ ФРГ демонстрирует наличие приемов, предпочтительных для установления диалогических отношений с читательской аудиторией. Наглядным примером установления контакта между потенциальными коммуникантами является обращение автора статьи к читателю с помощью приема *персонализации*, использования лич-

ного местоимения в самих заголовках статей: *Energieriegel im Check: Sie enthalten so viel Fett wie Mars und Snickers* (Focus Online, 03.02.2016). *Gefährliche Stoffe im Plastik: Wie Verpackungen uns dick machen* (Focus Online, 20.01.2016). Если в первом заголовке автор обращается к читателям на «Вы», подчеркивая, с одной стороны, уважение к аудитории, а с другой стороны, создавая определенную дистанцию между адресатом и адресантом, то во втором заголовке автор употребляет местоимение «мы», тем самым сообщая читателю, что статья посвящена насущной проблеме, которая затрагивает абсолютно каждого современного потребителя, и автор статьи не исключение. В данной ситуации автор выступает не как журналист, сообщающий фактическую информацию, а как один из покупателей, крайне заинтересованных в качестве предоставляемой им продукции.

К приемам реализации *фатической тактики* следует отнести проявление в заголовке статьи *средств с игровой тональностью*, вовлекающих адресата в коммуникативное участие. В качестве примера выражения выделенной фатической тактики рассмотрим следующий заголовок из онлайн-версии газеты der Tagesspiegel: *Zum Affen gemacht* (der Tagesspiegel, 30.01.2018). Из этого заголовка читателю неясно, пойдет ли речь в данной статье о конкретных млекопитающих или стоит обратиться к смыслу фразеологической составляющей выбранной фразы (*jemanden zum Affen machen*). Можем предположить, что автор изначально ставит перед собой задачу создать определенную интригу, а не проинформировать читателя о предмете материала. Таким образом, заголовок вызывает у реципиента желание как можно скорее прочитать текст статьи и разобраться, в чем же суть. Подзаголовок: *Die durch nichts zu rechtfertigenden Affenversuche der Autoindustrie sind nicht zum Aushalten* (der Tagesspiegel, 30.01.2018) немного проясняет ситуацию. Становится понятным, что в статье затронута тема опытов над обезьянами, но у читателя возникает новый вопрос: каким образом связана с этим экспериментом автомобильная индустрия? Недосказанность подзаголовка заставляет искать ответ. Закладывая в содержание текста информацию, которую читателю предлагается разгадать, автор создает контакт с читателем. Эта тактика рассчитана на дальнейшее взаимодействие, ведь читатель, увлеченный игрой в подзаголовке, решит прочитать текст до конца, чтобы понять смысл информации, сообщенной автором.

Особенностью *тактики фокусирования темы* является, на наш взгляд, изложение автором проблемной статьи альтернативных (часто противоположных) взглядов на сложившуюся ситуацию. В статье крупнейшей ежедневной газеты *Süddeutsche Zeitung* «Trump ist der Geburtshelfer von „Me Too“» (*Süddeutsche Zeitung*, 30.01.2018) автор развивает тему, касающуюся нашумевшего общественного движения *Me Too* в защиту прав женщин, ставших жертвами сексуального насилия. Упомянув,

что гендерные вопросы всегда являлись эпицентром сосредоточения конфликтности в социуме, автор сначала описывает современную ситуацию, где категория маскулинности всячески подвергается нападкам: *Die «Me Too»-Debatte attackiert grundstürzend alte Vorstellungen von Männlichkeit und Herrschaft. Die letzte Möglichkeit des körperlichen Missbrauchs scheint an ihr Ende gekommen zu sein: Der physische Übergriff des Mächtigen – angeblich intensivster Ausdruck seiner Kraft – ist kein Kompliment mehr, keine Bagatelle* (*Süddeutsche Zeitung*, 30.01.2018).

Автор проблемной статьи обращается к истории, ссылаясь на великих мыслителей и правителей XIX века, чтобы показать превосходство мужского пола над женским: *Im 19. Jahrhundert verschärfte sich die Argumentation. Die großen Denker beschworen, was zuvor als selbstverständlich galt. «Obrigkeit ist männlich», postulierte damals der Historiker Heinrich von Treitschke, und der Staatstheoretiker Johann Caspar Bluntschli meinte, der Staat sei «unzweifelhaft ein männliches Wesen». Das Revolutionsheer in Frankreich pflegte eine intensiv maskuline Kultur, und Napoleons bis heute gerühmter Code civil räumte dem Ehemann juristische und physische Gewalt gegenüber der Frau ein* (*Süddeutsche Zeitung*, 30.01.2018). В представленном диалоге мнений читатель может самостоятельно выбрать позицию, адекватную его мировоззрению.

Для убедительности собственных тезисов автор статьи апеллирует к известной работе французского социолога Пьера Бурдьё «Мужское господство»: *Über Jahrtausende war das Männliche das Menschliche, das Richtige und Gute. Der Soziologe Pierre Bourdieu erklärt 1998 in seinem zum Klassiker gewordenen Text über «Die männliche Herrschaft»: «Hinreichend abgesichert, bedarf die männliche Herrschaft keiner Rechtfertigung»; um einen Mann zu loben, genüge die Aussage: «Das ist ein Mann». Mann und Mensch und Macht bildeten eine Einheit. Männlichkeit als elementare Grundlage von Legitimation...* (*Süddeutsche Zeitung*, 30.01.2018). Подчеркивая связь своей точки зрения с мнением влиятельного социолога XX века с помощью цитаты, автор стремится привлечь читателя к совместному размышлению, ограничивая вместе с тем его свободу отсылкой к авторитетному мнению.

Упомянутая в заголовке фигура президента США Дональда Трампа выступает своеобразным сигналом для начала коммуникации: *Trump ist der Geburtshelfer von «Me Too»* (*Süddeutsche Zeitung*, 30.01.2018). Автор активизирует общение с читателем при помощи введения всем известного персонажа. Интересно, что повтор имени собственного реципиент наблюдает лишь ближе к концу статьи. Таким образом автору удается не только привлечь внимание читателя к своей статье, но и побудить его к поиску ответа на вопрос, что же именно имел автор в виду, называя президента США *Geburtshelfer* общественного движения «*Me Too*». Текст проблемной статьи сформирован как *открытый, развива-*

ющийся диалог, в котором последовательно раскрываются противоположные взгляды на проблему эмансипации. В последнем абзаце автор все же подводит читателя к определенному выводу, намеренно дублируя подзаголовок статьи: *Und doch wirkt der Staatschef schon rein habituell wie der letzte Witz der obsoleten Männlichkeit. Seine Präsidentschaft zieht an den bestürzten Augen der Welt vorbei wie ein Fastnachtsumzug mit platinblondem Narrensaum und Männern in grotesken Masken des Bösen. Nichts könnte besser das Ende des männlichen Zeitalters vor Augen führen. Ermöglicht nicht dieses Schauspiel den Anbruch einer Zeit, in der das Ringen um die herrliche Männlichkeit abschwelt, weil Macht und Legitimation nicht mehr des aggressiven Mannseins bedürfen? Trump jedenfalls muss als Geburtshelfer von «Me Too» verstanden werden: dem Angriff auf die letzten Auswüchse der männlichen Gewaltherrschaft* (Süddeutsche Zeitung, 30.01.2018).

Стоит отметить, что в процессе рождения текста автор может обращаться не только к потенциальному читателю, но и к так называемым «третьим коммуникантам». Ими могут выступать авторы других критических статей, эксперты, политики, общественные деятели, представители определенных социальных институтов, с которыми журналист может быть согласен или не согласен. В этом случае автор статьи использует следующие тактики, репрезентирующие его «отношение к оппонентам или единомышленникам, «третьим коммуникантам»» [Троицкая]:

- тактика согласия с оппонентом;
- тактика несогласия с оппонентом.

Подвергнуться сомнению также может глубоко укоренившееся в обществе представление или привычный стереотип.

По степени уверенности и категоричности тактика согласия может быть подразделена на тактику полного и частичного согласия, соответственно тактика несогласия – на тактику полного и частичного несогласия. Тактики частичного согласия/несогласия часто являются репрезентантами категории вежливости, средством снижения категоричности высказывания и модальности субъективности.

В анализируемой нами статье *Essen aus dem Chemiebaukasten: So ungesund ist veganer Fleischersatz* (Focus Online, 19.02.2016) автор уже в названии фиксирует негативное отношение к предмету изложения – заменителю мяса для вегетарианцев. В поддержку своей позиции автор выдвигает следующие детализирующие компоненты-аргументы, которые выполняют функции поддержки выдвинутого тезиса и акцентуации внимания:

– *Geschmack, Textur und Aussehen entstehen erst durch geschicktes Hantieren mit Zusatzstoffen und Aromen aus dem Labor.*

– *Zu viele Zusätze, auch zu viel Salz, Zucker und Fett im Fleischersatz...*

– *Insgesamt stehen Verdicker, Stabilisatoren, Farb- und Konservierungsstoffe auf den langen*

Zutatenlisten des Fleischersatzes – alles Zusätze, die Ernährungsexperten auch in konventionellen Lebensmitteln ein Dorn im Auge sind.

В поддержку своего мнения автор приводит ссылки на авторитетные источники: *Zu viele Zusätze, auch zu viel Salz, Zucker und Fett im Fleischersatz bemängelte die Verbraucherzentrale Hamburg schon vor zwei Jahren im «Marktcheck: Vegane Lebensmittel»*; использует единицы другой семиотической системы (цифровых данных) с целью апеллирования к фактам и достижения точности аргументации: *Laut Gesundheitsstatistik sollen Magen-Darm-Erkrankungen seit Beginn dieser Aktion um bis zu 80 Prozent gestiegen sein.*

Статья получила большое количество откликов. Интересно заметить, что в комментариях читателей полемика может выстраиваться по двум направлениям: дискуссию читатели могут вести как с автором (представителем редакции) (1), так и с мнением экспертов, представленных в тексте статьи (2).

(1) *Die Presse* hat immer noch nicht verstanden, dass der Sinn solches Lebensstils nicht der Gesundheitsweg ist, sondern eine empathische Entscheidung gegen das Sterben und Leiden der Tieren ist.

Ein Missionarischer Anti-Vegetarier Artikel. Absolut unreflektiert. Vom Focus erwartet man auch nicht mehr. Die Kommentare hier sind ebenso überwiegend missionarisch (Focus Online, 19.02.2016).

(2) *Also, egal welche Art der Ernährung man wählt, es wird immer schwieriger sich wirklich gesund zu ernähren. Dieser Artikel mit den zahlreichen Meinungen und Angaben lenkt nur vom Wesentlichen ab, warum ist es überhaupt erlaubt, dass unser Essen regelrecht und legal vergiftet wird?*

Der religiös zelebrierte Vegan-Hype scheint eine Superidee der Lebensmittelindustrie und wie in Deutschland üblich von selbsternannten «Experten» mit ihren «Kochbüchern». Behaltet euren Zirkus einfach für euch (Focus Online, 19.02.2016).

Анализируя комментарии читателей к проблемным статьям, мы отметили, что полемика реализуется в их текстах в виде стратегии персуазивности, в которой происходит столкновение мнений, позиций по обсуждаемому вопросу, интересов и моральных ценностей коммуникантов. Персуазивная стратегия участников дискуссии характеризуется необходимостью обострения конфликтной ситуации с последующей целью ее окончательного разрешения.

Как отмечает Т.Б. Троицкая, «комментарии читателей образуют единый макротекст, который представляет собой объединение множества микротекстов на основе общей темы и композиционно-синтаксической связи, что обеспечивает их когерентность» [Троицкая, с. 11]. Смысловая целостность комментариев задается создателями текста: автором статьи, на которую отвечают читатели, и самими авторами комментариев – и уже затем вычленяется реципиентом. Будучи изначально суверенными, комментарии читателей образуют некую

интертекстуальную совокупность вместе с отправным текстом, что приводит к смысловому приращению.

Рассмотрев в статье категорию адресованности в полемическом дискурсе, можно утверждать, что внутренняя диалогичность является его конститутивным началом. Основу диалогичности полемического текста составляет понимание коммуникативного взаимодействия как двустороннего процесса, направленного на поиск альтернативных решений актуальных проблем, возникших в обществе. Текст полемической статьи понимается как модель открытого диалога, в котором адресат проявляет себя как оппонент не только к создателю текста проблемной статьи, но и к таким же читателям, другим коммуникантам, как и он сам. В комментариях читателей содержатся в основном возможности столкновения мнений, позиций, моральных ценностей адресатов, демонстрируется социальное неравенство. Таким образом, сочетание проблемы с опровержением уже заданной автором текста оценки является сущностным признаком полемически направленного текста.

Библиографический список

- Burger H. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*. Berlin, New York: de Gruyter, 2005. 486 S.
- Fowler R. *Language in the News Discourse and Ideology in the Press*. London, New York: Routledge, 1991. 254 p.
- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
- Жумагулова Т.Б. Особенности полемического дискурса // Успехи современного естествознания. 2013. № 7. С. 142–145.
- Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320с.
- Корниенко Е.Р. Текст сквозь призму философии М.М. Бахтина // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 128–133.
- Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и методы вузовского обучения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3 (59). С. 53–73. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-3-5.
- Сажина Е.В. Языковые признаки согласия/несогласия в англоязычных и русскоязычных откликах читателей (на материале британской и белорусской прессы) // Веснік МДПУ імя І.П. Шамікіна. Серія: «Філалагічныя навукі. 2014. № 1 (42). С. 144–148.
- Троицкая Т.Б. Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.

References

- Burger H. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien*. Berlin, New York: de Gruyter, 2005, 486 p. [in German].
- Fowler R. *Language in the News Discourse and Ideology in the Press*. London, New York: Routledge, 1991, 254 p. [in English].
- Bakhtin M.M. *Problema rechevykh zhanrov* [Problem of speech genres]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979, pp. 237–280 [in Russian].
- Dobrosklonskaya T.G. *Voprosy izucheniia mediatekstov (opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi mediarechi)* [The issues of studying media texts (the experience of researching modern English media)]. M.: Editorial URSS, 2005, 288 p. [in Russian].
- Zhumagulova T.B. *Osobennosti polemicheskogo diskursa* [Features of polemical discourse]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniia* [Advances in current natural sciences], 2013, no. 7, pp. 142–145 [in Russian].
- Kostomarov V.G. *Iazykovoi vkus epokhi. Iz nabludeniia nad rechevoi praktikoi mass-media. 3-e izd., ispr.i dob.* [Language taste of the era. From observations on the speech practice of mass media. 3rd edition, revised and enlarged]. SPb.: Zlatoust, 1999, 320 p. [in Russian].
- Kornienko E.R. *Tekst skvoz' prizmu filosofii M.M. Bakhtina* [Text in terms of the philosophy of M.M. Bakhtin]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, no. 1, pp. 128–133 [in Russian].
- Kudryashov I.A., Klemenova E.N. *Dialogicheskaja pedagogika M.M. Bakhtina i metody vuzovskogo obucheniia* [M.M. Bakhtin's dialogic pedagogy and methods of university education]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern Research of Social Problems], 2016, no. 3(59), pp. 53–73 [in Russian]. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-3-5 [in Russian].
- Sazhina E.V. *Iazykovye priznaki soglasii/nesoglasii v angloiazychnykh i russkoiazychnykh otklikakh chitatelei (na materiale britanskoi i belorusskoi pressy)* [Language marks of agreement/disagreement in the English-speaking and Russian-language responses of the readers (on the basis of British and Belarusian press)]. *Vesnik MDPU imia I.P. Shamikina. Seriiia «Filalagichnyia navuki*, 2014, no. 1 (42), pp. 144–148 [in Russian].
- Troitskaya T.B. *Sredstva realizatsii polemicheskoi strategii v nemetskoiazychnom publitsisticheskom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means for implementing the polemical strategy in German-language publicistic discourse: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2008, 27 p. [in Russian].

Е. В. Безбородникова

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СПОРТИВНЫХ СОБЫТИЙ В ДИСКУРСЕ:
НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ**

© *Безбородникова Елена Васильевна* – аспирант, кафедра английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: lebehoebe@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1091-0740>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию специфики авторского представления спортивных событий в английском художественном дискурсе на материале романа британского писателя И. Макьюэна «Суббота». В рамках исследования анализируются модели авторского представления спортивного события на предмет выделения определенных типов дискурсивных доминант. В статье обосновывается положение, что представлению спортивных ситуаций в английском художественном дискурсе свойственно выделение таких дискурсивных доминант, как психологическое состояние участников события и их восприятие места, а также обстоятельства анализируемого события. В результате проведенного анализа было выявлено, что выделение определенных дискурсивных доминант может быть обусловлено прагматической установкой автора текста в определенном дискурсе; в данном случае целью автора художественного текста является стремление воздействовать на чувства читателя путем красочного и детального изображения внутреннего мира персонажей, их взаимоотношений и созданной автором окружающей их действительности. В статье также рассматривается такое свойство исследуемого типа текстов, как рефлексивность – на протяжении всего описания анализируемого события главный герой пытается ответить на фундаментальные вопросы собственного мировосприятия. В рамках проведенного исследования было также выделено особое свойство диалогичности данного текста – интердискурсивность. В этом случае можно наблюдать особую форму взаимодействия текстов, находящихся на стыке художественного и спортивного дискурсов. Результатом этого взаимодействия является включение автором художественного текста значительного количества лексем, обозначающих реалии традиционной британской спортивной игры «сквош». В статье также анализируются изобразительные средства языка, используемые автором для достижения определенного воздействия на реципиента.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, прагматика дискурса, дискурсивные доминанты, художественный дискурс, спортивный дискурс, авторское представление, интердискурсивные включения.

Цитирование. Безбородникова Е. В. Особенности представления спортивных событий в дискурсе: на материале английских художественных текстов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 125–130. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-125-130>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-125-130
UDC УДК 811.11-112

Submitted: 22/XII/2017
Accepted: 25/I/2018

E.V. Bezborodnikova

SPECIFIC FEATURES OF SPORT EVENTS REPRESENTATION IN DISCOURSE: BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH FICTIONAL TEXTS

© *Bezborodnikova Elena Vasilyevna* – postgraduate student, English Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
Email: lebephoebe@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1091-0740>

ABSTRACT

The article deals with the study of specific features of sport events representation in English fictional discourse on the material of the novel «Saturday» by a British writer Ian McEwan. The article combines both a review of the theory on the question of cognitive models and specific features of fiction and sports discourse, and analysis of the text. Within the framework of this particular research models of the author's sport events representation are analysed with a view to distinguishing their specific discursive dominants. The author of the article considers that such discursive dominants as psychological state of participants, their perception of a site and circumstances of an event are specific to the author's sport events representation in English fictional discourse. As a result of the conducted research it was discovered that intensification of certain types of discursive dominants is determined by the pragmatic purpose of the author of the text; in this particular case the intention of the author of the fiction text is an effort to exert influence on the reader by portraying the inward life and surroundings of characters and their mutual relations in a detailed and vivid way. The article also considers such feature of the kind of texts under analysis as introspection; in the course of the whole description of the sport event the main character asks himself numerous fundamental questions about his existence. Within the framework of the conducted research the phenomenon of interdiscursivity was studied; in this case it is regarded as a specific feature of dialogic textual interaction between texts belonging to fiction and sports discourse. The result of this interaction is the usage by the author of this fictional text of significant number of lexemes denoting various things relating to squash – a traditional British ball game. The article also deals with the specific linguistic means used by the author with the purpose of influencing the reader.

Key words: discourse analysis, pragmatics of discourse, discursive dominants, fictional discourse, sports discourse, author's representation, interdiscursive inclusions.

Citation. Bezborodnikova E.V. Osobennosti predstavleniia sportivnykh sobytii v diskurse: na materiale angliiskikh khudozhestvennykh tekstov [Specific features of sport events representation in discourse: based on the material of English fictional texts]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 125–130. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-125-130>.

В настоящее время можно наблюдать значительный интерес исследователей к анализу моделей представления знаний – в частности, в области когнитивной лингвистики и лингвистики текста. Особое внимание уделяется изучению прагматических и когнитивных аспектов использования человеком разнообразных языковых средств в том или ином дискурсе. Данная заинтересованность обусловлена сравнительно недавней сменой научной парадигмы – речь идет о переходе от структурно-функционального изучения языка и его явлений к антропоцентрическому. В качестве предмета исследования стали использоваться более сложные по способу организации и объемные языковые единицы – речь идет о текстовом и сверхтекстовом (дискурсивном) уровнях. До этого психолингвисты и специалисты по экспериментальной

психологии концентрировались на когнитивной обработке данных при сознании базовых лингвистических единиц – слов, словосочетаний и предложений; эти явления изучались в основном с точки зрения синтаксиса и семантики. Впоследствии объектами исследований стали более сложные по своей структуре единицы информации [Van Dijk, 1979].

Исследования в области когнитивных структур и представления знаний в тексте проводились преимущественно западными учеными. Данным вопросам посвящены работы Т.А. ван Дейка [Van Dijk, 2009; Van Dijk, 1977], М. Минского [Minsky], Д. Хаймса [Hymes], Ф. Джонсон-Лэрда [Johnson-Laird], Р. Шенка и Р. Абельсона [Schank, Abelson]. Значительное внимание уделялось также вопросам восприятия текста в целом и художественного дис-

курса в частности [Ван Дейк, Кинч; Van Dijk, 1985; Van Dijk, 2009; Van Dijk, 1977; Кубрякова].

В рамках данной статьи анализируется специфика представления когнитивных моделей спортивных событий в дискурсе на материале английского художественного текста. Рассматривая примеры авторского представления спортивных событий в художественных текстах, следует учитывать тот факт, что для адекватного решения поставленных в настоящем исследовании задач необходимо учитывать одновременно специфику художественного и спортивного типов дискурсивного пространства, акцентируя особое внимание на взаимодействиях его составляющих.

Говоря о специфике художественного дискурса, Т. А. Ван Дейк указывает на то, что литература представляет собой не только лишь набор дискурсов, определенный особыми свойствами текста, но в то же время ее следует рассматривать в терминах различных коммуникативных аспектов. Рассуждая о литературе, он не только связывает ее с лингвистическим материалом, но и отмечает важность ее коммуникативных аспектов, указывая тем самым на такое свойство текстов, как диалогичность. В частности, он упоминает то, что для изучения функций художественного дискурса необходимо знать, как читатели понимают, оценивают, запоминают, пересказывают и производят другие когнитивные операции с художественными текстами [Van Dijk, 1979, p. 143–144].

Анализируя специфику спортивного дискурса, исследователи отмечают сложность и многоплановость данного образования, для которого свойственен определенный набор характерных признаков. Так, спортивный дискурс характеризуется прежде всего эмоциогенностью, которую в данном контексте еще также называют эмотивностью или экспрессивностью [Романов, Цыбина, с. 8; Кичаева, Цыбина, с. 1; Пром, Янкина, Кохташвили, с. 36–37]. Также к числу данных признаков Л. А. Исаева и Н. Б. Казарина относят специфику статуса участников коммуникации и маркированный/немаркированный характер ситуаций их общения, профессионально или непрофессионально ориентированный характер ситуаций общения и другие [Исаева, Казарина, с. 191].

Для описания ситуации В. Д. Шевченко выделяет следующие дискурсивные доминанты: *время, место, участники, их характеристики, обстоятельства, действия участников и их причинно-следственная связь, средства осуществления деятельности, результат действия*. По мнению В. Д. Шевченко, выделение определенных типов дискурсивных доминант основывается на интенции автора. Также отмечается, что в зависимости от интенции автора та или иная составляющая когнитивной модели ситуации будет приобретать особое значение и станет доминирующей в рамках той или иной ситуации [Шевченко, с. 59].

Перейдем к рассмотрению специфики реализации дискурсивных доминант на материале англий-

ских художественных текстов. Прежде всего автор выдвигает на первый план такую составляющую модели ситуации, как характеристика главного героя, в качестве которой выступает его *психологическое состояние*. Автор акцентирует внимание читателя на состоянии главного героя: в нижеприведенном фрагменте присутствует описание внешних, физических действий персонажа, свидетельствующее о психологическом состоянии главного героя — *his long fingers still trembling* (в частности, автор упоминает дрожащие от волнения пальцы персонажа, что в данном случае также является индикатором его психологического состояния); *he doesn't need sympathy* (автор описывает коммуникативные и жизненные потребности героя); *what he wants is more fundamental — the sound of the voice in an everyday exchange, the resumption of normal existence* [McEvan, p. 99] (автор усиливает фиксацию на душевном состоянии персонажа, упоминая такие потребности главного героя, как желание услышать чей-то голос, что, в свою очередь, свидетельствует об особом психологическом состоянии героя в данный момент). Исходя из стремления наиболее выразительно представить волнение и тревожность, испытываемые персонажем, автор также использует риторический вопрос: *What can be more reassuringly plain than husband and wife discussing the details of tonight's dinner?* [McEvan, p. 99]. Кроме того, помимо *имплицитного выражения* автором *внутреннего состояния персонажа* (*his long fingers still trembling* — говоря о переживаемом волнении), возможно также и *эксплицитное выражение чувств героев*: *furious with himself for being late, he jogged across Waterloo Bridge and saw below him tens of thousands pouring along the Embankment towards Parliament Square* [McEvan, p. 99] — например, в данном случае автор использует выражение *furious with himself*, в котором содержится лексема *furious* со значением «взбешенный», «неистовый», «яростный». Таким образом, в данном тексте доминантной составляющей когнитивной модели «спортивное событие» становится такой элемент, как характеристика персонажа, а именно — его *психологическое состояние*. Это обусловлено, на наш взгляд, стремлением автора художественного дискурса сконцентрировать внимание читателя на внутреннем мире персонажа и представить его наиболее ярко.

Кроме того, глазами главного героя автор оценивает общее состояние локации: *It's unusual to see the glass-fronted squash courts deserted on a Saturday* [McEvan, p. 99]; также примечательна детализация окружающей обстановки. В данном случае описывается место события, что само по себе является одной из составляющих когнитивной модели ситуации, но внимание читателя концентрируется на особенностях места. В анализируемом фрагменте детально дано описание интерьера: отмечены такие детали, как *stained blue carpet, the giant Coke and energy bar dispensers* — присутствуют яркие определения, помогающие читателю представить вы-

мысленное пространство наиболее красочно и детально. Акцент на психологизме происходящего также становится возможен благодаря использованию автором таких лексем с выраженным значением «беспокойство», как *unease* и *disquiet*: He's already feeling a rising *unease* about the encounter, a *disquiet* he can't yet define', though *guilt* is certainly the element [McEvan, p. 102]; автор также противопоставляет происходящему волнующему событию недостижимый на данный момент отдых в домашней обстановке: it occurs to Perowne that what he really wants is to go home and lie down in the bedroom... [McEvan, p. 102]. Стоит также отметить, что этого персонажа в рамках анализируемой ситуации характерно обостренное восприятие происходящего: Perowne feels the echoing rifle-shot crack of the ball as an oppression, — в этом случае экспрессивность текста подчеркивается используемым автором ярким определением *rifle-shot*, после чего автор изображает ответную реакцию персонажа на вышеприведенные обстоятельства, сравнивая звук удара по мячу с нарастающим угнетением.

Таким образом, в рамках анализируемой ситуации представления спортивного события демонстрируется *восприятие места персонажем*. В то же время состояние персонажа и его отношение к происходящим событиям характеризуются через его восприятие места.

В анализируемом тексте автор рассказывает о том, как коллега главного героя — Джей Стросс — оказался на корте. В этом случае речь идет о событиях, не связанных непосредственно с происходящим на тот момент, а предшествующих анализируемой ситуации, представленной в тексте: He lives across the river in Wandsworth; the march forced him to abandon his car by the Festival Hall [McEvan, p. 99]. Рассказывая о том, что увидел данный персонаж по пути на описываемую игру, автор также делится элементами его биографии: Too young for the Vietnam war protests, he's never in his life seen so many people in one place. Despite his own views, he was somewhat moved [McEvan, p. 99]. Помимо этого, автор повествует об особенностях взаимоотношений персонажей в обычной жизни в целом. Этот фрагмент указывает на определенно близкие дружеские отношения между героями анализируемой ситуации, представленной в тексте, поскольку автор сравнивает коллегу главного героя с ключом к успеху его организации (the key to the success of his firm): They have worked together six years. As far as Henry is concerned, Jay is the key to the success of his firm [McEvan, p. 101]. Кроме того, автор отмечает специфику характера отношений между героями, указывая на то, что в контексте совместной работы в медицинском учреждении общение персонажей отличается от общения анестезиолога и хирурга в привычном понимании, поскольку несет менее формальный характер: On the rare occasions when things go really badly, when there's no way back, Straus will find him out afterwards, alone in a quiet stretch of corridor, and put his hands on his shoulders, squeeze tightly and say, 'OK Henry. Let's

talk it through now. Before you start crucifying yourself'. This isn't the way an anaesthetist, even a consultant, usually speaks to a surgeon [McEvan, p. 101]. Эта информация помещена в текст с целью изображения предыстории персонажей для дальнейшей работы с их изображением в тексте. Говоря о выделении дискурсивных доминант по результатам проведенного анализа, можно сделать вывод, что в данном случае автор сознательно акцентирует внимание читателей на *обстоятельствах*, повлиявших на происходящее.

Интересно заметить, что в ходе описания происходящих событий преобладает репортажный характер повествования, что, в свою очередь, достигается использованием простых видо-временных форм глагола. Особая динамичность текста передается последовательностью перечислений действий игроков на поле во времени Present Simple, что в результате напоминает речь спортивных комментаторов за кадром: The third ball he **mishits**, slapping it loudly into the tin. A couple of strokes later he **stops** to retie his laces [McEwan, p. 103], He **serves** a high lob, well placed in so far as it arcs too high for a volley, and **slides** off the side wall onto the back. But even as it leaves him, he knows he's hit it too hard. It **comes** off the back wall with some residual speed, leaving Jay plenty of space to drive a straight return down the side wall to a good length. The ball **dies** in the corner, dribbling off the back wall as Perowne reaches it. [McEvan, p. 103]. Таким образом, автор акцентирует внимание читателя на действиях персонажей; иными словами, в рамках анализируемой ситуации доминирует такая дискурсивная доминанта, как *действия участников события*.

Также заслуживает внимания тот факт, что главный герой задается достаточно глобальными и абстрактными вопросами относительно происходящей игры, пытается осмыслить происходящее в его жизни, рассуждая такими масштабными категориями, как «жизнь» — his own life: Perowne suddenly feels his own life as fragile and precious; «обязанность выжить» — a duty to others to survive: He has a duty to others to survive, and he mustn't endanger his own life for a mere game, smacking a ball against a wall [McEvan, p. 102]. Автор также демонстрирует развитие рассуждений главного героя; в результате беспокойных мыслей он приходит к выводу, что тривиальная еженедельная игра в сквош является для него своеобразным толчком, импульсом, движущей силой — a momentum: There's a momentum to the everyday, a Saturday morning game of squash with a good friend and colleague, that he doesn't want have the strength of will to interrupt. [McEvan, p. 102]. Следовательно, в анализируемых ситуациях, изображенных в данном художественном фрагменте, также присутствует такая характеристика, как *рефлексивность*.

Обратим внимание на особый диалогичный характер анализируемого художественного текста, поскольку в нем наблюдается явление *интердискурсивности* — диалогические отношения дискурсов/множества текстов [Белоглазова, с. 69]. Рассуждая

о специфике взаимодействия спортивного дискурса с другими, А.Г. Садыкова и А.Р. Зарипов пишут, что спортивный дискурс является одним из наиболее быстро развивающихся дискурсов и, взаимодействуя с различными другими дискурсами, он порождает новые лексические явления, возникающие на их стыке [Садыкова, Зарипов, с. 129]. Подобное проявление интердискурсивности данного художественного текста можно увидеть в следующем анализируемом эпизоде: главный герой Генри Пероун играет в сквош с коллегой Джейм Строссом. В этой ситуации автор описывает читателю ход игры с использованием множества слов и выражений, относящихся к правилам и особенностям игры в сквош: the sequence of fast volleys, to mishit, the right-hand service box, to serve a high lob, an overarm smash, one point down, at six-love, the ball sits up on the short line, a dying-length drive, a cross-court shot, a backhand volley, the ball hits the nick, to receive the serve, the kill shot, to lob to the back, the angle shots, the drop shots, to be at eight-three, to play a cross-court drive, the ball is left loose, the service box, a game up, to take the service back, the game is over, the receiving position, to cross to the 'T', to hit a fast serve, to be on the 'T', to flick the ball, to chase shots, to win the serve, to score points, the ball falls short, to lob high, to boast the ball out, the point ends on fifth, love-all, one-love, three games to two, etc [McEvan, p. 101–116]. Подобное включение автором в анализируемую ситуацию слов и выражений на спортивную тематику также объясняется стремлением наиболее достоверно и детально воссоздать в тексте обстоятельства описываемой спортивной игры.

Таким образом, по результатам проанализированных фрагментов представления спортивных событий в художественном дискурсе можно сделать следующий вывод: для представления спортивных событий в английском художественном дискурсе на первый план выходят такие дискурсивные доминанты, как *психологическое состояние участников события, их восприятие места, обстоятельства события и действия его участников*. В рамках анализируемого дискурса данные компоненты трансформируются в доминанты, т. к. это обусловлено спецификой художественного дискурса, которая заключается прежде всего в цели описать внутренний мир героев с использованием разнообразных лингвистических средств. Другими словами, это обусловлено прагматической установкой автора текста в художественном дискурсе. Помимо этого было выявлено, что для представления спортивных событий в художественном англоязычном дискурсе характерен *рефлексивный характер повествования*. Интересно отметить особый диалогичный характер анализируемого художественного текста, поскольку в нем наблюдаются *интердискурсивные включения*, являющиеся результатом смешения и взаимодействия спортивного и художественных дискурсов.

Библиографический список

- Van Dijk T.A. Discourse and Literature: New Approaches to the Analysis of Literary Genres. John Benjamins Publishing, 1985. 245 p.
- Van Dijk T.A. Cognitive processing of literary discourse // Poetics today. 1979. № 1. P. 144–145.
- Van Dijk T.A. Society and discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge University Press, 2009. 298 p.
- Van Dijk T.A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. Addison-Wesley Longman Limited, 1977. 261 p.
- McEwan I. Saturday. London: Vintage, 2006. 279 p.
- Minsky M.A Framework for Representing Knowledge. URL: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/6089/AIM-306.pdf?sequence=2> (дата обращения: 22.10.2017).
- Hymes D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. 260 p.
- Johnson-Laird P.N. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness (Cognitive Science Series). Harvard University Press, 1986. 513 p.
- Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An inquiry into human knowledge structure. Hillsdale, 1977. 236 p.
- Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия СПбУЭФ. 2009. № 3. С. 66–71.
- Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23. С. 153–211.
- Исаева Л.А., Казарина Н.Б. Спортивный дискурс: дискретизация континуума // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 188–191.
- Кичаева А.В., Цыбина Л.В. Лексические средства выражения оценки в англоязычном спортивном дискурсе // Огарев-Online. 2017. № 10 (99). С. 1–6.
- Кубрякова Е.С. Дискурс: определение и направления в его исследовании // Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 519–531.
- Пром Н.А., Янкина Е.В., Кохташвили Н.И. Метафоры спортивного дискурса: функциональный спектр // Вестник ТГПУ. 2017. № 6 (183). С. 32–38. DOI 10.23951/1609-624X-2017-6-32-38.
- Романов Д.К., Цыбина Л.В. Репрезентация эмоций в англоязычном спортивном дискурсе // Огарев-Online. 2015. № 12 (53). С. 1–8.
- Садыкова А.Г., Зарипов А.Р. Лексико-прагматический аспект интертекстуальности спортивного дискурса // Вестник КазГУКИ. 2015. № 3. С. 127–130.
- Шевченко В.Д. Теория интерференции дискурсов (на материале англоязычной публицистики): монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. 212 с.

References

- Van Dijk T.A. *Discourse and Literature: New Approaches to the Analysis of Literary Genres*. John Benjamins Publishing, 1985, 245 p. [in English].
- Van Dijk T.A. Cognitive processing of literary discourse. *Poetics today*, 1979, no. 1, pp. 144–145 [in English].
- Van Dijk T.A. *Society and discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press, 2009, 298 p. [in English].
- Van Dijk T.A. *Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. Addison-Wesley Longman Limited, 1977, 261 p. [in English].
- McEwan I. *Saturday*. London: Vintage, 2006, 279 p. [in English].
- Minsky M.A. *Framework for Representing Knowledge*. Available at: <https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/6089/AIM-306.pdf?sequence=2> (accessed: 22.12.17) [in English].
- Hymes D. *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974, 260 p. [in English].
- Johnson-Laird P.N. *Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness (Cognitive Science Series)*. Harvard University Press, 1986, 513 p. [in English].
- Schank R.C., Abelson R.P. *Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An inquiry into human knowledge structures*. Hillsdale, 1977, 236 p. [in English].
- Beloglazova E.V. *Polidiskursnost' kak osobyi issledovatel'skii fokus* [Polidiscursivity as a particular research focal point]. *Izvestiia SPbUEF* [Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta], 2009, no. 3, pp. 66–71 [in Russian].
- Van Dijk T.A., Kintsch V. *Strategii ponimaniia sviaznogo teksta* [Strategies of coherent text comprehension]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1988, no. 23, pp. 153–211. [in Russian].
- Isayeva L.A., Kazarina N.B. *Sportivnyi diskurs: diskretizatsiia kontinuum* [Sports discourse: continuum discretization]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adyghe State University Bulletin. Series 2: Philology and Art Criticism], 2012, no. 2, pp. 188–191 [in Russian].
- Kitchyaeva A.V., Tsybina L.V. *Leksicheskie sredstva vyrazheniia otsenki v angloiazychnom sportivnom diskurse* [Lexical means of evaluation expression in English sports discourse]. *Ogaryov-Online*, 2017, no. 10 (99), pp. 1–6 [in Russian].
- Kubryakova E.S. *Diskurs: opredelenie i napravleniia v ego issledovanii* [Discourse: definition and tendencies of its investigation]. In: *Iazyk i znanie: na puti polucheniia znaniia o iazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' iazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the path to acquiring knowledge]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, pp. 519–531 [in Russian].
- Prom N.A., Yankina E.V., Kokhtashvili N.I. *Metafori sportivnogo diskursa: funktsional'nyi spektr* [Metaphors in sports discourse: functional spectrum]. *Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]*, 2017, no. 6 (183), pp. 32–38 [in Russian]. DOI 10.23951/1609-624X-2017-6-32-38
- Romanov D. K., Tsybina L.V. *Reprezentatsiia emotsii v angloiazychnom sportivnom diskurse* [Emotion representation in English sports discourse]. *Ogaryov-Online*, 2015, no. 12 (53), pp. 1–8 [in Russian].
- Sadykova A.G., Zaripov A.R. *Leksiko-pragmaticheskii aspekt intertekstual'nosti sportivnogo diskursa* [Lexical and pragmatic aspects of intertextuality in sports discourse]. *Vestnik KazGUKI* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts], 2015, no. 3, pp. 127–130 [in Russian].
- Shevchenko V.D. *Teoriia interferentsii diskursov (na materiale angloiazychnoi publitsistiki): monografiia* [Theory of interference of discourses (on the material of English language publicistics): monograph]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2010, 212 p. [in Russian].

Е.Б. Борисова, Е.В. Кобзева

**СРЕДСТВА ИНТРОДУКЦИИ ОБРАЗА КЛЮЧЕВОГО ПЕРСОНАЖА
В СКАЗКЕ РОАЛЬДА ДАЛЯ «МАТИЛЬДА»**

© Борисова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

E-mail: borissovaelena@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/000-02-5974-7032>

© Кобзева Екатерина Владимировна – аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

E-mail: katyunchik_k@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0961-002x>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «художественный образ» и средства, при помощи которых британский писатель Роальд Даль вводит в детскую литературную сказку «Матильда» образ одноименного персонажа.

Как показало исследование, в интродукции одного из персонажей Р. Даль сообщает достаточно полно сведения о своей героине. Они находят реализацию во всех основных выделенных аспектах образа литературно-художественного персонажа. Читатель получает описание внешности Матильды, информацию о ее возрасте, а главное, узнает о ее экстраординарных умственных способностях и любви к чтению книг. Автор создает образ одинокой, брошенной родителями маленькой девочки, которая, несмотря на непонимание со стороны взрослых, является яркой личностью, обладает незаурядными умственными данными и старается упорно добиваться своей цели. Наряду с этими характеристиками в интродукции Р. Даль отмечает воспитанность и независимость Матильды, самостоятельность в суждениях, которые проявляются в нежелании поддаваться навязываемой ей манере поведения. Главенствующими средствами при создании интродукции образа Матильды можно считать противопоставление, с помощью которого эксплицируется авторское отношение к персонажу, а также эпитеты, которые встречаются при описании всех отличительных черт девочки. Анализ эмпирического материала показал, что все выделенные характеристики образа персонажа, представленные автором в первой главе, в дальнейшем получают развитие в произведении.

По мнению авторов, средства интродукции персонажа являются важной составной частью создания цельного художественного образа и дают читателю возможность составить первое впечатление о персонаже и об авторском отношении к нему.

Ключевые слова: художественный образ, филологический анализ, интродукция персонажа, литературная сказка, тематическое расслоение текста.

Цитирование. Борисова Е.Б., Кобзева Е.В. Средства интродукции образа ключевого персонажа в сказке Роальда Даля «Матильда» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 131–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-131-136>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-131-136
UDC УДК 811.111-26

Submitted: 2/II/2018
Accepted: 25/II/2018

E.B. Borisova, E.V. Kobzeva

**KEY CHARACTER IMAGE INTRODUCTION MEANS
IN R. DAHL'S CHILDREN'S LITERARY TALE «MATILDA»**

© *Borisova Elena Borisovna* – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.

E-mail: borissovaelena@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/000-02-5974-7032>

© *Kobzeva Ekaterina Vladimirovna* – postgraduate student of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.

E-mail: katyunchik_k@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0961-002x>

ABSTRACT

The paper deals with the concept of «artistic image» and the means employed by Roald Dahl to introduce key characters' image in the children's literary tale «Matilda».

As the research shows, R. Dahl succeeds in giving a detailed portrait of the protagonist in the introductory passages of the tale, which is realized through the main aspects of the character portrayal. Thus, the reader is given information on Mathilda's appearance, her age, but above these he learns about her intellectual abilities of high order as well as her passion for reading books. The writer depicts a true-to-life image of a lonely girl totally neglected by her parents. However in spite of the misunderstanding between Mathilda and the-grown-ups she turned out to be a unique and smart personality who does her best to realize her ambitions. Besides the above Roald Dahl creates the image of Mathilda as a well-bred, independent girl capable of expressing her own point of view which is revealed through her unwillingness to follow the imposed stereotypes of behavior. The writer skillfully employs the figure of antithesis as a key means of revealing his attitude towards the character. Alongside the above stylistic figure in depicting the most characteristic features of the girl Roald Dahl resorts to variegated epithets which add emotional colouring and vividness to the character portrayal. The research shows that all the mentioned traits of Mathilda's individual, personality presented by the author in the first chapter are exposed further within the plot developing.

The authors of the present article come to the conclusion that the means of character introduction are the essential part of the overall character image portrayal as they give the reader a good chance to make out what kind of personality the depicted character is and to disclose the author's individual attitude towards the character.

Key words: artistic image, philological analysis, introduction, literary tale, the method of slicing and splicing.

Citation. Borisova E.B., Kobzeva E.V. *Sredstva introduksii obraza klichеvogo personazha v skazke Roal'da Dalia «Matil'da»* [Key character image introduction means in R. Dahl's children's literary tale «Matilda»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 131–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-131-136>.

Как известно, искусство есть результат расширенного творческого освоения характерного содержания жизни, которое предстает в виде такой характерности, в которой художник творчески освоил связь индивидуального бытия человека с обществом или с миром в целом. Эта творчески освоенная характерность и есть основная единица художественного содержания.

Художественная форма – конкретно-чувственное бытие художественного содержания; это то, что делает художественное содержание непосредственно воспринимаемым [Волков, с. 69]. В худо-

жественной форме можно выделить три уровня: внешняя, материальная форма (человеческая речь, звуки, телодвижения); внутренняя, воображаемая конкретно-чувственная форма; композиция (взаиморасположение деталей художественной формы – внутренней и внешней).

Если основной единицей художественного содержания служит художественно освоенная характерность жизни, то основной единицей художественной формы является образ.

С точки зрения онтологии художественный образ есть факт идеального бытия, схематический

объект, надстроенный над своим материальным субстратом, он не совпадает со своей вещественной основой, хотя узнается в ней и через нее [Бахтин, с. 46–47]. В семиотическом аспекте художественный образ есть знак, десигнатом которого выступает ценность, а денотатом — предмет или явление. С этой точки зрения образ — факт воображаемого бытия; обозначение каких-то жизненных ситуаций, событий, лиц в художественном произведении. Однако в целом художественный образ является конкретно-чувственным воплощением особого, собственно художественного содержания — результата творческого освоения художником реальной действительности [Лотман, с. 117]. Поэтому взгляд на художественный образ с точки зрения теории знаковых систем не учитывает собственной, художественно-творческой природы образа в искусстве. В гносеологическом аспекте художественный образ есть вымысел. Вместе с тем художественный образ — не просто формальное допущение, а допущение, достигающее видимости воплощения. В эстетическом аспекте художественный образ есть жизнеподобный организм, который производит впечатление красоты. Так, с точки зрения эстетики художественный образ понимается прежде всего как категория, характеризующая особый и присущий только искусству способ субъективного моделирования и преобразования действительности.

Если под объективным образом понимается все то, что идет непосредственно от действительности, то под субъективным — переживания и размышления автора, его отношение к изображаемому предметам и явлениям, их оценка и особое видение. Поэтому «всякий литературно-художественный образ представляет собой не только отражение определенных кусков жизни, но в известном смысле и своеобразный фрагмент мировоззрения художника слова. Субъективность — показатель самобытности и оригинальности автора» [Лунева, с. 17]. Однако субъективная реальность художника тесно взаимосвязана с социально-исторической практической деятельностью. Эта жизненная практика связывает писателя с читателем.

Любой образ есть результат опосредованного и трансформированного отражения реальной действительности.

Отметим, что качественное своеобразие литературно-художественного образа заключается в том, что он создается с помощью словесно-речевых приемов.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что литературный образ — это конкретная и в то же время обобщенная картина бытия, отражающая в той или иной мере мировосприятие художника слова, созданная им при помощи вербальных средств и художественно-композиционных приемов и имеющая эстетическое значение. В фокусе внимания литературоведов находится в основном содержательная сторона художественного произведения, в то время как для лингвистов при

рассмотрении этой категории наиболее важной оказывается система языковых средств, т. е. форма.

Филология как наука изначально была связана с изучением литературных типов словесных произведений, традиционно интерпретируемых на протяжении многих лет в единстве словесной организации (формы) и смысла (содержания). Двадцатый век внес коррективы в теорию и практику словесности, разделив внутри филологии литературоведческий и лингвистический аспекты анализа художественного текста. Это противопоставление литературоведения и лингвистики нашло отражение в различном представлении двух путей анализа художественного текста.

По В.В. Виноградову, литературоведческий анализ художественного текста предполагает изучение главным образом идейно-тематического содержания текста, его сюжета и жанра [Виноградов]. Лингвистический метод исследования начал формироваться Л.В. Щербой, который призывал филологов обращать более пристальное внимание на слово и выразительные средства языка [Болотнова, с. 29]. Так, Щерба заложил основы метода, который в настоящее время выдвигает на первое место изучение языковых средств, обеспечивающих построение текста. Важно при этом отметить, что лингвистический метод применим к текстам всех функциональных стилей, в то время как литературоведческий анализ может проводиться только на материале произведений словесно-художественного творчества. В результате данного противопоставления сформировались два пути направления анализа: от формы к содержанию (анализ языковых средств с целью выявления их роли и функции для раскрытия идейно-тематического содержания произведения) и, наоборот, от содержания к форме (анализ идейного содержания для раскрытия конкретных языковых средств и приемов, с помощью которых достигается это содержание).

На сегодняшний день филологи стремятся детально и целостно изучать художественный текст, проникая в самую суть произведения. Но литературоведческий и лингвистический методы, взятые в изоляции, не могут решить обозначенную выше задачу. В связи с этим становится необходимым изучать текст комплексно.

Как известно, применимый к любым текстам лингвостилистический анализ включает в себя два уровня: семантический (языковые единицы рассматриваются в их прямом значении) и метасемиотический (изучение функционирования языковых единиц в речи). Однако лингвостилистический анализ не учитывает специфики художественных текстов. Сложность художественного произведения приводит к тому, что анализ текста не может останавливаться на постижении только его смысла, он должен подниматься до уровня раскрытия художественного содержания, а для этого необходима взаимосвязь языка и поэтики [Борисова; Гончарова; Карачева].

Для понимания сложного взаимоотношения словесно-речевой структуры и композиционно-художественной организации необходимо выйти на иной уровень, применить комплексный анализ произведения словесно-художественного творчества, который использует методологический аппарат как литературоведения, так и лингвистистики [Борисова]. В основе данного метода лежит прием тематического расслоения текста [Борисова]. Первый этап (*slicing*) заключается в тематическом расслоении материала. При необходимости отрывки можно снабдить пояснениями, комментариями и связками, чтобы вместе они представляли более или менее связанный экспериментальный «текст» (второй этап – *splicing*). После такой предварительной обработки текста мы переходим к его научно-филологическому анализу.

Для анализа образа персонажа нами были выделены пять основных структурно-содержательных компонентов: интродукция персонажа, портретная и речевая характеристики, описание поступков и авторское отношение [Борисова; Козеняшева]. В данной статье мы остановимся на рассмотрении первого параметра, а именно – интродукции персонажа.

Интродукция – это введение автором персонажа в произведение, создание его первичного образа, посредством которого у читателя формируются первые представления о нем. Анализу при этом подвергаются художественно-композиционные и словесно-речевые средства.

Зачастую интродукция главного героя совпадает с экспозицией или завязкой, но нередки случаи, когда писатель вводит основное действующее лицо на более поздних этапах; интродукция второстепенных и вспомогательных героев происходит либо также в экспозиции, либо в любом месте произведения. Основополагающий способ интродукции персонажа – его портретная характеристика, сопровождаемая комментариями автора; другой распространенный способ – это введение в повествование прямой речи героя, его реплик в диалогах с второстепенными персонажами. В первом случае мы встречаемся с прямым способом описания персонажа, сутью которого является изображение автором героя так, как его видит он сам; во втором – с косвенным, предполагающим, что читатель самостоятельно формирует свое мнение о герое на основании его речевого портрета.

Интродукция персонажа направлена на формирование у читателя первого впечатления о герое, которое в дальнейшем будет изменяться или, наоборот, подтверждаться.

Перейдем к непосредственному анализу материала (Dahl).

Роальд Даль вводит образ главной героини – протагониста, Матильды, в первой главе книги. Он пишет о так называемых «стандартных родителях», которые радуются успехам своих детей, и об исключении из правила – Мистере и Миссис Вормвуд, – для которых собственная дочь Матильда

была не чем иным, как a scab (6) (коростой, струпом), от которого было бы неплохо избавиться. На фоне такого мнения родителей автор использует ряд эпитетов, называя девочку *extra-ordinary, and by that I mean sensitive and brilliant* (6). Он подчеркивает, что девочка была необыкновенным, требующим внимания и восхищения человеком.

Описание внешности девочки выражено в одной фразе: *...this tiny dark-haired person sitting there with her feet nowhere near touching the floor...* (12). Из данного предложения можно сделать вывод, что Матильда – темноволосая маленькая девочка, едва достающая, сидя в кресле, ногами пола. Упоминание возраста героини подчеркивает вышесказанное: *Four years and three months*, (11), а манера ее передвижения в библиотеку усиливает впечатление: *...Matilda would toddle down to the library* (9). Согласно словарю *Longman Dictionary of Contemporary English*, глагол *to toddle* означает *to walk with short, unsteady steps* (LDCE), а образованное от данного глагола существительное *toddler* – *a very young child who is just learning to walk* (LDCE). Следовательно, Матильда была совсем маленьким ребенком.

Особую же роль при описании девочки Р. Даль отводит ее умственным способностям, акцентируя на них внимание читателей:

1) *her mind was so nimble and she was so quick to learn that her ability should have been obvious even to the most half-witted of parents;*

2) *by the age of one and a half her speech was perfect and she knew as many words as most grown-ups;*

3) *by the time she was three, Matilda had taught herself to read by studying newspapers and magazines that lay around the house. At the age of four, she could read fast and well and she naturally began hankering after books* (6–7).

Автор выделяет особенности ума девочки за счет инвертированного эпитета *half-witted of parents*, использованного в конвергенции синтаксическим параллелизмом *so nimble... so quick*, говоря, что Матильда схватывала все на лету и актуализируя экстраординарность девочки.

Кроме того, далее писатель перечисляет достижения героини, употребляя при этом градацию (*By the age of one and a half..., By the time she was three..., At the age of four...*). По общепринятым нормам, среднестатистический ребенок в возрасте полутора лет должен знать 30–40 слов. Умственное развитие нашей героини достигает уровня взрослого человека. Способность Матильды самостоятельно научиться читать говорит о ее одиночестве и заброшенности родителями и братом и о ее незаурядных способностях и настойчивости, так как не каждый ребенок заставит себя читать, особенно ребенок трех лет, главным интересом которого является игра. Возникшее у Матильды желание прочесть книгу свидетельствует о зрелости ее ума, так как дети дошкольного возраста (и большинство детей школьного возраста) предпочитают что-то

простое, не требующее умственных нагрузок, с большим количеством иллюстраций.

С самого начала главы Роальд Даль отмечает любовь девочки к чтению. Так само ее название *The Reader of Books* призвано сообщить читателю, на что необходимо обратить пристальное внимание. Глава начинается с того, что Матильда в 4 года прочла единственную в доме книгу – книгу рецептов – и выучила ее наизусть, после чего ей захотелось большего. Девочка обратилась к отцу с просьбой купить ей книгу, на что получила отказ:

‘Daddy’, she said, ‘do you think you could buy me a book?’ ‘A book?’ he said. ‘What d’you want a flaming book for?’ ‘To read, Daddy’. ‘What’s wrong with the telly, for heaven’s sake? We’ve got a lovely telly with a twelve-inch screen and now you come asking for a book! You’re getting spoiled, my girl!’ (8).

Данный диалог, во-первых, демонстрирует негативное отношение отца Матильды к чтению, так как автор в речи Мистера Вормвуда использует эпитет *flaming* при описании книги, противопоставляя последнюю телевизору при помощи эпитета *lovely*, и, во-вторых, дает читателю четкое представление об уровне образованности и воспитания главной героини и ее родителя: сложная грамматически правильная конструкция в вежливом вопросе дочери (*Daddy, do you think you could buy me a book?*) и грубая разговорная речь отца, которую читатель может «услышать» во внутренней речи благодаря графону (*d’you want*), разговорным словосочетаниям (*for heaven’s sake, You’re getting spoiled*) и повторению краткой словоформы *telly*, использованными автором.

В связи с отказом отца и полным отсутствием какого-либо внимания со стороны родственников Матильда начинает тайком посещать библиотеку, где сначала читает книги для детей, а затем переходит к классической художественной литературе, выбирая при помощи библиотекаря книгу Чарльза Диккенса «Большие надежды»: *‘Great Expectations’, Matilda read, ‘by Charles Dickens. I’d love to try it’* (11), что может, на наш взгляд, являться символическим: читатель с данного момента начинает ожидать от Матильды больших свершений и осознает, что девочка является ключевым образом данного произведения.

Равнодушие взрослых по отношению к девочке, упомянутое ранее, эксплицируется в тексте репликами, свидетельствующими о том, что родители ее не замечали (*To tell the truth, I doubt they would have notices had she crawled into the house with a broken leg* (6); *She (mother) doesn’t know I come here; She doesn’t really care what I do* (12), не понимали (*She doesn’t encourage reading books. Nor does my father.*), недооценивали и обижали (*The parents, instead of applauding her, called her a noise chatterbox and told her sharply that small girls should be seen and not heard* (7)). Из последнего примера видно авторское отношение к главной героине, противопоставленное вновь отношению к ней родителей. Семантика существительного *chatterbox* трактуется как «болтун» и усиливается эпитетом *noise*. Кон-

вергенция с аллюзией к поговорке *Children should be seen and not heard* показывает читателю, что мать и отец Матильды компании дочери предпочитали иные занятия, не уделяя девочке должного внимания и не проявляя необходимой заботы.

В доме царит культ телевизора. Подтверждение этому мы видим в диалоге между Матильдой и ее отцом, приведенном ранее. Отец девочки предпочитает книге телевизор, с любовью описывая его достоинства: *a lovely telly with a twelve-inch screen*, при этом подчеркивается позиция отца относительно «испорченности» Матильды ввиду ее книголюбия: *You’re getting spoiled, my girl!* Культ ТВ порицается Р. Далем и противопоставляется любви к чтению.

Глава, в которой автор вводит главную героиню, состоит преимущественно из авторской и диалогической речи. Примечательно, что речь автора проста в плане используемых языковых единиц; речь родителей девочки можно отнести к низкому, разговорному регистру, а речь Матильды – к возвышенному, так как она говорит грамотно, используя сложные грамматические обороты, обращается к книжной лексике.

В данной главе присутствует и повествование от первого лица (*If I were a teacher I would...; I might even delve deeper...; I think I might enjoy...*), что вовлекает читателей в события, происходящие в произведении, делая их его участниками.

Таким образом, в интродукции одного из персонажей Р. Даль сообщает достаточно много сведений о своей героине. Они находят реализацию во всех основных выделенных нами аспектах образа литературно-художественного персонажа. Читатель получает описание внешности Матильды, информацию о ее возрасте, а главное, узнает о ее экстраординарных умственных способностях и любви к чтению книг. Автор рисует правдивый образ одинокой, брошенной родителями маленькой девочки, которая, несмотря на непонимание со стороны взрослых, является яркой личностью, обладает незаурядными умственными данными и старается упорно добиваться своей цели. Наряду с этим следует отметить воспитанность и независимость Матильды, самостоятельность в суждениях, которые проявляются в нежелании поддаваться навязываемой ей манере поведения. Главенствующими средствами при создании интродукции образа главной героини можно считать противопоставление, через которое, собственно говоря, и показывается авторское отношение к персонажу, а также эпитеты, которые встречаются при описании всех отличительных черт девочки. Важно подчеркнуть, что все выделенные нами характеристики образа персонажа, представленные автором в первой главе, в дальнейшем получают развитие в произведении.

Средства интродукции персонажа являются важной составной частью создания цельного художественного образа и дают читателю возможность составить первое впечатление о персонаже и об авторском отношении к нему.

Источники фактического материала

Dahl R. Matilda. N.Y.: Puffin Books, 1990. 233 p.

Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com>. – LDCE.

Библиографический список

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.

Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2010. 383 с.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетания // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 13–17.

Волков И.Ф. Теория литературы. М.: Просвещение, 1995. 256 с.

Гончарова Н.Ю. Образ английского сада в британском романе XX века как объект филологического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2014. 174 с.

Карачева Н.А. Образы персонажей в пьесах Дж. Б. Шоу «Пигмалион» и «Цезарь и Клеопатра» как объект общепилологического анализа: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2017. 202 с.

Козеняшева Л.М. Лингвопоэтические средства создания образа слуги в английской литературе XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 192 с.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 17–263.

Лунева Л.Э. Литературно-художественный образ как форма эстетического познания в контексте социокультурных трансформаций: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. 26 с.

References

Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 504 p. [in Russian].

Bolotnova N.S. *Filologicheskii analiz teksta: ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dop.* [Philological Analysis of Text: Textbook. 3rd edition, revised and enlarged]. M.: Flinta: Nauka, 2007, 520 p. [in Russian].

Borisova E.B. *Khudozhestvennyi obraz v britanskoi literature KhKh veka: tipologiia, lingvopoetika, perevod: dis. ... dokt. filol. nauk* [The artistic image in the British literature of the twentieth century: typology, linguo-poetics, translation: Doctoral of Philological Sciences thesis]. Samara, 2010, 383 p. [in Russian].

Vinogradov V.V. *Voprosy izucheniiia slovosochetaniia* [On phrase study]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)], 1954, no. 3, pp. 13–17 [in Russian].

Volkov I.F. *Teoriia literatury* [Theory of literature]. M.: Prosveshchenie, 1995, 256 p. [in Russian].

Goncharova N.Yu. *Obraz angliiskogo sada v britanskom romane KhKh veka kak ob»ekt filologicheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk* [The image of the English garden in the British novel of the twentieth century as an object of philological analysis: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2014, 174 p. [in Russian].

Karacheva N.A. *Obrazy personazhei v p'esakh Dzh. B. Shou «Pigmalion» i «Tsezar' i Kleopatra» kak ob»ekt obshchepilologicheskogo analiza: dis. ... kand. filol. nauk* [Images of characters in the plays of J.B. Shaw «Pygmalion» and «Caesar and Cleopatra» as an object of general philological analysis: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2017, 202 p. [in Russian].

Kozenyasheva L.M. *Lingvopoeticheskie sredstva sozdaniia obraza slugi v angliiskoi literature XIX–XX vekov: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguo-poetic means of creating an image of a servant in English literature of the XIX–XX centuries: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2006, 192 p. [in Russian].

Lotman Yu.M. *Lektsii po struktural'noi poetike* [Lectures on Structural Poetics]. In: *Iu.M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaia shkola* [Yu.M. Lotman and Tartu-Moscow Semiotic School]. M.: Gnozis, 1994, pp. 17–263 [in Russian].

Luneva L.E. *Literaturno-khudozhestvennyi obraz kak forma esteticheskogo poznaniia v kontekste sotsiokul'turnykh transformatsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Literary and artistic image as a form of aesthetic cognition in the context of sociocultural transformations: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2007, 26 p. [in Russian].

Е.В. Резникова

ПРИСТАВКИ С СЕМАНТИКОЙ КРУГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Резникова Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: reznikowaev@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7171-6351>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются средства репрезентации концепта «круг» в русской языковой картине мира и ставится вопрос о включении в их состав приставок с соответствующей семантикой. Большинство ученых считает средствами вербализации концепта только лексические и фразеологические единицы, однако некоторые концепты (как представляется, это пространственные, геометрические концепты) могут воплощаться также словообразовательными формантами. В исследовании анализируются производные приставки *вокруг-*, *около-*, образованные от слов с корнями *-круг-* и *-кол-* (от предлогов *вокруг* и *около*, образованных от аналогичных наречий), первообразные приставки *о-* / *об-*, *при-*, а также иноязычная приставка *пери-*, которая зачастую выделяется только этимологически (ср. в словах *период*, *периферия*, *перикард* и т. п.). Связь с концептом «круг» наиболее очевидно прослеживается у производных приставок *вокруг-* и *около-*, причем обнаруживается следующая зависимость: чем менее определена эта связь у соответствующего префикса (в частности, у приставки *около-*), тем шире его семантика и больше круг лексем, к которым он способен присоединяться. Из первообразных приставок наиболее многообразно передает круговую семантику приставка *о-* / *об-*. Приставки с семантикой круга реализуют одну из образ-схем концепта «круг», а именно «соотношение центра и периферии», что выражается в смыслах «вокруг чего-либо», «рядом с чем-либо», «связанный с чем-либо». Во многих случаях круговая семантика данных префиксов поддерживается корневым элементом и контекстом, однако и в сочетании с другими корнями названные приставки способны выражать смыслы концепта «круг», а значит, должны включаться в состав средств его репрезентации.

Ключевые слова: концепт, круг, средства репрезентации, приставки, значение.

Цитирование. Резникова Е.В. Приставки с семантикой круга в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 137–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-137-141>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-137-141
UDC 811.161.1

Submitted: 25/II/2018
Accepted: 2/III/2018

E.V. Reznikova

PREFIXES WITH THE MEANING «CIRCLE» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

© *Reznikova Ekaterina Valerievna* – Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: reznikowaev@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7171-6351>

ABSTRACT

The article deals with means of representation of the concept of «circle» in the Russian language picture of the world and poses a question on incorporating prefixes with the meaning «circle» in these means of representation. Most scientists consider only lexical and phraseological units to be the means of verbalizing the concept, but some concepts (as seen, in the first place are space concepts, geometric concepts) can also be embodied by word-formative formants. Prefixes *vokrug-*, *okolo-*, derived on autonomous words with roots *-krug-* and *-kol-* (on the prepositions *vokrug* and *okolo*, formed from adverbs *vokrug* and *okolo*), underived prefixes *o-* / *ob-*, *pri-* and foreign language prefix *peri-*, which is often allocated only etymologically (see the words *period*, *periphery*, *pericardium*, etc.) are analyzed. The relationship with the concept «circle» is most clearly seen in the derivative prefixes *vokrug-* and *okolo-*, moreover the following dependence is detected: the less defined this relationship in the corresponding prefix (in particular, the prefix *okolo-*), the wider its semantics and wider lexeme's complex, to which it is able to join. Between primitive prefixes the most diverse circular conveys the semantics of the prefix *o-* / *ob-*. Prefixes with meaning «circle» embody one of the image-schemes of the concept «circle», namely «the ratio of the center and periphery», which is expressed in terms of meanings «to do something around something» / «to be around something», «to be near something», «to be joined with something» or «to be beside something», «in circumvention of something». Prefix's meaning «circle» is often supported by word root or a context, but prefixes can express this meaning by combining with other word roots, in other words, can express the circle meaning in standalone mode. So means of representation of the concept «circle» must include prefixes with the same semantics.

Key words: concept, circle, means of concept representation, prefixes, meaning.

Citation. Reznikova E.V. *Pristavki s semantikoi kruga v russkom iazyke* [Prefixes with the meaning «circle» in the Russian language]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 137–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-137-141>.

Концепт «круг» – один из базовых концептов русской языковой картины мира. Он аккумулирует множество смыслов, представляющих собой всестороннее осмысление этой реалии: как особой формы, отличающейся правильностью, гладкостью, простотой, как замкнутости, как соотношения центра и периферии, как траектории движения. Смысловой насыщенности этого концепта соответствует многообразие средств выражения в языке:

– лексика различных частей речи с корнями **круг** (*круглый, окружение, кружить, вокруг, кол* (*кольцо, колесо, около*), **крут** (*крутить*), **верт** (*вертеть, поворот, вращение, оборот*), **кат** (*катить, раскатка, прокат*), **ви** (*вить, развивать*), многочисленные заимствованные слова и их производные: *тур, раунд, период, сфера, цирк, цикл* и др.;

– лексика, обозначающая различные конкретные образы с семантикой круга, кругового движения: *солнце, кольцо, венец, колесо, обруч, обод, оре-*

ол, нимб, клубок, ком, кружение птицы, хождение по кругу, хоровод, вальс, веретено, водоворот, вихрь и др.

– фразеология с семантикой круга: *возвращаться на круги своя, порочный круг, заколдованный круг, ходить вокруг да около, обвести вокруг пальца, сбиться с круга, кругом виноват, круглый сирота, колесо Фортуны* и т. д.

Кроме вполне очевидных лексических и фразеологических средств воплощения концепта существует еще такая «малая форма», как словообразовательные элементы с семантикой круга, в частности приставки. Безусловно, это периферийная часть средств репрезентации, весьма ограниченная по составу и по выражаемым смыслам, однако для полноты описания концепта следует уделить внимание и им. При описании тех или иных концептов приставки, как правило, не рассматриваются [Гринкевич; Гилярова; Топорова; Максимовских; Мин-

ченков, Горелова; Федулова], и, как представляется, незаслуженно, поскольку тоже способны участвовать в воплощении концептуальных смыслов. Исключение составляет ряд исследований собственно приставок [Горбунова; Добрушина, Меллина, Пайяр; Кронгауз].

Говоря о приставках, следует иметь в виду их полисемантическую, т. е. одна и та же приставка в зависимости от лексемы и от контекста употребления этой лексемы может выражать разные смыслы. В связи с этим возникает вопрос, не выражает ли то или иное значение концепта «круг» корневой элемент лексемы и не обусловлена ли соответствующая семантика контекстом, содержащим перечисленные выше лексемы и конкретные репрезентанты концепта «круг». Одним словом, может ли собственно приставка выражать концептуальную семантику круга?

В решении этого вопроса следует остановиться на разных группах фактов: на производных приставках, имеющих более или менее очевидную этимологическую связь с корнями -круг- и -кол- (*вокруг-*, *около-*); на заимствованных приставках, также восходящих к корням с семантикой круга (*пери-*, ср. в таких словах, как *периферия*, *периметр*, *перикард*, *перископ*, *период*); наконец, на непроизводных приставках (*о-*/*об-* и в отдельных случаях *при-*) с неявной семантикой круга как в сочетании с корнями, репрезентирующими концепт «круг», так и с прочими.

Приставки *около-* и, в особенности, *вокруг-* имеют наиболее очевидную связь с концептом «круг»: *вокругземной пояс*, *вокругдомовая территория*, *вокруггородская автодорога*; *околоземная орбита*, *окологлоточное кольцо*, *околоклеточная жидкость*, *околоплодные воды* и др. Они образованы от предлогов *вокруг* и *около*, а те, в свою очередь, от наречий с корнями *-кол-* (*кольцо*, *колесо*) и *-круг-*. Ср.: *обойти вокруг* — *дорога вокруг города* — *вокруггородская дорога*; *ходить вокруг да около* — *человек из околосердечной области*.

Приставка *вокруг-* выражает семантику круга благодаря прозрачной внутренней форме, содержащей элемент «круг» [Гринкевич]. Однако в языке и речи эта приставка непродуктивна и чаще заменяется предлогом: *вокругдольковые сосуды* (мед.) — *сосуды вокруг долек*, *вокругногтевой валик* — *валик вокруг ногтя*, *вокругостровной маршрут* — *маршрут вокруг острова*, *вокруглесная опашка* — *опашка вокруг леса* и т. д. Добавление приставки *вокруг-* воспринимается носителями языка как усложнение слова и как признак строгих стилей.

В лингвистических словарях лексика с приставкой *вокруг-* не зафиксирована, а в речи она встречается. По нашим наблюдениям, эта приставка может присоединяться к словам, называющим такие объекты, которые могут концептуализироваться как центр некоего окружения: *Будет ли это упомянутый вами «вокругземной» пояс солнечных батарей <...> или нечто еще более грандиозное —*

во всех случаях потомкам придется замаливать наши грехи перед природой («Техника — молодежи», НКРЯ). В данном случае моделируется круглая реалья — *Земной шар*, которая предполагает какое-то окружение.

Пример из медицинской литературы: *Синусы подразделяются на краевые, вокругфолликулярные, мозговые и воротные* (А. Минков, НКРЯ). *Фолликул* (от лат. «кожаный мешочек») — это некие округлые образования, в данном контексте — скопления лимфоидных клеток. Ср. также: *Вокругдомовая территория оборудована парковочными местами для автомобилей, а также облагорожена* (реклама строительного объекта). В данном случае дом вряд ли имеет круглую форму, однако для образ-схемы «центр — периферия», входящей в состав концепта «круг», геометрически правильная форма круга как для центра, так и для окружения принципиально не важна. На первый план выходят смыслы, в которых раскрывается соотношение центра и периферии: центр как организующее начало (без дома не было бы и его окружения — *вокругдомовой территории*), расположение в непосредственной близости (возле дома), со всех сторон.

Таким образом, приставка *вокруг-* присоединяется к лексемам, обозначающим такие реалии, которые могут представляться как центр какого-либо окружения, т. е. сводимые в схеме к кругу или к точке. Напротив, протяженные, вытянутые объекты, которые в схематичном отображении сводятся к линии (*дорога*, *река*), не могут обозначаться словами с приставкой *вокруг-*. Ср.: *вокругбайкальский бассейн*, но не *вокругвожжский*.

Приставка *около-* также может выражать круговую семантику. Ср.: *окологалактическая, околопланетная орбита* (орбита вокруг галактики или планеты), *околоземное пространство* (пространство вокруг Земли), *околосердечная сумка* (оболочка вокруг сердца), *околоплодные воды* (воды, окружающие плод), *окологородские районы* (расположенные вокруг города, с разных сторон), *околобайкальские* (территория вокруг Байкала).

Ср. в контексте: *Перикард — это околосердечная сумка, в которой размещается не только сердце, но и околосердечные сосуды. Слово пришло в медицину из греческого языка. Его буквальное значение — «вокруг сердца». Некоторые врачи называют перикард околосердечной сорочкой. По сути, это наружная оболочка сердца из соединительной ткани* (Л. Лукина, НКРЯ). Заметим, что термины с приставкой *около-* зачастую являются кальками терминов с греческой приставкой *пери-* (вокруг, около), речь о которой пойдет ниже.

В целом можно сказать, что приставка *около-* менее определенно выражает круговую семантику, чем приставка *вокруг-* (с чем, видимо, и связана ее более свободная сочетаемость с теми или иными лексемами, большее распространение в речи, фиксация в словарях). Зачастую значение этой приставки теряет видимую связь с кругом, сужаясь до одного из частных смыслов образ-схемы «центр —

периферия» — «нахождение вблизи чего-то, рядом» (окружение — это то, что находится вблизи центра) или «связь с тем, что мыслится центром» (окружение ориентировано на центр). Значение приближенности к чему-либо или связи с чем-либо постепенно выходит за пределы собственно круговой семантики и может ассоциироваться с любым пространственным образом. Например, в словосочетании *околобереговая линия*, если, конечно, речь не идет об озере, концептуализируется не круглый, а протяженный предмет, и значение приставки *около-* сводится к приближенности к объекту.

Многие примеры, моделирующие абстрактные понятия, зачастую не позволяют однозначно разграничить значения «вокруг чего-либо» и «рядом с чем-либо», «связанный с чем-либо», которые возникли на базе осмысления образ-схемы «центр — периферия», но вышли за ее пределы. Например, не столь определенно выражают круговую семантику следующие фразы: *околотеатральные сплетни*, *околокриминальные круги*, *околоельцинская верхушка*, *околопартийные организации* и подобные. В приведенных выражениях круговая семантика приставки *около-* неочевидна. Рассмотрим их в контекстах.

Наш разговор лишь отчасти касался Большого (театра. — Е.Р.) и уж совсем не затрагивал околотеатральных сплетен и интриг (Н. Усков, НКРЯ). *Околотеатральные сплетни* — это сплетни вокруг театра, его работников, событий, происходящих в театре. Театр представляется центром ситуации, на который ориентирована эта ситуация, т. е. реализуется одна из базовых образ-схем концепта «круг» — соотношение центра и периферии.

То же самое можем увидеть и в других выражениях: *околокриминальные круги* (круги, группирующиеся вокруг криминала, непосредственно связанные с ним), *околоельцинская верхушка*, *околопрезидентские кланы* — люди из окружения президента.

Околопятнадцатилетние — это люди, стоящие на пороге этого возраста или едва перешедшие через этот порог. Центром ситуации — в данном случае возрастной шкалы — оказывается цифра 50, окружением — числа справа и слева от нее. Казалось бы, перед нами линейная схема, однако в языке она также моделируется с помощью образ-схемы «центр — периферия». Ср.: *окружение языковой единицы* — это слова стоящие с двух сторон — справа и слева от нее, а возможно, и только с одной стороны, если, например, слово стоит в начале или в конце предложения. *Круглый сирота* — ребенок, лишившийся двух человек из своего окружения — отца и матери. Выражение *кругом виноват* также не предполагает, что некто виноват абсолютно во всем: лишь в нескольких (возможно, во многих) эпизодах. Несколько эпизодов обобщаются до полного окружения. Фраза *ближайшее окружение человека* тоже не означает полного покрытия, а соотносится с отдельными людьми и т. д. Таким образом, схема «центр — периферия» предполагает определенное обобщение ситуации, когда любое ко-

личество элементов может сводиться в языковой картине мира к полному окружению, и *околопятнадцатилетний возраст*, *околопороговые величины* также подпадают под это обобщение.

Иноязычная приставка *пери-* (от греч. «вокруг, около») оказывается синонимичной приставке *около-* и зачастую переводится с помощью этой приставки. Ср.: *перикард* — *околосердечная сумка*, *периодонтит* — воспаление *околозубных* тканей, *перинуклеарное пространство* — *околоклеточное*, *периневральное пространство* — *вокруг* нервного ствола и т. д. Подобных примеров в терминологии, и не только медицинской, очень много: *периметр* (от греч. *perimetrio* — «измеряю вокруг»), *перископ* (от греч. «осматриваю вокруг»), *перифраз* («окольная речь»), *перинатальный период* (букв. «вокруг родов»), а также *период* («обход по кругу») и собственно *периферия* («окружность»). Разумеется, в этих словах уже произошло опрощение, и приставка *пери-* выделяется только этимологически, но все же вносит свой вклад в общую семантику каждого из них.

Наконец, круговая семантика возможна у непроизводных приставок. Главным образом это касается приставки *о-/об-*: *окружить*, *окрутить*, *обвернуть*, *обвить*, *обмотать*. У этих лексем и их производных значение «движение по кругу» прозрачно, но выражается в первую очередь корневым элементом. Но приставка *о-/об-* может и самостоятельно выражать это значение. Ср.: *подчеркнуть правильные ответы* и *обвести правильные ответы*. Лексема *обвести* означает «нарисовать кружок, замкнутую линию вокруг нужного варианта ответа». Корневой элемент *ves(mi)* несет только семантику направленного перемещения, а вот смысл «вокруг» привносит приставка *об-*.

Аналогично семантика круга выражается в глаголах *очертить*, *описать*. Не случайно их сочетаемость с лексемами с пространственным значением ограничивается фактами, когда воплощаются формы круга, дуги и их вариантов: *описать круг*, *описать дугу*, *брошенная бутылка описала кривую линию* и т. д.

При моделировании абстрактных реалий круговая семантика лексем с приставкой *о-/об-* сохраняется. Например, *описать какое-то явление* — значит рассмотреть его со всех сторон, *очертить круг вопросов* — буквально обвести линией круга, отграничивая нужное от всего прочего. Поэтому используется именно глагол *очертить*, а не, к примеру, *нарисовать круг*.

К числу приставок, способных выразить семантику круга, можно отнести и приставку *при-*, однако для нее это значение нетипично и строго определяется как контекстом, так и спецификой реалии, стоящей за соответствующим словом. Например, круговая семантика приставки *при-* проявляется в выражении *приствольный круг* — это участок земли вокруг ствола. Значение окружения здесь поддерживается лексемой *круг*, а также характером реалии: ствол имеет округлое сечение и воспринимается как центр окружения.

Таким образом, анализ показал, что приставки *вокруг-*, *около-*, *пери-*, *о-/об-* и некоторые другие способны выражать круговую семантику, причем в известной степени автономно от корневого элемента и контекста. Их смысл определяется образ-схемами концепта «круг» (в основном образ-схемой «центр – периферия»), а значит, они должны включаться в состав средств репрезентации концепта.

Источники фактического материала

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>. – НКРЯ.

Библиографический список

Гилярова К.А. Языковая концептуализация формы физических объектов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2002. 198 с.

Горбунова Л.И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной языковой модели). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 361 с.

Гринкевич Ю.В. Восприятие пространства в русскоязычной и англоязычной культурах (на материале пространственно-геометрических концептов круг и квадрат): дис. ... канд. культ. наук: 24.00.01. М., 2006. 271 с.

Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайяр Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. 270 с.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки славянской культуры, 1998. 291 с.

Максимовских А.Г. Концепт и средства его репрезентации // Вестник ЧелГУ. 2015. № 15 (370). С. 53–57.

Минченков А.Г., Горелова А.А. Возможности репрезентации концепта *disrespect* в англоязычном тексте // Вестник Пермского университета. 2016. № 4 (36). С. 58–65. DOI: 10.17072/2037-6681-2016-4-58-65.

Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2000. 303 с.

Федулова М.Н. Совокупность средств вербальной репрезентации концептов // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 2. С. 394–402. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402.

References

Giliarova K.A. *Iazykovaia kontseptualizatsiia formy fizicheskikh ob»ektov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Language conceptualizing of the form of physical objects. Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.19]. M., 2002, 198 p. [in Russian].

Gorbunova L.I. *Kognitivnyi obraz situatsii kak osnova semanticheskoi struktury iazykovoï edinitsy (na materiale edinits atributivno-lokativnoi iazykovoï modeli)* [Cognitive image of situation as a base of linguistic unit's semantic structure (based on units of attributive-locative language model)]. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2010, 361 p. [in Russian].

Grinkevich Yu.V. *Vospriiatie prostranstva v russkoiazychnoi i angloiazychnoi kul'turakh (na materiale prostranstvenno-geometricheskikh kontseptov krug i kvadrat): dis. ... kand. kul't. nauk: 24.00.01* [Perception of space in Russian and in English cultures (on the basis of extensional-geometrical concepts of circle and square). Candidate's of Culturology thesis: 24.00.01]. M., 2006, 271 p. [in Russian].

Dobrushina E.R., Mellina E.A., Paiyar D. *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo* [Russian prefixes: polysemy and semantic unity]. M.: Russkie slovari, 2001, 279 p. [in Russian].

Krongauz M.A. *Pristavki i glagoly v russkom iazyke: semanticheskaja grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: semantic grammar]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 1998, 291 p. [in Russian].

Maksimovskikh A.G. *Kontsept i sredstva ego reprezentatsii* [Concept and means of its representation]. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 15 (370), pp. 53–57 [in Russian].

Minchenkov A.G., Gorelova A.A. *Vozmozhnosti reprezentatsii kontsepta disrespect v angloiazychnom tekste* [Means of representing the concept *disrespect* in English text]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald], 2016, no. 4 (36), pp. 58–65. DOI: 10.17072/2037-6681-2016-4-58-65. [In Russ.]

Toporova V.M. *Kontsept «forma» v semanticheskom prostranstve iazyka (na materiale russkogo i nemetskogo iazykov): dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19* [Concept «form» in the semantic space of language (on the materials of Russian and German languages). Doctoral of Philological Sciences thesis: 10.02.19]. Voronezh, 2000, 303 p. [in Russian].

Fedulova M.N. *Sovokupnost' sredstv verbal'noi reprezentatsii kontseptov* [Combination of verbal representative means of concepts]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2017, no. 2, pp. 394–402. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402 [in Russian].

М.В. Марьева**ПРИМЕНЕНИЕ АКТИВНЫХ И ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ
ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ**

© *Марьева Майя Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и права, Мурманский государственный технический университет, 183010, Российская Федерация, г. Мурманск, ул. Спортивная, 13.

E-mail: marievamv@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3859-1363>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам преподавания лингвистических дисциплин студентам, обучающимся по техническим специальностям и направлениям подготовки. В ней даны рекомендации, как с помощью активных и интерактивных методов обучения сделать для студентов более эффективным, а также актуальным и интересным процесс освоения научного стиля русского языка. По мнению автора статьи, изучение обозначенного раздела дисциплины «Русский язык и культура речи» должно опираться на такие принципы, как практическая ориентированность обучения, поощрение равноправного взаимодействия между всеми участниками учебного процесса, повышение эмоциональной вовлеченности студентов.

В работе рассмотрены возможности применения следующих методов активного и интерактивного обучения: решение проблемных задач, взаимообучение, дискуссия, состязание, ролевая игра, тренинг; приведены конкретные примеры их использования. Эти методы представлены в соответствии с этапами освоения учебного материала. Так, обоснована целесообразность обращения к методам проблемного обучения при первичном ознакомлении с материалом. На втором этапе – этапе осмысления – важно внести элементы игры. На этапе закрепления полученных знаний эффективны приемы взаимообучения, организация соревнования при выполнении стандартных упражнений, игры. В статье отражены сценарии игр «Бюро переводов» и «Лингвистический крокодил», способствующих пополнению словарного запаса студентов общенаучной и терминологической лексикой и выведению этого лексического пласта из пассивного словаря. На этапе овладения материалом для применения навыков полноценного критического анализа научного текста рекомендуется организация ролевых игр, дискуссий, тренингов (представлены темы, идеи и сценарии).

Ключевые слова: научный стиль русского языка, методика преподавания русского языка, активные и интерактивные методы обучения, решение проблемных задач, взаимообучение, дискуссия, состязание, ролевая игра, тренинг.

Цитирование. Марьева М.В. Применение активных и интерактивных методов обучения при изучении научного стиля русского языка студентами технических специальностей и направлений подготовки // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 142–148. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-142-148>.

M.V. Mareva

**THE USE OF ACTIVE AND INTERACTIVE TEACHING METHODS IN THE STUDY
OF SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE BY STUDENTS
OF TECHNICAL SPECIALTIES AND TRAINING AREAS**

© *Mareva Maiya Vladimirovna* – Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Department of Philosophy and Law, Murmansk State Technical University, 13, Sportivnaya Street, Murmansk, 183010, Russian Federation.
E-mail: marievamv@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3859-1363>

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of teaching humanitarian disciplines to students studying in technical specialties and training areas. It gives recommendations on how to use the active and interactive teaching methods to make the process of mastering the scientific style of the Russian language more effective, as well as relevant and interesting for students. The value of this work is due to a number of factors. First, the use of active forms of training in classes in subjects with conservative content presents a certain difficulty. Secondly, students of technical specialties and training areas, mastering the scientific style in the first year, do not always realize the value of the acquired knowledge in solving compulsory teaching problems and their conjugation with self-development and professional growth. Third, the severity of book styles is psychologically alien to them. The purpose of this work is to overcome the typical for the traditional teaching system of stylistics of reproductive forms of education, in which the student is assigned a passive role.

According to the author of the article, the study of the designated section of the discipline «The Russian Language and the Culture of Speech» should be based on such principles as practical orientation of teaching, encouragement of equal interaction between all participants in the educational process, and increased emotional involvement of students.

The paper considers the possibilities of using the following methods of active and interactive learning: solving problem problems, mutual learning, discussion, competition, role play, training; specific examples of their use are given. These methods are presented in accordance with the stages of mastering the educational material. So, the expediency of addressing to methods of problem training during initial acquaintance with the material is grounded. At the second stage – the stage of comprehension – it is important to introduce the elements of the game. At the stage of consolidation of the received knowledge, the methods of mutual learning are effective, the organization of competition in the performance of standard exercises, games. The article reflects the scenarios of games «Translation Bureau» and «Linguistic crocodile», which contribute to replenishment of the vocabulary of students with general scientific and terminological vocabulary and the derivation of this lexical layer from the passive vocabulary. At the stage of mastering the material for the application of the skills of a full critical analysis of the scientific text, it is recommended to organize role games, discussions, trainings (themes, ideas and scenarios are presented).

According to the author of the article, the described approach to the study of this section of stylistics is broader than the traditional one and corresponds to the current demands of the society for literate and promising young scientists.

Key words: scientific style of the Russian language, teaching methods of the Russian language, active and interactive teaching methods, solving problem problems, mutual learning, discussion, competition, role play, training.

Citation. Mareva M.V. *Primenenie aktivnykh i interaktivnykh metodov obucheniia pri izuchenii nauchnogo stilia russkogo iazyka studentami tekhnicheskikh spetsial'nostei i napravlenii podgotovki* [The use of active and interactive teaching methods in the study of scientific style of the Russian language by students of technical specialties and training areas]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 142–148. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-142-148>.

Государственные образовательные стандарты последнего поколения основаны на компетентностно-деятельностном подходе, который предполагает стимулирование не только активной познавательной деятельности студентов, но и социально-психологического развития, личностного роста: «Современная ориентация образования на формирование компетенций предполагает создание дидактических и психологических условий, в которых студент может проявить не только интеллектуальную и познавательную активность, но и личностную социальную позицию, свою индивидуальность, выразить себя как субъект обучения» [Активные и интерактивные образовательные технологии]. Основными требованиями к процессу обучения при этом становятся:

- повышение степени интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности студентов в процесс получения знаний;
- поощрение свободного и равноправного взаимодействия как между студентом и преподавателем, так и между студентами при отказе от авторитарных методов воздействия на учащихся;
- ориентация обучения не на формальное усвоение теоретических сведений, а на решение реальных профессиональных, социальных, психологических и иных проблем.

Отвечают этим требованиям технологии активного и интерактивного обучения. «Активное обучение представляет собой такую организацию и ведение образовательного процесса, которые направлены на всемерную активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, желательного комплексного, использования как дидактических, так и организационно-управленческих средств, широкое использование ими различных средств и методов активизации» [Кругликов]. Понятие «интерактивное обучение» имеет не одно толкование. Согласно наиболее распространенному пониманию, которого мы и будем придерживаться, данное понятие отражает высшую степень активности в субъект-субъектном взаимодействии внутри группы, при которой преподавателю отводится не ведущая, доминирующая роль, а функция помощника, консультанта, модератора. К методам активного и интерактивного обучения относят, в частности, учебно-ролевые, деловые игры, решение проблемных задач, семинар-исследование, взаимообучение, дискуссию, тренинг и пр.

Активные методы обучения наиболее часто и эффективно применяются в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла, поскольку тематика последних – богатый материал для проблемного и игрового моделирования. Гораздо сложнее использовать творческие, поисковые задания, создавать условия для диалога и взаимодействия обучающихся на занятиях по предметам с более консервативным содержанием. Между тем стандарты высшего образования не делают исключений и требуют обязательного присутствия в любой учебной программе активных и интерактивных форм обучения.

Стилистика русского языка, и особенно научный стиль, воспринимается многими как сухая наука, не содержащая проблемного, дискуссионного или игрового начала. Студенты технических специальностей и направлений подготовки, осваивая культуру научной

речи как один из разделов программы по русскому языку и культуре речи, не всегда осознают ценность гуманитарных знаний, в основе которых анализ текста, в решении обязательных учебных задач и их сопряженность с саморазвитием и профессиональным ростом. Кроме того, обозначенная дисциплина изучается, как правило, на первом курсе, когда студенты стоят лишь на пороге собственных научных исследований, а строгость книжных стилей им психологически чужда. Таким образом, вопрос использования методов активного и интерактивного обучения в данном случае, с одной стороны, чрезвычайно актуален, с другой – достаточно сложен.

Преодоление характерных для традиционной системы преподавания стилистики репродуктивных форм обучения, при которых студенту отводится пассивная роль, может быть осуществлено при решении ряда частных задач.

Во-первых, необходимо расширить представление о профессионально-коммуникативной компетенции как базовом качестве специалиста любого профиля и привести его в соответствие с современными реалиями. Изучение научного стиля студентами технических направлений не только развивает такие составляющие коммуникативной компетенции, как умение и навыки лингвистического анализа и использования средств языка в письменной научной речи, но и способствует:

- овладению монологической речью научного (и шире – интеллектуального) содержания;
- совершенствованию общей культуры речи, а также усвоению норм этикета в научном творчестве;
- формированию способности критично, но не категорично оценивать мнения других исследователей;
- развитию навыка конструктивного диалога и ведения научной полемики;
- выработке умения производить трансформацию научного текста в зависимости от ситуации и цели его использования;
- оттачиванию мастерства презентации результатов исследования и пр.

Такой подход к изучению данного раздела стилистики шире традиционного и соответствует актуальным запросам общества на грамотных и перспективных молодых ученых.

Во-вторых, необходимо усилить практическую направленность: ведущей линией в обучении должно стать не просто усвоение и закрепление студентами совокупности теоретических положений, а развитие умения использовать эти знания в учебном процессе и будущей профессиональной научно-исследовательской деятельности, служащей повышению квалификации. Для того чтобы развить такие обязательные навыки профессионала в любой сфере, как способность адекватно и критически оценивать информацию, необходимо на практических занятиях формальный стилистический анализ научного текста дополнить анализом критическим, затронуть вопрос информативной насыщенности и подлинного научного содержания текста. Кроме того, студентами должно быть осознано как насущная необходимость умение писать и оформлять доклады для студенческой конференции, курсовые работы, вторичные научные тексты

(рефераты, тезисы, аннотации) и в конечном итоге – выпускные квалификационные работы.

В-третьих, важно найти способы подпитки эмоциональной вовлеченности студентов в процесс освоения научной стилистики. Этому может послужить отбор языкового материала. Способствовать созданию положительной мотивации к изучению курса, а также пополнению научного лексикона, развитию эрудиции студентов могут научные и научно-популярные источники, вызывающие живой интерес, ставшие классикой познавательной литературы или посвященные современной тематике, новейшим научным открытиям, гипотезам и техническим разработкам.

В-четвертых, необходимо стимулировать активное взаимодействие между всеми участниками процесса обучения. Решению этой задачи поможет такой универсальный способ, как введение соревновательного элемента. Кроме того, полемическое начало, всегда присутствующее в науке, благоприятствует использованию дискуссионных форм.

Итак, рассмотрим, какие активные и интерактивные методы обучения могут применяться на практических занятиях по изучению научного стиля русского языка со студентами, обучающимися по техническим специальностям и направлениям подготовки. Для удобства представим эти методы в соответствии с этапами освоения учебного материала. В отечественной методике преподавания классическим признается выделение четырех этапов в организации учебного занятия, основанное на концепции восприятия С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн]:

- 1) этап первичного ознакомления с материалом;
- 2) этап осмысления;
- 3) этап закрепления полученных знаний;
- 4) этап овладения материалом.

Этап первый. При первичном ознакомлении с материалом важно зародить активное, сознательное отношение личности к воспринимаемому, пробудить интерес, увязать изучаемую тему с насущными потребностями студентов. Последняя установка отчасти формируется на этапе целеполагания путем проговаривания и подчеркивания важности новых сведений, указания на то, где они могут быть применены. Для того чтобы получить живой отклик и вызвать сознательное желание изучать характеристики научного стиля, целесообразно обратиться к методам проблемного обучения. В частности, могут быть обозначены такие проблемные вопросы, как отличие истинно научных текстов от псевдонаучных, а также академических научных текстов от научно-популярных. Постановка этих вопросов влечет за собой обсуждение, носящее дискуссионный характер, что соответствует принципам активного обучения. Приведем примеры заданий, основанных на методе проблемного анализа.

Пример 1. Студентам для ознакомления предлагается два текста. Текст 1 – фрагмент скандальной псевдонаучной статьи «Корчеватель: алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности» [Жуков], созданной с помощью компьютерной программы и представляющей собой грамматически связанный, но лишенный смысла набор слов. Текст 2 – лингвистический эксперимент-шутка – принадлежит перу Л.Н. Гумилева (дополнен С. Снеговым), написан в норильском лагере [История отпадения Нидер-

ландов от Испании]; он представляет собой описание истории отпадения Нидерландов от Испании, изложенное с помощью тюремного жаргона. После ознакомления студентам предлагается ответить на ряд вопросов: дает ли основания для того, чтобы считать текст научным, безупречное соблюдение формальных стилистических требований? Можно ли передать научное содержание, не соблюдая формальных требований научного стиля, например с помощью художественной или сниженной разговорной речи? Сохранятся ли при этом такие неотъемлемые черты науки, как точность, абстрактность, логичность, объективность? Итогом обсуждения должен стать вывод о том, как соотносятся понятия «научный стиль изложения» и «подлинно научное содержание текста».

Пример 2. Студентам для анализа предлагается ряд текстов, в которых нарушены различные требования, предъявляемые к научному стилю: в одних проявляется субъективная авторская оценка, в других недостает точности, приводятся приблизительные данные, в третьих рассуждение строится не на фактах и законах логики, а на ассоциациях и т. п. Для многих студентов-первокурсников эти погрешности неочевидны, поэтому выполнение данного задания потенциально носит поисковый и дискуссионный характер. Это задание позволяет обучающимся сознательно и самостоятельно определить, почему научный стиль такой, какой он есть, чем обусловлена его строгость, осознать, почему необходимо соблюдать правила научной стилистики.

Пример 3. Задание уместно при рассмотрении научно-популярного стиля, научной риторики. Студентам предлагается сравнить два текста, посвященных одной теме (например, понятию «окно Овертона»), причем один текст носит сугубо информационный характер и написан в академическом стиле, другой – в популярной манере. Выдвигаются следующие вопросы для обсуждения: каким образом в представленных текстах используются научные положения и факты? Какие цели преследуют авторы каждой статьи? Как изменяется в зависимости от коммуникативной цели лексический и грамматический строй текста? Где пролегает граница между средствами популяризации и средствами манипулирования сознанием? Следует отметить, что последний вопрос решает не только учебные, но и воспитательные задачи, способствует формированию тонко и критически мыслящего индивида, развитию самосознания, что также находится в русле современного деятельностного подхода к организации высшего образования.

Этап второй. Данный этап предполагает подробное рассмотрение отдельных аспектов изучаемой темы и применительно к научному стилю русского языка сводится к наблюдению над языковыми явлениями, лингвистическому анализу текста. Рассмотрение материала в сугубо филологическом фокусе не воспринимается студентами технических специальностей как важный для них вид учебной деятельности. Для придания обучающимся мотивации необходимо, во-первых, прояснить, формированию каких умений и навыков будет способствовать выполнение данных заданий, каким образом эти навыки могут быть применимы в учебной и профессиональной деятельности, а во-вто-

рых, важно подобрать тексты, соответствующие профилю группы, что значительно повышает актуальность изучаемого материала в восприятии студентов. На данном этапе, как правило, выполняются стандартные упражнения из учебных пособий: выявить морфологические, синтаксические, лексические признаки научного стиля, определить жанр научного текста и т. п. Для придания разнообразия на этой рутинной фазе можно изменить формулировку задания: не «проанализировать», «найти», а «подготовить экспертное заключение». Эта простая манипуляция вносит элемент игры и условно повышает статус студента до «эксперта», что оказывает благоприятное психологическое воздействие.

Этап третий. Дойдя до этого этапа, студенты должны быть готовы к самостоятельному воспроизведению полученных знаний и к выполнению более сложных заданий, требующих применения комплекса умений. Для закрепления теоретического материала возможно использование такой формы активного обучения, как взаимообучение. Для этого группу делят на пары, в которых студентам предлагается рассказывать друг другу о тех или иных аспектах изученной темы, отвечая на дополнительные и уточняющие вопросы, комментируя высказывания партнера. Кроме того, в парах можно организовывать взаимопроверку выполненных заданий, проводить терминологические диктанты. Подобные приемы решают одновременно несколько задач: придают разнообразие, позволяют оперативно осуществлять текущий контроль, исключают пассивное присутствие студентов на занятии, стимулируют взаимодействие между обучающимися, позволяют студентам, основываясь на сравнении, дать оценку собственному уровню знаний.

При выполнении упражнений, направленных на формирование навыков владения научной речью в устной и письменной формах, можно прибегнуть к универсальному средству — организации соревнования.

Пример. Можно предложить три варианта организации соревнования с использованием таблиц, содержащих перечень греческих и латинских морфем и их толкование. Данные упражнения отработывают применение метода «терминологического ключа», позволяющего самостоятельно понимать значение различных терминов.

Вариант 1. Подберите примеры производных слов к каждой из приведенных греческих и латинских морфем. Задание выполняется на скорость.

Вариант 2. Опираясь на таблицы, расшифруйте значение следующих слов: анахронизм, антропобиоценоз, бактериофаг, бактериоцид и т. д. Задание выполняется на скорость.

Также на скорость (индивидуально или в командах) могут выполняться многие другие типовые задания: вставьте пропущенные средства связи; восстановите порядок предложений в тексте и т. п.

Вариант 3. Используя таблицы с греческими и латинскими морфемами и произвольно выбирая из них по одной морфеме, организуйте соревнования — кто больше приведет примеров с ними.

Еще один способ включения активных и интерактивных форм обучения на этапе закрепления материала — это организация игры.

Пример 1. Игра «Бюро переводов». Группа делится на команды по 3–5 человек. На первоначальном этапе — разминке — командам переводчиков предлагается угадать, какие пословицы скрываются за научными формулировками, т. е. перевести данные высказывания на общепонятный язык.

Бинарный характер высказываний индивидуума, утратившего социальную активность (Бабушка надвое сказала).

Проблемы транспортировки жидкостей в сосудах с переменной структурой плотности (Носить воду в решете).

Оптимизация динамики работы тяглового средства передвижения, сопряженная с устранением изначально деструктивной транспортной единицы. (Баба с возу — кобыле легче) и т. д. [Пословицы и поговорки научным языком].

Команда, раньше других давшая правильный ответ, получает за него один балл.

Далее командам предлагается по аналогии с приведенными примерами «перевести» на научный язык любые другие пословицы или известные высказывания. В течение 15–20 минут команды должны подготовить оговоренное число таких формулировок (их количество зависит от числа команд (чем больше команд, тем меньше пословиц) и от того, сколько времени отведено на игру). Затем команды по очереди зачитывают результат, задача команд-противников — отгадать зашифрованную пословицу. Каждый верный ответ оценивается 1 баллом, каждая удачная и точная формулировка — двумя баллами. В конце подводятся итоги, обсуждается, что вызвало наибольшие затруднения.

Нужно иметь в виду, что игра такого типа предполагает обязательное наличие творческого потенциала. Между тем не все студенты обнаруживают такую способность, а главное — склонность к занятиям такого рода. Для этих учащихся отводятся роли судьи (или судей), статистика, осуществляющего подсчет баллов, а также ведущего, обеспечивающего организацию, определяющего очередность выступлений команд.

Пример 2. Игра «Лингвистический крокодил». Игра наиболее уместна при изучении понятия «дефиниция» и ознакомлении с правилами дефинирования. Общие правила игры совпадают с правилами широко известного «Крокодила». Группа делится на две команды, из каждой команды по очереди выходит по одному игроку, каждый из которых шепотом называет противнику загаданное слово (существительное с предметным значением). В отличие от традиционного «Крокодила», в данном варианте игры не используются жесты — здесь необходимо дать словесное определение (близкое к научному) загаданному противником слову. Определение должно быть выражено литературным языком без использования жестов и междометий; оно должно быть логичным, последовательным, желательно, чтобы характеристика строилась от общих черт к деталям. Формулировка звучит для «своей» команды, которая должно узнать слово по определению. Система оценивания следующая: нет формулировки — 0 баллов; неточная формулировка, использование жестов и междометий, жаргонной, сниженной лексики, или команда не отгадала слово — 1 балл, формулировка в целом отвечает требованиям,

но имеет незначительные недостатки – 2 балла; формулировка полностью соответствует требованиям – 3 балла.

Представленные игры способствуют пополнению словарного запаса студентов общенаучной и терминологической лексикой, выведению этого лексического пласта из пассивного словаря, обеспечивают овладение основами культуры не только письменной, но и устной научной речи, а также дают студентам возможность развития речи монологической. С точки зрения эффективности преподавания игра гарантирует эмоциональное напряжение и вовлеченность участников, развитие творческих способностей, активизацию многоканального взаимодействия, кроме того, она носит импровизационный характер, что развивает умение действовать в неожиданных ситуациях, нестандартно мыслить.

Этап четвертый. На данном этапе студенты должны продемонстрировать способность применять на практике приобретенные знания и умения. К этой заключительной фазе у студентов должны быть сформированы навыки всестороннего анализа научного текста; создания письменных научных текстов разных жанров, востребованных в учебной деятельности; устной речи научного содержания.

Для применения навыков полноценного критического анализа научного текста можно использовать активный метод обучения с элементами ролевой игры.

Пример. Задание «Рецензент». Студентам предлагается фрагмент курсовой или дипломной работы, который необходимо оценить с точки зрения специалиста. Для этого предлагается провести подробный всесторонний анализ текста по плану и написать небольшое экспертное заключение, в котором будут содержаться выводы о смысловой насыщенности, логичности, последовательности, грамотности текста, его соответствии традициям и правилам оформления, требованиям научной этики и т. д. Данное задание затрагивает непосредственные интересы студентов, т. к. впервые приближает их к научно-исследовательской работе, готовит к написанию собственных курсовых и дипломных проектов, формирует целостное представление о законах создания исследовательского текста, позволяет избежать распространенных ошибок. Роль эксперта-рецензента в данном случае способствует снятию напряжения и неуверенности в собственных способностях к созданию научных текстов в будущем. Качество выполнения этого задания отражает степень усвоения основных теоретических сведений по данному тематическому блоку и может быть использовано в качестве контрольного.

Развитость способностей к монологической речи и ведению научного обсуждения и полемики успешно проверяется при организации дискуссий. Поскольку в науке всегда есть спорные концепции и противоречия, тематика дискуссий неисчерпаема. В частности, И.В. Плаксина предлагает сценарии дискуссии «Клонирование», полемического состязания «Зебра» (при котором участники подбирают «контрастные» аргументы – «за» или «против») [Плаксина]. Дискуссия может иметь разные формы: с участием всей группы; с участием проponentа и оппонента, с последующим подключением к обсуждению аудитории; с участием двух команд, отстаивающих противоположные мнени-

я. С точки зрения организационного момента чрезвычайно важно правильное целеполагание: многие студенты видят в подобного рода занятиях возможность самовыражения и нередко самоутверждения. Однако истинная цель такого мероприятия – дать четкое представление об истинной цели дискуссии и полемики (а это – нахождение истины, разрешение проблемы); развить способность грамотно и точно выражать свое мнение, используя литературный язык и действуя без подготовки; дать установку на уважительное отношение к оппоненту и соблюдение правил культуры научной речи. Поэтому полезно предлагать отдельным студентам роли судей, независимых наблюдателей, которые в конце мероприятия оценят: чьи аргументы были убедительнее, кто умело использовал риторические приемы, чья речь была наиболее грамотной и выразительной, кто проявлял уважение к чужому мнению и т. д.

Наконец, на заключительном этапе изучения научного стиля могут применяться тренинговые формы. Тренинг может быть построен на моделировании ситуаций, в которых необходимо проявить навыки владения устной или письменной формой научной речи. В частности, могут воссоздаваться ситуации, возможные в будущей учебной и профессиональной деятельности: защита исследовательского проекта, выступление с научным докладом перед аудиториями различного вида, подготовка проекта специалиста. Практикоориентированность – один из постулатов активного обучения, поэтому данный вектор, безусловно, повышает сознательность и заинтересованность участников.

Пример 1. Студенты готовят индивидуальные доклады с презентацией для научной конференции. Аудитория приглашается к обсуждению. Полезно отработать некоторые возможные неприятные моменты, чтобы психологически и по существу подготовить к ним выступающих, настроить на применение защиты. С этой целью преподаватель может выступить в роли «злого» оппонента, преднамеренно уводить обсуждение в сторону, применять различные уловки и т. п. (такие эксперименты возможны только по отношению к сильным и уверенным в себе обучающимся).

Пример 2. Студенты готовят доклады на самостоятельно выбранные научные темы, однако эти сообщения должны быть выстроены с учетом особенностей конкретной аудитории: школьники, специалисты в данной области, смешанная аудитория и т. п. Группа исполняет заданную коллективную роль, включается в обсуждение. Данная активная форма проведения занятия позволяет отработать такую важную составляющую коммуникативной компетенции, как умение трансформировать текст в зависимости от коммуникативной задачи: очистить текст от иностильевых компонентов, придав ему строгую академическую форму или, наоборот, использовать при необходимости уместные средства популяризации.

Пример 3. Тренинг «Проект конструкторского бюро». Студенты делятся на группы по 3–5 человек, каждая группа условно представляет свое конструкторское бюро. Группы получают техническое задание – спроектировать и представить некое изобретение. Изобретение может носить абсолютно

фантастический характер — летающие тапочки, машина для изменения цвета неба и т. п. Группы готовят свои проекты в течение 30–40 минут и представляют их к защите. Внутри групп необходимо распределить обязанности: каждый из участников отвечает за тот или иной аспект — один готовит обзорное описание и рассказывает о назначении изобретения, другой представляет внутреннее устройство и принцип действия, третий отвечает за дизайн, четвертый готовит средства наглядности (рисунки, схемы), возможно, презентацию, пятый работает с аудиторией, отвечает на вопросы.

Тренинги способствуют всестороннему развитию коммуникативных компетенций: развивают способность к монологической и диалогической речи с соблюдением правил высокого стиля, развивают презентационные навыки, навыки общения и ораторского мастерства, вырабатывают стрессоустойчивое поведение, позволяют совершенствовать самоуправление поведением и т. д.

Итак, такой консервативный раздел науки, как научный стиль русского языка, вполне может стать актуальным и интересным для студентов благодаря применению активных и интерактивных методов обучения: решения проблемных задач, взаимобучения, состязательности, игровых и тренинговых форм. Однако, на наш взгляд, активные и интерактивные формы обучения должны дополнять, разнообразить и несколько модифицировать традиционную систему преподавания стилистики русского языка, но не замещать ее полностью. В результате успешного изучения данного раздела рабочей программы студенты должны попробовать свои силы в серьезной аналитической работе над исследовательским текстом, приобрести уверенность в своих способностях самостоятельно создавать научные произведения разных жанров, с успехом и на высоком уровне вести интеллектуальную беседу и научную полемику. Этот трудный путь невозможен без кропотливой, рутинной работы, но пройти его чрезвычайно важно, особенно сегодня — во времена чрезмерной распространенности плагиата и бессодержательных текстов.

Библиографический список

Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. Н. Новгород: ННГАСУ, 2013.

Жуков М.С. Корчеватель: алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности [Электронный ресурс]. URL: <http://e-lub.net/annuals/ratu.htm>.

История отпадения Нидерландов от Испании [Электронный ресурс]. URL: <http://varmis.ru/publ/7-1-0-38>.

Кругликов В.Н., Оленникова М.В. Интерактивные образовательные технологии: учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 353 с.

Плаксина И.В. Интерактивные образовательные технологии: учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 163 с.

Пословицы и поговорки научным языком [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adme.ru>.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Электронный ресурс]; сост., авторы комментариев и послесловия А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская. СПб.: Питер, 2000. URL: psylib.org.ua.

References

Aktivnye i interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii (formy provedeniia zaniatii) v vysshei shkole: uchebnoe posobie. Sost. T.G. Mukhina [Active and interactive educational technologies (forms of conducting classes) in higher education institution: textbook. Compiler T.G. Mukhina]. N. Novgorod: NNGASU, 2013, p. 12 [in Russian].

Zhukov M.S. *Korchevatel': algoritm tipichnoi unifikatsii toчек dostupa i izbytochnosti* [Elektronnyi resurs] [Extractor: An algorithm for the typical unification of access points and redundancy] [Electronic resource]. Available at: <http://e-lub.net/annuals/ratu.htm> [in Russian].

Gumilev L.N. *Istoriia otpadeniia Niderlandov ot Ispanii* [History of the fall of the Netherlands from Spain] [Electronic resource]. Available at: <http://varmis.ru/publ/7-1-0-38> [in Russian].

Kruglikov V.N., Olennikova M.V. *Interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata. 2-e izd., ispr. i dop.* [Interactive educational technologies: textbook and practical work for academic baccalaureate. 2nd ed., revised and enlarged]. M.: Izdatel'stvo Iurait, 2017, 353 p. [in Russian].

Plaksina I.V. *Interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii: uchebnoe posobie dlia akademicheskogo bakalavriata. 2-e izd., ispr. i dop.* [Interactive educational technologies: textbook for academic baccalaureate. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Izdatel'stvo Iurait, 2017, 163 p. [in Russian].

Poslovitsy i pogovorki nauchnym iazykom [Elektronnyi resurs] [Proverbs and sayings in scientific language] [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.adme.ru> [in Russian].

Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Elektronnyi resurs]. sost., avtory kommentariiev i poslesloviia A.V. Brushlinskii, K.A. Abul'khanova-Slavskaiia [Fundamentals of general psychology] [Electronic resource]. Compilers, authors of comments and afterword A.V. Brushlinsky, K.A. Abulkhanova-Slavskaya]. SPb.: Piter, 2000. Available at: psylib.org.ua [in Russian].

Н.Г. Мещанова

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИГРЫ НА МУЗЫКАЛЬНОМ ИНСТРУМЕНТЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ**

© Мещанова Наталья Григорьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: meshchanovang@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3378-8119>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению метафорического образа игры на музыкальном инструменте в его соотношении со структурными типами концептов. Одним из основных принципов развертывания образа выступает пропозиция, предполагающая отражение в соответствующих метафорических единицах типовой схемы игры на музыкальном инструменте. Данный игровой процесс составляют такие компоненты, как играющий субъект, его действия (игра), инструмент и воспринимающий субъект. ЛЕ, называющие указанные элементы структуры ситуации, выступают репрезентантами образа игры на музыкальном инструменте. Осмысление роли каждого из компонентов в типовой схеме во многом определяет направление семантического развития образа. Рассматриваемый метафорический концепт также может быть представлен в логике сценария и фрейма. При актуализации временного аспекта развертывания пропозитивной структуры образ реализует потенции концепта-сценария. При представлении той же структуры в аспекте соотношения целого и его частей данный образ может быть рассмотрен как фрейм. Отражение в метафорах игры на музыкальном инструменте информации, получаемой органами чувств, позволяет соотнести данный образ с концептом-представлением. В последнем случае акцент со структуры процесса смещается в сторону его зрительного или аудиального восприятия. При характеристике абстрактных явлений анализируемые образные единицы совмещают разные типы концептуализируемой информации о денотате, т. е. обнаруживают признаки гештальта. В подобных контекстах значимым для формирования образа является осмысление пропозитивной схемы процесса, его разворачивание во времени, визуальное и слуховое восприятие и т. д. Так, образ игры на музыкальном инструменте может быть соотнесен с различными структурными типами концептов, что подтверждает способность метафорического образа-концепта к разноаспектному отражению информации об осмысляемом денотате.

Ключевые слова: метафорический образ, пропозиция, сценарий, фрейм, представление, гештальт.

Цитирование. Мещанова Н.Г. Метафорический образ игры на музыкальном инструменте сквозь призму структурной типологии концептов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 149–153. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-149-153>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-149-153
UDC 811.161.1

Submitted: 2/II/2018
Accepted: 16/II/2018

N.G. Meshchanova

METAPHORICAL IMAGE OF PLAY A MUSICAL INSTRUMENT IN THE LIGHT OF STRUCTURAL TYPOLOGY OF CONCEPTS

© Meshchanova Natalia Grigorievna – Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: meshchanovang@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3378-8119>

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the metaphorical image of play a musical instrument in its relation to the structural types of concepts. The proposition is one of the main principles of the deployment of the image. It presupposes the reflection of the typical scheme of play a musical instrument in these metaphors. Typical scheme of play a musical instrument consists of such components as the playing subject, his actions (the play), the instrument and the perceiving subject. The words which name these components are the representatives of the image of play a musical instrument. Comprehension of the role of each component in the typical scheme determines the direction of the semantic development of the image. The image can also be represented as the script and the frame. When the temporary aspect of the deployment of the proposition is actualized, the image realizes the potentialities of the script. When the proposition is presented in the aspect of relation of the whole and its parts, this image can be considered as the frame. The image of play a musical instrument is correlated with the represent, because these metaphors contain information received by the senses. In this case the emphasis from the typical scheme shifts toward his visual or auditive perception. Describing abstract phenomena, these metaphors combine different types of conceptualized information about the object and correspond to the gestalt. In these contexts the understanding of the propositional scheme of the process, its development in time, visual and auditory perception, etc., are important for the formation of the image. So, the image of play a musical instrument can be correlated with various structural types of concepts. And it confirms the ability of the metaphorical image-concept to differently reflection of information on the meaningful denotate.

Key words: metaphorical image, proposition, script, frame, represent, gestalt.

Citation. Meshchanova N.G. Metaforicheskiy obraz igry na muzykal'nom instrumente skvoz' prizmu strukturnoi tipologii kontseptov [Metaphorical image of play a musical instrument in the light of structural typology of concepts]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 149–153. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-149-153>.

В современной лингвистике изучение разных типов концептов является одним из наиболее актуальных направлений исследования. На данном этапе ученые считают возможным объединять в группы отдельные концептуальные образования в соответствии с несколькими принципами классификации. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин среди существенных аспектов типологии концептов отмечают следующие: 1) по характеру концептуализируемой информации; 2) по степени абстрактности; 3) по языковой объективированности; 4) по принадлежности к определенным группам носителей [Попова, Стернин]. Н.Н. Болдырев рассматривает четыре основные классификации: 1) структурную (по структуре и степени абстракции); 2) содержательную (по принадлежности к той или иной тематической области); 3) репрезентативную (по способам репрезентации в языке); 4) функциональную (по функциональной нагрузке) [Болдырев]. Среди перечисленных направлений анализа наиболее интересен в отношении метафорического образа игры на музыкальном инструменте является первое.

С точки зрения структуры отображаемой концептом реалии исследователи, как правило, выделяют не

менее шести типов концептов. А.П. Бабушкин называет такие типы, как: 1) мыслительная картинка; 2) схема; 3) фрейм; 4) сценарий; 5) инсайт; 6) логически-конструируемый концепт (понятие); 7) калейдоскопический концепт [Бабушкин]. Н.Н. Болдырев отмечает следующие разновидности концептов: 1) конкретно-чувственный образ; 2) представление; 3) схема; 4) понятие; 5) прототип; 6) пропозициональная структура; 7) фрейм; 8) сценарий; 9) гештальт; 10) категория; 11) когнитивная матрица [Болдырев]. З.Д. Попова и И.А. Стернин описывают концепты: 1) представления; 2) схемы; 3) понятия; 4) фреймы; 5) сценарии; 6) гештальты [Попова, Стернин].

Приведенные списки выделяемых исследователями типов концептуальных образований «перекликаются» друг с другом. Во-первых, в них содержатся элементы с одинаковыми номинациями (понятие, схема, сценарий и фрейм) и их единой трактовкой. Во-вторых, несмотря на различия в терминологии, обнаруживаются соответствия в понимании таких концептов, как мыслительные картинки и представления, а также гештальт и калейдоскопический концепт. При этом, если у А.П. Бабушкина и Н.Н. Болдырева мыслительные картинки и представления предполагают

отражение в концепте зрительно воспринимаемой информации об осмысляемой реалии, то у З.Д. Поповой и И.А. Стернина представление подразумевает больший объем знаний о денотате — с учетом данных о нем, получаемых всеми органами чувств.

Существенным моментом во всех вариантах рассматриваемой типологии также является наличие концептов обобщающего характера: как калейдоскопический концепт, так и гештальт отражают явление комплексно, несут на себе следы как чувственного, так и рационального осмысления действительности, в связи с чем вбирают в себя все перечисленные, более простые по своей структуре концепты. Данный факт свидетельствует о том, что рассматриваемая структурная классификация имеет относительный, а не абсолютный характер. Известная условность отнесения того или иного концепта к определенному типу отмечается самими авторами. Так, А.П. Бабушкин подчеркивает: «...не существует четкой грани между различными по типу концептами. Так, концепт “лес”, например, может восприниматься и как мыслительная картинка, и как схема, и как фрейм» [Бабушкин, с. 98]. Н.Н. Болдырев отмечает некоторое сходство отдельных типов: «Фреймы, сценарии и пропозиции, которые относятся к одному типу структурированных концептов, могут иметь аналогичную структуру» [Болдырев, с. 55]. З.Д. Попова и И.А. Стернин, не указывая на пересекаемость отдельных типов, в качестве примера сценария и гештальта приводят один и тот же концепт — «игра», что, по нашему мнению, вполне объяснимо, хотя и требует дополнительных комментариев.

Заметим, что обозначенная типология касается концептов в их неметафорической реализации. То, как выделенные типы соотносятся с метафорическим образом (концептом), в современной лингвистике, как правило, не является предметом специального рассмотрения. Вместе с тем при исследовании образа игры на музыкальном инструменте данный вопрос оказывается немаловажным, поскольку позволяет проследить логику развертывания образа, наметить путь формирования его семантической структуры, определить модель описания (о значимости выбора модели описания в связи со структурными типами концептов см., к примеру, в [Резникова]).

Данный метафорический комплекс относится к группе образов, реализующих представление об игровой деятельности человека. Среди них — образы азартной, спортивной, интеллектуальной, театральной и детской игры. Все перечисленные образные комплексы имеют выраженную пропозитивную структуру и подчиняются логике пропозитивно-сценарного развертывания (об этом см. подробнее в [Мещанова]). Рассматриваемый в настоящей статье метафорический концепт также обнаруживает отчетливую связь с пропозициональными структурами. Однако, как показывает анализ, метафорические обозначения, эксплицирующие образ игры на музыкальном инструменте, нередко отражают и иной характер осмысления соответствующего денотата, т. е. соотносятся с другими структурными типами концептов.

Проследим особенности отражения информации о концептуализируемой реалии в метафорах, репрезентирующих указанный образ.

Отнесенность образа к **пропозитивным структурам** объясняется отражением в соответствующих метафорических единицах типовой схемы игры на музыкальном инструменте. Данный игровой процесс предполагает наличие таких компонентов, как играющий субъект, его действия (игра), инструмент и (редко) воспринимающий субъект.

Осмысление роли каждого из указанных элементов в структуре ситуации ведет к формированию метафорических значений лексем, называющих эти элементы. Так, одним из доминантных смыслов, организующих семантическую структуру образа игры на музыкальном инструменте, является идея воздействия на кого-либо. Данное смысловое содержание объединяет номинации всех членов типовой схемы, поскольку каждый из них так или иначе выражает эту семантику. Само действие (игра) при образной интерпретации отождествляется с влиянием на какое-либо лицо. Играющий субъект осмысляется как субъект воздействия, руководящий процессом, определяющий его результат. Воспринимающее игру лицо в ракурсе метафоры соотносится с объектом воздействия, с человеком зависимым, подвластным чьей-либо воле. Музыкальный инструмент при этом интерпретируется либо как орудие воздействия, либо (при отождествлении с субъектом) как лицо, подчиняющееся чужому влиянию.

В большинстве случаев в анализируемых контекстах в метафорическом употреблении выступают языковые единицы, называющие музыкальный инструмент и сам процесс игры на нем: *И опять всплыли глаза Палтусова. Глазам-то она не верит. Очень уж они мягки и умны. Такой человек на каждом хочет играть, как на скрипке...* (П. Боборыкин); *Он кольца не носил — ни на левой руке, ни на правой. И я думала... Он на мне, как на флейте, играл, понимаешь?* (М. Вишневецкая); *Остолопов и Вейнберг — пешки шахматные в руках Жителя. Из первого высасываются капиталы, а на простоте второго играют, как на гитаре* (Ал. Чехов, здесь и далее НКРЯ). В приведенных контекстах метафоры игры на музыкальном инструменте выражают значение использования какого-либо лица в своих целях без ведома этого лица и без учета его интересов.

Таким образом, пропозитивная логика развертывания метафорического образа реализуется в следующем:

1) его языковые репрезентанты в неметафорическом употреблении называют компоненты структуры ситуации игры на музыкальном инструменте;

2) отраженная в языковом сознании типовая схема игрового процесса определяет некоторые векторы семантического развития образа. Так, идея воздействия на кого-либо, управления кем-либо вычленяется в смысловой структуре метафорического комплекса в результате осмысления взаимозависимости компонентов ситуации игры на музыкальном инструменте.

Как было указано выше, концепт-пропозиция в структурном отношении близок сценарию и фрейму. По замечанию Н.А. Илюхиной, один и тот же метафорический образ способен совмещать разные принципы развертывания, в том числе в логике как пропозиции, так и сценария, фрейма или других ментальных структур. Именно этот когнитивный механизм обеспечивает широкие возможности лексического и семантического варьирования метафорического концепта, а «воспроизведение многих метафорических образов-концептов можно интерпретировать как еще один вид его варьирования в процессе функционирования — варьирование способа воспроизведения концептуального содержания, предопределенного связью с соответствующей ментальной единицей — фреймом, пропозицией, сценарием» [Илюхина, Долгова, Кириллова, с. 167]. Иными словами, при актуализации временного аспекта развертывания пропозитивной

структуры можно говорить о концепте-сценарии. При представлении той же структуры в аспекте соотношения целого и его частей концепт реализуется как фрейм.

Сказанное справедливо и по отношению к метафорическому образу игры на музыкальном инструменте. Акцент на разных стадиях развития описываемого процесса соответствует **сценарной логике** развертывания образа: *И позже, когда все-таки, пересилив себя, взяла билет и ступила на палубу вапоретто (словно взмыл занавес и оркестр вкрадчивым пиццикато струнных заиграл музыку пролога чудной таинственной пьесы, главным действующим лицом которой она себя сразу обозначила), <...> сердце ее беззащитно взмывало, губы приоткрывались, выдавливая тихий стон восторга...* (Д. Рубина); *Его работа над куклой <...>, всегда была как любовь, как вкрадчивая страсть, что исподволь точит сердце и нарастает гулом струнных в финале симфонии...* (Д. Рубина).

Помимо того что рассматриваемый метафорический концепт обнаруживает черты пропозиции и сценария, структура образного комплекса может быть представлена в виде **фрейма** и составляющих его слотов. Подобная модель описания принята, к примеру, в работах А.П. Чудинова, посвященных анализу метафор политического дискурса [Чудинов, 2001; 2003; 2006].

Так, фрейм «Игра на музыкальном инструменте» состоит из следующих слотов:

– «Музыканты» (*музыкант, пианист, скрипач, трубач, джазист, аккомпаниатор; оркестр, дуэт, трио и др.*);

– «Музыкальные инструменты» (*пианино, рояль, скрипка, лира, флейта, гитара, труба, барабан, балалайка; клавиша, струна, смычок и т. д.*);

– «Игра на инструменте» (*трубить, барабанить, тремолировать и др.*);

– «Музыкальное произведение» (*пьеса, этюд, увертюра, симфония; прелюдия, экспозиция; нота, аккорд*).

Несмотря на то что перечисленные выше компоненты игровой ситуации в большинстве контекстов сохраняют свою актуальность, характер отношений между этими компонентами в некоторых случаях не имеет существенного значения. Метафорический образ игры на музыкальном инструменте в подобных ситуациях отражает иной способ осмысления концептуализируемой области: акцент со структуры процесса смещается в сторону его чувственного восприятия — зрительного или аудиального. На наш взгляд, данный способ отображения знаний о реалии соответствует такому типу концептов, как **представление** в его широком понимании.

При актуализации зрительного образа, мысленной картины происходящего метафоры игры на музыкальном инструменте указывают на расположение или характер движения рук какого-либо лица: *...капитан сильно сошел и бессознательно перебирал пальцами по своим толстым колечкам, как бы играя на фортепьянах. Изредка подбросив одну кисти рук, он ударял сразу всеми пальцами трелью, как по клавишам...* (Е. Салиас); *В этой жеманной ауре Гейзиха легонько потрагивала серебро по обеим сторонам тарелки, как бы касаясь клавиш...* (В. Набоков); *Он опустил пистолет в карман пиджака, натянул перчатку, шевеля пальцами, как пианист перед первым бравурным пассажем, затем достал мобильник...* (Д. Рубина).

Акцентирование признака слухового восприятия действительности позволяет метафорам, эксплицирующим образ игры на музыкальном инструменте, передавать характер звучания (громкость, прерывистость, монотонность и т. д.) описываемого объекта: *Он достал*

платок из кармана халата, протрубил великолепную руладу, дирижируя бровями (Д. Рубина); *Вылетали из ружей жаканы, / Без разбору разя, наугад, — / Будто радостно бил в барабаны / Боевой пионерский отряд* (В. Высоцкий); *На пятый день оказалось, что еще и ребра сломаны. Наклонился, а у меня там что-то «пр-р-р-р», как на рояле, и дышать не могу* (О. Басилашвили; КП, 2002); *И первый серп прошел по хрупким стеблям звонко, как по струнам* (Н. Богданов).

Проведенный нами анализ языковых единиц, репрезентирующих рассматриваемый образ, позволяет сделать вывод о сложной внутренней организации данного метафорического концепта, отражающей многоаспектное, разностороннее осмысление соотносимой с концептом реалии. Так, Н.А. Илюхина подчеркивает, что «образ как единица речемышления позволяет носителю языка оперировать большим объемом разнородной информации, связанной с определенной областью источника, подвергать эту информацию структурированию и различным трансформациям в процессе избирательного ассоциативного воспроизведения» [Илюхина, с. 139]. Иными словами, чем более «разработанным» является тот или иной метафорический образ, тем большее количество аспектов отраженной в нем информации о реалии оказывается существенным при его функционировании. Соответственно, такой образ обнаруживает соотношение с разными структурными типами концептов и число подобных соответствий может возрастать в ходе использования образа в речевой практике.

Метафорический образ игры на музыкальном инструменте характеризуется пропозитивно-сценарной логикой развертывания, может быть представлен в виде фрейма, а также имеет черты концепта-представления, тем самым предполагая разные способы структурализации и хранения знаний об объекте. Однако этим возможности рассматриваемого образного комплекса не ограничиваются.

Так, при функционировании в речи метафорический образ игры на музыкальном инструменте проявляет способность к одновременной актуализации разноаспектной информации об объекте: *Кто-то неутомимо и настойчиво требует: скажите, что вы сделали?.. И он ищет с отчаянием, с тоской. Как по клавишам, пробегаешь по всем прожитым годам, и каждый год издает тот же пустой и деревянный звук — б-я-а...* (Л. Андреев); *Внимание не удастся поймать и фиксировать ни одной мысли, а между тем действуют и внимание, и мышление, и фантазия, и память — все в одно и то же время. Значит, у меня, как и у всех, я думаю, и в здоровом, и в ненормальном состоянии, ни одна из этих способностей не действует порознь; мое «я» теперь играет, как по клавишам, слегка дотрагиваясь то до памяти, то до воображения, то до рассудка. Только в настоящую минуту мое «я», дотрагиваясь до каждой из этих своих клавиш, слабо извлекает из них неясные, хотя и не вовсе несвязные тоны* (Н. Пирогов).

В каждом из приведенных примеров рассматриваемый образ моделирует абстрактные явления: в первом случае — воспоминания о значимых событиях в жизни человека, во втором — работу различных мыслительных функций. Существенным моментом «рождения» этих метафор следует признать как осмысление структуры игровой ситуации, так и отражение в сознании чувственно воспринимаемой информации о ней. Акцент на пропозитивной схеме в данных контекстах позволяет представить описываемый умозрительный процесс как некую деятельность субъекта, преследующую определенные цели и использующую

для этого специальные приемы. Актуализация аспекта зрительного восприятия ситуации дает возможность описать характер, темп этой деятельности: выражение *пробегать по клавишам* имеет значение «быстро и последовательно воспроизводить в памяти близкие во временном отношении события», формулировка *слегка дотрагиваться то до одной, то до другой клавиши* означает «не спеша, выборочно, в задуманной субъектом последовательности задействовать ту или иную мыслительную функцию». Аспект слухового восприятия обнаруживает свою актуальность в связи с его соотносительностью с таким элементом структуры ситуации, как результат игры: неблагозвучие и неясность издаваемых звуков отождествляются с негативным результатом осуществляемой субъектом деятельности.

Примеры, отражающие совмещение образом игры на музыкальном инструменте разных структур хранения знания, позволяют предположить, что при концептуализации абстрактных явлений рассматриваемый образ обнаруживает признаки **гештальта**.

Итак, в силу концептуального характера метафор, репрезентирующих образ игры на музыкальном инструменте, отраженная в них информация об осмысливаемом объекте носит комплексный, разноаспектный характер. По этой причине при функционировании данного метафорического образа обнаруживаются его реализации в форме пропозиции, сценария, фрейма и представления. При характеристике абстрактных явлений действительности образ, по причине своей способности совмещать различные типы концептуализируемой информации о денотате, проявляет признаки гештальта.

Источники фактического материала

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. – НКРЯ.

Библиографический список

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998.

Илюхина Н.А., Долгова И.А., Кириллова Н.О. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016.

Мещанова Н.Г. Метафоры игры в русском языке (на примере образов азартной игры и театральной игры): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Резникова Е.В. Образ-схема как модель и способ описания пространственных концептов (на примере образ-схемы «центр – периферия» в структуре концепта «Круг») //

Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Междунар. науч. конф., 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 599–609.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивные исследования политической метафоры (1994–2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001.

References

Babushkin A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike iazyka, ikh lichnostnaia i natsional'naia spetsifika: diss. ... d-ra filol. nauk* [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language, their personal and national specificity: Doctoral of Philological Sciences thesis]. Voronezh, 1997 [in Russian].

Boldyrev N.N. *Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: course of lectures]. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2014 [in Russian].

Ilyukhina N.A. *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [Image in the lexical and semantic aspect]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 1998 [in Russian].

Ilyukhina N.A., Dolgova I.A., Kirillova N.O. *Metafora i sistemnost': semasiologicheskii i kognitivnyi aspekty* [Metaphor and systematicity: semasiological and cognitive aspects]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2016 [in Russian].

Meshchanova N.G. *Metafora igry v russkom iazyke (na primere obrazov azartnoi igry i teatral'noi igry): dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphors of the game in Russian (on the example of images of gambling and theatrical play): Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2012 [in Russian].

Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007 [in Russian].

Reznikova Ye.V. *Obraz-skHEMA kak model' i sposob opisaniia prostranstvennykh kontseptov (na primere obraz-skemy «tsentr – periferiia» v strukture kontsepta «Krug»)* [Image-schema as a model and a way for space concepts' description (on the example of image-schema “center – periphery” in the structure of concept “Circle”)]. In: *Novaia Rossiia: traditsii i innovatsii v iazyke i nauke o iazyke: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi iubileiu Zasluzhennogo deiatelia nauki RF, d-ra filol. nauk, prof. L.G. Babenko, 28–30 sent. 2016 g., Ekaterinburg, Rossiia* [New Russia: traditions and innovations in language and the science of language: materials of reports and messages of International scientific conference, devoted to the anniversary of Honoured worker of science of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, professor, L.G. Babenko, September 28–30, 2016, Yekaterinburg, Russia]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2016, pp. 599–609 [in Russian].

Chudinov A.P. *Metaforicheskaia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. pед. un-ta, 2003 [in Russian].

Chudinov A.P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. M.: Flinta, Nauka, 2006 [in Russian].

Chudinov A.P. *Rossiia v metaforicheskom zerkale: Kognitivnye issledovaniia politicheskoi metafory (1994–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: Cognitive studies of political metaphor (1994–2000)]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. pед. un-ta, 2001 [in Russian].

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-154-155
УДК 82.0

Дата поступления статьи: 21/I/2018
Дата принятия статьи: 18/II/2018

О.В. Журчева

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ «БЕДНОГО, БЕДНОГО» ПАВЛА

Рецензия на книгу: Петров А.В., Цуркан В.В., Рудакова С.В., Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Власкин А.П.

Драма Д.С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография. Магнитогорск, 2017. 182 с.

© Журчева Ольга Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.
E-mail: janvaro@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7800-021X>

АННОТАЦИЯ

Рецензия на коллективную монографию «Драма Д.С. Мережковского “Павел I”: контексты, интертексты, метатексты», изданную в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова, посвящена обсуждению историософской концепции Д.С. Мережковского, воплощенной в драме «Павел I». Отмечается, что в монографии рассматриваются некоторые перспективные подходы к творчеству писателя, как то: синкретический подход к исследованию литературного произведения; поиски разумного соотношения документального (исторического, подлинного) и вымышленного начала в драме Мережковского; широкий исторический, философский, литературный, социокультурный контекст рассматриваемого произведения.

Ключевые слова: коллективная монография, историософия Мережковского, контексты, интертексты, метатексты, историческое и документальное.

Цитирование. Журчева О.В. Подлинная история «бедного, бедного» Павла. Рецензия на книгу: Петров А.В., Цуркан В.В., Рудакова С.В., Абрамзон Т.Е., Зайцева Т.Б., Власкин А.П. Драма Д.С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография. Магнитогорск, 2017. 182 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 154–155. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-154-155>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-154-155
UDC 82.0

Submitted: 21/I/2018
Accepted: 18/II/2018

O.V. Zhurcheva

TRUE STORY OF «POOR, POOR» PAVEL

Review on the book: Petrov A.V., Tsurkan V.V., Rudakova S.V., Abramzon T.E., Zaitseva T.B., Vlasikin A.P. Play by D.S. Merezhkovsky «Pavel I»: contexts, intertexts, metatexts: multi-authored monograph (Magnitogorsk, 2017, 182 p.)

© Zhurcheva Olga Valentinovna – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky Street, Samara, 443099, Russian Federation.
E-mail: janvaro@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7800-021X>

ABSTRACT

Review on the multi-authored monograph «Play by D.S. Merezhkovsky «Pavel I»: contexts, intertexts, metatexts», published in Nosov Magnitogorsk State Technical University is devoted to the discussion of historiographical concept of D.S. Merezhkovsky, embodied in the play «Pavel I». It is noted that in monograph some promising approaches to the activity of a writer such as: sycretic approach to the investigation of a literary work; search of reasonable balance of documental (historical, original) and fictional principle in the play by D.S. Merezhkovsky; wide historical, philosophical, literary, sociocultural context of an investigated work are viewed.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Key words: multi-authored monograph, historiography of Merezhkovsky, contexts, intertexts, metatexts, historical and documental.

Citation. Zhurcheva O.V. Podlinnaia istoriia «bednogo, bednogo» Pavla. Retsenziia na knigu: Petrov A.V., Tsurkan V.V., Rudakova S.V., Abramzon T.E., Zaitseva T.B., Vlaskin A.P. Drama D.S. Merezhkovskogo «Pavel I»: konteksty, interteksty, metateksty: kollektivnaia monografiia. Magnitogorsk, 2017. 182 p. [True story of «poor, poor» Pavel. Review on the book: Petrov A.V., Tsurkan V.V., Rudakova S.V., Abramzon T.E., Zaitseva T.B., Vlaskin A.P. Play by D.S. Merezhkovsky «Pavel I»: contexts, intertexts, metatexts: multi-authored monograph. Magnitogorsk, 2017, 182 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 154–156. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-154-155>.

Мережковский как историк — выдумывает свободно и сочиняет безответственно; он комбинирует добытые им фрагменты источников по своему усмотрению — заботясь о своих замыслах и вымыслах, а отнюдь не об исторической истине. Он комбинирует, урезает, обрывает, развивает эти фрагменты, истолковывает и выворачивает их так, как ему целесообразно и подходяще для его априорных концепций. Так слагается его художественное творчество: он вкладывает в историю свои выдумки, и тасует и колдует в ее материале, заботясь о своих построениях, а совсем не об исторической правде; или, иначе, — он укладывает, подобно Прокрусту, историческую правду на ложе своих конструкций — то обрубив неподходящее, то насильственно вытянет голову и ноги.

Из лекции Ивана Александровича Ильина «Творчество Мережковского», прочитанной 29 июня 1934 г. в берлинском Русском научном институте

Мережковский был одним из первых художников первой волны русской эмиграции, вернувшим себе заслуженную славу и внимание читателей на родине в конце 1980 — начале 1990-х годов. С тех пор интерес к нему не то чтобы ослаб, но, поскольку писатель занял в литературном пантеоне свое заслуженное место, острота и любопытство в эстетической и научной рецепции потерялись. Тем интереснее новое и по-своему оригинальное исследование, посвященное локальному вопросу и лишь одному произведению писателя — пьесе «Павел I».

Мое внимание привлекла коллективная монография «Драма Д.С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты», изданная в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова. Интерес вызывает прежде всего подход исследователей к работе с художественным текстом. Этот подход можно назвать своего рода «новым синкретизмом», который определяет сегодня путь современной культуры, выдвигает на первый план синтетические явления и процессы, а потому активизирует литературоведческую рефлексию. Возникает определенный приоритет синтетических, в большей степени универсальных исследований. Коллективная монография, о которой идет речь, имеет подобную направленность.

Книга получилась весьма серьезной, грамотной, основательной, с подробным обоснованием подхода, объяснением обращения к тем или иным источникам, скрупулезным оправданием методологических подходов. Возможно, вся приводящая информация кажется даже слишком обоснованной и осторожной. Поскольку это не квалификационная работа, внутреннего воздуха и речевой свободы могло быть и больше. Тем более что и писатель позволяет, и во введении предполагается противопоставить точку зрения исследователей академическому подходу к творчеству Мережковского вообще и к драме «Павел I» в частности.

Меня никогда не интересовала проблема власти, которую часто ставят во главу угла в исследованиях об исторических повествованиях, однако такое целеполагание логично, если речь идет о концепции истории у Мережковского. К слову сказать, Мережковский в своей исторической прозе апеллировал, на мой взгляд, более к Льву Толстому, нежели к Пушкину. А еще

одним контекстуальным Мережковскому художником я бы назвала Марка Алданова. Алданов начал свой путь исторического писателя значительно позже Мережковского и строил свою историософию под влиянием уже свершившихся революционных катаклизмов. Однако алдановский «Заговор» так недвусмысленно связан с «Павлом I», что их сопоставление, очевидно, было бы интересным. Но не будем указывать авторам.

Мое внимание в книге привлек раздел, связанный с контекстом. Скрупулезная текстологическая работа с источниками, с документами, с их воспроизведением и варьированием в художественном тексте захватывает почти как детективное расследование. Интересно, что авторы книги утверждают, что в какой-то степени в драме Мережковского историческое и документальное начало превалируют над метафизикой Мережковского. Факт и документ становятся первостепенными. Это видится интересным заявлением, поскольку в XX веке, буквально через десяток лет после написания «Павла I», документальность в повествовании и театральном искусстве становится мейнстримом, фиксация большой истории и маленькой человеческой истории уравниваются в масштабах.

Любопытны размышления о «цитатах» на разных уровнях текста, которые в данном случае рассматриваются как «вещь», как некий «знак», в том числе овеществленный знак определенной эпохи. В данном случае здесь используется высказывание К. Чуковского по поводу «ненасытного вешелюбия» Мережковского, когда «бутафория важнее всего: ею характеризуется для него весь человек». Авторы считают, что Мережковский превзошел себя, создав в драме «Павел I» мощный «цитатный слой, проявляющийся в речах всех героев, от императора до истопника», тем самым писатель достигает «объективности и беспристрастности» идеального драматического и исторического автора, о которых писал когда-то А.С. Пушкин: «Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно <...> говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки».

Не все положения в эстетической позиции авторов меня убеждают. В частности, я сомневаюсь, что интертекстуальность того рода, которая была присуща творчеству Мережковского (как и многих художников рубежа XIX–XX веков), относится к стратегии постмодернизма. Мне бы хотелось большей интерпретационной убедительности в весьма перспективных рассуждениях о метатексте (метасюжете, а может быть, и метаромане) применительно к произведениям из русской истории. Всегда интересно увидеть, как творчество или идеи того или иного автора рефлексированы в дальнейшем, в других поколениях. Даже попытка прорисовать перспективу неизбежно вскрывает капсулу времени, в котором обитает художник. Но это и хорошо, в этом есть определенный потенциал, возможности продолжения, роста, развития. Поэтому я не только готова рекомендовать эту книгу к внимательному и заинтересованному чтению, но и желаю авторам неуспокоенности на достигнутом безусловном успехе.

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-156-160
УДК 94 (47)

Дата поступления статьи: 2/ХП/2017
Дата принятия статьи: 15/1/2018

Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов

**РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТАТЕЙ:
ДЕСЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
(Москва–Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.), 13–17 мая 2016 г.) /
отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка:
МУП «Пустошкинская типография», 2017. 812 с.**

© Дубман Эдуард Лейбович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: dubmane@mail.ru. **Scopus ID:** 57194767210. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

© Кабытов Петр Серафимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: don.kabytov212@yandex.ru. **Scopus ID:** 57194763364. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>

АННОТАЦИЯ

В рецензии проведен анализ тематики и проблематики статей, опубликованных в сборнике «Десятые всероссийские краеведческие чтения». Сделан вывод, что размещенные в нем материалы отражают тенденции современного периода (2007–2016 гг.) работы Союза краеведов России, направленной на объединение региональных краеведческих организаций и координацию их деятельности, формирование единого всероссийского краеведческого пространства.

Ключевые слова: краеведческое движение, С.О. Шмидт, Союз краеведов России, Десятые всероссийские краеведческие чтения, сборник статей.

Цитирование. Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Рецензия на сборник статей: Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.), 13–17 мая 2016 г.) / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. 812 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 156–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-156-160>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-156-160
UDC 94 (47)Submitted: 2/XII/2017
Accepted: 15/I/2018

E.L. Dubman, P.S. Kabytov

REVIEW ON THE COLLECTION OF ARTICLES: TENTH ALL-RUSSIAN LOCAL HISTORY READINGS (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016). V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, 812 p.© *Dubman Eduard Leibovich* – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.E-mail: dubmane@mail.ru. Scopus ID: 57194767210. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>© *Kabytov Petr Serafimovich* – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of Russian History, honored Scientist of the Russian Federation, honored worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.E-mail: don.kabytov212@yandex.ru. Scopus ID: 57194763364. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>**ABSTRACT**

In the review, an analysis of subjects and problems of articles published in the collection of Tenth All-Russian Local Lore Readings was made. It is concluded that the materials placed in it reflect the tendencies of modern period (2007–2016) of the work of the Union of Local Lore History Studies of Russia aimed at the unification of regional local lore organizations and coordination of their activities, the formation of a single all-Russian study of local lore.

Key words: local history movement, S.O. Schmidt, Union of Local History of Russia, Tenth All-Russian Local History Readings, collection of articles.

Citation. Dubman E.L., Kabytov P.S. Retsenziia na sbornik statei: Desiatye vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Vereia (Moskovskaia obl.) – Velikie Luki (Pskovskaia obl.), 13–17 maia 2016 g.). Otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017. 812 p. [Review on the collection of articles: Tenth All-Russian Local History Readings (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016. V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, 812 p.]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 156–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-156-160>.

Рецензируемый сборник материалов конференции завершает десятилетний цикл проведения Всероссийских краеведческих чтений, ставших заметным явлением в научной и общественной жизни участников краеведческого движения Российской Федерации. Напомним, что Первые Всероссийские краеведческие чтения были проведены в Москве в апреле 2007 г. [Первые Всероссийские]. Они были посвящены 85-летию со дня рождения выдающегося российского историка, академика Российской академии образования, доктора исторических наук, профессора С.О. Шмидта. Именно Сигурд Оттович наметил основные направления развития краеведческого движения в современной Российской Федерации и заложил основу для появления такого объединяющего и координирующего центра, как Всероссийские краеведческие чтения [Шмидт, с. 5–15].

Несомненно, что истекшее десятилетие начала 2000-х гг., прошедшее под эгидой Чтений и активной координирующей работы Союза краеведов России, заслуживает своего особого рассмотрения. Это был крайне важный этап в развитии краеведческого движения. Именно в эти годы шло конституирование общероссийского координирующего центра, установились тесные, постоянно действующие отношения между ним и региональными краеведческими организациями; сложилась институциональная среда, воздействующая на развитие краеведческих исследований. Краеведческое

движение Российской Федерации получило свой регулярно выходящий информационный орган – сборник публикаций ежегодных конференций, отражающих особенности его развития не только в столичном регионе (традиционно существовавшее «Московведение»), но и на местах – в областных, республиканских и районных центрах России.

На первых Чтениях, состоявшихся 15–17 апреля 2007 г. в Москве, в центре внимания оказались важнейшие проблемы краеведческого движения: теория и история краеведения, краеведческое движение, образовательный потенциал краеведения и экскурсоведения. Вполне естественно, что на Чтениях превалировали доклады по истории и о перспективах развития московведения. В ряде статей освещалась деятельность организатора и руководителя всероссийского краеведческого движения С.О. Шмидта. Значение Первых Всероссийских краеведческих чтений состояло в том, что на них фактически была определена программа будущих Чтений и обозначен вектор деятельности как Союза краеведов России, так и его региональных отделений.

В ходе Чтений были апробированы различные практики и алгоритмы организации и проведения конференций. Чаще всего пленарные и секционные заседания проводились в Москве, на Никольской, в здании Историко-архивного института, вошедшего в структуру РГГУ. Затем участники Чтений обсуждали акту-

альные вопросы краеведения на выездных заседаниях в городах Московской и других областей. Чтения проходили в ряде крупных региональных центров Российской Федерации, например в Омске, Челябинске, Воронеже. Весьма важным было участие в работе конференций руководителей администраций этих и других городов, демонстрировавших свою заинтересованность в развитии исторического краеведения.

Организаторы Чтений стремились к тому, чтобы ознакомить российских краеведов с новейшими формами и методами краеведческих исследований. Такой обмен опытом, несомненно, оказывал стимулирующее воздействие на развитие краеведческого движения в различных регионах Российской Федерации. Важно отметить и тот факт, что организаторы Чтений стремились выйти за локальные рамки краеведческой проблематики. Вынося на обсуждение новые подходы, они стремились к тому, чтобы на пленарных и секционных заседаниях, помимо традиционных тем, звучали доклады о методике краеведческих исследований, рассматривались историографические и источниковедческие вопросы, стимулировалось изучение различных проблем краеведения на междисциплинарном уровне. К числу неоспоримых достоинств Чтений следует отнести и то, что в работе их секций и пленарных заседаний происходил обмен опытом проведения краеведческих исследований между профессиональными историками и краеведами. Симбиоз исторического краеведения с жесткими канонами академической науки в перспективе должен был приобрести особое значение для развития и объединения российского краеведческого движения, формирования его более высокого научного и методологического уровня.

Особо отметим выдающуюся роль в организации и проведении Всероссийских краеведческих чтений Сигурда Оттовича Шмидта, который, выступая с докладами на пленарных заседаниях, участвуя в обсуждении насущных вопросов краеведческого движения, акцентировал внимание на актуальных проблемах российского краеведения. К тому же С.О. Шмидт привлекал к работе в Чтениях ведущих ученых-историков академических институтов и деятелей культуры. На нескольких конференциях с приветственным словом выступал ректор РГГУ, член-корреспондент РАН Е.И. Пивовар, их участниками были С.М. Каштанов, В.П. Козлов, И.Н. Истомина и другие исследователи.

Но, конечно, все организационные вопросы проведения Чтений зависели от поистине неустанной подвижнической работы Владимира Фотиевича Козлова и Александры Георгиевны Смирновой, которые взяли на себя огромный комплекс проблем как по проведению Чтений, так и по организации деятельности Союза краеведов России.

Являясь участниками практически всего десятилетнего цикла проходивших с 2007 по 2016 г. Чтений, авторы настоящей рецензии не могут не отметить высо-

кую творческую атмосферу, царившую на всех пленарных и секционных заседаниях, во время экскурсий и выездов на объекты истории и культуры. В результате такого общения, обмена опытом и мнениями, обсуждения и создания общих проектов дальнейшей деятельности складывалось особое неформальное сообщество российских краеведов.

Следует сказать о том, что если состав оргкомитета Чтений оставался практически неизменным, то численность краеведов и историков, участвовавших в работе конференций и выступавших с докладами на их заседаниях, была подвержена значительным изменениям. Статьи, опубликованные в сборниках, являются лишь частью всех заявок, присланных в Организационный комитет Чтений. Материалы организации Чтений также показывают четкую корреляцию между числом выступавших с докладами и количеством опубликованных их в ежегодных сборниках. По нашим подсчетам, численность выступавших на Чтениях была в среднем на 10–15 % большей, чем количество публикаций. С учетом этой корреляции количество статей, опубликованных в сборниках по каждому Чтению, позволяет в целом вполне определенно судить о динамике состава и численности участников конференций.

Нагляднее всего статистическую динамику публикаций в сборниках всех десяти состоявшихся в течение 2007–2016 гг. Всероссийских краеведческих чтений можно представить с помощью приведенной ниже таблицы.

Ее данные дают репрезентативное представление о количестве докладов на Всероссийских краеведческих чтениях и географии выступавших. В целом количество докладчиков было стабильным и колебалось в пределах от 90 до 122 чел. Исключением составляли вторые (56 чел.) и четвертые (44 чел.) Чтения. За их исключением, по всем остальным конференциям наблюдается достаточно близкое стабильное количество участников, представлявших основные регионы Европейской части России, Урала и Западной Сибири [Восьмые всероссийские...; Всероссийские краеведческие...; Девятые всероссийские...; Десятые Всероссийские].

Десятые Всероссийские краеведческие чтения также отразили устоявшуюся тенденцию как по количеству, так и по региональному представительству участников конференции, составу и направлениям работы секций, а также ставшими обязательными выездными сессиями Чтений. В сборнике докладов Десятых чтений опубликованы выступления 98 участников из 24 регионов России – 39 городов и 3 поселений, а также из Республики Беларусь. Наиболее широко были представлены Москва, Московская и Псковская области. Традиционным явилось участие в конференции краеведов и историков из областей Центральной и Южной России (Тверской, Владимирской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Ростовской), Запада и Северо-Запада (Смоленской, Ленинградской, Архангельской), Среднего и Нижнего Поволжья (Ульяновской,

Таблица

Статистическая динамика Всероссийских краеведческих чтений 2007–2016 гг.

Показатели	Всероссийские краеведческие чтения									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Кол-во публикаций	112	56	90	44	90	113	95	103	122	98
Кол-во регионов	26	19	25	16		33	35	28	Более 30	24
Кол-во городов и других поселений	39	26	34	22	45	45	55	46	63	42
Кол-во публикаций зарубежных докладчиков	Беларусь (2), Казахстан	–	Украина, Беларусь	–	Украина, Беларусь	Украина (5), Казахстан, Франция	Беларусь	–	Беларусь, Казахстан, Приднестровье	Беларусь

Самарской, Саратовской, Волгоградской, Пензенской), Урала, Приуралья и Западной Сибири (Республики Башкортостан, Оренбургской, Омской, Челябинской), городов Республики Крым.

Из 10 секций, работавших на Чтениях, 5 были посвящены краеведческой проблематике конкретных регионов. Две из них по своему профилю являлись традиционными: «Московедение» и «История Крыма». Еще на трех прозвучали доклады по краеведению Псковского и Великолукского края, а также самих Великих Лук. Краеведческая проблематика этих 2 регионов обсуждалась на специальных выездных сессиях.

Обобщающими, этапными для анализа последнего десятилетия развития российского краеведения стали прозвучавшие на Десятых чтениях выступления руководителей Союза краеведов В.Ф. Козлова и А.Г. Смирновой. Председатель Союза краеведов России В.Ф. Козлов в своем докладе отметил особое значение Всероссийских краеведческих чтений для определения основных направлений развития исторического краеведения в современных условиях. Краеведческие чтения, по его мнению, «...смогли вдохнуть новую жизнь в краеведческое движение, включить в него как можно более широкий круг краеведов и мест». Их проведение содействовало формированию «местной краеведческой сети... укреплению местного краеведческого сообщества». Чтения позволили существенно обновить основные направления краеведческих исследований; способствовали «оформлению понятийного аппарата краеведения, выработке исследовательской методики, развитию краеведческой источниковой базы и историографии». Вместе с тем В.Ф. Козлов с сожалением констатировал отсутствие должного внимания власти к реальной поддержке краеведческого движения. И конечно, он с огорчением подчеркнул, что так и не удалось преодолеть разрыв между официальной академической наукой и широким краеведческим движением [Козлов, с. 12–20].

Глубокий анализ Всероссийских краеведческих чтений «в контексте современного научно-общественного краеведения» был также предпринят в обширном докладе А.Г. Смирновой, пришедшей к обоснованному выводу, что Чтения «сложились как особый феномен современного краеведения», который не имеет «прямых аналогов» в его истории [Смирнова, с. 41].

Особый интерес вызвала работа второй секции «Подвижники краеведения. Роль выдающихся личностей в истории края». На предшествующих Чтениях эта тематика рассматривалась в работе самых разных секций. Но доклады, собранные в рамках одной секции, зазвучали по-новому, более эмоционально и позволили воссоздать духовную сущность и подвижническую деятельность краеведов отдельных российских регионов; показать их выдающуюся роль в сохранении исторической памяти отдельных городов, населенных пунктов и территорий.

Важную значимость для развития исторического краеведения имели вопросы, обсуждаемые на третьей секции «Архивы и краеведческие исследования. Источники по истории края». Проблема соответствующей классическим и современным научно-методическим правилам работы с архивными материалами, использования при этом особых источниковедческих методик, компаративистского подхода к рассмотрению различных групп источников имеет важнейшее значение

для изучения тех или иных краеведческих сюжетов. В данном случае, как уже говорилось выше, особую значимость приобретает совместная исследовательская работа профессиональных историков и краеведов, направленная на получение достоверной репрезентативной информации для последующего исторического анализа. Возникшая на секции полемика позволила более ясно выявить концептуальные подходы участников секции. Сложные проблемы рассмотрения роли краеведения в изучении культурного исторического наследия, «мест памяти» отдельных поселений и местностей прозвучали на 4-й секции. Трудно переоценить актуальность темы развития региональной энциклопедистики, рассмотренной в докладах VII секции Чтений. Особое внимание в ее работе привлекли вопросы формирования информационных баз и электронных ресурсов для развития местных краеведческих исследований.

Завершая работу Десятых всероссийских краеведческих чтений и подводя итоги всех проведенных в 2007–2016 гг. всероссийских конференций, в своем обращении к региональным отделениям и членам СКР его Совет заявил, что «...практически все декларированные в 2007 г. задачи этой организационной формы краеведческого движения... оказались выполненными». Возникла необходимость перейти к новым формам краеведческой работы и вместе с тем использовать все то положительное, что было накоплено в рамках истекшего десятилетнего цикла развития краеведческого движения. Перед краеведческими организациями Российской Федерации была поставлена важная цель, направленная на создание нового формата всероссийской научно-практической конференции, перехода «...к более глубокой разработке научно-краеведческих тематических программ, заявленных на отчетно-выборной конференции 2013 г.» [Обращение..., с. 10]. Будем надеяться, что эти амбициозные задачи будут решены новыми поколениями историков и краеведов Российской Федерации.

Библиографический список

Восьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Подольск, 16–17 мая 2014 г.) / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение», 2016. 800 с.

Всероссийские краеведческие чтения: библиографическая роспись сборников материалов: вып. 1–7 / сост. М.А. Смирнова. Архангельск, 2013. 105 с. (На правах рукописи).

Десятые всероссийские краеведческие чтения (Москва–Воронеж, 15–19 мая 2015 г.) / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 948 с.

Десятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва–Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.). 13–17 мая 2016 г. / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. 812 с.

Козлов В.Ф. Задачи Союза краеведов России и его региональных отделений в современных условиях // Десятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва–Верея (Московская обл.) – Великие Луки

(Псковская обл.). 13–17 мая 2016 г. / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. С. 12–20.

Обращение к региональным отделениям и членам СКР // Десятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва–Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.). 13–17 мая 2016 г. / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. С. 10–11.

Первые Всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2017 г.). Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта. М.: АНО ИЦ «Москвоведение»; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. 652 с.

Смирнова А.Г. Всероссийские краеведческие чтения в контексте современного научно-общественного краеведения. Десятилетний опыт организации и проведения главного ежегодного форума Союза краеведов России (2007–2016 гг.) // Десятые Всероссийские краеведческие чтения (Москва–Верея (Московская обл.) – Великие Луки (Псковская обл.). 13–17 мая 2016 г. / отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. М.: ИЦ «Краеведение»; Великие Луки – Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2017. С. 41.

Шмидт С.О. Первые Всероссийские краеведческие чтения. Взгляд в будущее // Первые Всероссийские краеведческие чтения: История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2017 г.). Посвящается 85-летию со дня рождения Сигурда Оттовича Шмидта. М.: АНО ИЦ «Москвоведение»; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. С. 5–15.

References

Vos'mye vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Podol'sk, 16–17 maia 2014 g.). Otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova [Eighth All-Russian Local History Readings (Moscow–Podolsk, May 16–17, 2014). V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnova]. M.: ITs «Kraevedenie», 2016, 800 p. [in Russian].

Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia: bibliograficheskaia rospis' sbornikov materialov: vyp. 1–7 / sost. M.A. Smirnova [All-Russian regional studies: bibliographic list of collections of materials: Issue 1–7. Compiler M.A. Smirnov]. Arkhangelsk, 2013, 105 p. (as manuscript) [in Russian].

Deviatye vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Voronezh, 15–19 maia 2015 g.). Otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova [Ninth All-Russian Local History Readings (Moscow–Voronezh, May 15–19, 2015). V.F. Kozlov (Ed.), Compiler A.G. Smirnova]. M.: ITs «Kraevedenie»; Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2016, 948 p. [in Russian].

Desiatye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Vereia (Moskovskaia obl.) – Velikie Luki (Pskovskaia obl.). 13–17 maia 2016 g. / otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova [Tenth All-Russian Local History Readings (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016. V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov]. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie

Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, 812 p. [in Russian].

Kozlov V.F. Zadachi Soiuzu kraevedov Rossii i ego regional'nykh otdelenii v sovremennykh usloviakh [Tasks of the Union of Local History of Russia and its regional branches in the modern conditions]. In: *Desiatye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Vereia (Moskovskaia obl.) – Velikie Luki (Pskovskaia obl.). 13–17 maia 2016 g. Otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova* [Tenth All-Russian Local History Readings (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016. V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov]. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, pp. 12–20 [in Russian].

Obrashchenie k regional'nym otdeleniiam i chlenam SKR [Address to the regional offices and members of the Union of Local History of Russia]. In: *Desiatye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Vereia (Moskovskaia obl.) – Velikie Luki (Pskovskaia obl.). 13–17 maia 2016 g. Otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova* [Tenth All-Russian Local History Readings (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016. V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov]. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, pp. 10–11 [in Russian].

Pervye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia: Istorii i perspektivy razvitiia kraevedeniia i moskvovedeniia (Moskva, 15–17 apreliia 2017 g.). Posviashchaetsia 85-letiiu so dnia rozhdeniia Sigurda Ottovicha Shmidta [First All-Russian Local History Readings: History and Prospects for the Development of Local Studies and Moscow Studies (Moscow, April 15–17, 2017). Dedicated to the 85th birthday of Sigurd Ottovich Schmidt]. M.: АНО ИЦ «Москвоведение»; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009, 652 p. [in Russian].

Smirnova A.G. Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia v kontekste sovremennogo nauchno-obshchestvennogo kraevedeniia. Desiatiletanii opyt organizatsii i provedeniia glavnogo ezhegodnogo foruma Soiuzu kraevedov Rossii (2007–2016 gg.) [All-Russian Local History Readings in the Context of Contemporary Scientific and Public Local Studies. Ten-year experience in organizing and holding the main annual forum of the Union of Local History Studies of Russia (2007–2016)]. In: *Desiatye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva–Vereia (Moskovskaia obl.) – Velikie Luki (Pskovskaia obl.). 13–17 maia 2016 g. Otv. red. V.F. Kozlov, sost. A.G. Smirnova* [Tenth All-Russian Local History Readings (Moscow–Vereia (Moscow Region) – Velikie Luki (Pskov Region). May 13–17, 2016. V.F. Kozlov (Ed.), compiler A.G. Smirnov]. M.: ITs «Kraevedenie»; Velikie Luki – Pustoshka: MUP «Pustoshkinskaia tipografiia», 2017, p. 41 [in Russian].

Shmidt S.O. Pervye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia. Vzgliad v budushchee [The first All-Russian study of local lore. A look into the future]. In: *Pervye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia: Istorii i perspektivy razvitiia kraevedeniia i moskvovedeniia (Moskva, 15–17 apreliia 2017 g.). Posviashchaetsia 85-letiiu so dnia rozhdeniia Sigurda Ottovicha Shmidta* [First All-Russian Local History Readings: History and Prospects for the Development of Local Studies and Moscow Studies (Moscow, April 15–17, 2017). Dedicated to the 85th birthday of Sigurd Ottovich Schmidt]. M.: АНО ИЦ «Москвоведение»; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009, pp. 5–15 [in Russian].